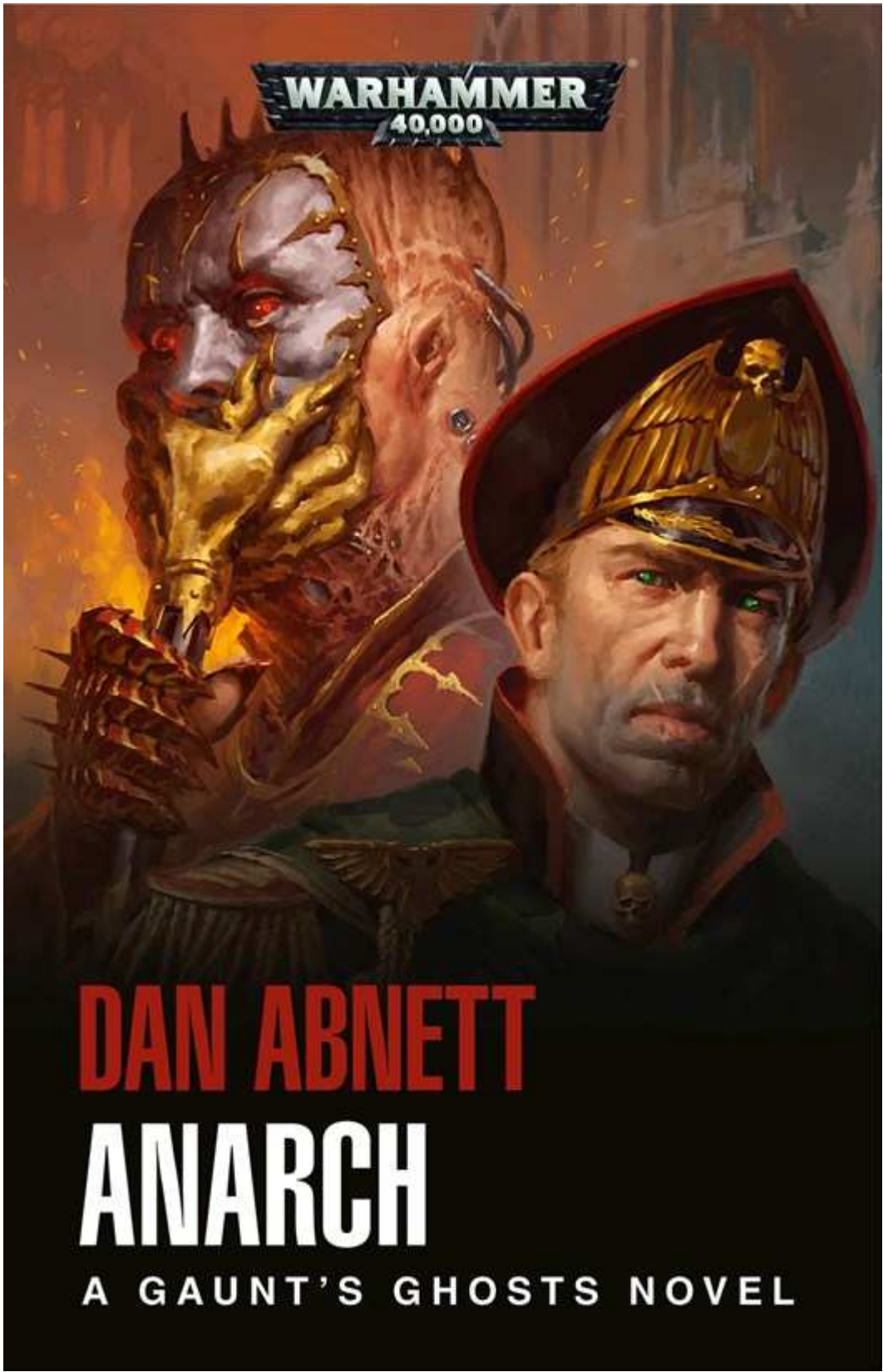

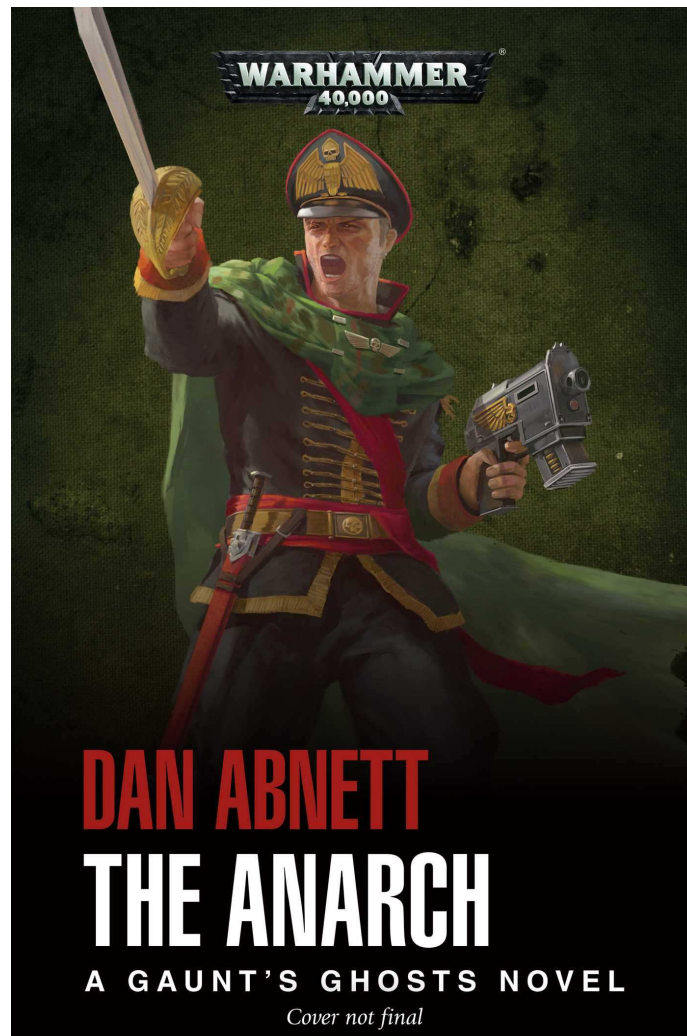
The cover art features a dramatic, painterly illustration. In the foreground, a man with a stern expression, wearing a dark military uniform and a peaked cap with a golden eagle emblem, looks directly at the viewer. His eyes are a striking green. Behind him, a large, grotesque, and menacing face with red eyes and a golden, skeletal hand reaching towards its face looms in the background. The overall color palette is dark and moody, with highlights of gold and red. At the top, the 'WARHAMMER 40,000' logo is set against a dark, metallic-looking banner.

WARHAMMER
40,000

DAN ABNETT

ANARCH

A GAUNT'S GHOSTS NOVEL

Gaunt's Ghosts - 15

The Anarch

Призраки Гаунта

Анарх

Перевел: AquariusNox

Сорок первое тысячелетие.

Уже более ста веков Император недвижим на Золотом Троне Терры. Он — Повелитель Человечества и властелин мириад планет, завоеванных могуществом Его неисчислимых армий. Он — полутруп, неуловимую искру жизни в котором поддерживают древние технологии, ради чего ежедневно приносится в жертву тысяча душ. И поэтому Владыка Империиума никогда не умирает по-настоящему.

Даже в своем нынешнем состоянии Император продолжает миссию, для которой появился на свет. Могучие боевые флоты пересекают кишачий демонами варп, единственный путь между далекими звездами, и путь этот освещен Астрономиком, зримым проявлением духовной воли Императора. Огромные армии сражаются во имя Его на бесчисленных мирах. Величайшие среди его солдат — Адептус Астартес, космические десантники, генетически улучшенные супервоины.

У них много товарищей по оружию: Имперская Гвардия и бесчисленные Силы планетарной обороны, вечно бдительная Инквизиция и техножрецы Адептус Механикус. Но, несмотря на все старания, их сил едва хватает, чтобы сдерживать извечную угрозу со стороны ксеносов, еретиков, мутантов. И много более опасных врагов.

Быть человеком в такое время — значит быть одним из миллиардов. Это значит жить при самом жестоком и кровавом режиме, который только можно представить.

Забудьте о достижениях науки и технологии, ибо многое забыто и никогда не будет открыто заново.

Забудьте о перспективах, обещанных прогрессом, о взаимопонимании, ибо во мраке будущего есть только война. Нет мира среди звезд, лишь вечная бойня и кровопролитие да смех жаждающих богов.

Всевышнему Богу, который на троне наверху, и кому принадлежит власть над Всеми Вещами, разумом, кровью и технологией, мы посвящаем наше служение, и верим, что, от него, и от жрецов, которые служат у Восьми углов его трона, мы сможем унаследовать знание об Использовании Огня, и Ковке Устройств, и Творении Всех Вещей, чтобы, из рук нашего братства, даже до последнего поколения, мы могли придавать форму Секретным Инструментам и Оружию, которые уверят его преосвященство в будущем и предоставят ему Вечную Победу.

- Священное писание, обычное для династий светских техников Мира-Кузницы Урдеш; так же отрывок, обнаруженный, с вариациями, в некотором количестве не присоединенных, не Имперских, и ксеносных культурах в Кровавых Мирах.

«В начальные месяцы 792.М41, тридцать седьмого года Крестового Похода в Миры Саббат, преследование Магистром Войны Макароном Анарха Сека, сфокусировавшегося на оспариваемом мире-кузнице Урдеш, достигло критической точки. Имперская победа в Гереппане, исполненная лично Святой Саббат, разбила основные силы Архиврага и обнажила незрелую беспощадность его запланированной стратегии – обезглавить высшее Имперское командование, даже если это означало приношение в жертву драгоценного мира-кузницы. Обезглавливающий удар Сека был отбит, и многие тактики верили, что волна повернулась вспять. Анарх был истощен, а силы крестового похода, теперь сосредоточенные под командованием избранника Макаромта, Лорда Исполнителя Ибрама Гаунта, победят на Урдешском театре военных действий за месяцы, если не за недели. После этого, Архонт Архиврага, Гор, будет один. Наконец-то, правдоподобный конец крестового похода казался вполне достижимым.

Но война на Урдеше была не закончена, так же, как и Анарх не был обезврежен, как многие предполагали. Затем начался самый кровавый и самый ошеломительный период кампании, последовательность событий, которые некоторые исторические тексты описывают с отдаленным доверием. Какова в этом ни была бы прекрасная правда, не будет преувеличением сказать, что судьба целого сектора висела на волоске, которая определилась всего лишь горсткой людей из Астра Милитарум. Провал на Урдеше во время тех нескольких, жестоких недель стал бы концом крестового похода, стер бы тридцать семь лет Имперских достижений в Мирах Саббат, и отдал бы победу в руки врага человечества...»

- Из Истории Поздних Имперских Крестовых Походов

ОДИН: КОРОЛЬ НОЖЕЙ

Под бдительным взглядом мозаичных святых, пол был озером крови.

Святые были древними и Имперскими, и их имена были, по большей части, позабыты. Мозаика местами отсутствовала, делая их очертания неясными, их черты смутными, их замершие, благочестивые жесты неуловимыми. Но их глаза остались, усталые глаза, которые видели долгую историю, со всей кровью и потерями, которые история называет своей ценой.

И все-таки, они казались шокированными. Глаза некоторых были широкими, от изумления или ужаса; другие были полузакрыты от отрицания. Некоторые смотрели совершенно в другую сторону, как будто это было слишком много, чтобы выносить, их взгляд был обращен вдаль, возможно к какому-нибудь золотому свету обещания, который может появиться на далеком горизонте и избавить их от новых злодеяний.

Крови было по голень. Она удерживалась внутри огромного зала короткими оуслистовыми ступеньками, которые восходили к каждому входу. Она была яркой, как глянцевое красное зеркало, дрожащее от движения в зале, блестящее в свете факелов. Она пенилась и свертывалась вокруг наваленных кучами тел.

Полузатопленные, пропитанные кровью, они казались островками, поднявшимися из красного моря, или литыми пластиковыми формами, поднимающимися из стекающего жидкого композита на производственную стойку.

Горячая вонь была невыносимой.

Крики были еще хуже.

Дамогор Олорт надзирал за работой, держа руки за спиной, рявкая приказы своим группам сынов. Сыны Сека приводили пленников одного за другим. Некоторые сопротивлялись, пронзительно крича и выплевывая ругательства. Другие приходили спокойно, потрясенные судьбой, которая одолела их. Каждый из Сынов нанес больше, чем один визит, в зал, и их охряное боевое облачение было испещрено пятнами крови. По их виду, любой заключенный, приведенный из загона, знал, что их ожидает.

Даже когда они боролись и выкрикивали проклятия, и были из-за этого избиты и их тащили, вид и запах зала заставлял их затихнуть. Некоторые замолкали, как будто оглушенные. Другие плакали. Некоторые молились.

Зал был внутренней территорией Базилики Киодруса на Острове Садимэй. Святое место. То, как оно было превращено в ад, было слишком для большинства пленников.

Олорт изучил следующего пленника, когда его привели. Человек спотыкался, шлепая по крови, как будто его вели к бассейну для крещения против его воли.

«Да хен тса,» сказал Олорт. *Держите его.*

Сыны, большие громилы, их лица закрывали святящиеся оптические устройства и кожаные изделия из человеческой кожи, которые закрывали их рты, повиновались, поднимая человека прямо. Олорт подошел, отмечая инсигнию и символы подразделения пленника, рваное и грязное состояние его униформы. Человек вздрогнул, когда Олорт поднял его жетоны, чтобы узнать имя. Келлермейн. На левой стороне мундира человека была приколотая бумажка. Там вручную было написано «Захвачен рядом с Тулкарскими Батареями,» на блочном алфавите Кровавых Миров.

Олорт увидел слезу, побежавшую из глаза человека, и вытер ее кончиком пальца. Почти нежный жест оставил кровавое пятно на щеке человека.

Келлермейн. Офицер-артиллерист. Капитан. Хеликсидец.

«Келл-ер-мейн,» сказал Олорт, переключившись на грубый язык врага, в котором он немного понимал. «Предложение. Отвергни своего бога. Согласись сейчас, поклянись Тому, чей голос заглушает все остальные, и сохрани себе жизнь.»

Пленник тяжело сглотнул, но не ответил. Он уставился так, как будто не понял.

Олорт попытался выглядеть ободряющим. Ему пришлось расстегнуть кожаную защиту рта, чтобы пленники могли увидеть и высоко оценить честность его улыбки.

«Капи-тан Келл-ер-мейн,» сказал он. «Отрекись, и поклянись. Таким образом, жизнь твоя.»

Келлермейн пробормотал что-то. Олорт наклонился, чтобы услышать.

«Присоединиться к вам?» тихим голосом спросил Келлермейн.

«Да.»

«И вы не убьете меня?»

Олорт торжественно посмотрел и кивнул.

«Т-тогда, я клянусь,» заикаясь произнес пленник. «Да. Пожалуйста. Да. Я б-буду с-служить вашему Анарху...»

Олорт улыбнулся и отступил назад, кровавое озеро закружилось вокруг его сапог.

«Вахуз тер тса,» сказал Олорт. *Благословите его.*

Один из Сынов вытащил свой ритуальный клинок, кривой скзеррет Кровавых Миров, и вскрыл горло пленника до грудины одним вертикальным ударом. Человек забился в конвульсиях, бесполезные звуки смятения и потери вырывались из его рта, и осел. Брызги артериальной крови попали на стену храма и на лица отвратительных святых.

Сыны отпустили тело.

Как просто они ломаются, подумал Олорт, когда встречаются лицом к лицу с чем-то таким кратким, как смерть. Где их отвага? Тот, чей голос заглушает все остальные, не любит трусов.

Олорт снова занял свое место, держа руки за спиной.

«Киез,» сказал он. *Следующий.*

Сыны пошли назад вброд по крови и покинули зал. Вошли еще двое, сирдар и сын стояли по бокам от еще одного пленника.

Этот не выглядел многообещающе для Олорта. Его черные волосы были покрыты кровью и грязью, и у него, явно, было несколько легких травм. Но, по крайней мере, он шел без поддержки. Сынам не нужно было тащить его.

Олорт приблизился, отмечая, что пленник отказывается смотреть в глаза. Не было никаких знаков различия или полковых нашивок на изорванной черной одежде человека, и бумажный ярлык отсутствовал.

Олорт бросил взгляд на сирдара.

«Хин вой трафа?» *Где его ярлык?*

Сирдар, сконфуженно, пожал плечами.

«Лет'хе хет?» спросил Олорт. *Обстоятельства?*

«Тиех тор Тулкар, дамогор магир,» ответил сирдар, и продолжил объяснять, что пленник был захвачен живым после яростного боя на лодках возле Батарей. Он сражался, сказал сирдар, как загнанный в угол урсид.

Все-таки интересно, подумал Олорт. Храбрый человек. Он потянулся к жетонам. Пленник не пошевелился.

Мколл. Разведывательное подразделение. Сержант. Танитский Первый.

«Мах-колл,» снова сказал Олорт на уродливом языке врага. «Предложение. Я делаю его сейчас. Отвергни своего бога. Согласись сейчас, поклянись Тому, чей голос заглушает все остальные, и сохрани себе жизнь.»

Пленник не ответил.

«Отрекись, и поклянись,» сказал Олорт. «Ты понимаешь?»

Пленник остался тих.

Олорт обдумал варианты мгновение. Человек был, явно, сильным. Он очень многое перенес. Он не сломан. Это был характер, который искали Сыны. Тот, чей голос заглушает все остальные, не любит трусов.

Но некоторые могут быть слишком храбрыми. Этот человек вонял тихим неповиновением, которое нельзя было сломать и подчинить. Так все и происходило. Большинство были слишком слабыми. Некоторые были слишком сильными.

Олорт бросил взгляд на сирдара, который знал, что приближается и вытаскивал свой скзеррет.

«Вахуз тер тса,» отдал приказ Олорт.

Сверкнуло лезвие. Олорт, внезапно, остановил руку сирдара.

Он кое-что заметил.

В конце концов, у пленника была инсигния. Маленький темный значок, прикрепленный к его порванному воротничку. Он был зачернен, чтобы приглушить отблеск, поэтому Олорт сразу его не заметил.

Он снял его. Череп, с прямым кинжалом, помещенным вертикально позади него.

«Мортекой,» сказал он. *Призрак.*

«Магир?» спросил сирдар, удерживая клинок.

«Гер шет хет артар, Сек энкая сар вахакан,» сказал Олорт. *Этот из особенных, тот, как сказал Он, чей голос заглушает все остальные, кто приведет нас к Победе.*

Олорт снова посмотрел на значок, затем положил его в карман мундира.

«Вой хет таспорой дар,» приказал он. *Приготовьте его к перевозке.*

Сирдар кивнул и убрал в ножны свой клинок.

Олорт посмотрел на пленника.

«Мах-колл,» сказал он с мягкой улыбкой. «Вер вой... ты призрак, кха? Призрак? *Мортекой, кха?»*

Пленник посмотрел прямо на него.

«Нен мортекой,» сказал он. «Гер тар Мортек.»

Олорт отпрянул. Сирдар и Сын вздрогнули от удивления, и посмотрели на дамогора, сбитые с толку. Имперец только что бегло сказал на их языке. *Я не призрак. Я - смерть.*

Мколл выбросил вперед свою правую руку. Медная булавка, которая когда-то прикрепляла его отсутствующий ярлык, была разогнута и пряталась в его ладони. Он вонзил ее в шею сына прямо под ухом.

Сын пошатнулся, крича и хватаясь за свою шею. Мколл уже поворачивался к сирдару. Он схватил правое запястье сирдара, резко дернул его руку, чтобы она стала прямой,

и крутанул, принуждая офицера беспомощно и болезненно нагнуться. Мколл ударил коленом по склоненному лицу офицера.

Сирдар упал на колени, разбрызгивая кровь. Мколл, удерживая руку, потянулся за спину согнутого офицера и выхватил его скзеррет.

Он повернулся, крепко держа руку левой рукой, встречая рванувшего вперед Сына правой. У сына булавка все еще была в его шее. Ритуальный клинок разрезал горло Сына. Он отшатнулся назад, кровь хлестала между его сжимающих рук, и упал набок, подняв волны на поверхности озера крови.

Олорт прыгнул на Мколла. Мколл пнул его в живот и сложил пополам. Все было скользким и липким от крови. Стоящему на коленях сирдару удалось вывернуться из захвата.

Он попытался схватить Мколла. Мколл заблокировал его предплечьем, схватил его прямо под левым локтем, и заставил его повернуться, еще раз крутанув. Сирдар взвыл от боли. Он был повернут. Мколл заставил пойманную руку подняться вверх, как рычаг насоса, и вонзил скзеррет по рукоятку в подмышку сирдара.

Мколл выдернул клинок, и сирдар упал на лицо в диком всплеске. Олорт пытался встать, пытался подняться, пытался дышать. Он барахтался в кровавом бассейне.

Он вытащил свой пистолет, но Мколл пинком отбросил его в сторону. Мколл схватил его за переднюю часть его промокшего мундира, поставил его на ноги и приложил его спиной к мозаичной стене. Он приставил скзеррет к горлу дамогора.

Святые смотрели с широкими глазами.

Никто не появлялся. Сыны в вестибюле снаружи привыкли к крикам боли и ужаса, разносящимся эхом в зале.

«Что ты имел в виду... особенные?» прошипел Мколл.

«Вой шет--»

«Мой язык!» прошептал Мколл. «Я знаю, что ты немного говоришь. Почему мы отмечены твоим Анархом?»

«Хет нен--» пробулькал Олорт.

Мколл прижал его горло левым предплечьем и воспользовался кончиком ритуального клинка, чтобы разрезать карман мундира дамогора. Он выудил Танитский значок и поднял его, чтобы Олорт увидел.

«Почему это важно?» прорычал он.

«В-вы те,» выдохнул Олорт. «Он, чей голос заглушает все остальные, опознал это. Вы - энкил вахакан. Вы--»

«Те, кто держат ключ победы.»

«Кха! Кха! Да!»

«Значит, он боится нас?»

Олорт помотал головой.

«Нен. Он заберет ключ у вас. Потому что скорбь уже среди вас.»

«Скорбь?»

«Херит вер Тенебал Мор!»

«Плохая тень? Плохая тень Херитора?»

«Да. Она на вас очень давно, мортекой.»

Мколл пронизательно посмотрел в глаза дамогору. Он ослабил свою хватку.

«Следующий вопрос,» прошептал он. «Как нам выбраться из этого места?»

ДВА: ДРУГОЕ ДЕЛО

«Достаточно,» сказал Первый Лорд Исполнитель.

Больше, чем сорок людей, присутствовали в зале, и все они говорили. По его слову, большинство из них замолкли: по крайней мере, все полковые командиры, тактики, адепты и советники. Только лорды генералы и милитанты продолжали, потому что они были старшими фигурами в любой комнате.

Когда наступила тишина, даже они стихли. Некоторые кашляли, неловко.

«Кажется, есть недопонимание,» тихо сказал Лорд Исполнитель Ибрам Гаунт. Он сидел во главе стола, зона перед ним была уставлена планшетами, папками и перевязанными пачками форм Муниторума. Он изучал один из планшетов. На его продолговатом, худощавом лице не было никакого выражения. «Это не обсуждение. Это были приказы.»

Гаунт посмотрел на них. Все за столом, даже самые старшие лорды, вздрогнули. На лице Гаунта все еще не было никакого выражения. Кроме того, никому не нравилось быть зафиксированным в яростном и холодном взгляде его искусственных глаз.

«Идите и выполняйте их,» сказал он.

Кресла заскрипели на черных камнях пола. Члены штаба поднялись на ноги, и собрали свои бумаги. Последовали несколько быстрых кивков, несколько отданий чести. Бормоча, персонал покинул Урдешскую Коллегию Беллум.

Только Адъютант Белтайн остался, сидящий на кресле у стены. Он держал планшеты на коленях, а переносной полевой передатчик вокса лежал у его ног.

«Я тоже, сэр?» спросил он.

«Останься,» сказал Гаунт.

Четверо Сционов Темпестус, прикрепленных к нему в качестве телохранителей, тоже остались. Они закрыли двери зала за уходящими офицерами, и заняли свои места, тихие и негибкие, с хеллганами у своих широких грудей. Не было никакого способа отпустить их. Они шли туда, куда бы ни пошел Гаунт.

Гаунт стал считать их мебелью, украшением любой комнаты, которую он занимал. Санкто и его люди не обладали чувством юмора, были угрюмыми и неподатливыми, но это был результат вбитой лояльности, и такая лояльность гарантировала доверие и свободу действий. Гаунт был Первым Лордом Исполнителем немногим более трех дней, но за это время он научился многим вещам о том, что будет представлять из себя его жизнь с данного момента, и одной из этих вещей было то, что Сционы были просто скучными телохранителями. Тем не менее, раздражаясь из-за их постоянного присутствия, он мог говорить свободно.

Гаунт откинулся и сцепил пальцы. Он мог слышать отдаленный треск пустотных щитов, окружающих Урдешский Дворец, и, более отдаленный, стон сирен, отдающихся эхом по Элтату. Время от времени, клаксоны разрывались во дворце под ним. Ему сказали, что это повторяющаяся ошибка.

Воздух в Коллегии пах застоявшимся сигарным дымом и горячим воском. Множество свечей трепетали, мерцая в более постоянном свете парящих светосфер.

«Что сделано?» спросил Гаунт.

Белтайн встал на ноги, и проконсультировался с одним из своих планшетов.

«Призвали подкрепление Милитарума в Элтат и Зараккпан, Орппус и Аззану. Отправили депеши Лордам Келсо и Булледину, чтобы защитить передовую Зараккпана. Проинструктировали Лорда Гризмунда, чтобы он объединил юго-восточную линию Династических Конклавов. Послали Лорда Хумеля, чтобы скоординировать освобождение Гереппана. Чтобы привел легионы боевых машин до девятой параллели. Попросили Лорда Вон Войтца, чтобы он подготовился к прибытию Святой--»

Гаунт смотрел, как его адъютант читает список. Не было никаких признаков, что это закончится в ближайшем будущем.

Он поднял руку.

«Это было риторически,» сказал он.

«Ах,» произнес Белтайн. Он опустил свой планшет. «Не ясно из контекста, сэр.»

«Мои извинения,» сказал Гаунт. «Я искал лаконичность. Твой ответ мог быть просто «все, что есть в дневном списке», Бел.»

«Отмечено, сэр,» сказал Белтайн. «За исключением--»

«Что?»

«Ну, этого нет в дневном списке. Генералы Уриенц и Тзара, оба, запрашивали вашей аудиенции, у Муниторума есть список запросов, касательно квот на пополнение, инквизитор, по имени.. эмм...» Он сверился со своим планшетом. «...Лакшима, Инквизитор Лакшима, просила о срочной встрече--»

«Относительно?»

«Неупомянуто. Вне моего уровня зарплаты, сэр. Так же есть, конечно, другие полковые дела, которые вы просили меня отметить--»

«Ах, это,» сказал Гаунт.

«Да, и, так же, вопрос о выборе вашего штабного персонала.»

Гаунт вздохнул.

«Мне просто нужны хорошие люди,» сказал он. «Тактика, Коммуникация. Администрация. Они не могут быть просто назначены?»

«Я думаю, что вы просто должны сами назначить их, сэр,» ответил Белтаун.

Что означало интервью, оценки, изометрику. Гаунт снова вздохнул.

«Это Астра Милитарум,» сказал он. «Предполагается, что люди будут делать то, что им прикажут. Это не конкурс личности.»

«В это вовлечен... определенный престиж, сэр,» сказал Белтайн. «Назначение в личный кабинет Лорда Исполнителя. Это... имеет значение. Вы – избранный инструмент магистра войны...»

«Да,» сказал Гаунт. Он поднялся на ноги. «Я теперь устанавливаю правила. Правило первое. Люди следуют приказам. Мне плевать, будут ли это пехотинцы на

передовой, или высокомерные штабисты из Астра Милитарум. Сделаю так, как ты и сказал. Мне нужно хорошее тактическое ядро.»

«Байота кажется старательным, сэр,» сказал Белтайн.

«Да, он очень способный. Но он был человеком Вон Войтца с незапамятных времен.»

«Я думаю, что Тактик Байота жаждет отдалиться от лорда генерала после того... после позора лорда генерала.»

«Вон Войтц не опозорен.»

«Ну, вы знаете, что я имею в виду, сэр.»

«Скажи Байоте, что у него есть работа. Скажи ему, чтобы он выбрал трех.. нет, двух советников, которые покажутся ему способными.»

«Да, сэр.»

«Сообщи Уриенцу и Тзаре, что я встречу с ними через час.»

«А этот инквизитор?» спросил Белтаун.

«Инквизитор может воспользоваться связью и прояснить суть дела. Затем я назначу время.»

«Да, сэр. Эм, я ожидаю, что вы захотите, так же, назначить штабного адъютанта. Я имею в виду, я рад занимать эту должность сейчас--»

Гаунт посмотрел на него.

«Ты - мой адъютант.»

Белтайн поджал губы. «Я вокс-офицер уровня роты, сказал он,» сказал он. «Я не--» он жестом показал на зал вокруг них, как будто его величие имело для него какое-то значение.

«Ты - мой адъютант,» повторил Гаунт.

«Да, но вы скоро переведете меня назад в Первую Роту,» сказал Белтайн. «Я – линейный солдат. Лорд Гризмунд посоветовал насчет--»

Гаунт резко посмотрел на Белтайна. Он очень хорошо был осведомлен о разговоре не-под-запись, который был у него с Гризмундом несколькими часами раньше.

«Ты больше не Танитец, Ибрам,» сказал ранее Гризмунд с печальной улыбкой. «Твои дни на передовой закончены. Ох, Танитцы останутся под твоим присмотром, но масштаб изменился.»

«Ты остался командиром Нарменианцев,» ответил Гаунт.

Гризмунд кивнул. «Да, но это пятнадцать бронетанковых и восемнадцать пехотных полков. Уровень бригады. Хребет моих дивизионных активов насчитывает семьдесят тысяч человек. Я больше не вожу танк. Как и ты больше лично не командуешь маленьким разведывательным подразделением. Поставь кого-нибудь на первое место, сформируй дивизионные активы – на твоей позиции, у тебя будет свободный выбор – и помести своих Призраков куда-нибудь среди них. Они все еще будут твоими, но они будут маленькой частью намного большей картины. Полковой бизнес больше не твой бизнес, Ибрам. Отдались. Никаких сантиментов. И сделай это быстро. Это мой искренний совет. Поверь мне, это разбивает сердце. Все те годы тяжелой работы с ними, затем ты возвышаешься над ними. Отдались, и сделай это быстро и чисто.»

«Что-то неправильно, сэр?» спросил Белтайн.

Гаунт замешкался. Он хотел сказать, что это уж слишком, довериться своему адъютанту, что сейчас стало слишком много чего, чтобы обдумать. Постоянный поток данных, отпор со стороны личного состава штаба, столкновение личностей...

Но это было нечестно, чтобы взваливать эту ношу на Белтайна. «Вне его уровня зарплаты,» разве не это вставил Белтайн? Гаунт теперь был другой породой существ.

Вместо того, чтобы ответить, он махнул рукой на стопки планшетов и документов.

«Многое нужно обработать,» сказал он.

«И они не слушают,» сказал Белтайн.

«Кто?» спросил Гаунт.

«Лорды,» сказал Белтайн. Он казался неохотным говорить что-то еще, но затем все равно решился. «Им понадобится какое-то время, чтобы привыкнуть к факту, что вы теперь над ними. Перепрыгнули их всех. По моему мнению. Просто дайте им немного времени, чтобы они привыкли принимать приказы от вас.»

«А тебе сколько времени понадобилось, Бел?»

Белтайн улыбнулся. «Я был обычным-как-фес вкалывающим солдатом, сэр. Я делал то, что мне говорили, сразу, потому что в противном случае вы бы, ну знаете, пристрелили меня и все такое.»

Белтайн посмотрел на стопки документов.

«Что до этого,» сказал он. «Сортировка.»

«Сортировка? В смысле?»

«Даєте разрешение говорить открыто, мой лорд?»

«Всегда.»

«Большинство из этого – просто шум,» сказал Белтайн. «Я – полевой адъютант, вокс-офицер. Как вы думаете, я следил за жизненно важными событиями в самой гуще? Когда все разваливалось, и приближался артиллерийский обстрел, и фесовы лазеры визжали туда-сюда? Как я сохранял все в порядке и предоставлял вам то, что вам было нужно, без постороннего дерьма?»

«Скажи мне.»

«Фокусировка. Сортировка. Сортировка данных. Большая часть этого всего лишь дикие лазерные выстрелы, воющие вокруг вас. Отгородитесь от этого. Отфильтруйте. Или найдите кого-нибудь, что сможет сделать это для вас. Для меня всегда работало.»

«Ты игнорировал вещи?»

Белтайн пожал плечами. «Только те, которые не имели значения, сэр.»

«Я почти рад, что не знал об этом раньше.»

«Вы все еще живы, так ведь?»

Гаунт улыбнулся. «Значит, нужно решать?»

«Всегда. Работает в поле. Должно сработать для вас. Я имею в виду, ваше решение – это то, что добыло вам ваш высокий и могущественный пост, так ведь?»

Гаунт кивнул. Его улыбка поблекла.

«У меня десять минут. Сейчас я займусь этим другим делом.»

«Полковым делом, сэр?»

«Полковым делом,» сказал Гаунт.

Он учился вещам, быстро учился им, в качестве части его новой роли. Одной из них было то, что он мог идти и читать в одно и то же время.

Сционы окружали его все время, двое спереди, двое сзади. Если он оставался в курсе пяток людей перед ним, Гаунт мог быстро читать планшеты, пока быстро шел, уверенный, что Санкто и его люди направят его в обход углов, отведут от препятствий, и откроют двери, что ему даже не придется поднять взгляд.

Он снова просмотрел планшет. Отчеты о диспозиции Танитского Первого, изложенные простыми непритязательными словами. Основные силы полка, под командованием Роуна, все еще располагались у Тулкарских Батарей в Квартале Милгейт после brutального отпора вражеской атаки тремя днями ранее. Две роты – V и E – формально под командованием Капитана Даура, были расквартированы во дворце вместе со свитой.

За, примерно, четыре дня, у него не было возможности найти время, чтобы отправиться и увидеть каждую часть подразделения лично, даже не ту часть, которая была в безопасности дворца вместе с ним.

И, всего лишь, четыре дня назад, Ибрам Гаунт не позволил бы себе такой оплошности. Тогда он был полковником-комиссаром, и его люди были его единственным приоритетом.

Как изменились вещи. Как изменилась перспектива. Может быть, Гризмунд был прав. У него не было причин лгать. Отдались и сделай это быстро. Никаких сантиментов. В противном случае, это разбивает сердце.

Проблема была в том, что это *было* разбивающим сердце.

В качестве солдата, поднимающегося по рангам Империи, он был обязан оставить многие вещи позади. Гаунт понимал это. Он ушел от Хирканцев после Балгаута. Он задумывался, сможет ли он сделать то же самое с Призраками.

Но это был не офицер в нем, который реагировал на эти вещи, это был человек. Это было личное, это был сентимент. Чувства заставляли его сомневаться в своем соответствии званию, которое он сейчас носил, и ему пришлось скрыть их от других лордов милитантов, из-за страха перед их презрением.

Всего лишь несколько строчек в отчете, и они прорезались сквозь него. Строчки, которые значили для него, как для человека, а не для солдата.

У Тулкарских Батарей были значительные потери. Он с печалью и усталостью просмотрел список жертв. Это всегда была болезненная задача.

Одна вещь выделялась. Сержант Мколл, пропал без вести. Предположительно мертв. Мколл, глава разведчиков, всегда был стержнем Призраков, одним из наиболее способных солдат.

И хорошим другом.

Гаунт не мог поверить, что Мколл, в конечном счете, погиб.

Затем был доклад, заполненный Комиссаром Фейзкиель, об инциденте во время эвакуации рот V и E из размещения Низкого Острия. В нем было так мало смысла. Три Призрака мертвы, одним из них был Эзра ап Нихт. Еще одна непростительная личная потеря.

Гаунт хотел объяснений. Трое погибли во время инцидента, в который был вовлечен его сын.

За исключением того, что Феликс Часс, очевидно, больше не был его сыном.

И это была самая сложная вещь для понимания.

Капитан Даур ждал его в прихожей личного жилья, выделенного для него. Он встал, когда Гаунт вошел со своим почетным караулом из Сционов, отложил в сторону книгу, которую читал, и резко встал по стойке «смирно».

Санкто и его люди неоднозначно посмотрели на него.

«Ждите снаружи,» сказал Гаунт. Сционы ретировались. Он мог ощущать их неохоту.

«Вольно, Даур,» сказал Гаунт.

«Это моя первая благоприятная возможность поздравить вас, мой лорд,» сказал Даур.

«Спасибо тебе,» ответил Гаунт. «Это моя первая благоприятная возможность уделить внимание полковым вопросам. Мои извинения. Держал оборону, я надеюсь?»

«Обе роты и свита размещены в подземном помещении, лорд,» сказал Даур. «Там обычные вопросы, с которыми надо разобраться. Я все держу в руках, хотя Майор Баскевиль очень стремится поговорить с вами лично.»

«Насчет?»

«Майор Колеа, лорд. Взят под арест Службой Разведки из-за активов, забранных с Предела.»

«Я что-то слышал об этом. У меня есть подозрение, которое объясняет, почему ордос тоже разнюхивает тут вокруг. Скажи Баскевилю, что я встречу с ним так скоро, как смогу.»

«Да, лорд.»

«Мне нужно разобраться сначала с этим,» сказал Гаунт.

«Конечно. Она здесь,» сказал Даур, делая жест в сторону внутренней двери.

«Отчет, пожалуйста,» сказал Гаунт.

«Меня там не было,» сказал Даур. «Бленнер и Мерин были теми офицерами, которые присутствовали там в то время. Фейзкиель возглавляет расследование.»

«И я уверен, что она будет doskonaльной. В целом, пожалуйста.»

«Гендлер напал на Феликс в душевых блоках в Нижнем Острие,» сказал Даур. «Кусок дерьма... Простите, сэр. Кажется, он верил, что у Феликс есть доступ к личным деньгам, и хотел кусок. Якуб Вайлдер тоже был в этом. Мне он тоже никогда не нравился. Слишком долго в тени своего брата, героя войны... что, между прочим, создаст вам проблемы, поскольку Белладонцы обеспокоены. Двое Вайлдеров погибли под вашим--»

«Я в курсе, Бан.»

Бан Даур изучил его лицо, слегка нахмурился, затем продолжил.

«Гендлер напал на Феликс,» сказал он. «Неумело сработал. Эзра обнаружил их, убил Гендлера. Вайлдер убил Эзру. Мерин и Бленнер обнаружили это полное фесовое безумие в процессе. Стали очевидцами этого, по большей части. Бленнер казнил Вайлдера на месте.»

«А Феликс?»

«Ваша дочь. Мерити Часс. Она скрывала свой пол.»

«Почему?»

Даур пожал плечами. «Сын великого героя Улья Вervун продвигается быстрее, чем любая дочь? Я не знаю, если честно. Вергхаст всегда был чертовски патриархальным. Здесь вопрос чести, первородства, успеха. Стыда.»

«Стыда?»

«Сделать свой выбор,» сказал Даур.

«Она там?» спросил Гаунт.

Даур кивнул. «Вы не спросили, как она,» сказал Даур.

«Я собираюсь это выяснить, Бан,» ответил Гаунт.

«Сделайте это осторожно,» посоветовал Даур.

«Я осведомлен о чувствительности,» сказал Гаунт. «Ее мать де-факто правитель Вергхаста. Это означает, что Ф—*Мерити* может преуспеть в свою очередь. Если она достигнет достаточного статуса здесь, на передовой, тогда семьям Вергхаста придется воспринимать ее всерьез. Возвращение с позором или пятном на ее репутации будет гарантировать отсутствие доверия со стороны конкурирующих домов, а это, в свою очередь, может привести к борьбе за власть и нестабильности на планете, которая--»

«Не это,» сказал Даур. «Я *это* знаю. Я сказал это, потому что она напугана.»

Он вошел в комнату, закрыв за собой дверь. Его спальня была простым пространством из белоснежного камня. Здесь была раскладушка и умывальник, а его вещмешок и имущество были принесены сопровождающим лицом и сложены в углу. Свежестиранный униформа лежала на раскладушке. Вещи были доставлены со складов Муниторума: черные штаны с темными шелковыми кантами и черный женский мундир с черной тесьмой. Гаунт очень конкретно говорил об отсутствии показухи. Он задумался, подойдет ли одежда.

Боковая дверь вела в комнату, которая служила ученической. Мерити сидела за столом у окна. Она выглядела маленькой, одетая в простую черную одежду Танитского солдата. Когда она повернулась, чтобы посмотреть на него, он увидел, несмотря на коротко подстриженные волосы, насколько, на самом деле, она похожа на мать.

Она поднялась на ноги, и встала, как солдат на смотре. Ее лицо было измученно-бледным, а на ее лбу был чистый бинт.

«Ты в порядке?» спросил он.

«Да, сэр.»

«Мне жаль, что такое произошло.»

«Сэр.»

«Мне жаль, что ты... что ты была вынуждена скрывать свою настоящую личность от меня.»

«Женщины не продвигаются на Вергхасте,» сказала она. «Приход сюда был шансом достигнуть некоторой возможности. Некоторого капитала, который бы сделал мой пол неуместным.»

«Я думал, что ты пришла сюда, чтобы найти своего отца?» сказал Гаунт.

«Я нашла его,» сказала Мерити. «Он был солдатом. Занятым войной. У него не было мыслей о семье, и я его в этом не виню. Я никогда не ожидала счастливого семейного воссоединения. Я видела только политическую пользу.»

«Серьезно?»

Ее лицо осталось твердым.

«Кто знал?» спросил он.

«Только Маддалена. Потом Далин и Ладд.»

«Оба?»

«Оба поклялись хранить тайну. Они оба уважили это.»

«Ты должна была сказать мне,» сказал Гаунт.

Она полупожала плечами. «На самом деле, нет,» сказала она.

«Мы можем поговорить об этом.»

«Я прошу прощения за проблемы, которые я создала. Я ожидаю возвращения на Вергхаст так скоро, как позволят обстоятельства.»

«Мы можем поговорить об это сейчас, я имею в виду.»

«У тебя есть время?»

«У меня есть... десять минут или около того.»

«Десять минут времени Лорда Исполнителя. Я польщена.»

«Я не--»

«Это не был сарказм. Я впечатлена тем, что ты даже здесь. Если честно, я не хочу говорить об этом. Обо всем этом. Я бы лучше--»

«Что?»

«Никто, на самом деле, не говорил со мной ни о чем за последние четыре дня. Комиссар Фейзкиель была очень деликатна в своих вопросах. Но я бы лучше поговорила о... ну, о чем-нибудь абсолютно другом.»

Гаунт сел.

«Например?»

«Об этой войне, может быть?»

«Об этой войне?» эхом повторил он. Он жестом указал на стул у стола, и она села.

«Я была тут заперта три дня,» сказала Мерити. «Я ничего ни о чем не знаю. Я надеялась на помрачение рассудка, полагаю. Тебя назначили Лордом Исполнителем?»

«Да,» сказал Гаунт.

«Что делает тебя избранником магистра войны. Вторым после Лорда Макакота. Его--»

«Затычкой,» сказал Гаунт.

Она выглядела удивленной.

«Ты не рад повышению?»

«Это огромная честь, и неожиданная,» сказал Гаунт. «Но я не дурак. Макарот – закрытый человек, и его отделение от штабных дел стало хронической проблемой. Предполагается, что я буду составлять мост над этой дырой, стану его ртом. У меня нет иллюзий. Огромное количество грязной работы придет с этой ролью. Большинство из которой - политическая.»

«Ты должен изучить искусство передачи полномочий,» сказала она.

«Ты не первая, кто сказал мне это сегодня.» Он улыбнулся.

«Муниторум, Администратум, Официо Тактикае и Офис Милитарума существуют, чтобы забрать девяносто процентов этой ноши с твоего стола. Оставить тебя только с эффективными командными решениями. Избранник магистра войны может, определенно, создать свой собственный кабинет, чтобы отфильтровывать и перерабатывать информацию, прямо, как кабинет секретарей Администратума может--»

Он поднял брови.

«Я понятия не имел, что ты была настолько подкована,» сказал он.

«Только в терминах гражданского администрирования,» ответила она. «Я не хотела говорить вне очереди.»

«Пожалуйста, продолжай,» сказал Гаунт. «Мы только начали разговор.»

«Я была воспитана, как приемница Дома Часс,» сказала она. «Гражданское Управление считалось фундаментальным навыком, так что моей первой специальностью в Вербуне было административное производство. Моя мать верила, что любой потомок Дома Часс нуждался в полном понимании домашнего хозяйства, и я говорю «дом» в самом полном понимании династии. Я начала распространять эти навыки на Муниторум Вергхаста-Вервуну, как способ получить некоторые военные рекомендации. Затем появился более прямой путь.»

«Придя сюда?»

«Придя сюда,» согласилась она. «Очевидно, теперь, идиотский план. Но соперники Дома Часс, Дом Анко, например, едва выносят старшинство моей матери. Чтобы приспособиться, когда придет время, ко второму наследнику *женского пола*... ну, этому наследнику будут нужны достойные подражания рекомендации. Значительный военный опыт, любого рода. И даже в таком случае--»

«Ты амбициозна?»

Мерити уставилась на него.

«Конечно,» сказала она. «Как моя мать. Как мой отец.»

«Я не знаю, насколько амбициозен твой отец,» сказал он.

«Это совсем не важно, так ведь?» ответила она. «Учитывая высокое положение, в котором он оказался.»

Последовала долгая тишина.

«Сек побежден?» спросила она. «Авианалеты уменьшились.»

«Это вопрос,» сказал Гаунт. «Атаки на Элтат и Заракппан пока что были отбиты, но в прилегающих зонах значительная вражеская активность. Новая атака может начаться в любой момент. Наши силы, под командованием Беати, нанесли значительный удар по Архиврагу в Гереппане. На самом деле, мы не знаем, насколько сильно Святая ранила Сека. Он, может быть, даже мертв. Определенно, его смерть, или серьезное ранение, могут объяснить внезапный крах наступлений в Элтате. Впрочем, он может перегруппировываться. Разведывательные операции в процессе. Следующие несколько дней покажут. Либо мы приближаемся к последней битве с силами Анарха, либо мы будем иметь дело с длительным подавлением и зачисткой выживших вражеских элементов. В любом случае, Урдеш далек от завоевания.»

«Почему ты полагаешь, что он может перегруппировываться?» спросила она.

Гаунт сделал паузу, затем позволил себе слегка улыбнуться.

«Это тот вопрос, который я продолжаю задавать,» сказал он. «Сек мог быть ранен и сбежал, или даже мертв. Но природа его отступления в Элтате была... У меня просто есть ощущение насчет этого. Это не заставляет меня ощущать это, как перегорание. Как атака, которая потеряла импульс. Это было похоже на преднамеренную остановку. Как будто какая-то цель, неизвестная нам, была достигнута. Остановка была преднамеренной, как будто была закончена фаза. Мы не знаем, что из себя представляет следующая фаза.»

«Но, у тебя есть подозрения?»

«Да, есть.»

«Например?»

«Это, я боюсь, полностью засекречено. Прости.»

«Конечно,» сказала она, пренебрежительно. «Хотя, я держу пари, что это связано с материалами, добытыми во время операции на Пределе Спасения.»

«Я не могу комментировать,» сказал Гаунт. «Но я впечатлен твоим вниманием к деталям.»

«Я была там, на Пределе.»

«Была.»

«Остальные разделяют твою оценку? Остальные лорды, я имею в виду? Макарот?»

«Есть некоторый спор,» сказал Гаунт. «На штабном уровне редко достигается консенсус. Мне придется хорошо поработать, чтобы убедить всех, кто имеет значение, о той серьезной опасности, с которой мы можем столкнуться.»

«Ты не должен никого убеждать,» сказала она. «Ты – Лорд Исполнитель. Если ты веришь, что существует реальная опасность, ты приказываешь им встать в строй. Они обязаны повиноваться. Разве не в этом смысл Лорда Исполнителя?»

«Ты можешь так думать,» согласился он. «Но на практике...»

Он пожал плечами.

«Это – Имперская Гвардия,» сказал он. «Предполагается, что приказы – это приказы, не спорные моменты. Я боюсь, что проблема в том, что здесь слишком много начальников. Слишком много власти, сосредоточенной в одном месте.»

«А ты – неизвестный фактор. Непроверенный. Они не привыкли к твоей высшей власти.»

«Что есть, то есть,» согласился он.

«Значит, ты должен изучить это. Продемонстрировать ее. Сделать из кого-нибудь пример.»

«Я не думаю--»

«Кроме всего прочего, ты был комиссаром. Тебе нужно немного из этого, вероятно.»

Он кивнул. «Вероятно так.»

«Что насчет Вон Войтца?» спросила она.

«Что насчет него?»

«Он опозорен,» сказала она.

«Кто тебе это сказал?»

Она поморщилась. «Твой адъютант упомянул--»

«Белтайн ошибается,» мягко сказал Гаунт. «Вон Войтц принимал меры, которые, как он считал, были правильными для крестового похода. Он был неправ. Ему объявили выговор.»

«Но он не был разжалован. Ты отослал его на какой-нибудь пост четвертого уровня?»

«Нет. Я подумал, что лучше держать его под рукой. Иногда наказание посылает неправильное сообщение. Я забрал у него Пятую Армию для своего собственного подразделения, и приказал ему приготовиться к прибытию Святой.»

«Это...» она сделала паузу. «С уважением, это мудро? Его нарушение субординации было тонкой законной ясностью, отличной от измены. Вы двое были близки, когда-то. Разве это не может быть посчитано, как будто ты собираешься быть снисходительным к своему старому союзнику?»

«Поэтому пример из него продемонстрировал бы, что моя власть никому не благоволит?» спросил он.

Мерити кивнула.

«Я был комиссаром, как ты сказала,» сказал Гаунт, «потом линейным офицером, тоже. Всю свою карьеру я пытался умерить безжалостность первой роли вниманием ко второй. Баланс. Быть непреклонно твердым, когда необходимо, но, так же, не делать врагов без нужды. Такого и так более, чем достаточно, в этой галактике.»

«Теперь ты, на самом деле, не относишься ни к одной из этих вещей,» сказала она.

«Ты – Первый Лорд Исполнитель. Тебе не нужно делать врагов или друзей.»

Он насмешливо посмотрел на нее.

«Я развеселила вас, сэр?» спросила она.

«Нет,» сказал он.

«Я просто говорила,» сказала она. «Болтала, я полагаю. Я чувствовала себя очень изолированной. Мне...»

«Что?»

«Мне жаль, что они погибли. Эзра, и даже те люди.»

Гаунт собирался ответить, когда кто-то сильно постучал во внешнюю дверь. Она открылась.

«Мой лорд?» позвал Санкто.

Гаунт встал, и показал Мерити остаться на месте. Он прошел через спальню. Сцион Санкто стоял в дверном проеме, Белтайн топтался позади него.

«Я говорил ему, что вы заняты,» сказал Белтайн.

«Тихо,» сказал Санкто Белтайну, косо посмотрев на него. Он посмотрел на Гаунта. «Инквизитор Лакшима запрашивает вашей незамедлительной аудиенции, мой лорд,» сказал он.

«Инквизитору Лакшиму сказали обратиться по связи,» сказал Гаунт.

Санкто не ответил, как будто его часть всего разговора была закончена. Позади него, Белтайн состроил гримасу.

«Я думаю, что это ее вариант связи, сэр,» сказал он.

Гаунт протолкнулся мимо них. Инквизитор ждала его во внешней комнате, окруженная по бокам Полковником Грае из Службы Разведки и членами свиты Лакшимы. Бан Даур стоял в углу комнаты, пристально смотря на Лакшиму.

Позади Лакшимы, в дверном проеме, стояли Виктор Харк и Гол Колеа.

«Лорд Исполнитель,» сказала Лакшима, кивнув головой быстрым поклоном уважения.

«Что это все значит?» прорычал Гаунт.

ТРИ: СОБСТВЕННОСТЬ МЕРТВЫХ

Тревога заревела, пронзительно визжа в залах сводчатого подвала дворца. Затем она снова стихла, так же резко.

«Ради феса,» пробормотал Баскевиль. Это случилось уже шестой раз за последние два часа. Танитский личный состав и свита, расположившиеся в холодных подвалах Урдешского Дворца, становились не на шутку напуганными. Они были на хорошей глубине в сводчатых подвальных залах под Шестиугольным Двором дворца, местах, которые когда использовали для хранения вина и зерна. Здесь не было окон, из которых можно было выглянуть, не было окон, через которые они могли бы посмотреть, происходит ли какое-нибудь нападение на самом деле. Баскевиль устал спрашивать рабочие команды Муниторума, в чем была проблема, и устал от их смутных ответов «вероятно, проблема с проводами».

Он отставил в сторону полузаконченную кружку с холодным кофеином и поднялся, чтобы в очередной раз пройти по постоянным помещениям и успокоить несколько нервов.

Бленнер стоял в арочном проходе его постоянной зоны.

«Ложная тревога?» спросил Бленнер.

«Кажется так,» ответил Баскевиль.

«Опять?»

Баскевиль надел свой мундир и не ответил.

«Ты, эм...» начал Бленнер.

«Я, что, комиссар?» спросил Баскевиль.

«Кажется, ты оказываешь мне несколько холодный прием, Баск,» сказал Бленнер, выдавливая дружескую улыбку.

«Не все вертится вокруг тебя, Вэйном,» сказал он.

«Нет. Очевидно.»

«Мы – личное подразделение Первого Лорда Исполнителя,» сказал Баскевиль. «Привилегированные и повышенные. И вот куда нас привела наша привилегия. Застряли здесь в винном погребе. Есть вопросы, с которыми нужно иметь дело, которые еще не были сделаны. Я ни фесова понятия не имею, что происходит, и у меня зудит воссоединиться со своей ротой, которая где-то там в Милгейте, лицом к лицу с Трон знает чем. Так что это может объяснить мое поведение.»

«Конечно.»

«Если только есть что-то еще, что ты собираешься взвалить на меня?»

«Только...» Бленнер неловко пожал плечами. «Только вопрос о Якубе Вайлдере.»

«Из-за того, что ты казнил его?»

«Да, Баск. Это.»

«Он совершил убийство, так ведь?»

«Да. Бедный Эзра--»

«Значит, я думаю, твоя полевая казнь была полностью оправдана дисциплинарными правилами. Ты – комиссар.»

«Это то... это то, что пишет Фейзкиель?» пылко спросил Бленнер.

«Ее расследование продолжается,» сказал Баскевиль. «Я не могу представить, что еще она сможет обнаружить. Если только есть что-нибудь еще, что ты и Мерин не говорите нам.»

«Ну, нет. Ничего такого.» Бленнер прочистил глотку. Баскевиль отчетливо заметил, что Бленнер бросает взгляды вокруг в надежде засечь бутылку, из которой он сможет налить стаканчик.

«Слушай, Баск,» сказал Бленнер. «Дело в том... здесь дело в боевом духе, на самом деле. И доверии.»

«Продолжай,» сказал Баскевиль.

«Не заставляй меня говорить это, Баск.»

Баскевиль вздохнул. «Твое особенное прикрепление к Роте V,» сказал Баскевиль. «Белладонская рота. Оркестр. В котором Вайлдер был командующим офицером. Ты встревожен тем, как они относятся к тебе теперь, когда ты застрелил их старшего офицера. Как любой из нас, из Белладонцев, будет относиться к тебе.»

«Ну, я имею в виду, учитывая историю,» сказал Бленнер. «Якуб Вайлдер, Люсьен Вайлдер. Знаменитая Белладонская семья военных--»

«Якуб Вайлдер не был образцовым солдатом,» резко бросил Баск. «Он позволил унижить фамилию. Он убил, ради феса. И напал на дочь Первого Лорда Исполнителя. Ты выполнял свой долг.»

«Выполнял.»

«Значит между тобой и мной проблем нет. Якуб Вайлдер опозорил Белладонский контингент. Если только, как я и сказал, нет чего-то еще.»

«Серьезно, больше ничего.»

«Хорошо.»

«Я бы попросил,» осторожно сказал Бленнер, «переназначения.»

«Переназначения?»

«Прикрепления к другой роте. Парни из Роты V продолжают смотреть на меня, как будто я - дурной запах.»

На самом деле, здесь был дурной запах. Спертый серный воздух из вулканического кратера, на котором стоял дворец, был особенно ядовитым в подземной части. И уборные снова затопило. Еще одна техническая проблема, которую рабочие команды Муниторума не могли адекватно объяснить.

«В первую очередь, просто приведи их в порядок,» без сочувствия сказал Баскевиль. «Это не конкурс популярности. Второе, это не мне решать.»

«Ты – старший офицер из присутствующих.»

«По званию, да. Но у Даура операционный надзор над Танитцами здесь. Подними этот вопрос с ним, если должен. Только не надо, потому что Бан не идиот, и он даст тебе тот же ответ, который я дал только что.»

«Где Капитан Даур?» спросил Бленнер.

«Фес меня, если знаю, Вэйном.»

«С... с девушкой все в порядке?»

Баскевиль посмотрел на него. «С дочерью Гаунта? Опять же, фес меня, если знаю. Это все?»

Бленнер кивнул. Баскевиль протолкнулся мимо него к выходу. Он остановился.

«Есть что-нибудь от Харка?» спросил он Бленнера.

«Я ничего не слышал.»

«Ничего по каналам Префектуса?»

«Нет, Баск.»

«Значит, мы понятия не имеем, где Колеа?»

«Нет,» согласился Бленнер.

Тревога внезапно снова заревела. Она ревела секунду до того, как выключиться. Бленнер вздрогнул.

«Фес это,» сказал Баскевиль, и быстро ушел.

В одиночестве, Бленнер прислонился к дверному косяку и медленно выдохнул, пытаясь успокоиться. Его руки тряслись, так что он засунул их в карманы плаща.

«Славно поболтали?» прошептал Мерин.

Бленнер резко отпрянул. Танитский капитан стоял прямо позади него в тени арочного прохода.

Мерин ухмыльнулся своей жульнической ухмылкой.

«Не делай так,» прошипел Бленнер.

«У меня есть кое-что для тебя, Вэйном,» сказал Мерин. Он вытащил мешочек с таблетками и положил их в верхний карман мундира Бленнера. «Кое-что, чтобы снять напряжение.»

Затем Мерин наклонился вперед, пока не оказался лицом к лицу с Бленнером, а затылок Бленнера не оказался прижат к каменной стене позади него.

«Я все слышал,» сказал Мерин. «Этот разговор с Баском. Ты фесов идиот. Насколько, на самом деле, ты хочешь выглядеть виновным? Играй в это расслабленно, ради феса. Я не шучу, Бленнер. Если паду я, ты тоже падешь. И если все дойдет до этого, я думаю, что смогу бросить тебя чертовым волкам намного более эффективно, чем ты сможешь бросить меня. Мы друг друга поняли?»

«Да.»

«Хорошо,» улыбнулся Мерин. Он поднял руки и разгладил переднюю часть мундира Бленнера, как будто он был портным, завершающим великолепную подгонку. «Не заставляй меня снова говорить об этом с тобой.»

Мерин ушел, напевая себе под нос. Бленнер вытащил мешочек с таблетками. Сомния. Он принял две.

Он знал, что этого едва ли будет достаточно.

Длинные ряды коек были расставлены вдоль арочных подземных залов. Работали обогреватели, и светосферы висели под арками. Воздух пах потом и вулканическими испарениями и чертовыми уборными.

И страхом. Вся свита была напугана. Кроме грязного дела с Вайлдером и Гендлером, все слышали историю об Элоди и бедной маленькой Йонси. Какой-то монстр на пустоши позади Низкого Острия уничтожил целый отряд вражеских солдат и почти убил их тоже.

Баскевиль шел по размещению, останавливаясь, чтобы поговорить с солдатами и членами свиты. Он делал все, что мог, чтобы приободрить их. Они делали все, что могли, чтобы быть приободренными.

Баскевиль заметил старого Аятани Цвейла, осторожно скармливающего кусочки сухого мяса полковому талисману – псайбер-орлу.

«Откармливаете его, отец?» спросил Баскевиль.

«Ох, нет, нет,» ответил Цвейл, предлагая новый кусочек и пытаясь угадать, какая голова его возьмет. «Втираюсь в доверие к зверю. Пытаюсь подружиться, знаешь ли? Я назвал его Квил. У него не было имени. Это сокращенно от--»

«Я понял,» сказал Баскевиль.

«Это ставит нас в хорошие отношения, понимаешь? Делает нас друзьями. Так что я смогу подобраться достаточно близко, чтобы привести его в надлежащий вид.»

«Привести его в надлежащий вид?» спросил Баскевиль.

«Привести его в надлежащий вид и, может быть, повесить гирлянды из ислумбина на каждую из его голов... ой! Ублюдок почти откусил мне палец!»

«Потому что?» спросил Баскевиль.

«Я полагаю, потому что он голодный,» сказал Цвейл.

«Нет, отец. Почему вы хотите привести его в надлежащий вид?»

«Ну, потому что будет парад. Когда она доберется сюда. Мы хотим, чтобы кусучий маленький ублюдок выглядел наилучшим образом.»

«Парад?»

«Для Беати, мужик.»

Баскевиль нахмурился. «Отец, прибытие Беати не открытое знание. Как вы узнали? Кто вам сказал?»

«Никто,» ответил Цвейл, его глаза были зафиксированы на хищнике, пока он протягивал еще один кусочек.

Он бросил взгляд на Баскевиля.

«Я – аятани имхава, майор,» сказал он. «Один из ее странствующих избранников. Я знаю такие вещи. Так же, как знаю, что имхава собираются в Элтате. Собираются отовсюду. Некоторым понадобились годы, чтобы добраться сюда, следуя длинным дорогам паломничества Святой. Я полагаю, что даже несколько делегаций храмовых аятани тоже идут сюда. Ее духовенство, майор, собирается рядом с ней на месте победы.»

«Это победа?» с сомнением спросил Баскевиль.

«Будет,» ответил Цвейл.

«Что-то не похоже на это.»

«Я не говорил, чья победа,» сказал Цвейл. «Ой, не смотрите на меня так, майор. Я не пессимист. Пути эшоли еще не открыли исход будущего, даже для таких избранных ей, как я. Все, что мы знаем, мы должны быть рядом с ней в это время и фес! Ублюдок! Дерьмо! Мудак!»

«Он что, снова укусил вас за палец, отец?» спросил Баскевиль.

«Я нахожу, что у него есть стремление сделать это,» сказал Цвейл, сося палец.

«Тогда, может не стоит вам совать пальцы ему в клювы?»

«Я добуду палку,» сказал Цвейл.

«Чтобы вы могли предложить ему кусочки на расстоянии руки?» спросил Баскевиль.

«Ой,» сказал Цвейл. «а эта идея куда лучше.»

Элоди помогала нескольким солдатам из Роты Е вытереть полы во внешнем коридоре сводчатого подвала, где подземные воды просочились из дренажа прачечной.

«Муниторум может справиться с этим,» сказал ей Баскевиль, когда подошел.

Элоди оперлась на швабру. «Сейчас помещения затапливает, майор,» ответила она.

«Это неприятно,» согласился он.

«Они говорят, что идет сильный дождь,» сказала Элоди. «Вода поднимается из ливневых дренажей.»

«Такое часто случается?»

«Очевидно, такого раньше никогда не было,» ответила она.

«Ну, значит мы благословлены,» сказал Баскевиль. «Ты в порядке?»

Она пожала плечами и кивнула. Она не выглядела в порядке. Она была измотана, как будто она не спала много или хорошо, и там, где ее руки держали швабру, Баскевиль мог видеть, что она коротко обгрызла ногти.

«Я не знаю, что произошло, майор,» сказала она. «Я все еще не могу вывести вонь крови из своей одежды. Сыны Сека были прямо перед нами, а затем... они были мертвы и мир свернулся.»

«Свернулся?»

«Я отключилась. Я не знаю. Там был звук.»

«Какой звук?»

«Похожий... на пилу для костей. Я повидала некоторые плохие вещи, и побывала в некоторых плохих местах, но это была самая ужасающая вещь, которая когда-либо случалась со мной. Ужасающая, потому что я понятия не имею, что это было.»

«Но ребенок в порядке?»

«Я не видела ее. Она с Далином, я думаю. Думаю, что она в порядке. Йонси никогда много не говорит, но--»

«Но?»

Элоди посмотрела на него.

«Она очень странный ребенок.»

«Она всегда была такой, мэм.»

«Она иногда говорит вещи,» сказала Элоди. «Бросающие в дрожь вещи, серьезно. Я... я раньше думала, что это потому, что она была, всего лишь, ребенком, но она не ребенок, так ведь? Я имею в виду, что она больше не ребенок. Она ведет себя, как намного более юная, чем она есть на самом деле, как будто это защитный механизм. Способ заставить людей любить себя.»

Баскевиль кивнул. «Если честно,» сказал он, «у нее было сложное воспитание. То, что она повидала в своей жизни, я бы не пожелал такого никакому ребенку. Если она ведет себя, как юная, чтобы заставить людей любить ее, тогда это, вероятно, попытка получить некоторую безопасность.»

«Может быть,» ответила Элоди, пожав плечами.

«Что?» спросил Баскевиль.

Она покачала головой. Он чувствовал, что не должен давить на нее. Бан Даур должен был скоро вернуться. Может быть, она доверится своему мужу.

«Вы знаете, что такое оборотень, майор?» внезапно спросила она.

«Как... в волшебных сказках?» спросил он.

«Да. Иногда я действительно думаю, что она оборотень. Не человек. Подмененная при рождении.»

«Разве это не... немного злобно?» рискнул спросить он.

«Конечно, так и есть,» согласилась она. «Но вы знаете историю насчет нее, так ведь? Половина свиты уверена, что у Колеа было два сына, не сын и дочь. Естественно это нонсенс. Но почему так много людей думают так?»

«Слухи?» предположил Баскевиль. «Недопонимания? Истории перемешиваются?»

«Нет никакого смысла спрашивать Гола,» сказала Элоди. «Я думаю, что большая часть его воспоминаний отсутствует, ну знаете, после Хагии. Он, если подумать, даже не знает хорошо своих собственных детей.»

«Он не был слишком хорошим отцом для них,» сказал Баскевиль. Он состроил гримасу. «Это неправильно прозвучало. Что я имел в виду, так то, что у него не было

шанса. Он думал, что они давно были мертвы, и к тому времени, как он обнаружил, что они были живы, Крийд взяла их под опеку. Спасла их обоих. В любом случае, мы не сможем спросить Гола.»

«Он все еще отсутствует?»

Баскевиль кивнул.

«Слушай, не говори ничего,» сказала Элоди. «Я имею в виду, что я сказала насчет Йонси. Все на пределе и я просто подсказываю от теней, из-за того, что случилось у Низкого Острия. Это выбило меня из колеи, Баск, серьезно. Так что это просто говорят мои нервы.»

«Не буду,» сказал Баск.

В дальнем конце подземного размещения, пространство было отведено для ящиков с припасами и куч вещмешков. Муниторум привез сюда личные вещи Танитских солдат, все еще расположенных в Милгейте. Бонин, Домор и Сержант-Майор Еролемев сортировали вещевые мешки, работая со списком.

Баскевиль знал, что они делают. Список был списком жертв боевых действий в Милгейте. Люди откладывали в сторону личные вещи солдат, которые не вернутся, чтобы забрать их.

Это была печальная задача, которую им приходилось делать слишком часто. Собственность мертвых будет отсортирована, распределена, переработана, если возможно. Награды будут возвращены в полковую казну. Личные безделушки могут быть отданы близким друзьям в качестве напоминаний.

Баскевиль наблюдал за их работой какое-то время, затем признался себе, что было бы жестоко не помочь им.

Они кивнули ему, когда он подошел. Вместе с Комиссаром Фейзкиель, Баскевиль и Домор перенесли тяжелое время вместе прямо перед эвакуацией из Низкого Острия.

«Есть что-нибудь от Гола?» тотчас спросил Домор.

Баскевиль помотал головой.

«И мы даже не можем доставить предупреждение наверх шефу,» вздохнул Домор.
«С каких пор Гаунт перестал отвечать на запросы из шеренг?»

«Он теперь Первый Лорд Исполнитель, Шогги,» сказал Баскевиль. «У него дел по горло.»

«Но это срочно,» поднажал Домор. «Фесов ордос вынюхивает кровь Колеа.»

«Если фесов ордос вынюхивает кровь Колеа,» тихо сказал Бонин, «тогда донесение шефу не поможет. Они заберут его. Это то, что они сделают.»

«Развеселил,» сказал Домор.

Бонин пожал плечами. В нем не было ничего веселящего. С исчезновением Мколла, Бонин стал главой разведчиков. Но это было только название. Обстоятельства не позволили Домору, Баскевилю и Бонину воссоединиться с главными полковыми силами в Милгейте. Они все чувствовали разочарование от того, что застряли, пассивные, вдалеке от своих рот. Там, в поле, Каобер и Вивво будут проводить разведывательные операции.

Капельмейстер Еролемев тоже выглядел мрачным. Старый, однорукий сержант-майор методично работал с вещмешками. Якуб Вайлдер был его прямым начальником. Баскевиль мог ощущать стыд, повисший на плечи старика, и ответственность. Еролемев был действующим командиром Роты V на какое-то время.

«Черт,» прошептал старик. Он только что расстегнул застежку-молнию на вещевом мешке.

«Что?» спросил Домор.

«Это Мколла,» ответил Еролемев.

«Я его заберу,» сказал Бонин. «Не разбирай.»

Еролемев закрыл мешок и отдал его разведчику.

«Ты знаешь процедуру, Мах,» мягко сказал Баскевиль.

Бонин кивнул.

«Знаю,» сказал он. «Но Мколл пропал без вести. Он не мертв. Не мертв, пока мы не нашли его тело. До этого времени, я позабочусь об этом.»

«Что ты делаешь?» спросил Далин.

Он нашел свою сестру, стоящую в одиночестве в коридоре снаружи территории размещения. Она пристально смотрела на широкую лестницу, которая вела во дворец.

«Папа идет,» прошептала она, не отводя глаз от ступеней.

Далин тяжело выдохнул. У Йонси была привычка называть всех «папа» или «дядя». Он устал от этого. Это было мило, когда она была маленькой, но теперь она была молодой женщиной. С коротко подстриженными волосами после недавних проблем со вшами, она выглядела, как пилигрим-подросток. Как они их там называли? Эшоли?

Далин хотел сказать ей прекратить эту инфантильную болтовню. Это было раздражающе. Она все еще не показывала признаков половой зрелости, но она стала выше. Она была только на голову ниже, чем он.

Но он удержался. Что-то плохое случилось с ней у Низкого Острия. Он решил дать ей небольшую слабость.

«Гол будет здесь достаточно скоро. Тона тоже,» сказал он.

«Папа сказал подождать его, Дал,» сказала она. «Он пришлет сообщение. Мне нужно подождать и послушать его.»

«Что произошло у Низкого Острия, Йонси?» спросил он.

«Папа сказал, что настало время. Я не хотела, чтобы настало время. Я этого не хотела, Дал. Но он сказал, что настало. И он сказал, что я должна быть храброй. Затем пришли люди, и тень упала.»

«Тень?»

«Плохая тень, глупый.»

Далин стиснул зубы. «Пожалуйста, прекрати этот детский лепет, Йонс,» сказал он. Он вспомнил ужин на борту *Высочества Сира Армадюка*, теперь неподдельно годы назад, и рисунок, который она сделала для Гола Колеа. Она говорила о плохой тени, как будто это была ее новая страшилка.

Конечно, она тогда была всего лишь ребенком.

Йонси посмотрела на него.

«Это не детский лепет, Далин,» сказала она. «Ты знаешь. Ты тоже знаешь, что говорит Папа.»

«Что это у тебя на шее?» спросил он, потянувшись вперед. Она отпрянула.

«Ничего,» сказала она.

Он мог видеть язву на ее шее.

«Это опять экзема? Йонси? Она вернулась?»

Перед миссией на Предел Спасения, Далин дал ей медальон, сувенир Святой. Она гордо носила его на шее, пока он не потерялся. Металл которого, без сомнения, был дешевым, массово изготавливаемая медаль, которая вступила в реакцию и дала ей экзему.

«Все в порядке,» сказала она. «Не болит.»

«Пошли внутрь,» сказал Далин. «Найдем какой-нибудь еды.»

«Мне нужно ждать здесь,» твердо сказала она. «Папа сказал мне ждать его здесь. Пришло время, и он хочет поговорить со мной. Ты тоже должен подождать, Далин. Он с тобой тоже захочет поговорить.»

«Гола может не быть еще какое-то время,» сказал Далин.

«Я не имела в виду Гола. Не Папу Гола. Я имела в виду Папу.»

«Кто... кто такой Папа, Йонси?»

Она посмотрела на него так яростно, что это заставило его слегка отшатнуться.

«Ты знаешь,» сказала она. «Разве ты его тоже не слышал?»

Далин поднял руки и отошел назад. Она, явно, была намного более расстроена инцидентом, чем он думал. Он должен спросить об этом кого-нибудь еще. Может быть Доктора Керт, когда она вернется. Это была какая-то травма. Он видел такое в солдатах раньше.

«Хорошо,» сказал он. «Хорошо. Ты оставайся здесь и жди... Папу. Я пойду и принесу тебе немного супа.»

Она кивнула.

«Спасибо тебе,» мягко сказала она. «Я люблю тебя, Далин.»

«Я твой брат. Предполагается, что ты должна.»

«Я делаю то, что должна,» сказала она, а затем повернулась, чтобы опять пристально смотреть на ступеньки.

ЧЕТЫРЕ: ВЭЙПОРИАЛЬНЫЙ КВАРТАЛ

Выстрелы раздались снова. Лазерные заряды, короткая очередь.

Пригнувшись в укрытии, Вес Маггс бросил взгляд на Каобера.

«Здание в конце улицы,» сказал он. «Второй или третий этаж.»

Старший разведчик кивнул. «Случайный огонь,» сказал он. «У них нет цели, но они заметили, что мы приближаемся.»

Держась стены, Гански неся к их позиции, и упал рядом с ними.

«Сообщение от Фейпса,» сказал он. «Он завершил вокс-проверку. Из наших в этой зоне никого нет.»

«Значит никаких отставших Хеликсидцев,» сказал Маггс.

«Еще Сековские ублюдки,» сказал Каобер. «Отрезанные, когда они отступали. Нам нужно смыть их.»

Он выглянул за кучи каменных обломков, которые предоставляли им ограниченную защиту. Видимость была плохой. Сильный дождь все еще шел, и три дня постоянного ливня подняли густой туман в Милгейте и Вэйпориальных кварталах. Большею частью тумана был пар от бесконечных пожаров и выгоревших зданий, остальной был дым, плывущий от пылающих заводов и пожаров на Северном Династическом Конклаве.

«Возьми отделение,» сказал Каобер Маггсу. «Иди туда слева.»

Маггс кивнул, и выскользнул из укрытия. Каобер постучал по микробусине.

«Ларкс, это Каобер. Ты видишь это?»

«Жди,» протрещал в ответ вокс.

На дальней стороне исковерканной улицы, Ларкин и Несса перемещались, пригнув головы, по третьему этажу торгового дома, который был разрушен танковыми снарядами. Они пробрались через сломанную мебель и частично сгоревшие кучи инвентарных документов, и остановились у одного из окон. Стекла не было. Удар

выбил его наружу, как барабанную перепонку. Дождь монотонно капал из дыр в потолке, как будто где-то оставили открытый кран.

Снайперы направили свои лонг-лазы, и подстроили свои прицелы.

«Шеф?» прошептал Ларкин в свою микробусину. «Определенно третий этаж. Опа! Ага, это была вспышка из ствола.»

«Ты можешь навестись с этого угла?»

«Жди,» ответил Ларкин. Он переместился к другому окну. Несса, так же, переместилась дальше по разрушенному офису.

«Я не могу чисто выстрелить,» жестами показала она. «Я не могу увидеть.»

«И стена слишком толстая,» согласился Ларкин, показав жестами в ответ.

«Если мы пойдем дальше,» предложила Несса, «к следующему зданию...»

Ларкин помотал головой. «Там нет «следующего здания», Несс,» тихо сказал он, повторяя слова жестами. «Только куча кирпичей, которая была зданием до того, как его жизнь переменяла случайная встреча с авиационными боеприпасами.»

«Ах,» произнесла Несса Бурах, вспоминая. Она устала. После трех дней, одна оболочка жилого дома выглядела, как следующая.

Она прислонилась спиной к стене на мгновение, и вытерла дождь с лица, действие, которое сделало немного большее, чем переместило грязь на нем.

«Дерьмово,» сказала она.

«Согласен,» сказал Ларкин.

«Когда они собираются отвести нас назад? Мы на остром конце этого. Фесовы Хеликсидцы ушли.»

«Мы – специалисты, так ведь?» ухмыльнулся он. «Они хотят, чтобы эта зона была зачищена. Наш опыт востребован.»

Несса объяснила четкими, анатомически терминами, что высшее командование может сделать с их опытом. Ларкин тихо рассмеялся, и скользнул к следующему окну.

«Мы отдохнем,» сказал он, «раньше или позже.» Он снова навелся, водя своим оружием, смотря немигающим глазом в мощный прицел.

«Каобер?» воксировал он.

«Говори.»

«Мы не можем стрелять отсюда.»

«Понял. Маггс передвигается слева от цели.»

Ларкин подстроил прицел.

«Я вижу его, шеф,» прошептал он. «Скажи ему, что если он пойдет по той аллее, она приведет его к задней части обнесенного стеной двора позади целевой зоны.»

«Продолжай присматривать за ним,» ответил Каобер по связи.

Аллея была с высокими стенами и почти по лодыжку в воде и обломках. Маггс шел во главе своей команды, с лазерной винтовкой у щеки. Он сделал серию быстрых, четких сигналов рукой Призракам позади себя.

Ворота. Идите вокруг меня. С обеих сторон.

Они разошлись веером вокруг него, направляя оружие на старые деревянные ворота в высокой стене двора. Ворота были единственным входом. Перелезание через стену может привлечь огонь из здания.

Маггс указал на Гански, подал сигнал «выбить» и поднял три пальца, чтобы начать отсчет.

«Маггс, оставайся на месте!»

Маггс замер. Он подстроил свою микробусину.

«Ларкин?» прошептал он.

«Держи позицию,» ответил Ларкин по воксу. «Я могу видеть тот двор. Определенно движение за стеной.»

«Понял,» сказал Маггс. Он бросил взгляд на свой отряд и вытащил гранату из сумки.

«Я запрашиваю, не в первый раз,» сказал Роун, «разрешение отвести Танитский Первый с этой линии.»

«Я не несочувствую, полковник,» сказал Майор Мопин. «Но приказы лорда генерала конкретны. Танитский должен держаться здесь еще немного.»

Роун осмотрел Нарменианского офицера сверху до низу. Одежда Мопина была чистой, и он побрился этим утром. Несколько часов назад он спал в кровати где-то. Возможно, в Урдешском Дворце.

«Мы держали эту линию и нас помяли,» сказал Роун. «Теперь вы здесь для укрепления. Время сменить нас.»

Роун снова посмотрел на оповещение, которое ему вручил Нарменианец. Прямое коммюнике от Лорда Генерала Гризмунда. Капли дождя стучали по тонкой бумаге.

Они стояли на улице в Квартале Милгейт, под тенью теперь затихших Тулкарских Батарей. Это было место тяжелейшего боя против Сынов Сека четырьмя днями ранее. От побережья и эспланады, окраина города была беспорядком из выгоревших и разбомбленных зданий и заводов, от тесного лабиринта Квартала Милгейт на юго-востоке до торговых районов Вэйпорального Квартала и Квартала Албарппан. Смог катился от моря в сильном дожде, и за испарениями нефтехимического дыма, который заставлял небо казаться угнетающе низким, огромные пожары горели к югу от них в Северных Конклавах, как будто открылись врата в ад.

Колонна Мопина прибыла десятью минутами ранее. Колонна его Покорителей и Завоевателей стояла в ожидании с запущенными двигателями на дороге эспланады, уходя назад до верхних улиц Милгейта.

«Гризмунд командует этим театром, так ведь?» спросил Роун.

«Лорд Гризмунд, да,» сказал Майор Мопин, мягко делая ударение на «лорд», чтобы поправить отсутствие протокола Роуна. «Штаб приказал ему закрепиться на юго-западной линии, на случай новой атаки врага.»

«Ну так закрепляйтесь,» сказал Роун. «Вы притащили свои большие пушки и все такое.»

Мопин улыбнулся.

«Подход лорда генерала двойственный. Защитить эти кварталы города, от дома к дому, используя пехоту, и выдвинуть бронетехнику в Северный Конклав и нанести надлежащий отпор любым оставшимся там силам противника там.»

«Мои Призраки устали,» сказал Роун. «Мы были в самой гуще четыре дня назад. Мы отбросили ублюдков. Они с тех пор не спали.»

«Ресурсы растянуты,» ответил Мопин. «Мы ожидаем подкрепления. Вы – жизненноважный пехотный актив.»

«Вы отозвали Хеликсидцев.»

«Частично,» вздохнул Мопин. Он посмотрел на уставших и грязных Призраков, стоящих вокруг него, смотрящих, и отвел Роуна в сторону.

«Со всей откровенностью,» тихо сказал он, «Хеликсидские войска, в лучшем случае, компетентны.»

«Они здесь сломались,» сказал Роун.

«Сломались. Это было отмечено. Последуют расследования. Ваши Призраки, полковник, авторитетное подразделение. Знаменитое своей специализацией. Лорд Гризмунд давно вас знает, я так понимаю, и ценит ваши способности. Можете считать это комплиментом.»

«Это совсем не ощущается,» сказал Роун.

«Я уверен, что так и есть, прямо сейчас. Мы получили убедительные сообщения, что Урдешские, Кейзонские и Витрианские бригады придут, чтобы сменить вас через следующие тридцать часов. Урдешцы будут здесь даже раньше, на самом деле.»

Слушайте, полковник, Первый Лорд Исполнитель отдал этот приказ Лорду Гризмунду лично. У обоих есть история, вы это знаете. И ваши Призраки – личный полк Лорда Исполнителя. Лорду Гризмунду нужны люди, которым он может доверять, чтобы крепко держать эту линию. И он доверяет Призракам Гаунта.»

«Майор,» сказал Роун, «вы продолжаете заставлять все звучать так, как будто все это делает нам одолжение и награждает нас честью. Гаунт отвел бы нас давным-давно.»

«Лорд Исполнитель передал командование зоной Лорду Гризмунду, и Лорд Гризмунд выбрал элитную пехоту Лорда Исполнителя, чтобы она помогла ему в этих усилиях.»

Роун вздохнул и кивнул.

«Тогда...» сказал он. «Сообщение получено. Хорошей охоты, майор.»

«Вам тоже, полковник,» ответил Мопин, и пошел назад к своему танку.

Полковник. Роуну все еще было беспокойно от этого. Он побрел назад к ожидающим отрядам Призраков.

«Мы были делегированы,» сказал он.

«Чего?» спросил Ладд.

«Забудь,» сказал Роун. «Мы удерживаем этот квартал. Еще тридцать часов.»

Они забрели в относительное укрытие поврежденного завода. Дождь капал сквозь секции отсутствующей крыши. Ойстин, адъютант Роуна, разложила карты местности на столе печатника.

«Мы сильно растянуты,» заметил Элам.

«Я знаю,» сказал Роун.

«Бронетехника может зачистить эту зону за пару часов,» сказал Обел.

«Танки движутся на юг,» сказал Роун.

«И эта территория все еще населена,» сказал Ладд. «Мы не можем просто сровнять ее с землей.»

«Какая есть информация по этому поводу?» спросил Роун.

«Эти кварталы не эвакуировали до начала атаки, сэр,» сказала Майор Паша. «Здесь сотни гражданских и рабочих, скрывающихся в руинах, ожидающих, чтобы выбраться наружу. Они прячутся в подвалах и все такое. Теперь, когда артиллерийский обстрел прекратился, они выбирают. Почти без воды, еды, медицинских припасов.»

«Наша разведка встречается с ними постоянно,» сказал Обел. «Они рискуют выйти, потому что они больше не могут оставаться там, где они есть. Мы отправляем всех, кого находим, в город, к ближайшим путевым точкам. В Гэйлене есть лагеря, которые могут принять их.»

«Что делает нашу работу сложнее,» сказал Варл. «Любой контакт, с которым мы случайно встречаемся при осмотрах, может быть дружественным. Могут быть женщины, дети. Мы сдерживаем себя, каждое здание, которое мы зачищаем, каждая дверь, которую мы выбиваем--»

«Я знаю,» сказал Роун.

«Что означает, никаких огнеметов,» сказал Бростин, как будто это было самым большим разочарованием в его жизни.

«Я чувствую твою боль,» сказал Роун. Он уставился на карту и соскреб грязь с подбородка. Это был беспорядок. Даже перед недавней атакой, Эллат был пористым. Танитцы выяснили это ценой своих жизней в размещении у Низкого Острия. В городе были силы инсургентов, либо солдаты Сека, невидимо передвигающиеся, либо симпатизирующие им, уже окопавшиеся в убежищах. Недавний бой оставил Вэйпориаальный Квартал и Квартал Милгейт даже более проницаемым. Добавьте к этому вражеские единицы, которые были оставлены позади или отделены во время отступления.

И само отступление. Разум Роуна продолжал возвращаться к этому. Призраки и другие Имперские силы отбили полномасштабную атаку. Победа, которой стоит гордиться. За исключением того, что они не должны были победить. Архивраг выставил значительно превосходящие войска, приближающиеся позади бронетехники, против сильно растянутых и наспех подготовленных линий обороны. Несмотря на экстраординарные личные действия таких Призраков, как Паша и ее

противотанковых команд, снайперов, и – Трон упокой его – Мколла, итог должен был быть решен в пользу сил Анарха. Милгейт должен был быть захвачен. Батареи должны были быть уничтожены. Элтат должен был быть открыт.

Но Архивраг, внезапно, отступил. Не от поражения. По выбору. Спланированное отступление.

Как будто, думал Роун, они достигли своих целей.

Мысль тревожила его. Он знал, что она тревожит его офицеров тоже, и надеялся, что это тревожит штаб, и лордов генералов, и даже его свежескоронованное превосходительство Первого Лорда Исполнителя. Сек был злобным коварным ублюдком. Он что-то закончил, и они понятие не имели, что это было. Он держал нож у Имперского горла, и он убрал его, не закончив разрез.

«Потому что нож был отвлечением,» пробормотал Роун сам себе.

«Что?» спросил Варл.

«Ничего,» сказал Роун. Он хотел знать. Чтобы выяснить это, он пытался думать, как сын Сека, и это было тем, что ему не нравилось. Тактика Архиврага на Урдеше была малопонятной с самого начала кампании. Это было так, словно пытаться играть в игру, когда никто не озаботился научить тебя правилам.

Ладно, он собирался научиться им. Лорд Гризмунд, один из нескольких старших командующих, на которых у Роуна всегда было время, неверно оценил вещи. Операции в Милгейте и Вэйпориале не были просто вопросом удержания и защиты. Хотя главная битва закончилась, здесь все еще продолжались скоординированные действия врага, по мнению Роуна.

Он снова посмотрел на мятое сообщение. «Обезопасить и удержать юго-восточную линию – Милгейт, Вэйпориал – и препятствовать вражеским действиям в зоне.»

Когда он диктовал этот приказ, Гризмунд, явно, намекал на какую-то зачистку от дома к дому, и на сооружение более постоянной обороны, пикетов и траншей. Но это было открыто для интерпретаций. Роун был хорош в интерпретациях. «Препятствовать вражеским действиям в зоне.» Это был выбор фразы. Враг предпринимал какие-то действия, это просто не было очевидно.

Роун нутром чуял, что атака на Милгейт была уловкой. Теперь у него были конкретные приказы препятствовать. Он собирался следовать им буквально. Нужно было собрать разведданные.

Он посмотрел на офицеров вокруг стола.

«Мы сосредоточимся на зачистке, от здания к зданию,» сказал он им.

«Систематически, территория за территорией. Советую всем ошибаться с точки зрения осторожности.»

«Из-за того, что мирные жители--» начал Ладд.

«Нет, комиссар. Я имел в виду противоположное. Если сомневаетесь, стреляйте.»

«Но--» начала Паша.

«Без возражений,» сказал Роун. «Я думаю, что Архивраг тут повсюду. Прячется, как крысы в обломках. Я не говорю об отставших и выживших. Я говорю об активных единицах. Они что-то задумали. Мои приказы – препятствовать.»

Паша выглядела мрачной. «Мы собираемся, в таком случае, убивать друзей, сэр,» сказала она.

«Могут быть некоторые сопутствующие жертвы,» сказал Роун. «Четко объясните своим отрядам. Если сомневаетесь, стреляйте.»

«Но--» произнесла Паша.

«Как Призраки смогут взять город, майор?» спросил Роун. «Полномасштабное наступление, или просачивание через край, пока кто-нибудь делает достаточно много громкого шума, чтобы отвлечь внимание от нас?»

Паша опустила голову.

«Мы думали, что в тот день отбили атаку,» сказал Роун. «Я думаю, что настоящая атака происходит сейчас. Стреляйте первыми. Донесите это до всех. Я не позволял им перейти это черту, просто потому, что мы думали, что опасность миновала, и мы можем расслабиться.»

Он шел в направлении эспланады. Элам и Обел следовали за ним.

«Никому это не нравится,» сказал Обел.

«Мне это не нравится,» сказал Роун.

«Значит, мы должны--» начал Элам.

«Я сейчас полковник, так что просто следуйте моим фесовым приказам,» сказал Роун.

Жукова стояла у набережной, пристально смотря на ржавеющие оболочки сельскохозяйственных лодок. Роун понимал, почему она тут, и почему вид поглощал ее мысли.

Он повернулась, когда услышала, что он приближается.

«Вам помочь, сэр?» спросила она.

Роун мгновение стоял, пристально смотря на гниющие судна.

«Он не мертв,» наконец сказал он.

«Боюсь, что мертв,» ответила она.

Роун покачал головой.

«Как вы можете быть настолько уверены?» спросила Жукова.

«Потому что в этой фесовой галактике нет ничего, что может убить Оана Мколла,» ответил он.

Он посмотрел на нее.

«Он выбрал тебя в разведчики,» сказал он. Утверждение, не вопрос.

«Да, сэр.»

«Иди, найди Каобера и Вивво. Распространи приказ разведывательным отрядам. Я хочу одного живым.»

«Одного... ?»

«Одного из них. Сына Сека. Нам нужны разведданные.»

«И вы ожидаете вытащить их из захваченного солдата Архиврага?» спросила она.

«Ты понятия не имеешь, насколько убедительным я могу быть,» ответил он.

«Что случилось?» спросила Тона Крийд.

Каобер бросил на нее кислый взгляд. «Не военные, сэр,» просто сказал он. Он вздохнул и пожал плечами. Дым поднимался над маленьким, закрытым стенами двором рядом с заброшенными домами впереди, и Крийд могла слышать крики и страдания раненых.

«Мы пытались зачистить место,» сказал Каобер, делая жест в сторону здания. «Стрелки на верхних этажах. Ларкс уловил какое-то движение во дворе, и Маггс кинул гранату за стену.»

Крийд могла представить остальное. Это был не первый раз, когда случилось такое. Гражданские, прячущиеся, пытающиеся найти убежище, пойманные в перекрестный огонь. Она смотрела, как полковые санитары выводят раненых со двора, мужчин и женщин с ожогами и порезами от взрыва шрапнели. Они всхлипывали, или выкрикивали проклятия Призракам. Она, так же, видела детей. Поблизости, она видела, как несколько Призраков из группы Каобера распаковывают скатки, чтобы накрыть ими мертвых, лежащих во дворе.

Все собиралось стать еще хуже. Роун только что издал приказ «сначала стрелять».

«Они должны были знать, что здесь мирные жители,» сказала она.

«Ммм?» спросил Каобер.

«Стрелки,» сказала она.

«А, да. Они знали,» сказал Каобер. «Сделали маленький прекрасный буфер для ублюдков. Стреляли в нас сверху, заставили нас ворваться и поубивать своих. Ублюдки.»

Он произнес последнее слово так устало, что это заставило Крийд поморщиться.

«Куда они делись?» спросила она. «Стрелки? Вы зачистили здание?»

«Конечно, капитан,» ответил Каобер. «Они исчезли. Сбежали на задние улицы, пока мы разбирались с ранеными.»

Крийд посмотрела на раненых детей, которых Лесп пытался подлатать. Они сидели в дожде, покрытые грязью, глаза смотрели в никуда, пока санитар пытался очистить и закрыть резанные раны на их лицах.

«Они не могли далеко уйти,» сказала Крийд. Она подняла свою лазерную винтовку. «Вы, со мной.»

Призраки, которых она позвала, подошли к ней, с мрачными взглядами.

«Ты тоже, Маггс,» позвала она.

Маггс стоял, прислонившись к стене, и курил сигарету с лхо, пялясь на свои ботинки.

«Оставьте его,» прошептал ей Каобер. Крийд проигнорировала разведчика. Быть мягким никогда не работало. Когда человек в замешательстве, ты возвращаешь его в игру так быстро, как можешь.

Она могла видеть борьбу в Весе Маггсе. Он кинул гранату. Кровь была на нем.

«Идем, Маггс,» позвала она, поманив кивком, затем отвернулась, чтобы показать, что она ожидает, что он последует за ней и ей не придется это проверять.

Они потянулись по аллее, и вышли на примыкающую улицу. Черепица покрывала дорогу, как чешуя, и барабанил дождь. Они держались левой стороны улицы, проверяя взорванные передние части магазинов. Что-то снесло верхушку фонтана в конце улицы, и разбитая труба выступала из глотки обезглавленного грифона, посылая толстый, неравномерный столб воды в воздух.

Сержант Ифван подал сигнал, указывая на что-то через улицу. Крийд пошла вперед, оставив трех человек позади для поддержки. Она добралась до боковой стены низкого здания, которое когда-то было чем-то вроде уличной кухни или столовой. Крийд могла чують гниющую еду и прогорклый жир. Ифван и Маггс проскользнули мимо нее, с поднятым оружием и целясь.

«Что-то внутри,» прошептал Ифван. Крийд кивнула. Она заметила, что указательный палец Маггса находился вне спускового крючка. Он не собирался стрелять, пока не убедится в цели.

Она направилась в темный интерьер, держа свое оружие у щеки, морщась от запаха места. Пол был покрыт разбитыми кружками и стаканами и помятыми жестяными тарелками. Столы были перевернуты. Доска, на которой писали мелом, была сорвана со стены, и лежала передней частью кверху, показывая цены и выбор дневного меню, простые кушанья для заводских рабочих района.

Она заметила движение.

«Погодите!» прошипел Маггс.

Он посветил фонариком. Она увидела кучку фигур, вспышку голубого.

«Выходите!» крикнула она. «Сейчас же!»

Их было шестеро, священники аятани в голубых робах. Они были грязными и промокшими насквозь, и с подозрением смотрели на солдат Милитарума.

«Хвала Беати,» пробормотал один.

«Хвала, в самом деле,» сказала Крийд. «Вы прятались здесь?»

«Мы пытались уйти, но там была стрельба,» сказал другой.

«Вы – эшоли?» спросила она.

Аятани с удивлением посмотрели на нее. Термин был весьма малоизвестным, и они не ожидали услышать его от Гвардейца-иномирца.

«Да,» сказал первый. «Пилигримы идут, чтобы встать рядом со Святой.»

«Пилигримы путаются под ногами,» пробормотал Маггс. «Это – зона военных действий.»

«Мы идем там, где проходила она, и идем туда, куда идет она,» сказал один их эшоли.

«Здесь вам не место--» начал Маггс.

«Хватит, Маггс,» сказала Крийд. «Сколько вас здесь? Там сзади есть еще кто-нибудь? Нет? Тогда выходите.»

Они вывели их на улицу. Эшли заморгали от дневного света и поежились.

«Мы не можем сопровождать вас,» сказала Крийд, «но, идите в ту сторону. На запад. Когда доберетесь до главной дороги, поверните на север. На Площади Фейлин станция помощи. Идите быстро. Не оборачивайтесь.»

Эшли кивнули. Один попытался дать Крийд веточку ислумбина. Она отказалась и подстегнула их идти.

«Кто идет на войну?» спросил Маггс, пока смотрел, как уходят аятани.

«Я слышал, что у флота проблемы с кораблями пилигримов,» сказал Ифван. «Они пытаются держать их вне мира, и у большинства кораблей нет достаточного запаса еды, чтобы оставаться на орбите.»

«Как они вообще узнали, что она здесь?» спросил Мкван.

«По той же самой причине, по которой мы здесь делаем эту фесово тупую работу,» сказала Крийд. «Вера в нечто большее, чем мы сами.»

Маггс поднял свое оружие.

«Еще они,» сказал он.

Через улицу, еще одна группа пилигримов появилась из укрытия. Их было больше двадцати, в голубых робах, тащащих пожитки. Вероятно приободренные видом того, что отряд Крийд позволил другим пилигримам пройти, они выбрались из укрытия, чтобы наполнить свои фляжки из сломанного фонтана. Они все были низкими и худыми, сгорбленными от возраста и усталости. Они напомнили Крийд птиц, прилетевших, чтобы попить.

«Фесовы идиоты,» сказала Крийд.

«Я отправлю их дальше, капитан,» сказал Маггс. Он пересек улицу. Крийд могла видеть, что к нему возвращается уверенность. Его выбило из колеи, но она заставила его продолжать. Теперь, когда они спасли несколько жизней, некоторые цифры в его голове начали выравниваться. Он был больше похож на старого себя, дерзкий Вес Маггс, который плюет в глаза любому, включая смерть.

Больше похож на старого себя, подумала она, но не совсем. Дети с пустыми взглядами и окровавленными лицами будут преследовать его. Откололся еще один кусочек хорошего человека.

«Вам нельзя здесь оставаться,» сказал Маггс эшли вокруг фонтана. Они безмолвно посмотрели на него.

«Вам нужно идти,» сказал Маггс. «Идите, в ту сторону. В ту сторону.»

«Ты убьешь нас, солдат?» спросил лидер группы. Он слегка выпрямился. У него был некоторый рост, когда он не горбился, и было сложно определить его возраст. Он был худым, а его кожа морщинистой и обветренной, от долгих паломничеств и бедных рационов.

«Нет,» сказал Маггс. «Нет, не убью. Просто идите. Забирайте свои вещи и идите в ту сторону. На запад. Как вас зовут?»

«Хадрел,» сказал человек. Его глаза были странно плоскими и бесцветными, как и его тон.

«Вы – аятани?»

«Я - Хадрел.»

«Вам нужно увести свою группу, отец. Вы понимаете? Так быстро, как возможно. С этой улицы, на запад.»

Хадрел бросил взгляд на своих последователей. Они собрали свои вещи и начали идти.

«Вот так,» сказал Маггс. «Марш отсюда.»

Крийд подошла к нему.

«В чем проблема?» спросила она.

«С ними?» спросил Маггс, делая жест в сторону уходящих пилигримов. «Шок, держу пари. Они были просто таинственными со мной. Как будто им наплевать.»

«Вероятно, они прошли через дерьмо,» сказала Крийд. «И с каких это пор аятани не таинственные? Ты встречал Цвейла?»

Маггс улыбнулся.

«Они живы, Маггс,» сказала Крийд. «Когда они запихнут внутрь еду и соберутся с мыслями, они будут благодарить солдата, который указал им на безопасное место.»

Дом Гентези находился на полпути вверх по холму, где Вэйпориальный Квартал переходил в Квартал Албарппан. Это был крепкий пасторальный дом, сделанный из обработанного оуслита, его уличные окна были высокими и голубыми. К задней части его значительного надела примыкали заводские здания и мастерские залы, с высокими крышами и сделанные из местного камня. Хромированные дымоходы выходили из котельного зала.

Дом пережил недавний конфликт в районе невредимым, но Гентези не были настолько успешными последние несколько поколений. Когда-то они были одним из наиболее успешных династических семейств на Урдеше, светские техники, близкие к могущественным Механикус. Их могущество уменьшилось за время долгих лет войны, поскольку Механикус все меньше и меньше полагались на мастерские династических конклавов. Собственность Гентези уменьшилась с трех дюжин торговых залов в южных районах Элтата до этой одной маленькой крепости индустрии, производящей штыки, пряжки и фокусируемые кольца для полков Урдеша.

В большом зале, дождь на выходящих на улицу окнах омывал помещение голубыми, движущимися узорами, как на дне бассейна. Ян Жерик, ординат конклава, помешал угли в огромном, богато украшенном камине кочергой, а затем закрыл решетку. Он осторожно оглядел своих гостей. Они закончили есть, и теперь тихо сидели.

Ян Жерик был гордым человеком, одетым в хороший голубоватый пиджак и украшенный вышивкой жилет. Серебряные ключи и символы его звания, как ордината, висели на его шее на длинной цепочке. Его белая рубашка была с высоким воротником, а навершие его прогулочной трости представляло собой изображение движителя его любимого конклава.

Яна Жерика терзали сомнения насчет предприятия с самого первого прошептанного предложения. Но Гентези был превыше всего, и его долгом было убедиться в его процветании и выживании. С самых ранних дней династий, войны конклавов велись всеми способами, и открытое применение силы было самой редкой формой. Торговые войны, шпионаж, убийства... это было в арсенале Урдешских конклавов. Верность конклаву, выживание, богатство и знание были краеугольными камнями. Несмотря на риски, и неприятные аспекты, предприятие сулило беспрецедентные богатство и знания Конклаву Гентези. Он был бы недобросовестным, в качестве ордината, если бы проигнорировал удобный случай.

Он услышал стук снизу, кто-то методично стучал по входной двери. Ян Жерин кивнул лакею, и лакей поспешил прочь, чтобы ответить.

«Несколько последних,» сказал лидер гостей, поднимаясь на ноги. У него был сильный акцент.

«Их поприветствуют, сэр,» сказал Ян Жерик, «как поприветствовали вас.»

«Я уверен, что так и будет,» ответил Коррод.

Лакей вернулся, ведя посетителей снизу. Они прошаркали внутрь, и остановились, насквозь промокшие, осматривая зал с высоким потолком и старые фрески.

«Место... безопасно?» спросил их лидер.

«Да,» сказал Коррод. «Вы последние.»

«Они прочесывают улицы,» сказал новоприбывший. «Выискивают. Охотятся.»

«Как близко?» нервно спросил Ян Жерик.

«Мы уйдем до того, как они придут, чтобы обыскать ваши владения, ординат,» сказал Коррод. «Если только все на месте, как вы обещали.»

«На месте,» сказал Ян Жерик. «Все, что вы запрашивали.»

«И доступ?»

«Остается открытым, сэр,» сказал Ян Жерик.

«У нас есть данные?» спросил лидер новоприбывших. «Надежная информация?»

Ян Жерик вытащил пакет документов из украшенного вышивкой жилета. Он развернул их и разложил на маленьком столе. Коррод и лидер новоприбывших посмотрели через его плечо.

«Мы полагаем, что место здесь,» сказал Ян Жерик, указывая на часть нарисованной вручную карты.

«Мы?» спросил Коррод.

«Информация, предоставленная агентами моего конклава,» сказал Ян Жерик.

«Это точно?» спросил лидер новоприбывших.

«Ничего прямого,» ответил Ян Жерик. «Механикус, и остальные органы Имперской машины, держат такие данные в секрете. Их воинственная самоуверенность, конечно же, часть проблемы--»

«Не отклоняйтесь от сути,» сказал Коррод. «Мы понимаем вашу обиду, ординат. Вы поможете нам, и мы обеспечим вас лучшее будущее.»

Ян Жерик кивнул. Он не понимал, чего ждать от своих гостей, но Коррод и его компаньоны, и новоприбывшие, казались просто разочаровывающими. Худые и дрожащие, немые и воняющие от дней, проведенных на открытой местности. Они казались слабыми и истощенными, и совершенно не подходящими для предстоящей задачи. Он был в унынии.

«Это вопрос нахождения дыры в доступных данных,» сказал он. «Перемещение и переназначение адептов-специалистов Механикус из другого предприятия в это. Эти переводы были осуществлены после прибытия в город боевого корабля *Армадюк*. Так же, классификация некоторых данных специфична для ордоса. Значит, путем исключений, мы можем увидеть... специалистов переместили в это место за последние несколько дней. Более высокая сортировка всего входящего трафика относится к указанному месту. Они маскировали то, что делают там, но мы может увидеть эту маску. То, что вы ищете, здесь.»

«По вашему мнению,» сказал лидер новоприбывших.

«Вероятность высока, сэр,» сказал Ян Жерик. «Ради достижения нашей сделки, я нацелен на старательное исполнение своей части. Я бы сказал, вероятность девяносто пять процентов. Есть еще одно потенциальное место. Здесь. Но здесь, мы думаем, не место для исследований или анализа. Комплекс слишком маленький. Полагаю, что там держат пленника. Предателя, фегата.»

Коррод кивнул. «Снаряжение?» спросил он.

«Лежит, в подуровнях,» сказал Ян Жерик.

«Тогда, ладно,» сказал Коррод. «Мы можем начать. Я возглавлю усилия здесь, у основной цели. Ты возьмешь вторичную цель.»

Лидер новоприбывших кивнул.

«Мы закроем обе возможности,» сказал Коррод. «Если вторая – фегат, тогда мы получим некоторую справедливость.»

Он посмотрел на новоприбывших.

«Снимите эти чертовы роботы. Сожгите их.»

Люди сняли свои мокрые, голубые шелковые роботы, и прошли мимо Яна Жерика, чтобы запихнуть их в железный камин.

«Ты готов, сирдар?» спросил Коррод.

«Да, мой дамогор,» ответил Хадрел. «Его голос приказывает нам, и мы подчиняемся, потому что его голос заглушает все остальные.»

ПЯТЬ: ПОКИДАЯ САДИМЭЙ

Монастырский воздух пах горением: горячей историей, горячей верой, горящими традициями. Сыны были в доме записей и библиотеке старой Базилики, сметали книги с полок и сбрасывали их в костры, которые горели у низких лестниц. Мколл проходил мимо них, прижав свой нож к спине Олорта, направляя его. Его инструкции были незамысловатыми, и он донес их до Олорта на его языке: привлечешь внимание ко мне и умрешь первым.

Некоторые из сынов даже отдавали ритуальные салюты – рука на рту – дамогору и его сирдару, когда они проходили. Униформа сирдара едва адекватно сидела. Человек был как выше, так и шире, чем Мколл. Но старший разведчик сделал несколько подгонок, надеясь, что грязь и засыхающая кровь скроют любое несходство, и, к тому же, единая дисциплина униформы Сынов Сека никогда не казалась точной для него. Для него они все выглядели, как толпа грязных, оборванных варваров, рейдеров пустошей, кто мало заботился о том, если пуговица или эполет отсутствовали, или пара ботинок не была начищены.

Но что он знал? Он был Имперской породы. Он понимал и узнавал униформы Астра Милитарум во всех вариациях. Он мог отличить солдата Трона от солдата не-Трона с первого взгляда из-за культурных особенностей. Но Сыны не были его наследием. Этот разрушенный остров, этот мир, больше не были его культурой. Он был глубоко в сердце Архиврага, намного глубже, чем он был на Гереоне. Какие детали он должен был заметить, какие детали мог он упустить своими чуждыми глазами? Он обнаружил, что одержимо работает с деталями. Грязь на ботинках людей, пятна крови на их залатанных мундирах. Было ли это просто случайно, просто грязь? Или это было каким-то спланированным отличием... знаками, нанесенными, чтобы обозначить кое-что?

Как он подавал себя? Обычай и привычки Кровавых Племен, с тех заграничных диких миров, откуда Сек и тот ублюдок, Гор, набирали свои войска, были полностью чужды ему.

Мколл воображал себе, что когда, неизбежно, его, наконец-то, раскроют, это будет какая-то смехотворно маленькая деталь, которая выдаст его. Какая-то крошечная Кровавая традиция, которую он не был в состоянии узнать.

Пока они шли по галерее монастыря, он решил, что это может быть шлем. Он застегнул его на лице, противная кожаная маска, закрывающая его нос и рот. Дубленая человеческая кожа, рука без костей, трофей, превращенный в подбородочный ремень, который символизировал жест повиновения Сынов Сека своему Анарху. Именно это. Прикосновение этого к его рту вызывало в нем рвотный рефлекс. Он бы сорвал это, чтобы освободиться от этого, открыть себя, и быть раскрытым.

Они вышли на колоннаду, которая возвышалась над гаванью Базилики. Склон холма под Базиликой почти отвесно спускался к докам и каменным продуктовым хранилищам. Мколл заставил Олорта остановиться рядом с низкой оуслитовой стеной, и посмотрел за нее.

День был серым. В воздухе был дождь. В тридцати километрах перед ним, за неприветливыми водами пролива, находился материк, индустриальные береговые линии и тусклые здания юго-западного Элтата.

Это было тем местом, откуда они забрали его.

Он не мог видеть сам город. Его громада, и массивная вершина города и дворец на ней, были скрыты погодой и несомым ветром дымом. Битва в тех юго-западных районах была интенсивной. Целые зоны были в огне, и столбы дыма растянулись по небу на километры, плотные и темные.

Это казалось таким близким. Пролив казался переплываемым. Но он понимал, что масштаб вводил его в заблуждение. Тридцать километров, в холодной воде, с сильными течениями. Если он и сделает это, чего он не сможет, тогда затем еще сорок километров пешком через индустриальные зоны Династических Конклавов до того, как он даже доберется до формальных внешних границ Элтата. И это все было вражеской территорией, удерживаемой Сынами Сека. Даже границы города были оспариваемыми.

Мколл посмотрел в другую сторону. Большие черные скалы и вершина холма Базилики Острова Садимэй находились справа от него, но над его зазубренной кромкой, он увидел туманные воды канала, и розовато-лиловые очертания других островов. Он покопался в своей памяти, пытаясь вызвать в ней топографические

карты, которые он видел во время инструктажей за последние несколько недель. Его фокус был на Элтате и на его лабиринте улиц и кварталов. Он мало уделял внимание тому, что было снаружи, огромным конклавным территориям, индустриальным промышленным районам, соседствующим городам-кузницам. Он знал, что Пролив простирается от низа Великого Залива Элтата на юг, и что он был главным судоходным каналом. Он отделял цепь островов от материка. Садимэй был одним из главных островов из-за его религиозного центра. Когда-то здесь было регулярное паромное сообщение для паломников и кузнepоклонников. Но он был, всего лишь, одним из многих. Вся планета была покрыта волдырями из цепей островов и групп и архипелагов, большинство из которых были вулканическими. Садимэй был только одним из сотен в этой индивидуальной цепи, некоторые расположены близко, разделенные намного более узкими каналами, не больше пары километров, местами. Сможет ли он, возможно, найти прибежище там? Только на некоторое время. Добраться до одного из маленьких островов, какого-то, который Сыны Сека посчитали стратегически неважным, и просто подождать?

Было ли это тем, что он хотел сделать?

У Мколла была идея, и она заставляла его волноваться даже от мысли об этом. Появилась ли она от безумия, или от отчаяния, или от высшего призыва? В последнее он не слишком верил, так что он положился на отчаяние.

Он посмотрел вниз на маленькую гавань. Маленький порт острова кишел. Суда подходили к берегу маленькими флотилиями, некоторые оставались вне берега, пока ожидали, что причал очистится. Они были загружены солдатами Архиврага, отведенными с материка или привезшими больше Имперских пленников на Садимэй для обработки.

Но сельскохозяйственные лодки и баржи снова загружались, так же быстро, как и опустошались. Враг был в процессе покидания Садимэя. Плотнo нагруженные и с низкой осадкой от веса людей и машин, баржи покидали док и направлялись в Пролив, плывя на юг и оставляя за собой ровные кривые потревоженной воды.

Поворачивая направо. Направляясь к каналу, ведущему в цепь островов.

Мколл потянулся к Олорту. Движение заставило дамогора вздрогнуть.

«Спокойно,» прошипел Мколл на вражеском языке. Он выудил полевые очки Олорта из его поясной сумки.

Он просканировал гавань, рассматривая ее с большей детализацией через маленькие, грязные очки. Жалкие кучки заключенных ждали на причале погрузки на транспорт. Значит, они оставляли некоторых в живых, и перевозили их на острова. Все пленники были из Гвардии. Были ли они теми людьми, кто сменил сторону? Предложили ли им тот же самый выбор, который Олорт предложил ему, и сказали да?

Если это было так, значит, призыв на военную службу ждал их на островах. Призыв, и принесение клятв их новой верности. И ты не можешь поклясться без того, чтобы там был кто-то, кому поклясться.

Он ослабил мерзкий подбородочный ремешок и вытер рот. Кто? Этогор? Старший военачальник? Кто-то, более значимый?

Он снова посмотрел в очки. На северном конце доков он увидел группу маленьких привязанных лодок. Маленькие катера и два или три водных мотоцикла.

Маленькие и быстрые. Просто находятся вон там. Один из них мог бы перевезти его через Пролив менее, чем за час. Сирдар на одноместном мотоцикле, перевозящий секретные приказы офицерам на материке. Может, у него получится. Может быть, он сможет добраться туда вниз, реквизировать один из мотоциклов, и вырваться.

Может быть, он даже сможет отдалиться на расстояние входа в гавань до того, как кто-нибудь погонится за ним и береговые батареи начнут отслеживание, чтобы уничтожить его.

Это был шанс. Он был тонким, как клинок у фесового ножа, но это был такой шанс, с которым он имел дело всю свою жизнь.

«Планируешь побег?»

Мколл бросил взгляд на Олорта. Дамогор пристально смотрел на него со смутным весельем.

«Заткнись,» сказал он.

«Ты так далеко не доберешься, Призрак,» сказал Олорт. «Кто-нибудь заметит.»

«Не ты,» сказал Мколл.

Олорт пожал плечами. «Нен. Не я. Я буду мертв. Ты перережешь мне горло, чтобы я замолчал до того, как ты предпримешь эту авантюру. Но кто-нибудь заметит.»

«Заткнись,» сказал Мколл.

«Оставь это, сейчас,» сказал Олорт. «Оставь эти мечты, Мах-колл. Тебя не убьют. Это, я клянусь. Ты особенный. Ты – энкил вахакан. Мы перевезем тебя туда, где ждет освобождение. Ты разделишь слова с тем, кто говорит всю правду. Жизнь будет твоя, если ты отречешься и дашь клятву. Это, я могу тебе обещать.»

«Ты, серьезно, не в том положении, чтобы делать или сдерживать любые обещания.»

«Ой, но это так, несмотря на нож у моей спины,» сказал Олорт.

«Не притворяйся, что ты беспокоишься о том, буду ли я жить или умру,» сказал Мколл.

«Не буду,» сказал Олорт с удивительно честным мотанием головой. «Ты – архивраг. Я бы хотел, чтобы мог благословить тебя – вахуз тер тса. Забрать твой свет с этого мира. Но я думаю о себе. Ты – энкил вахакан. У тебя высокая ценность, и такая ценность может быть доставлена тому, кто нашел тебя и выбрал тебя. Наш голос говорит нам быть внимательным к тебе.»

«Значит, ты получишь выгоду?» спросил Мколл.

Олорт снова пожал плечами, неуверенно, как будто в этом не было последствий.

«Приведя меня,» сказал Мколл. «Это будет хороший балл для тебя? Повысит твой статус? Выиграет тебе расположение? Что ты получишь? Повышение? Этогор Олорт?»

Олорт вздрогнул от отвращения при звуке слова на губах врага.

«Кха,» признал он, неохотно. «Я буду повышен. Возможно, получу награду.»

«Деньги? Кровавые деньги?»

Олорт нахмурился.

«Вещи, которые такие, как вы ценят, Призрак,» пробормотал он. «Деньги. Повышение в звании. Мы не гонимся за такими дурацкими пустяками. Я имею в виду дар, который может быть пожалован. Паспорт – это то слово? Паспорт в элиту. Командный пост. Ответственность. Власть. Статус. Или даже дар переделки.»

«Это что?»

«Великое благословение Восьмеричного Пути. Изменение формы, приток святых даров. Чтобы быть перекованным и переделанным искусниками нашего мага. Чтобы быть выбранным и измененным, возможно даже в качестве Сенешаля Путей, или в качестве Кимураха.»

«Чего? Я не знаю это слово.»

«Избранного из избранных. Благословенный переделанный.»

Мколл пожевал губу и изучил улыбающееся лицо дамогора.

«Ты амбициозный маленький фес, так ведь?»

«Я иду туда, куда голос говорить мне идти, Призрак, и я возвышаюсь через мою преданность.»

Мколл бросил взгляд на серые воды внизу. У него был выбор. В любом случае, назад пути не было. Отчаянный, вероятно самоубийственный побег в поисках безопасности, или что-то, гораздо более безумное.

«Ты нашел сегодня энкил вахакан, дамогор,» сказал он. «Если бы ты контролировал его, если бы он не держал нож у твоей спины, что бы ты сделал? Куда бы ты забрал этого особенного пленника?»

«В Оплот,» сказал Олорт.

«Это где?»

Олорт сделал жест направо от них. Цепь островов.

«Значит, ты бы доставил меня к голосу?» спросил Мколл.

«Да,» сказал Олорт.

Ржавеющая баржа была старым сельскохозяйственным судном, полезные дни которого давно прошли. Сирдары, управляющие причалом, задействовали все доступные суда. Палуба и борта баржи были проржавевшими, и она воняла гнилью и плесенью. Почти семьдесят сыновей толпились на борту, вместе с дюжиной напуганных Имперских пленников в наручниках.

Баржа вышла из гавани Садимэя, грохоча и скрипя двигателями, оставляя тусклые серые скалы за кормой. Высоко наверху Базилику подожгли. Корона пламени цеплялась за вершины скал, поднимая густую пелену черного дыма в морской воздух. Сажа и пепел падали вниз так же мягко, как снег.

Сельскохозяйственная лодка была одной из восьми в маленькой медленной флотилии барж и суденышек. Одну даже тащила другая на длинном просмоленном канате. Они выползли в Пролив, тяжело покачиваясь, медленные и тяжелые, как будто траурная процессия. Люди на борту держались за боковые поручни или за проволочные опоры, чтобы оставаться в вертикальном положении при качке.

Они отошли от Садимэя и его горячей короны, и потащились на юг по Проливу. В паре километров впереди, они могли видеть другие маленькие флотилии, как их собственная, поворачивающие на юг в бледных водах канала. Еще дальше, острова, несколько скал и атоллов, несколько больших полос пурпурного цвета во влажной дымке.

Вояж длился три часа, мимо островов и скал по обе стороны, пока большая часть неба впереди, которая несколько раз казалась мрачным черным очертанием приближающегося с запада шторма, изменилась и затвердела.

Еще один остров. С высокими скалами, такими же черными, как богатая плодородная земля потерянных Танитских лесов. Он был огромным, во много раз больше, чем Садимэй, с возвышающимися склонами, похожими на крепостные валы какой-то крепости, воздвигнутыми титанами из старого мифа. На воде были радужные пятна от прометиума, а воздух вонял массивными машинами и тяжелой промышленностью.

Пыхтящая флотилия вошла в тень скалистых утесов. Там был огромный входной канал, арочный проход, похожий на морскую пещеру в пару километров шириной.

Баржи последовали по каналу, пока не начали проходить под каменной аркой и остров не поглотил их.

Стало темно. Шум от уставших двигателей флотилии громко отдавался эхом в широких пределах каменного прохода.

Мколл стоял на корме баржи, рядом с поручнем. Руку он держал у спины Олорта. Тьма накрыла его, закрыв небо.

Назад пути не было.

ШЕСТЬ: ПОКРОВИТЕЛЬСТВО

«Вы проводите расследование Еретикус в моем полку?» спросил Гаунт.

«Ваше определение неверно, Лорд Исполнитель,» ответила Инквизитор Лакшима.

«Это скорее--»

«Вы руководите расследованием?» более твердо спросил Гаунт. Резкость его вопроса заставила комнату затихнуть. Они сидели за столом в пустой административной комнате, которая находилась недалеко по коридору от апартаментов Гаунта. Даур реквизировал комнату для того, что, явно, должно было быть закрытым заседанием.

Даур сидел рядом с Гаунтом с невозмутимым выражением лица. Полковник Грае сидел рядом с инквизитором. Харк занял стул в конце стола, как будто он, каким-то образом, проводил обсуждение. Он сам себе выбрал место. Его глаза были суженными. Он мог видеть, как Лакшима тестирует терпение Гаунта, прямо как она тестировала его.

Гол Колеа сидел в одиночестве на стуле с низкой спинкой в углу, пялясь на пол.

«Да, мой лорд,» сказала Лакшима. Полированные золотые секции ее частично аугментированной головы сияли в свете ламп. Ее было невозможно прочитать. Была ли она недовольна? Раздражена? Смущена? Виктор Харк понимал, что не было никакого способа узнать это. Ее лицо было маской. Это делало ее очень хорошей в своем деле. Это было, вероятно, из-за того, что она переделала себя так, после какого бы там ни было серьезного повреждения, которое она испытала.

Без сомнения, заслуженного, подумал Харк.

Недовольство Гаунта было очевидным.

«Исследуете мой полк? И диспозиции Астра Милитарум на Урдеше?»

«Да, мой лорд.»

«Без одобрения? Без уведомления кого-нибудь из высшего командования?» спросил Гаунт.

«Вопрос чувствительный--»

«Значит само высшее командование под подозрением?»

«Я не сказала--»

«Вы много чего не говорите, инквизитор,» сказал Гаунт. «Но вы бы проинформировали старший военный состав, если только вы не думаете, что старший состав так же, потенциально, замешан.»

«Я информирую вас сейчас, лорд,» сказала Лакшима. «Я пришла сразу к вам.»

«Не сразу,» сказал Гаунт. «Сначала, вы взяли под стражу одного из моих офицеров.» Он посмотрел на Колеа, чье внимание оставалось решительно зафиксированным на полу. «Затем вы пришли ко мне с вопросами, а не по официальным каналам. Это не информирование меня. Мой человек, мой полк. Я тоже попал под компас вашего расследования, так ведь?»

«Лорд, это просто ускорение формальностей в соблюдении установленных норм--» начал Полковник Грае.

«Я так не думаю, полковник,» сказал Гаунт. Грае закрыл рот. Гаунт вернул свой лишающий духа взгляд на инквизитора.

«Спрашивайте. Говорите. Информировуйте,» сказал он. «Если вы хотите ускориться, покончим с этим, и я буду сотрудничать.»

«Вы правы, мой лорд,» невозмутимо сказала Лакшима. «У нас есть спорные вопросы, которые касаются Танитского Первого и, следовательно, вас. Эти вопросы распространяются на другие департаменты Астра Милитарум и другие полки, и, просто из-за вашего статуса, на высшее командование.»

«Выкладывайте мне эти вопросы,» сказал Гаунт.

«Это вопросы строгой конфиденциальности, которые--»

«Нет,» сказал Гаунт. «У вас есть допуск, у Грае есть допуск, и у меня есть допуск, все на высочайшем уровне. Из-за моего статуса, на который вы так тактично указали, присутствующие офицеры моего полка, следовательно, тоже авторизованы.»

Лакшима слегка пожала плечами.

«Потребуется определенная ратификация,» сказала она. «Для Комиссара Харка, Капитана Даура и Майора Колеа... документы и одобрение на раскрытие информации--»

Гаунт помотал головой. «Опять притворство. Если ваше расследование направлено на весь Астра Милитарум на Урдеше, то кто стоит за границами этой компетенции, чтобы подтвердить и одобрить такую авторизацию? Вы прячетесь за правилами, которые стремитесь нарушить, прося нас гоняться за призраками в Администратуме, зная, что мы никогда не получим ответ. Давайте начистоту. Я ратифицирую их. Прямо сейчас. Этими словами.»

«Да, мой лорд,» сказала Лакшима.

«И вы одобрите их своими, от лица ордоса,» добавил Гаунт.

«Да, мой лорд,» сказала Лакшима. «Мы будем считать их допущенными к нашему обоюдному удовлетворению.»

«Хорошо,» сказал Гаунт. «Начинайте.»

«На Урдеше был некоторый кризис,» сказала Лакшима, «который существовал до вашего возвращения. Банальное преодоление угрозы от военных сил Анарха, сочетающееся с отсутствием понимания его тактики. Сейчас, по большей части, это решено. Ясно, что стратегия Анарха на Урдеше была зеркальна нашей до мельчайших подробностей: заманить, удержать и уничтожить лидеров соперника. Уничтожение магистра войны и его высшего командования. Кастрирование этого крестового похода.»

«Я думаю, что мы можем согласиться, что Лорд Исполнитель сыграл немаловажную роль в раскрытии этой уловки,» сказал Грае Лакшима. «Он увидел ловушку Сека, и предотвратил, чтобы она захлопнулась, и--»

«Пожалуйста, не надо,» сказала Лакшима.

«Что не надо?» спросил Грае.

«Пытаться льстить и поддерживать этих людей,» сказала Лакшима. «Они из вашей организации, Грае, не моей. Я служу Трону, напрямую. Мои намерения не

фильтруются слоями такой обширной организации с узким кругозором, как Астра Милитарум.»

«Я советую вам не настаивать на этой точке зрения,» спокойно сказал Харк.
«Говорите, что, фес вас, хотели или тащите свою фесову задницу за дверь.»

Лакшима посмотрела на Гаунта. «Разве вы не сделаете выговор своему человеку за такое--»

«Я обнаружил,» сказал Гаунт, «когда стал старше, что Астра Милитарум в самом деле обширная организация с узким кругозором, инквизитор. Накрахмаленная излишней формальностью и протоколом, и задушенная цепями командования. Поэтому, в этой комнате, Виктор может говорить все, что у него на уме при моей полной поддержке. Говорите, что, фес вас, хотели.»

Лакшима откинулась на стуле с прикованными к Гаунту глазами.

«Какими бы ни были ваши достижения в раскрытии правды об уловке Анарха,» сказала она, «я не верю, что она закончилась или даже осуществлена наполовину.»

«Значит, в чем-то мы согласны,» сказал Гаунт.

«И само ваше возвращение – это проблема,» сказала Лакшима. «Потому что она изменила природу вещей. Природу кризиса. Какую бы длинную игру не пытался вести Сек на Урдеше, она изменилась, чтобы приспособиться к вам.»

«Ко мне?»

«Материал, который вы принесли с собой с Предела Спасения,» сказала Лакшима. «Его смысл нам неизвестен, но он, явно, имеет огромное значение для врага. Такое значение, по факту, что он желает отказаться – или, по крайней мере, отложить и модифицировать – от схемы войны, которую он готовил и выполнял за последние годы.»

«Орлиные камни,» сказал Гаунт.

«Да, эти артефакты,» сказала Лакшима.

«Несомненно, Глифотек--» начал Грае.

«Без разницы,» сказал Гаунт. Он посмотрел на Лакшиму. «Опять же, согласен. Я верю, что последнее нападение на Элтат было скорее для того, чтобы возвратить указанные предметы, чем уничтожить высшее командование.»

«Атака была отражена,» сказал Даур.

«Разве, капитан?» спросил Лакшима.

«Да, Бан, разве?» спросил Гаунт, бросив взгляд на Даура. «Главная атака была отражена. Вероятно. Определенно, они отступили, без предупреждения. До защищенных объектов не добрались. Это могла быть уловка. Прикрытие для какой-то тайной цели, теперь тайно полученной.»

«Но Беати нанесла удар по Секу в Гереппане,» сказал Даур. «Это, безусловно, был решающий фактор? Время не было точным совпадением.»

«Это кажется вероятным,» сказал Гаунт. «Он мог пострадать от работы Беати. Фес знает, он может быть даже мертв. Но его стратегия – нет. Мои кишки говорят так. Сек не был повержен четыре ночи назад. Он не ушел из Элтата и Гереппана с пустыми руками и выпоротой задницей. Чего бы это ему не стоило, он чего-то достиг.»

«И мы не знаем, что это?» сказал Даур.

«И мы не знаем, что это,» сказал Гаунт. «Но враг под покровом тьмы, и нам не нужно знать, где он. Нам просто нужно подготовиться.»

«Это мысли высшего командования?» спросила Лакшима.

«Это мои мысли,» сказал Гаунт. «Этого достаточно.»

Лакшима собиралась сказать, когда в дверь постучали.

«Не обращайтесь внимания,» сказал Гаунт.

Стук раздался снова. Даур с Харком были в процессе вставания, но Гаунт отодвинул свой стул и быстро пошел к двери.

Санкто и другой телохранитель стояли в коридоре снаружи. Поблизости стояли Белтайн и Мерити и члены свиты Лакшимы, ждущие там, где им сказали ждать, вместе с тактиком Байотой и несколькими офицерами из Тактической Службы,

которых Гаунт не знал. Позади них стояли два офицера из командного эшелона, их галуны обозначали их, как членов штаба Вон Войтца.

«Мой лорд--» начал Санкто.

«Не сейчас,» резко бросил Гаунт и захлопнул дверь перед его лицом.

Он медленно пошел назад к своему стулу.

«Что такое эти орлиные камни?» спросил он.

«Мы не знаем,» сказала Лакшима. «Сейчас они объекты детального изучения.»

«Где орлиные камни?» спросил Гаунт, садясь и поправляя свой стул.

«В безопасности,» сказала Лакшима.

«Где?»

«Это засекречено.»

«Но они стратегически важны?»

«Мой лорд,» сказала Лакшима, «они могут быть кусками разломанного кирпича, но если враг считает их важными, мы тоже должны. Даже если они священные объекты без существенной ценности или мощи, они все еще могут провоцировать Архиврага на действия, к нашему неудобству.»

Она сделала паузу.

«Тем не менее, мы верим,» сказала она, «что они пагубные.»

«Пагубные?»

«Мое расследование их природы и предназначения открыло связь с вашим Майором Колеа, и поэтому я взяла его под арест для допроса. Майор Колеа раскрыл, с неохотой, что он знает больше о камнях и смежных вопросах, чем он признался вам, или кому-либо еще.»

Гаунт посмотрел на Колеа. Колеа все еще пристально смотрел в пол. Гаунт видел сжатые мускулы на его челюсти.

«Пагубное влияние,» сказала Лакшима, «такое, которое распространяло свою силу на вашего человека, и, следовательно, на весь ваш полк, с тех пор, как вы завладели объектами. Относительно мирового времени, Лорд Исполнитель, это уже десять лет. Некоторые из сомнительных событий вашей одиссеи домой могут быть связаны с этим. Ваш несчастный случай при переходе из варпа... любопытное спасение вашего корабля боевым крейсером Архиврага, который, определенно, не захотел уничтожить явно определенного врага, потому что он знал, что нечто ценное было на борту... даже высадка для пополнения припасов на Айгор 991, миссия, в которую Майор Колеа был вовлечен лично.»

«Значит,» сказал Гаунт, «вы хотите предъявить обвинения Лорду Исполнителю в еретическом заражении?»

«Мой лорд,» сказала Лакшима, «о вас и о вашем полку есть тревожные записи о том, что вы выходите за рамки допустимого поведения. Я могу сослаться на вашу миссию на Гереон в 774, и на подозрения, которые последовали после вашего возвращения с этой миссии, что вы провели слишком много времени в запятнанном окружении удерживаемого Хаосом мира.»

«Ссылайтесь на все, что хотите,» сказал Гаунт. «Те вопросы закрыты. Мы были признаны лояльными. Я был восстановлен в правах, и мой полк вернулся ко мне, несмотря на скептиков.»

«Грязь и слухи крепко прилипают к человеку,» ответила она, «даже вашего ранга.»

«Возможно, вам нужно обсудить это с Магистром Войны Макаротом,» сказал Гаунт. «Он назначил меня на этот пост. Он верит в меня.»

«Ваша неортодоксальная репутация имеет давнюю историю, лорд,» сказала Лакшима. Ее навязчивая не-улыбка зажглась. «Ваш необычный карьерный путь полковника и комиссара. Доклады из 765 и около того – у меня в распоряжении есть файлы Иквизитора Абфекварна – намекают на то, что значительный период времени вы скрывали в своем полку, и держали поблизости от себя, предполагаемого псайкера. Незарегистрированного мальчика. Так же, дело Майора Сорика--»

«Мальчика? Вы имеете в виду Брина Майло?» сказал Гаунт. «Я не видел его годы. Он покинул мое подразделение на Херодоре, и присоединился к личной свите Беати. Я

думаю, что это довольно яркая ссылка на его хорошую репутацию. Или вы собираетесь допросить Святую, когда закончите с магистром войны?»

«Нет,» сказала Лакшима.

Гаунт откинулся. Он смотрел на нее. Она ничего не выдавала.

Он встал.

«Ладно,» сказал он. «Оставайтесь, пожалуйста, здесь, все вы. Я хочу поговорить с Майором Колеа. Наедине.»

«Нам... ждать здесь?» спросила Лакшима.

«Я уверен, что мы сможем развлечь друг друга, мэм,» сказал Харк.

Гаунт повел Колеа из комнаты. Байота и остальные служащие все еще ожидали снаружи административной комнаты. Еще больше людей присоединились к ним, держа планшеты и доклады.

Гаунт мог видеть вопросы и запросы, готовые навалиться на него со всех сторон.

«Не сейчас,» прорычал он.

«Мой лорд,» сказал Санкто. Сцион напрягся, когда Гаунт повернулся к нему.

«Санкто?»

«Я понимаю, что сейчас не время,» спокойно сказал Санкто, «но есть вопросы, требующие вашего внимания. Множество *вопросов*. Я не решаюсь задерживать вас, но--»

Гаунт поднял руку, и Санкто замолчал.

«Быстро,» сказал Гаунт остальным.

Белтайн пожал плечами. «Ой, просто фигня. Это может подождать, сэр,» сказал он.

«Вы запрашивали мое присутствие, лорд,» сказал Байота. «Чтобы сформировать тактический кабинет и--»

«Запрашивал,» сказал Гаунт. «В особенности я хотел тебя, Байота.»

«Я польщен, сэр,» сказал Байота. «Будет удовольствием служить. Могу я представить--»

Он начал поворачиваться к Тактическим офицерам, которые были с ним.

«Нет,» сказал Гаунт. «Не сейчас. Просто принимайся за работу. Выбери эффективных людей, которым можешь доверять. Отсортируй данные для меня. Разберись с материалом, который не требует моего личного внимания. Мой адъютант Белтайн делал вашу работу в одного последние четыре дня, так что используйте его. Он сможет ввести вас в курс дела.»

«Мой лорд,» сказал один из офицеров из эшелона Вон Войтца. «Лорд генерал желает, чтобы вы знали, что Беати на пути во дворец и скоро прибудет. Он подумал--»

Рука Гаунта снова поднялась. Он посмотрел на Байоту.

«Вот такие вещи, Байота. Я передаю полномочия. Приведи все в порядок. Я, естественно, поприветствую Беати, как только она будет здесь.»

«Конечно, сэр,» ответил Байота. «А, кхм, если будут вопросы, которые потребуют вашего персонального внимания...?»

Гаунт вздохнул, и посмотрел на лица вокруг себя. Он указал на фигуру в конце группы.

«Вместе с Белтайном, добавь ее в свой кабинет,» сказал он. «Мерити Часс, из Дома Часс. Хорошо разбирается в административных обязанностях, и полностью знакома с непосредственными делами моего полка.»

«Ее?» произнес один из офицеров, озадаченный.

«Сэр,» сказал Байота, выглядящий обиженным, «это абсолютно нетрадиционно. Личный кабинет Лорда Исполнителя не может быть собран, как импровизированный--»

«Мы сегодня импровизируем, Антонид,» сказал Гаунт. «Это просто целесообразность, чтобы вещи не сошли с рельсов. Мы можем усовершенствовать это позже. Пока что смились с этим.»

Он посмотрел на Мерити.

«Ты в порядке с этим?» спросил он.

«Я буду рада делать что-то практическое, сэр,» сказала она.

«Но почему она?» спросил один из офицеров.

Гаунт пристально посмотрел на него. «Потому что она единственная из вас, которая может постучать в мою дверь и не заставить меня захотеть выстрелить в лицо. Так что используйте это преимущество.»

«Это чрезвычайно неортодоксально, мой лорд,» сказал Байота.

«Очевидно, такая у меня репутация,» сказал Гаунт. «Давайте посмотрим, куда это нас приведет.»

Он повернулся к Колеа.

«За мной,» сказал он.

Ян Жерик стучал пальцами по набалдашнику своей трости, пока ждал подъема грузового лифта. Они могли слышать, как он грохочет и стучит, поднимаясь, далеко внизу.

Коррод стоял с ним в сырой камере подъемника, камере, находящейся глубоко в подвальных криптах Дома Гентези. Они были последними на спуск. Его люди, и те, кто прибыл с его подчиненным, Хадзелом, уже спустились вниз, сопровождаемые лакеями и субординатами конклава. В общем, в компании Коррода насчитывалось шестьдесят четыре человека, все тощие, изнуренные и грязные личности, которые выглядели едва ли способными поднять ящики со снаряжением, которые Ян Жерик предоставил им. Особенно невпечатляющая толпа, решил Ян Жерик. Снаряжение и униформа, которую затребовали его люди, большинство из которой было солдатским снаряжением стандартного размера, забранным с заброшенного склада Муниторума в Албарппане, не подошло бы им. Они бы выглядели, как дети, одевшиеся в одежду взрослых. Тревога и разочарование Яна Жерика значительно возросли. Они были бродячими язычниками, одетыми в тряпье, сутулыми и тощими, как жертвы голода, слабыми и хрупкими. Нищие. Они все напоминали ему нищих. Он не ожидал нищих,

и он не просил о них. Эти бедолаги физически не смогут сделать дело, и он сомневался, что они смогут выполнить какие-либо обещания. Сделка была неприятной, и ему не следовало заключать ее.

Тем не менее, термальный узел, глубоко внизу, был тих и находился в стороне. Хорошее место, чтобы избавиться от этой ошибки. Пятью минутами ранее, он тихо поговорил с одним из своих субординатов, вне зоны слышимости своих гостей. Его сотрудники были готовы. Они быстро разберутся с делом и выбросят трупы геотермальные отверстия.

Ян Жерик надел рабочую одежду и защитные сапоги для спуска. Он нес светосферу в держателе. Когда он застегивал на пуговицы рабочую одежду, он повесил свои ключи и монограммы снаружи.

«Почему мы идем последними?» спросил Коррод.

Ян Жерик пожал плечами. «Просто обычай дома, сэр,» сказал он. «Ординат всегда спускается в забой последним, как только его бригады подготовят территорию. Протокол.»

«Дамогор,» сказал Коррод.

«Простите?» произнес Ян Жерик, поднимая взгляд.

«Вы назвали меня «сэр»,» сказал Коррод. «Я ношу звание дамогора. Это корректная форма обращения.»

«Конечно.»

«Протокол,» сказал Коррод.

Ян Жерик слегка улыбнулся. Коррод наблюдал за ним. Его глаза были бледными и безжизненными. Потрепанная погодой кожа его лица натягивалась при каждом напряжении скул и челюсти. Его шея была похожа на тростник, а кожа на его горле висела, как у человека под сотню лет.

«Военное звание?» сказал Ян Жерик. Подъемник, наконец-то, прибыл, с грохотом встав на место. Он сделал шаг вперед и поднял откидную ставню клетки.

«Да,» сказал Коррод.

Ян Жерик, как швейцар, пригласил его в лифт, и Коррод прошаркал мимо него. Ординат закрыл клетку, закрыл задвижку, и опустил рычаг вниз до индикатора самого низкого уровня. С дрожью и шумом кабельных механизмов, грузовой лифт начал свой спуск.

«Я не осознавал,» сказал Ян Жерик.

«Что?»

«Что все идет так плохо для... для ваших сил. Теперь я понимаю, почему вы так отчаянно хотите иметь дело с человеком, эм, Имперской наклонности.»

«Ваши наклонности кажутся довольно плавными,» заметил Коррод.

Ян Жерик пожал плечами. «Наша верность всегда принадлежит Гентези,» сказал он. «Гентези прежде всего. Наш дом стоял, как многие династические конклавы, с самых ранних дней колонизации. Мы считаем себя независимыми, и союзничаем с теми, кто принесет нам наибольшую пользу. Мой дорогой с—дамогор. Вы знаете, что власть над Урдешем переходила из рук в руки множество раз за столетия. Трон, пограничные племена, и назад, и так далее. Мы работали с и для Кровавых Племен так же часто, как и для далекого Трона. В самом деле, в некоторые золотые эпохи прошлые Горы благоволили нам больше, чем Трон или жрецы Марса когда-либо.»

Лифт продолжал с грохотом спускаться в темноту.

«Что вы имели в виду?» спросил Коррод.

«Имел в виду?»

«Ваше замечание... что вы теперь понимаете, почему мы в отчаянии?»

Ян Жерик улыбнулся. «Ох, я не хотел вас обидеть, дамогор,» сказал он. «Просто констатация факта. Я ожидал воинов. Солдат. Сильных и способных людей. Но ваши силы, явно, настолько истощены, что они отправили к нам стариков. Ветеранов, я полагаю. Я не сомневаюсь в вашей отваге, но вы хлипкие. Вероятно все, что они могут выделить. Мне грустно видеть, что могущественные племена настолько истощены и подавлены.»

«Мой лорд, Анарх, отправил своих лучших, чтобы сделать это дело,» без эмоций сказал Коррод.

Ян Жерик тихо рассмеялся. «Об этом я и говорю, дамогор. Если вы его лучшие, значит, войско Анарха постигает несчастье. Я слышал, Гвардия знает вам цену, что война резко повернула к Трону на этом мире, и других. Я понятия не имел, что это было настолько удивительно. Остались только отбросы. Я удивлен, что Администратум не транслирует эту торжественную новость, чтобы поднять публичное настроение. Что Архивраг в этих краях превратился в оборванные реликвии, и что пыл в них угас.»

Коррод секунду смотрел на него почти безучастно, затем прошаркал по кабине и передвинул рычаг в нейтральное положение. Элеватор внезапно остановился, между уровнями. Он тихо загремел и заскрипел на своих кабелях.

«Что вы делаете, сэр?» резко спросил Ян Жерик. «Вы обиделись на мои слова? Я вас обидел? Ну, ладно, простите мой дух и мою честность. Давайте продолжим.»

Коррод повернулся к нему.

«Мы пришли к вам под маской, ординат,» сказал он. Он слегка поморщился, его губы изогнулись на его грязных зубах на секунду, как будто он испытывал какую-то тайную муку. «Мы вошли в этот город замаскированные, чтобы мы могли незаметно пройти. Вы сделали неправильное предположение.»

Ординат тихо и нервно рассмеялся.

«Тогда, я прошу у вас прощения,» весело сказал он. «Давайте продолжим. Рычаг, сэр--»

«Я хочу убедить вас, ординат,» сказал Коррод. Он снова соорудил гримасу.

«Не стоит, не стоит! Давайте мы--»

Ян Жерик прекратил говорить. Его глаза и рот широко открылись, и он сделал два или три произвольных шага назад.

Глаза Коррода загорелись. Они светились мерзким желтым светом. Теперь в них был острый интеллект, и хищническая точность. Он начал дергаться, его тонкие руки

прижались к ребрам, согнутые в локтях, кисти рук скрючились в трясущиеся когти. Его губы отодвинулись от зубов в форме рычания, а его рот медленно открылся от напряжения, как будто он беззвучно кричал.

Неоновые слезы начали течь и капать из его глаз, так же светящиеся желтым, который сиял в его глазницах. Его кожа начала рябить. Ян Жерик мог видеть мускулы, волокна и кости под поверхностью кожи, изгибающиеся, скручивающиеся и пульсирующие. Он услышал серию мерзких щелчков, треск костей и щелканье суставов, которые заставляли его вздрагивать.

Коррод становился выше. Слабая, вялая мускулатура наполнялась и натягивалась. Ребра растягивались, а позвонки стучали, как бусы. Грязные лохмотья, которые были на нем, местами порвались на его плечах, пока он рос внутри них. Он запрокинул голову с широко раскрытым ртом, слюни стекали по его коричневым и сломанным зубам. Неоновые слезы бежали по его впалым щекам. Его челюсть с щелчком выдвинулась вперед.

«Император защищает!» прошептал Ян Жерик. Его голос уменьшился до ничего.

«Нет,» сказал Коррод. «Он не защищает.»

Алхимия была закончена. Коррод возвышался над ординатом, смотря вниз на него. Он был более двух метров ростом. Его конечности были длиннее. Он все еще был мертвецки худым, высокий, худой фантом, но его мускулы были твердыми под кожей без жира. Его нос почти уменьшился до носовой полости, а его рот выдвинулся, как морда, с длинным, узким подбородком. Зубы, верхние и нижние, были сложной путаницей из собачьих клыков, некоторые такие же длинные, как мизинцы ордината.

Неоновые глаза Коррода светились, желтое тепло за молочной поверхностью.

«Теперь вы можете видеть нас,» сказал он.

«Что вы такое?» запинаясь, сказал Ян Жерик.

«Мы – избранные из избранных Анарха, благословленные переделанные, благословленные его голосом, который заглушает все остальные.»

«Я не...» выдохнул Ян Жерик.

«Мы – его любимые сыны. И нас мало,» сказал Коррод, «кому даровал наши редкие и драгоценные дары Изменяющий Пути через Великого Анарха. Мы – Кимурах, и в Мирах Саббат только шестьдесят четыре из нас существуют в качестве элиты Анарха.»

Коррод сделал паузу, вытирая неоновую слезу с щеки большим пальцем.

«И все мы,» сказал он, «все шестьдесят четыре, в беспрецедентной гармонии, пришли, чтобы выполнить это задание.»

«Простите!» произнес Ян Жерик. «Простите!» Он попятился к дальней стене лифтовой кабины в ужасе, и прижался к клетке.

«Извинение принято,» сказал Коррод. Он потянулся к рычагу. «Мы можем продолжить?»

Гаунт отвел Колеа в свое жилище, бросил один предупреждающий взгляд на Санкто и Сционов, пока они занимали свои позиции снаружи, и закрыл дверь.

«Сядь,» сказал он.

Колеа тяжело вздохнул, и сел на один из стульев.

«Говори,» сказал Гаунт. Он подошел к шкафчику и налил два маленьких стаканчика амасека.

Колеа выглядел так, как будто ему больно. Он не мог смотреть в глаза.

«Я не знаю, с чего начать, сэр,» сказал он.

«Попытайся,» сказал Гаунт. Он вручил один из стаканчиков Колеа, которые осторожно взял его, но не отпил. Гаунт подтащил другой стул и сел напротив Колеа.

«Гол?»

Колеа вздохнул.

«Что у нее на тебя есть?» спросил Гаунт.

«Я не знаю. Фальш, ложь.»

«Она это придумала?»

«Нет. Я имею в виду... есть вещи, которые я... я даже не знаю, правдивы ли они. Вещи, которые пугали меня.»

Впервые он посмотрел Гаунту в глаза.

«Вещи, о которых я должен был вам давным-давно рассказать,» сказал он.

«Насчет Айгора? Высадка для пополнения припасов?»

«По большей части. Да.»

«Время пришло, майор,» сказал Гаунт.

Колеа посмотрел вниз на свою выпивку. Он сделал паузу, а затем опрокинул ее одним глотком.

«Там было кое-что,» сказал он.

«Ты мне рассказывал об этом. Это было в твоём докладе.»

«Голос, который требовал орлиные камни.»

Гаунт кивнул.

«Требовал, чтобы их доставили на Урдеш.»

«Все это я знаю, Гол.»

«Это говорило, что оно было голосом... его. Сека. Оно говорило, что у него есть власть надо мной.»

«Чтобы доставить камни?»

Колеа сгорбился. «Мы доставили их, в любом случае,» сказал он. «На Урдеш, я имею в виду. Это то, что мы делали. Не то, чтобы мне пришлось их украсть, или нарушить приказы, или выполнить его приказание...»

«И это все было в твоём докладе, Гол. Так что есть у Лакшимы? Чего ты мне не говоришь?»

«Оно сказала, что я был помечен,» сказал Колеа тихим голосом. «Оно знало мое имя, и сказала, что я был... восприимчивым. Что травма, которая была у меня... раны, которые были вылечены на Херодоре, что они сделали меня уязвимым.»

«Для Сека?»

«Для Варпа. Трон, помоги мне. Голос сказал мне, что я был... я был проводником для демонов.»

Он поднял взгляд на Гаунта.

«Как человек может сказать такое? Это проклянет его. Это приведет его на виселицу или кол.»

«Возможно, лучше сказать это, чем скрывать, Гол. Теперь уже поздно выяснять.»

«Я знаю!» резко бросил Колеа. Он опустил голову. «Я знаю. Но я говорил себе... я говорил себе, что все это было ложью. Сэр, мы оба знаем, как Губительные Силы играют нами. Играют с нашими разумами. Шепча и оскверняя. Я думал, что это было этим. Варп пытался... играть со мной.»

«Значит, твой доклад был неполным, потому что ты защищал себя?» спросил Гаунт.

«Нет,» сказал Колеа, легчайшим шепотом.

«Тогда, что?»

«Голос сказал мне, что если я не подчинюсь, он убьет моих детей.»

«Твоих детей?»

«Далина и Йонси. Он сказал мне, что они умрут, если...»

Гаунт кивнул. «Они в безопасности, ты знаешь?» сказал он. «Оба. Они безопасно добрались сюда. Оно лгало тебе.»

«Так я и думал.»

«Что еще? Гол?»

Колеа снова вздохнул.

«Похоже, я не знаю, чему доверять. Я думал, что это была моя голова, старая травма... так много вещей, которые не имеют смысла. Просто запер это все. Держал это в себе.»

Внезапно, Колеа поднялся на ноги. Он вертел в руках пустой стакан, как будто раздумывая, куда его поставить.

«Я думал, что если я расскажу вам, вы казните меня,» сказал он. «Это, или Черные Корабли. И детей тоже, следовательно. Отмеченные тьмой. Фес, что? Черные Корабли и для них *тоже*?»

«Значит, ты сказал сам себе, что это все было ложью?» спросил Гаунт.

«Да,» ответил Колеа. «Но я дал себе обещание. Поклялся, что я буду держат детей в безопасности. Защищать их. Что если эта тьма, эта плохая тень, была реальной, я помешаю ей и убью ее. Это то, что мы делаем. Мы – солдаты Трона.»

Он посмотрел на Гаунта.

«Так ведь?» спросил он.

«Так,» сказал Гаунт.

«Но все становилось слишком... слишком сложным,» сказал Колеа. «Выходило из-под контроля. Слишком. Как только Лакшима вонзила свои когти в меня, я понял, что это просто вопрос времени. Что все выйдет наружу.»

Гаунт встал, взял стакан из руки Колеа, и пошел, чтобы снова его наполнить.

«Мы не знали, что из себя представляют орлиные камни, Гол,» сказал он. «Не тогда. Не на Айгоре. Гораздо позже мы сообразили эту связь. Баск видел их после инцидента. Разложенные, как крылья.»

«Ага,» сказал Колеа. «Именно тогда все начало, на самом деле, рушиться. Сэр, я должен был рассказать вам все в самом начале, к черту последствия. Я был трусом.»

Гаунт протянул наполненный стакан. «Ты – один из храбрейших людей, с которыми я когда-либо служил, Гол,» сказал он. «Кем бы ты ни был, ты не трус.»

«Что произойдет сейчас, сэр?» спросил Колеа. «Я откажусь от своего звания. По меньшей мере, вы отправите меня в тюрьму.»

Гаунт слегка покачал стаканом, который протягивал, напоминая Колеа, чтобы он его взял.

«Что произойдет сейчас, Гол,» сказал он, «так это то, что ты расскажешь мне остальное.»

«Остальное?»

«Что начало рушиться?»

Колеа взял свой стакан. «Вы когда-нибудь слышали...» Он начал, затем вздрогнул, как будто не верил в то, что он говорит это вслух. «Вы слышали слухи? Насчет Йонси?»

«Слухи?» спросил Гаунт.

«Я думал, что Далин и Йонси были мертвы и погибли с Ливи на Вергхасте,» сказал Колеа. «Ушли в небытие. Но, затем, подобно чуду, оказалось так, что Крийд спасла их. Привела их в лоно. Вырастила их.»

Он вздохнул.

«Я полагал, что у человека может быть только одно чудо за свою жизнь, и мое было, когда Беати спасла меня. Дети были живы, в конце концов. Я благословлял Трон за это. Я отпустил их. Я держался в стороне. Они были слишком юными, чтобы помнить меня, и они прошли через слишком многое. Но, вы знаете, Далин вырос в прекрасного человека. Хорошего гвардейца.»

«В нем есть исключительность,» согласился Гаунт.

Колеа кивнул. «И Йонси, Всеобщая любимица. Чертов талисман, больше, чем фесова птица. Все женщины души в ней не чают. И Крийд, ладно, она соединила меня обратно с их жизнями. Сказала, что было тупо для меня держаться в стороне от них. Поэтому, я снова сделал эту связь и... ну, я был рад этому. По всем очевидным причинам. Мне не нужно говорить вам, как это связываться узами с ребенком, о котором вы не знали, что он существует.»

Гаунт поджал губы. «Нет.»

«Но это все приблизило меня к ним, видите ли?» продолжил Колеа. «И я думал, 'вот, как ты приглядываешься за ними, Гол. Если была ли какая-нибудь фесова правда в угрозе того голоса, я могу быть там. Прямо рядом с ними. Защищу их, как и пообещал.' Потому что я думал... думал, как солдат, вы понимаете, что угроза может быть стремительной. Нападение.»

«Но?» спросил Гаунт.

«Я думаю, что угроза была более злобной, чем это,» сказал Колеа. «Более... как это слово? Коварной.»

«Например?»

«Этот слух,» сказал Гол. Он сделал глоток амасека и бросил взгляд на свой стул. Гаунт кивнул, и Колеа сел. «Этот слух. Не знаю, когда он начался, но некоторые женщины в свите, Вергхастские женщины, они полагали, что мои дети, оба, были мальчиками. Два мальчика. Ну, это дошло до меня, и я рассмеялся. Нет, мальчик и девочка...»

Он снова посмотрел на Гаунта, мрачно. «Теперь я не уверен. Я не могу доверять своей памяти. Я не могу доверять ничему в моем разуме, ни со времени травмы, ни с того времени, как голос был в моей голове. Я подхватил головные боли и... ладно, в любом случае, я думаю, что он был прав. Не *было* никакой девочки. Два мальчика. Я попросил Харка проверить, но пока от Администратума не пришло ни слова.»

«Это просто была ошибка,» сказал Гаунт. «Ты бы понял. Женщины все не так поняли. Ты знаешь, что такое лагерные слухи.»

«Я так не считаю,» сказал Колеа.

«Почему ты так думаешь?» спросил Гаунт, снова садясь и наклоняясь вперед.

«Йонси, она – странный ребенок. Всегда была. Маленькая девочка, отказывающаяся взрослеть.»

«У нее была тяжелая жизнь.»

«Это не то.»

«Именно это. Потеряла свою мать. Потеряла тебя. Прошла через ад. Сейчас ее жизнь – часть кочующего полка.»

Колеа покачал головой. «Я не знаю,» сказал он.

«Я знаю,» сказал Гаунт. «Я видел ее. Она ведет себя юной, потому что так безопасно. Подсознательно, я уверен, но она ведет себя, как маленькая девочка, потому что люди всегда присмотрят за маленькой девочкой. Это просто защитный механизм.»

«Нет, сэр,» сказал Колеа. «У меня есть... у меня есть воспоминания. Я все больше уверен, что она – не моя Йонси. До того, как вы скажете это, я знаю. Может быть, это *наказание* такое. Может быть, эта мысль, эта неуверенность, это жестокая уловка пригрозившего мне голоса, игравшего со мной. В этом случае, я испорчен и проклят. Но, может быть...»

«Может быть, что?»

«Может быть, я прав,» сказал Колеа. «Может быть, это настоящее наказание. Это то, что голос пообещал мне на Айгоре. Моя девочка, моя Йонси. Совсем не моя. Может быть, это способ, которым варп кромсает меня.»

«Тогда, что ты думаешь, что она такое?» спросил Гаунт.

Колеа тяжело выдохнул, с широкими глазами и размышляя.

«Кто, фес, знает?» сказал он. «Нечто, помещенное среди нас? Какая-то призванная тварь. Нечто злобное.»

Гаунт улыбнулся. «Йонси?» спросил он. «Ты думаешь, что Губительные Силы поместили ее среди нас годы назад? *Годы*, Гол. В качестве чего? Какой-то продуманный план, чтобы уничтожить нас изнутри? Что это было просто *ожидание*?»

«Ну...»

«Ну же! Если Йонси – демон, Гол, или что-то там еще... у нее было множество шансов. Мы бы уже знали. Варп играет в игры, но не в такие долгие игры, как эта. И ради чего? Чтобы повредить или уничтожить полк, который, до недавнего времени, был, всего лишь, еще одним полком Гвардии? Мы не настолько важны.»

«Теперь вы важны,» сказал Колеа. «Теперь *вы* важны.»

«Значит, это, так же, может видеть будущее?» рассмеялся Гаунт. «Предсказывать? Планировать? Поместить агента на место, ожидающего дня, отдаленного шанса, на *годы* вперед...?»

«Орлиные камни--»

«Ради феса, Гол!»

«Я понимаю, как это звучит. Но я знаю, что говорит мое сердце.»

«Мы скрываем создание варпа?»

«Ладно, когда вы говорите вот так...»

«Гол, ты запутался,» сказал Гаунт. «Я улавливаю, почему. Я понимаю. Мы прошли через множество адов, все мы. Мы все встречались с тьмой и чувствовали, что она спутывается с нами. Это все, чего она хочет. Это то, что Архивраг делает с нами. Это хочет разрушить наши узы, нашу веру... это хочет, чтобы мы подозревали друг друга и ослабели от страха и ненависти. И мы не позволим этому произойти. Это наша работа, в конце концов. Наше призвание. Из всех граждан Империи, мы те, кто стойко держится. Имперская фесова Гвардия. Мы те, кто должен сражаться. Ты просто запутался.»

«Но--» начал Колеа.

«В каком бы состоянии не был твой разум,» сказал Гаунт, «в каком бы ни был смятении, может быть ты не знаешь. Но Далин знает.»

Колеа заморгал.

«Он бы знал, разве нет?» спросил Гаунт. «Забудь свои сомнения. Брат знал бы свою сестру.»

Колеа вытер рот. Он сделал несколько глубоких вдохов.

«Полагаю, что так,» признал он.

«Фесово точно, что это так,» сказал Гаунт.

«Тогда, что же нам делать?»

«Мы исправим это. Мы имеем дело с текущей проблемой. Скоординируемся с Лакшимой и разгадаем настоящие намерения Сека. Мне нужны все хорошие люди, которых я могу получить, так что я не потеряю тебя. И у меня есть способ сбросить инквизитора с твоей спины и очистить твой мозг от этого.»

«Да?»

«Да. Допей, потом иди со мной. Я собираюсь снова поговорить с Лакшимой. Позже, ты сможешь спуститься вниз в размещение и увидеть своих детей. Увидеть их и обнять их, и узнать, что все в порядке.»

Гаунт поднял свой стакан.

«Знаешь, почему?» спросил он.

«Потому что вы Лорд Исполнитель и так сказали?»

«Нет. Потому что Император защищает.»

Стаканы со звоном стукнулись.

Они все встали, когда Гаунт вошел в комнату с Колеа.

Колеа остался стоять у двери. Гаунт сел обратно на свой стул, и жестом показал им всем сесть.

«Итак, инквизитор,» сказал он. «Я верю, абсолютно, что мы разделяем одинаковое желание. Служить Трону. Дать отпор и уничтожить Архиврага Человечества. Покончить с губительным влиянием Анарха Сека, и достигнуть победы в этом крестовом походе ради Терры. Сек, или, по меньшей мере, его планы, живы. Только дурак поверит, что орлиные камни не играют никакой роли в них. Так что, давайте объединим наши усилия. Определим природу и ценность камней, их использование и причастность. Защитим их. И убедимся, посредством этих усилий, о намерениях Архиврага, чтобы мы не только смогли заблокировать его, но, так же, одержать полную победу.»

Лакшима кивнула. «Святой Ордос найдет сотрудничество и поддержку Лорда Исполнителя бесценной.»

«Хорошо. Где камни?»

«Как я ранее сказала, сэр, место неизбежно засекречено--»

«Лакшима,» сказал Гаунт. «Больше никаких игр. У ордоса нет боевых сил в достаточном количестве в наличии на Урдеше, чтобы защитить местоположение против массивной атаки. У Астра Милитарум есть. Пожалуйста, не предполагайте, что держать в тайне их местоположение – это адекватная защита против монстра, который ведет свои дела скрытно.»

«Мой лорд,» начала протестовать Лакшима.

«Вы сами сказали,» сказал Гаунт. «Боевой корабль Архиврага воздержался стрелять по моему кораблю – более того, вероятно, сражался, чтобы защитить его – потому что нечто важное было на борту, что он не мог заставить себя уничтожить. Мы можем осторожно предполагать, что это были орлиные камни. Он знал, что они на борту, даже не видя их.»

«Я предоставляю данные по этой локации,» сказала Лакшима. «Но это должно остаться засекреченным, даже внутри Гвардии и высшего командования. Мы уверены, что у врага есть шпионы по всему Элтату. Это была вражеская земля слишком долго.»

«И город протекает, как решето,» согласился Гаунт. «Под моим управлением есть полк, и он очищен на моем уровне. Пусть Грае передаст данные Капитану Дауру.»

«Что насчет фегата?» тихо спросил Харк.

«Генерала-предателя?» спросила Лакшима. «Я думаю, что его пригодность израсходована.»

«Запланирована его ликвидация,» сказал Грае.

«Маббон привел нас к ним,» ответил Харк. «Он был ключом, который позволил миссии на Предел Спасения случиться. Стратегия раскола между Кровавым Пактом и Сексом исходила от него. Я не говорю, что он лжет, или что-то утаивает, но... он все

еще ценный актив. Он может знать вещи, которые могут помочь нам, даже если он не осознает этого.»

«Вы хотите привести его сюда?» спросил Грае.

«Опять же, я хочу знать его местоположение,» сказал Гаунт. «Я доставлю его во дворец под эскортом, который знает, как управляться с ним.»

Он повернулся, чтобы посмотреть на Даура.

«Иди, найди Белтайна,» сказал он. «Я хочу безопасную связь с Роуном через пять минут.»

Ян Жерик отодвинул клеточную дверь, и вышел из грузового лифта. Коррод последовал за ним, слегка пригнувшись, чтобы пройти под дверной рамой.

Воздух вонял серой, и был неприятно жарко. Ян Жерик уже потел. Он провел Коррода по погрузочной площадке снаружи элеватора в широкий зал, где собрались остальные и ждали.

Люди Коррода, под надзором Хадрела, были заняты, экипируя себя из ящиков, которые предоставил Дом Гентези. Они надевали серые Гвардейские одежды и уставные ботинки, и вытаскивали лазерные винтовки и хелганы из ящиков. Каждый сын проверял выбранное им оружие с уверенной легкостью и фамиллярностью.

Как и Коррод, они все изменились. Каждый был возвышающимся фантомом из длинных костей и крепких мускулов, и подтянутыми: слишком высокими, слишком худыми. Униформы, которые, как боялся Ян Жерик, будут для них слишком большими, были, если уж на то пошло, слишком маленькими. Некоторые закатали рукава, где манжеты были слишком далеко от их костлявых запястий. Их глаза светились, как у тех диких животных, пойманных лучом света в темноте. На плитках пола Ян Жерик увидел упавшие капли неоновых слез.

Люди ордината, дюжина или больше лакеев и субординатов, стояли на часах. Ян Жерик мог видеть бледность их лиц и чувствовать их страх. Они все были вооружены карабинами, как по его ранним частным инструкциям, но они держали оружие, как будто стыдясь его.

«Мой ординат,» сказал один из лакеев, быстро выходя вперед с беспокойством.

Ян Жерик отмахнулся от него. Сейчас они были словно в тюрьме. Он не осмелился даже подумать о том, что могло приключиться с ним и его людьми, если он изменит своему слову, или попытается уничтожить своих гостей.

«У вас... у вас все есть?» спросил он.

Коррод надевал полинявшую Гвардейскую куртку и проверял, как она сидит.

«Кажется так,» сказал он. «Сирдар?»

«Большинство из того, что мы запрашивали, мой дамогор,» сказал Хадрел. «Хотя качество оружия и одежды едва ли пригодные. Только стандартные лазерные винтовки. И никаких оружия поддержки или гранат, как договаривались.»

«Мы достали все, что смогли,» сказал Ян Жерик. «Источники малы во время войны. И, чтобы утащить собственность Муниторума без обнаружения--»

Коррод поднял лазерную винтовку, быстро проверил ее прицел и ощущение, укоротил ремень для переноски, затем открыл приемник, чтобы зарядить силовую ячейку.

«Этого хватит,» сказал он. «Сирдар, распредели боеприпасы равномерно между нами. Хэклоу? Убедись, что у каждого есть клинок.»

Его офицеры пошли выполнять приказы.

«Это... это нижний уровень,» сказал Ян Жерик. «Отсюда снизу мы черпаем энергию из геотермальных отверстий, чтобы работали наши станки и процессоры.»

«И все вентиляционные системы связывают все заводы и кузни Механикус в городе?» спросил Коррод, надевая пояс для боеприпасов.

«Все, и за городом тоже,» сказал Ян Жерик. «Это была сеть, построенная ранними поселенцами, чтобы обуздать мощь горы и--»

«Да,» сказал Коррод, прервав его. «Давайте начнем. Дайте мне карту.»

Ян Жерик передал ему ее, затем зажег свой фонарь и прошел сквозь готовящуюся группу в направлении большого люка в конце зала. Он выбрал серебряный шифр-ключ на своей цепочке, и открыл люк. Снаружи вырвались вонючие газы и жар.

Коррод сделал жест, и его люди собрались.

Ян Жерик снял с крючка на стене дыхательную маску. Его субординаты сделали то же самое.

«Вам это понадобится,» сказал он дамогору.

«Нет,» сказал Коррод.

«Дамогор, жар в одиночку может быть предательским,» сказал Ян Жерик. Он подстроил переключатель на своем рабочем одеянии, чтобы активировать его охлаждающую систему. «И собравшиеся газы ядовиты. Они могут ослепить и заставить задохнуться. Кроме того, если здесь незапланированная вентиляция системы или восходящие потоки из--»

«Нет,» снова сказал Коррод. Он начал быстро моргать, и неоновое свечение его глаз увеличилось в интенсивности. Его челюсть крепко сжалась, как будто он испытывал дискомфорт. Раздался внезапный, влажный, клейкий звук пузырящихся жидкостей.

Вторичные молочные веки сформировались на его глазах, прочная органическая мембрана, выделяющая слизь, которая походила на луковицеобразный, стеклянный взгляд глубоководной рыбы. Веки слегка приглушили свет из его глаз. Еще один слой слизи вытек, чтобы покрыть его ноздри и рот, затвердевая, как смола. Это сформировало тонкую оболочку на его рту и носу, подобно собачьему наморднику из кишок и кораллов.

Хадрел и остальные люди сделали то же самое.

«Мы справимся,» сказал он Яну Жерику приглушенным до шепота голосом.

Ян Жерик вздрогнул от отвращения.

Он поднял свой фонарь.

«Тогда, следуйте за мной,» сказал он.

СЕМЬ: ПРИБЫТИЕ

Они прошли под тенью скалы и вошли в Оплот. Глубокие воды канала терлись об огромную нависающую скалу, взбаламученные течением и разрезанные прохождением судна. Под тенью было оживленно и холодно, а рычание работающих на пределе двигателей эхом отражалось от скалы.

Мколл не знал Урдешского названия для острова, и под рукой не было карт. Когда они вышли из тени, природа Оплота стала очевидной. Это был громадный вулканический пик, давно потухший. В какой-то момент его долгой истории, море вторглось в мертвый конус сквозь расщелины, как та, которую они только что прошли. Безмерное внутреннее жерло стало морским озером десяти километров в диаметре. Вокруг него, внутренние стены конуса поднимались, как скалы, в полтора километра высотой. Выше, конус был открыт небесам, зазубренному кругу серого неба, окаймленному испарениями.

Династические конклавы Урдеша и сельскохозяйственные флотилии использовали Оплот в качестве естественной гавани. Обширные внутренние воды, достаточно глубокие, чтобы справиться с осадкой любого судна, были защищены со всех сторон каменным бастионом конуса, защищая его от плохой погоды и океанических штормов. От ватерлинии, внутренние скалы были облицованы строениями: доками и причалами, береговыми платформами, стоянками для лодок и складами. Над этим росли жилые здания, административные залы, мастерские, товарные склады и машинные отделения, все построенные над водой на ржавых металлических сваях, и расположенные один над другим, как блоки, цепляющиеся к скальным стенам и соединенные открытыми лестницами и висячими переходами. Маленький город, собранный за годы вокруг внутренней окружности мертвого жерла. В некоторых местах, нагроможденные структуры достигали почти четверти расстояния вверх по скалам. Все было покрыто толстым слоем водорослей.

Холодный воздух вонял морской водой, прометиумом и выхлопными газами. Мколл видел флотилии судов – грузовых барж и потрепанных сельскохозяйственных лодок – собравшихся у пристаней, выгружающих боевые машины, груз и сотни солдат Сека. Это была безопасная гавань Архиврага, точка для сбора обширных сил, отступающих после драки на материке. Краны и промышленные подъемники переносили самые

тяжелые предметы на погрузочные платформы с сельскохозяйственных лодок, тяжеломерно маневрируя танками и бронетранспортерами, чтобы доставить их на площадки на береговой полосе. Горны выли, их басовые ноты эхом раздавались по скрытому озеру, и штандарты хлопали вдоль стен по ватерлинии, боевые штандарты, боевые флаги и баннеры адских сил, гордо выставленные напоказ для приближающихся судов. Из мастерских на берегу доносился скрежет и стук станков.

Наиболее приковывающим внимание видом, доминирующим над всем остальным, был корабль. Это был крейсер Архиврага, грубый и рубцеватый, варп-судно среднего водоизмещения, больше мили в длину. Как и крошечные сельскохозяйственные лодки под собой, он укрылся в конусе Оплота. Он висел на месте на своих гравитационных якорях и суспензорных лучах в тридцати метрах над водой, и его громада, казалось, заполняет открытую пустоту внутренней части конуса.

Трубопроводы снабжения тянулись с его бортов и фюзеляжа к береговым заводам и фабрикам. Закрепляющие кабели из плетеной проволоки, такие же толстые, как бедро человека, были туго натянуты между якорными точками на корпусе и окружающими скалами, такие же натянутые, как струны на лире. Испарения и пар поднимались густыми, медленными, грязными облаками от кормовых двигателей корабля. Трюмная вода и грязная жидкость водопадами лилась из нижней части. Он, явно, недавно был в Оплоте. Поверхность озера под кораблем, черная в необъятной тени корабля, рябила муаровыми узорами, вызванными невидимым воздействием суспензорных полей.

Нижние огни крейсера горели, освещая ближайшие пристани мерзким сиянием прожекторных лучей. Группы прожекторов, так же, были установлены на платформах, направленные под углом, чтобы освещать ободранную краску корабля и обожженную варпом обшивку. Мколл мог видеть очень маленькие фигуры людей,двигающихся, как вши, по верхней части корпуса корабля, рабочие команды, занятые полевым ремонтом и починкой обшивки. Там были случайные бело-синие проблески от сварочных горелок и плавильных резаков.

Структуры, напоминающие осадные башни, выдвинулись из погрузочных площадок, создавая мост в промежутке и связывая корабль с берегом. Когда сельскохозяйственная лодка прошла под одной, Мколл смог увидеть внутренние подъемники, поднимающие груз наверх к уровням доступа, и команды стивидоров и

сервиторов, тянувших грузы по мостам в открытые шлюзы корабля. Маленькие корабли-подъемники и лихтеры кружились, как мухи, перемещаясь между зияющими подфюзеляжными грузовыми отсеками корабля и грузовыми платформами на берегу. Один пролетел над головой, моргая ходовыми огнями, сложив крылья под углом для режима низкого полета, и сельскохозяйственная лодка закачалась от воздействия его двигателей.

Двигатели сельскохозяйственной лодки начали бормотать новую ноту, и корабль начал скользить в бок в направлении ожидающих доков. Другие лодки в маленькой флотилии замедлились и двинулись за ней. Там были команды дока, сервиторы и солдаты, ожидающие на причале.

Мколл услышал бормотание. Оно было в его голове, постоянное шипение, подобно тысяче мягких шепотков.

Олорт посмотрел на него, отмечая его реакцию.

«Он говорит со всеми нами,» сказал он, «со всеми и с каждым.»

Мколл слегка поморщился. К псионическому фоновому гудению надо было привыкнуть. Оно ощущалось так, как будто ногти царапают его барабанные перепонки и забивают его пазухи.

Он был здесь. Близко.

Они двигались к доку. На носу лодки люди стояли наготове, чтобы поймать швартовые тросы.

«Я не понимаю, как ты ожидаешь--» начал Олорт.

«У тебя есть безотлагательное дело, дамогор,» ответил Мколл.

«Дело?» спросил Олорт.

«Доклады. Заявление о направлении. Ты будешь изобретательным. Мы пойдем прямо через толпу и войдем.»

Олорт вздохнул. Он посмотрел на Мколла с почти дружелюбной улыбкой.

«Это – конец. Ты понимаешь это? Какие бы планы ты не вынашивал, они заканчиваются здесь. Ты доставил себя. Твой выбор. Ты здесь и все такое. Выхода нет, и нет возможности ни для какого действия, кроме сдачи.»

Мколл не ответил.

«Ну же,» сказал Олорт. «Подчинись сейчас. Я возьму тебя прямо туда и доставлю тебя. Это будет перо в моей шляпе, кроме того, это сделает вещи легче для тебя. Я прослежу за этим. Мы пришли к пониманию, так ведь? Ты пожалел меня, я пожалею тебя.»

«Пожалеешь меня?»

«Избавлю тебя от худшего. Ты – трофей. У тебя есть ценность, и по этой причине, с тобой будут обходиться с осторожностью.»

«И призовусь на службу?»

«Если ты так решишь. Я понимаю, что ты, возможно, не сможешь довести себя до этого. Но ты – энкил вахакан, Призрак. Тебе будет дан особый статус.»

Мколл посмотрел на него.

«Дай мне клинок,» сказал Олорт.

«Нет.»

«Ты уже пленник,» сказал Олорт. Он пожал плечами. «Посмотри вокруг. Ты вошел в наше сердце. Ты поместил себя в наш бастион и среди нас. Твоя личность не останется скрытой надолго. Выхода нет. Дай мне нож, и я сделаю так, что вещи для тебя пройдут так хорошо, как смогут.»

Сельскохозяйственная лодка ударилась о причал, скрежеща по буферам. Люди выкрикивали инструкции, тянули канаты, и перепрыгивали через зазор, чтобы привязать. Двигатели лодки с кашлем дали обратный ход.

«У тебя есть безотлагательное дело,» сказал Мколл.

Олорт опустил голову. «Нож у моей спины? Ты думаешь, что это приведет тебя туда? Что это сохранит тебе жизнь?»

«Пока что это работало.»

«Я - всего лишь одна жизнь--»

«Но ты не хочешь потерять ее. Я уверен, что ты умрешь во имя своего лорда. Закричи, и приведи их всех к моему горлу. Но ты хочешь жить, дамогор. Ты бы лучше жил. Я вижу это в тебе. Ты видишь цель и личную славу в этом, и пока этот шанс существует, ты будешь держать рот на замке. Поэтому... у тебя и твоего сирдара есть безотлагательное дело.»

Сельскохозяйственная лодка со скрежетом остановилась и осталась качаться на месте. Солдаты на борту начали выбираться с нее, передавая снаряжение и сложенные орудия поддержки, и протягивая руки к предложенным рукам. Сыны рявкали приказы и поднимали пленников в кандалах на ноги.

Мколл дал почувствовать Олорту твердость клинка в основании позвоночника.

«Пошли,» прошептал он.

Олорт пошел вперед.

«С дороги!» крикнул он. «У меня безотлагательное дело!»

Они шли по пристани, и Мколл оставался рядом с дамогором. На всем сооружении был слой водорослей, жесткий от многих лет роста. Он был розовым, пурпурным и охряным. Толпы были многочисленными. Повсюду сыны стояли отдельными группами, некоторые отдыхали, некоторые обменивались историями. Несколько стояли на коленях в тех небольших местах, которые были доступны, чтобы молиться и наблюдать. Офицеры Сека и гротескные экскувиторы ходили сквозь толпы, сортируя прибывших, и отправляя их неровными шеренгами по пристани к грузовым зонам. Партии заключенных уводили. Мколл насчитал более шестидесяти захваченных человек, выгруженных с лодок. Сколько еще уже были доставлены сюда к своей судьбе?

Огромные горны ревели над ними. Грузовой лихтер пронесся мимо, его тень дрожала в лучах прожекторов.

«Продолжай идти,» прошептал Мколл.

Сирдар с планшетом приблизился к ним. Он отдал беглый салют Олорту, быстро прижав руку ко рту, произвольный жест, который Мколл начал читать, как воздушный поцелуй. Танитец нашел культурную не-связь этого жеста тревожной. Сирдар и Олорт обменялись несколькими словами. Вражеский язык был быстрым и за ним было трудно уследить, но Мколл услышал фразу 'срочное дело' больше одного раза. Сирдар кивнул, и указал в направлении зданий на сваях, нависающих над пристанью.

Скребущие шепотки в черепе Мколла продолжались.

За перилами пристани, он увидел рокритовую береговую полосу, где Сыны Сека с огнеметами поджигали кучи того, что выглядело, как подлесок. Густые облака черного дыма поднимались от горящих куч. Запах был острым и сладким.

«Что они делают?» спросил Мколл.

Олорт ответил, используя слово, которого Мколл не знал. Времени расспрашивать не было. Они пересекли оживленный двор и вошли в ближайшее здание.

Место было старым. Светосферы висели на цепях, прикованных к потолку. Это было частично модульное здания и частично вырезанное из каменной стены.

Промышленные мелты были использованы, чтобы сплавить камень и модульные плиты вместе. Коридор был большим и в нем звучали эха голосов и стук шагов.

Стены коридора были разлинованы гравюрами, высокими и узкими. Место, предположил Мколл, было центром администрации конклава. Гравюры изображали Урдешскую лояльность Терре в виде изображений Бога-Императора, кроме того они отражали интересы Урдеша. Здесь был Император в аспекте морского бога, с чешуйчатыми щупальцами, и здесь он поднимался из Урдешских глубин в обширном букете водорослей. На другой панели, он был украшен гирляндами из орудий, ликуя над плодами кузниц военных заводов. На другой, он был настолько аугментирован кибер-имплантами, что напоминал собой боевого Титана с единственным, человеческим глазом. Девизы были намалеваны желтой краской под каждым изображением, высказывания Архиврага. Но сами изображения не были испорчены.

«Почему их не сорвали?» спросил Мколл Олорта.

Олорт казался удивленным. «Они показывают его таким, как он есть,» ответил он. «Зачем нам разрушать это?»

«Я не понимаю.»

«Урдешцы знают более глубокую правду,» сказал Олорт. «Они родственны нам. Они понимают текучесть. Ты не можешь стоять рядом с границей поколений и не видеть обе стороны.»

Олорт бросил взгляд на одно из изображений. «Видеть его тут, не в качестве ложного императора, окруженного святыми. Он изображен, как машина, как изменение, сила войны. Он всегда был созданием глубокого варпа, искаженный варпом, как мы. Ты знаешь его только так, как ты хочешь видеть его.»

Олорт сделал жест уважения гравюрам.

«Ты поклоняешься ему?» спросил Мколл.

«Нен, мы уважаем,» ответил Олорт. «Он не бог, как и не император. Но пророк? Кха. Да. Он видел просвещенность Восьми Сил и стал свидетелем правды варпа. Призрак, твой вид... они следуют слепо. Они видят то, что хотят видеть. Святой Лорд, самый благословенный, отвергающий тьму. Но он остается во тьме, за гранью смерти, питаемый варпом и измененный им. Он – брат для нас, брат, с которым мы, прискорбно, должны сражаться, пока он не откажется от своего мятежа.»

Олорт посмотрел на него.

«Ты ничего об этом не знаешь?» спросил он.

«Это бессмыслица.»

«Это из-за твоего воспитания. Обучения вашей еретической культуры. Ты... ты понимаешь, почему мы сражаемся?»

«Вы сражаетесь, чтобы уничтожить.»

Олорт печально покачал головой.

«Ты – человек войны, Призрак,» сказал он. «Ты провел всю свою жизнь, держу пари, служа вашему Трону на поле боя. И ты никогда не останавливался, чтобы задуматься о том, во что те, с кем вы сражаетесь, верят? В чем наше дело?»

Мколл не ответил.

«Мы сражаемся, чтобы вернуть вас назад,» сказал Олорт. «Мы сражаемся, чтобы сломать ваш образ мыслей и вашу слепую веру. Чтобы вы увидели правду и обняли ее. Ваш лорд-пророк видел ее, но он не может больше говорить ее, так что ваш вид, они сражаются, полагаясь на древние директивы и окаменевшие законы, вещи, в которые он бы хотел, чтобы вы верили. Он из нас, и он будет радушно принят назад в тот день, когда его последователи, в конце концов, сложат свои мечи и примут правду варпа. Ваша вера в человека, который никогда не был богом, ослепила вас на десять тысячелетий.»

«Нет,» просто сказал Мколл.

«Как то так,» ответил Олорт. «Ты думаешь, что мы тьма. Но вы – тьма. Ваше невежество – это тень на ваших глазах и туман в ваших разумах. Мы сражаемся, чтобы вытащить вас из этого. Мы сражаемся, Призрак, чтобы спасти вас.»

Они пошли дальше, мимо административных комнат, где рубрикаторы работали у систем когитаторов, затем снаружи, по подвесным мостикам в направлении следующего нагроможденного комплекса зданий у скалы.

«Ты знаешь это место?» спросил Мколл.

Олорт кивнул.

«Ты здесь бывал раньше?»

«Дважды, не так давно.»

«Я хочу найти... информацию,» сказал Мколл. «Данные о месте. Расположение личного состава. Те комнаты позади--»

Олорт покачал головой.

«Просто старые рабочие центры Урдешских династий,» ответил он.

«Там работали люди. Использовали когитаторы--»

«Они давно закончили очищать ядра памяти династических конклавов. Собирают данные. Теперь те машины просто используются для набора и распространения наших литаний.»

«Тогда, предполагая, что твоя жизнь зависит от этого--» сказал Мколл.

«Что, я знаю, так и есть,» с некоторым сарказмом ответил Олорт.

«Куда бы ты пошел?»

Олорт указал на здания, которые располагались перед ними. «Комнаты записи,» сказал он. «Там мы собираем подробности о размещении и складываем данные вручную. Машинам нельзя доверять на этом мире.»

«Веди меня.»

«Что ты ищешь, Призрак? Ты вынашиваешь какой-то план, какую-то великую схему, в которой один человек с ножом может уничтожить это войско? Сколько ты еще будешь витать в этих фантазиях?»

«Веди меня. Я знаю, что ищу. И ответ на твой вопрос, пока моя жизнь не закончится. Император защищает.»

«Нет, здесь нет,» сказал Олорт. Он пожал плечами. «Тогда, идем.»

Они начали идти по мостику. Внизу, вода бухты мерцала подобно радуге там, где прожекторы выхватывали разлившийся по поверхности прометиум.

Сыны приближались с другой стороны, таща металлические носилки, нагруженные мертвой растительностью. Еще больше фуража для костров на рокритовом берегу. Когда они проходили мимо, Мколл увидел, что это была за растительность.

Ислумбин. Он был вырван в огромных количествах, листья, цветки, стебли и корни.

«Они относят его, чтобы сжечь?» спросил Мколл, когда солдаты с носилками прошли мимо.

«Я говорил тебе это.»

«Зачем?»

«Это – вергохт,» ответил Олорт, снова используя незнакомое слово. «Цветок вашей Святой. Он никогда не рос здесь, не на Урдеше. Он не был...»

Он замешкался, пытаясь найти правильное слово.

«Родным?» спросил Мколл.

Олорт кивнул. «Хотя, теперь он растет везде,» сказал он. «Как сорняк. Мы срезаем его, и он снова растет. Поэтому мы срезаем его и сжигаем.»

«Зачем беспокоиться?»

«Потому что это ее цветок,» сказал Олорт. «Это священный аспект ее ереси. Мы должны избавиться от этого, потому что пока он растет и цветет, это означает, что она здесь.»

«Сэр?» позвала Ойстин. Она протянула гарнитуру своего вокса.

Роун втянул воздух носом и потащился к ней, натягивая воротничок вверх против непрекращающегося дождя. Он промок до яиц, и его настроение было плохим. Снизу мокрой, заваленной каменными обломками улицы доносились случайные звуки оружейного огня. Он надеялся, что там останется кто-нибудь, кого можно будет убить, когда он доберется туда. Ему было нужно чем-то поднять настроение.

Он взял гарнитуру и надел.

«Роун,» сказал он. Он посмотрел на Ойстин, которая кивнула. «Связь безопасна,» продолжил он. «Говорите.»

Сигнал выл и жужжал. Взрыв статики. Затем пробился голос.

«--как слышно? Повторяю, Полковник Роун--»

«Даур? Это ты?»

«Так точно, сэр. Эта связь плохая.»

«Согласен. Погода. Скажи мне, что ты позвал меня, чтобы сообщить об отводе.»

«Отрицательно, сэр. Простите. У меня для вас новые приказы.»

«Я только что получил новые приказы, Даур, от какой-то подтирки из бригады Гризмунда. Я не понимаю, какого феса происходит, но мы застряли в рядовой работе, зачистке улиц, и--»

«Эти приказы прямиком от Лорда Исполнителя, и они отменяют все остальные.»

Роун вытер рот.

«Почему он не говорит со мной лично?» спросил он.

«Не будьте задницей. Потому что он Лорд Исполнитель, и у него дерьма навалилось. Это жизненноважная работа, Роун. Я собираюсь вас проинструктировать, так что приготовьтесь.»

«Жди,» ответил Роун, махнув рукой в сторону Ойстин. Она подскочила и дала ему планшет и стилус.

«Хорошо,» сказал Роун. «Продолжай.»

«Первое. Танитский Первый теперь очищен на уровне вермильон. Приняли?»

«Я слышал.»

«Гаунт приказывает вам отойти из района Старого Города, незамедлительно. Отведите всех. Реквизируйте транспорт, если вам будет нужно. Оставьте любых раненых в полевых станциях, или отправьте их во дворец.»

«Понял.»

«У вас две цели, обе внутри границ Элтата. Приказы – обезопасить оба места. Оба засекречены. Местоположение первое...»

Роун записал детали в планшет на коде подразделения, затем зачитал их назад, чтобы убедиться, что ошибок нет.

«Обезопасьте обе позиции,» сказал Даур по связи. «Камни в первом месте. Пошлите главные силы туда. Фегат во втором. Туда маленькую, мобильную группу. Гаунт подумал, что вы захотите разобраться с этим лично.»

«В самом деле.»

«Вам все ясно?»

«Да. Насчет чего все это дерьмо?»

«Я сам половины не знаю,» ответил Даур. «Но это напрямую с верха, закодированное специальное задание. Я рекомендую держать это при себе. Вам дана власть проходить там, где вам нужно будет пройти, но не обсуждайте детали с любыми другими подразделениями.»

«Мы скомпрометированы, Даур?»

«Мы ничего не знаем, Роун. Ситуация текущая. Но это специальное задание. Гаунту нужны люди, которым он может доверять, чтобы осуществить это, и вы единственные в зоне досягаемости.»

Последовала долгая пауза. Дождь лился.

«Всегда единственные,» добавил Даур. «Это о нас. Теперь Призраки отдельная единица под личным руководством Лорда Исполнителя.»

«Значит... вне командной структуры Гвардии?»

«На время. Эти два места имеют высочайшие рейтинги доверия. Доложитесь по этому каналу, как только сможете. И, не облажайтесь.»

Роун прочистил глотку.

«Насколько глубоко мы в этом, Бан?» спросил он.

«Предполагайте, что это конец мира и ваша жопа в огне, тогда и действуйте соответственно,» сказал Даур. «Император защищает--»

«Фес, да. Роун, отбой.»

Роун стоял мгновение, читая пометки, которые он сделал. Затем он снял гарнитуру и кинул ее назад Ойстин, которая ее ловко поймала.

«Ты не планировала жить вечно, так ведь?» спросил ее Роун.

«Сэр?» ответила его адъютант, сбита с толку.

«Забудь. Созови Призраков. Всех. Выйти из боя и отступить на мою метку. Сейчас же.»

Даур отдал свою гарнитуру назад Белтайну. Дождь хлестал по высоким окнам дворца и фонари над головой слегка мерцали, как будто сырость пробралась в электропроводку.

«Они отправлены,» сказал он.

«Я проинформирую Лорда Исполнителя,» ответил Белтайн.

«Это может подождать,» сказал Харк.

Они повернулись к нему.

«У него назначена встреча,» сказал Харк.

Гаунт повел свой маленький почетный караул в приемный зал. Это была одна из великолепнейших комнат дворца, с выложенным плиткой полом, с позолоченными колоннами и карнизами. Мистические звери древней Киберзойской Эры стояли на задних лапах на огромных потолочных фресках, окружающие сияющее изображение Бога-Императора, на которого они, казалось, смотрят со смесью аппетита и страха. Бог-Император смотрел вниз, с поднятым мечом, одна защищенная броней нога покоилась на голове побежденного василиска.

Ряды полковых и бригадных знамен были принесены в зал и установлены вдоль его длины специально для этого момента. Многие все еще были сырыми, и с них капала вода. В дальнем конце, огромный гидравлический люк был открыт, позволяя смотреть на экстерьер посадочной платформы. Гаунт мог чувствовать ветер, дующий по залу, и видеть вуаль сильного дождя снаружи.

Он шел дальше. В шаге позади него были Колеа, Грае, Инквизитор Лакшима и отряд Темпестус.

В дальнем конце, прямо рядом с люком, ждал Лорд Генерал Бартол Вон Войтц. На полу рядом с люком был мокрый полукруг там, где ветер задувал дождь внутрь. Вон Войтц надел свою лучшую форму, грудь украшали медали. Сопровождали его

дюжина других старших офицеров и адептов, и фаланга Урдешских тяжелых штурмовиков. Гаунт узнал их лидера, Казадера из 17-го.

Штурмовики стояли по обе стороны от люка, строго по стойке смирно с оружием. Они были такими же неподвижными, как гранит. Казадер стоял в точно такой же позе, но Гаунт мог сказать, что Казадер смотрит, как он приближается, уголком глаза. Казадер был одним из внутреннего круга Вон Войтца. С ним были трения.

Вон Войтц повернулся, когда Гаунт подошел, и группа офицеров повернулась вместе с ним. Все резко, в унисон, отдали честь. Салют Вон Войтца был на наносекунду медленнее, чем у остальных. Это не было потому, что Бартол был стариком, подумал Гаунт. Он не был медленным. Эта крошечная задержка была микро-агрессией. Способом показать его чувство обиды без того, чтобы быть прямо непокорным.

Гаунт отдал честь.

«Вольно,» сказал он. «Император защищает.»

Вон Войтц подошел ближе, делая уважительный поклон с улыбкой на лице. Все, ради шоу.

«Мой лорд,» сказал он, как старый друг.

Он протянул руку, и Гаунт пожал ее. Как будто мы приятели, подумал он. Никакой обиды, никакой горечи. Он хотел оставаться значимым внутри командной структуры, и если это означало сделать дружеское шоу для человека, который заблокировал его планы, человека, которого он когда-то регулярно посылал делать смертельную работу...

Гаунт улыбнулся. Неформальное рукопожатие не было в его пользу. Это не был жест примирения. Это было для смотрящих офицеров. *Посмотрите на меня. Я – Вон Войтц, старый боевой пес. Я настолько крепко связан с Лордом Исполнителем, что могу обойти протокол и пожать ему руку.*

«Транспорт прибыл?» спросил Гаунт.

«Он приземлился несколько минут назад,» сказал Вон Войтц, «но из него пока еще никто не вышел.» Гаунт отметил, как Вон Войтц избегает почтительное 'сэр' или 'мой лорд', хотя не может заставить себя рискнуть произнести 'Ибрам'.

«Ожидают разрешение службы безопасности из военной комнаты,» сказал Гаунт.

Вон Войтц кивнул. «Я уверен,» сказал он.

«Значит у нас есть минутка, Бартол,» сказал Гаунт, отводя его в сторону. Вон Войтц резво пошел с ним, но выражение его лица было напряженным.

«Есть разногласия между нами, Бартол,» тихо сказал Гаунт.

«Вовсе нет, вовсе нет...»

«Нам нужно работать вместе, Бартол,» твердо сказал Гаунт. «Сейчас шаткое время. Высшему командованию нужно быть единомыслящим и с одной целью. Так что не отвергай это. Между нами разногласия.»

«Ну...»

«И всегда были.»

Вон Войтц выглядел, как шокированным, так и уязвленным. «Сэр--»

«После Яго, и там был урок. Я выучил его тяжелым способом. Долг и служба выше дружбы. Моим долгом тогда было подчиняться твоим приказам, и что было, то было. Я вижу большую картину, которую ты всегда постегивал меня принимать во внимание. Теперь у тебя долг передо мной. Наши роли поменялись местами. Это некомфортно для тебя, но, по крайней мере, я не посылаю тебя в зону поражения.»

Вон Войтц прочистил глотку и слегка расслабился.

«Я ценю это,» ответил он.

«Ты был на пути к бесчестию, Бартол. Макарот хотел твою голову на палке.»

«Я просто ставил безопасность крестового похода на первое место--»

«Я знаю. Я это знаю. Вот почему я уговорил Старика, и нашел тебе место в штабе, которое позволит тебе сохранить твое звание и привилегии. Не прямое командование, я знаю, но это со временем может придти.»

«Если я буду вести себя хорошо,» проворчал Вон Войтц.

«Ради феса, это могло быть командование на далекой планете для тебя. Сраная глушь. Или штрафной полк. Я прикрыл твою спину, потому что я знаю, что ты отличный офицер. Не ссы на этот шанс. Что произошло в командном центре--»

«Тебе не нужно объясняться, Ибрам,» с длинным вздохом сказал Вон Войтц.

«Не нужно. И не буду,» сказал Гаунт. «Я отвел тебя в сторону, чтобы сказать, что мне не нужно объясняться. Мы пришли к пониманию?»

Вон Войтц кивнул. Он увидел взгляд в глазах Гаунта, холодных, как сталь, глазах, которыми приказы Вон Войтца давным-давно проклинали Гаунта.

Он выпрямился и отдал честь.

«Да, мой лорд,» сказал он.

Гаунт посмотрел назад на люк. Дождь все еще шел.

«Кто-нибудь, проверьте транспорт,» сказал он. Санкто сделал движение, но Казадер решительно покинул шеренгу, поднял руку, чтобы остановить Сциона, и быстро вышел в дождь.

«И держи его под контролем тоже, Бартол,» прошептал Гаунт Вон Войтцу. «В нем больше негодования, чем у тебя.»

«Казадер хороший Гвардеец,» ответил Вон Войтц. «У него задатки для большой карьеры. Генеральский чин через несколько лет. На самом деле, осмелюсь сказать, он напоминает мне тебя.»

«В точности моя точка зрения,» сказал Гаунт.

Гаунт вернулся к своему эскорту.

«Это необычно,» сказала Лакшима.

«Вы обнаружите много этого, если это касается нее,» ответил Гаунт. Он бросил взгляд на Колеа. Гол выглядел напряженным и беспокойным.

«Гол?»

Колеа пожал плечами. «Она не там, сэр,» сказал он. Он кивнул в сторону приемной, примыкающей к залу.

«Серьезно?» спросил Гаунт.

Колеа снова пожал плечами.

«Идем со мной,» сказал Гаунт. «Оставайтесь здесь,» твердо добавил он остальным.

Пара подошла к боковой двери. Гаунт увидел единственную дождевую каплю на золотой ручке.

Он открыл дверь. Сместившийся воздух заставил дрожать сотни свечей, горящих в приемной. Было темно, как при сумерках, но глаза Гаунт автоматически подстроились.

Она стояла в центре комнаты. Она повернулась, чтобы посмотреть на него, и опустила капюшон своего простого шерстяного плаща. Ее боевые ботинки и одежда были равно поношенными и грязными, а серебряный нагрудник, который был на ней – часть составного, сделанного на Урдеше боевого панциря, который так же закрывал ее руки и верх бедер – был тусклым и со сколами. Единственными вещами, которые сияли, были эфес меча в ножнах на ее левом бедре, золотая рукоять автоматического пистолета в кобуре на правом, и – каким-то образом – ее лицо.

Гаунт упал на одно колено и склонил голову.

Она вышла вперед, взяла его за руку и подняла.

«Ибрам,» сказала она. «Лорд Исполнитель.»

«Беати,» ответил он. «Мы ждали вас снаружи.»

«Мне не нужны формальности,» сказала она.

«Магистр войны шлет свои извинения, что он не может поприветствовать вас лично--»

«Опять же, никаких формальностей.»

«Будут пиршества и церемонии в свое время,» сказал Гаунт. «Как только нас минует кризис--»

«И я вытерплю их. Сейчас же, есть работа, которую нужно сделать.»

Она была маленькой. Она смотрел вверх в его глаза. Казалось, что она не изменилась. Возможно, прожилка серого в ее коротких черных волосах. Она выглядела, как девочка Эшоли, которую он впервые встретил на Херодоре. Сания. Зеленые глаза не изменились.

Ее присутствие. Комната ощущалась заряженной, как будто какую-то мощную электрическую или магнитную силу выпустили в нее. Здесь был слабый запах ислумбина.

«Для нас прошло много времени,» сказала она. «Наши пути разошлись, теперь они снова вместе.»

«Я надеюсь, что есть цель для этого воссоединения,» сказал Гаунт.

«Да. Чтобы засвидетельствовать победу. Анарх разбит.»

«Он продолжает сражаться.»

«И поэтому он наиболее опасен. Вместе мы одержим победу, ради Трона. Я столкнулась с ним. Он поставил ловушку для меня, но я расстроила ее и я ранила его.»

«Ранили?»

«После Гереппана. Мы разрушили его злобные усилия там. Разбили их и разрушили его контроль над полем боя. Тотчас, я рванула в Уреппан, веря, что это его крепость. Это было своевольно, я полагаю. Но был шанс. Не просто победить его на поле боя и отбросить его силы, но чтобы покончить с ним.»

Гаунт осознал, что она выглядит очень уставшей. Она прибыла в Элтат прямо из пекла боя. У нее не было времени отдохнуть или очистить свой разум. Он задумался, насколько, на самом деле, была неисчерпаема ее божественная сила.

«Я возглавила штурм Остроконечного Пика в Уреппане вчера рано утром. Это была ловушка для меня. Капкан варпа. Но она не сработала. Он сбежал. Его корабль был поврежден, как и он сам. Он спрятался, чтобы залечить раны.»

«Но он близко?»

«Слишком близко. Наш фокус теперь переместился сюда. Последняя часть этого дела.»

«Ваши войска?»

«Перемещаются по стране. Я оставила хороших людей за главных. Гереппан защищен. Уреппан будет к завтрашнему дню. Бригады, которые были со мной там, теперь гонят Архиврага из Лартэйна и Северных Конклавов. Они будут с нами, вероятно, через десять дней. Я хотела вести их лично, но магистр войны призвал меня.»

«И вы пришли.»

«Конечно.»

Гаунт заметил, что в комнате были другие. Два солдата-Гвардейца, стоящие вне кольца свечей. У них наготове у груди было штурмовое оружие. Одним была низкая женщина с угловатым лицом и лоснящимися черными волосами. На ней был темно-багровый длинный плащ Йованского Авангарда, и Гаунт отметил знак Коллегии Тактика на ее воротничке. Другим был мужчина, в простой темной и рваной боевой одежде.

На мгновение Гаунт подумал—

Беати повернулась, и жестом показала им расслабиться. «Мои заместители,» сказала она Гаунту. «Капитан Аурбен и Майор Сариадзи. Все остальные из моих избранных людей с основными силами движутся на север.»

Пара убрала свое оружие, и отдала честь, простое приветствие солдат, которые устали от поля боя и которые видели все. Они маршировали со Святой. Лорд Исполнитель не был чем-то впечатляющим.

«Мой лорд,» сказали оба.

Гаунт принял их приветствие.

«Вы помните моего офицера, Майора Колеа--» начал он.

Беати уже повернулась к Колеа с яркой улыбкой.

«Гол,» сказала она.

Он попытался снова поклониться, но она взяла его запястья и удержала.

«Рада тебя видеть,» сказала она.

«Да?» спросил Гаунт.

Она бросила на него взгляд с насмешливой улыбкой.

«Я прошу минутку вашего терпения, Беати,» сказал Гаунт. Он открыл дверь приемной и крикнул в приемный зал.

«Инквизитор?»

Лакшима быстро вошла, за ней проследовал Грае. Гаунт закрыл дверь перед лицами Вон Войтца и всех остальных.

Грае и Лакшима мгновение пристально смотрели на Беати, как будто удивленные ее видом. Им понадобилась секунда, чтобы отметить значимость ее присутствия и увидеть, что она была намного больше, чем грязная девушка, одетая, как траншейная пехота.

Грае упал на колени. Лакшима уважительно склонила голову. Гаунт увидел непроизвольную слезу, появляющуюся в ее глазу.

«Официальное представление может подождать,» сказал Гаунт. «Беати, я хочу, чтобы вы поручились за этого человека, за Гола, перед этими людьми. Пусть они засвидетельствуют это.»

«И если вы не можете поручиться за меня,» сказал Колеа, «тогда говорите эту правду тоже. Прямо здесь. Пусть это все закончится.»

Беати нахмурилась. Она глубокомысленно смотрела на Колеа, как будто видела его насквозь. Он отвел взгляд, дрожа, как человек, ожидающий в окопе падения снаряда.

Она сделала шаг ближе к нему, расстегивая манжетную застежку ее панциря и снимая перчатку. Обнаженной рукой она потянулась вверх, и повернула его лицо, чтобы он посмотрел на нее. Она пробежалась пальцами вниз по его щеке, затем по линиям на черепе, считывая карту его старых шрамов под его линией волос.

«Знайте, что я знаю этого человека,» мягко сказала она. «С Херодора. У него поразительная отвага, как и у многих печально известных Призраков, и не в последнюю очередь у их командира. Но в Голе Колеа из Улья Вербун, необычайная сила. Сила духа, которую я видела только в одном из каждой сотни тысяч. В тебе, Сариадзи, в тот день на Калибровом Пляже.»

Позади нее, мрачный майор слегка покраснел.

«И, возможно, в тебе, Аурбен,» добавила она. «Мы недолго друг друга знаем, но я чувствую в тебе потенциал.»

Женщина засмеялась. Оливковая кожа ее лица была отмечена от воротничка до скулы старым пирохимическим ожогом.

«Посмотрю, что смогу сделать, моя леди,» сказала Аурбен сухим хрипом.

«Эта сила – это то, чего я жажду,» сказала Беати. «Это... я не могу это объяснить. Но те, кого я выбрала, чтобы они были рядом со мной, те, кого я сделала своими заместителями и своими инструментами, у них у всех это есть. И Гол Колеа был, я думаю, первым инструментом, который я создала.»

Беати посмотрела на Лакшиму.

«У вас есть сомнения, леди,» сказала она. «Я вижу их в вас. Вы подозреваете.»

«Репутация Майора Колеа значительная,» сказала Лакшима, «но есть опасения, что Губительные Силы коснулись его. Сделали его проводником...»

Беати покачала головой.

«Нет,» категорически сказала она. «Ну, тьма касалась его. Выжгла его. Мучила его. Но он не ее часть. Сила духа осталась нетронутой. У вас нет причин не доверять ему.»

Она убрала руку. Слезы катились по лицу Гола.

«Я думаю, что этого будет достаточно,» сказал Гаунт Лакшима.

Инквизитор сделала паузу.

«Я не могу подвергать сомнению этот вердикт, мой лорд,» ответила она. Она вытерла уголок глаза костяшкой.

«Никаких извинений?» спросил Гаунт.

«Она не должна извиняться за то, что выполняет свой долг,» сказала Беати. Она бросила взгляд на Лакшиму. «Но Майор Колеа отныне должен быть принят в ваш круг доверия.»

Лакшима кивнула.

«Ждите снаружи,» сказал Гаунт Лакшима и Грае. Когда они ретировались, он повернулся к Колеа.

«Твой разум теперь спокоен?» спросил он.

Колеа кивнул.

«Тогда, иди вниз. Присмотри за подразделением там. Повидайся с детьми.»

Колеа снова кивнул. «Спасибо вам--» начал он говорить.

Гаунт покачал головой.

«Давай уже,» сказал он.

Колеа улыбнулся, энергично потер свои покрасневшие глаза, и вышел.

«Какие вещи тут происходят,» сказала Беати. «Чтобы существовали такие большие подозрения, такие--»

«Есть такое,» сказал Гаунт. «Нам нужно будет поговорить. Подробно.»

Он замешкался.

«Я подумал,» сказал он. «Когда вы прибыли сюда, я подумал, кто будет с вами. Я подумал, если Брин--»

Она положила свою руку на его.

«Брин Майло погиб,» мягко сказала она. «Прости, Ибрам. Он был рядом со мной во время штурма в Уреппане. Храбрый до последнего. Он, и многие другие, включая воина, которого ты знаешь. Холофернэс из Железных Змей. Это был адский бой. Мы победили в тот день и ранили Магистра Анарха, но они были потеряны в той битве. Попались в ловушку варпа и не вернулись.»

Беати сделала жест Сариадзи, который вышел вперед с маленьким свертком из ткани цвета хаки. Она взяла его и отдала Гаунту.

«Только... вчера?» спросил Гаунт. «Майло умер вчера? После всех этих лет, и--»

Беати кивнула. «У меня не было времени обдумать эту потерю,» тихо сказала она. «Брин был рядом со мной дольше, чем кто-либо еще. Я буду оплакивать, когда эта война позволит мне сделать это.»

Она прижала руки Гаунта вокруг свертка.

«Я чувствовала, что должна была принести это тебе,» сказала она.

Гаунт посмотрел вниз, и медленно раскрыл сверток. Это была Танитская волынка, старая и потерянная, та же самая, на которой играл Брин Майло в тот день, когда Гаунт впервые встретил его.

ВОСЕМЬ: РАЗВЕРТЫВАНИЕ

«Ну и ну, благословен будет Трон,» сказал Бленнер. «Майор Колеа? Восставший из мертвых?»

«Восставший из ниоткуда,» ответил Колеа.

«Ладно, все равно, добро пожаловать,» сказал Бленнер. Он слегка пожал плечами, жест, предполагающий, что он уже собирался по-братски обнять Колеа, но Колеа казался отстраненным. Бленнер превратил пожимание плечами в разглаживание своего мундира, как будто это он сначала и собирался сделать. «Добро пожаловать в наш новый дом.»

Колеа огляделся вокруг. Бленнер был первой персоной, на которую он случайно наткнулся после спуска в сводчатый подвал.

«Временный дом,» сказал он. «Наши дома всегда временные.»

«Ну, это действительно правда,» весело сказал Бленнер. «Всегда на марше, нет такой кровати, которую можно назвать своей. Но это лучше, чем некоторые. Я вспоминаю размещение на Сорклоре, где вши, я рассказывал вам--»

«Что за запах?» спросил Колеа.

«Да, здесь есть запах,» сказал Бленнер. «Аромат. Уборные, я так понимаю. Опять текут. Это фесова погода.»

Колеа бросил взгляд вокруг на побеленную каменную кладку. Лампы над головой гудели и мерцали.

«А свет?»

«Опять техническая проблема, я так понимаю.»

«Сколько нас здесь?» спросил Колеа. «Мне сказали, что две роты...»

«Эмм, Рота Е и Рота V, вместе со свитой, конечно.»

«И они все размещены? Потребности удовлетворены?»

«Ну, Майор Баскевиль все держит в руках. Это и технические проблемы. Я так понимаю--»

«Вы так понимаете?» спросил Колеа. «Кажется, что вы много чего понимаете, комиссар, но мне кажется, что ничего не в порядке. Вы, должно быть, один из старших офицеров здесь. Почему вы не помогаете Баску и не приведете вещи в порядок?»

Бленнер выглядел уязвленным. «Я делаю то, что могу, майор,» сказал он, затем добавил, «То, что они позволяют мне делать.»

«Что это значит?»

Бленнер опустил взгляд и понизил голос. Он казался жалким. Четыре женщины из свиты прошли мимо, неся корзины из прачечной. Когда Бленнер заговорил, это была атмосфера конфиденциальности.

«Вы слышали насчет Низкого Острия?» спросил он.

«Да, кратко. Гендлер и Вайлдер. И Эзра.»

«Ну, это добавило вони вещам,» сказал Бленнер. «Мне. Прямо сейчас, я не одарен тем теплом, которым я когда-то наслаждался.»

«Вы делали свою работу, так ведь?»

«Это непопулярная работа. Белладонцы--»

«Это грязная работа, это то, что вы имеете в виду?»

Бленнер кивнул. Колеа посмотрел на него. Он никогда не считал Вэйнома Бленнера солдатом, и его отсутствие дисциплины делало его плохим дисциплинарным офицером. Колеа предполагал, что он стал частью подразделения только потому, что он и Гаунт вернулись. Теперь, когда Гаунт был повышен над Танитцами, у Бленнера не было под рукой союзника, никакой тени, чтобы прятаться в ней. Его главным достоинством всегда было его бесконечное хорошее настроение и неформальное поведение, что, Колеа должен был признать, временами было ценно для боевого духа. Даже это казалось потускневшим.

«Грязная работа, в самом деле,» сказал Бленнер.

Колеа почувствовал внезапную жалость к человеку. Бленнер был хорош в малом, но Колеа слишком хорошо знал, как это потерять статус и значимость, или, по крайней мере, оказаться на грани этого.

«Баск вам не доверяет?» спросил он.

«Нет, и я его не виню,» сказал Бленнер. «Кажется, что никто. Я слегка выпал из цепи. Вытолкнут, вы бы сказали. Трон знает, я--»

Он пожал плечами, как будто не желая прекращать копаться в себе.

«Старый добрый Вэйном, знаете ли,» сказал он с печальной улыбкой. «Ходячая хохма. Любит выпить. Хорошо его иметь рядом, пока смех не прекратится.»

«Вы знаете, что я думаю?» спросил Колеа.

«Пожалуйста, скажите, сэр,» сказал Бленнер.

«Я думаю, что это шок.»

«У меня?» спросил Бленнер.

«У них,» ответил Колеа. «У вас репутация за... хороший юмор. Люди забыли, что вы комиссар. Вы просто напомнили им. Вы казнили убийцу. Вы поддержали законы и дисциплину Астра Милитарум. Вы показали настоящего себя им. Дайте им несколько дней, чтобы согласовать это с тем Бленнером, которого они знают.»

«Ну, ладно. Любезно с вашей стороны это сказать.»

«И всегда есть долг,» сказал Колеа. «Гендлер был человеком Мерина, так что я бы хорошенько присматривал за Мерином прямо сейчас, если бы я был комиссаром.»

«Ах, ну, ах... Фейзкиель руководит расследованием,» нервно сказал Бленнер. «Я не могу быть вовлечен в это, потому что я был тем, кто спустил курок и все...»

«Ясно,» сказал Колеа. «Но всегда есть другая работа. Вам не нужно просить. Просите сами себя. Для начала, пахнет дренажами, которые нужно открыть.»

«Я не открываю дренажи, майор,» сказал Бленнер с язвительно улыбкой.

«Нет, но вы можете приказать кому-нибудь сделать это,» сказал Колеа. «Разберитесь с вещами и сделайте эту ситуацию лучше. Покажите им, что вам все равно, что они о вас думают.»

«Мудрый совет, сэр, спасибо.»

«Бленнер?»

Бленнер посмотрел на него.

«Вы делали свою работу, и вы спасли ее, так ведь?»

«Спас, да.»

«Дочь Гаунта, Бленнер.»

«Эх, Трон знает, что бы этот маньяк Гендлер мог сделать...»

«Значит, гордитесь этим. Гаунт знает, что вы сделали. Трон всевышний, я знаю, каково это быть отцом. Несмотря ни на что.»

«Несмотря...?» спросил Бленнер.

«Я имею в виду то, что это узы, которые связывают человеческую душу. Дети. Будущее, и все такое. Если бы Гендлер угрожал Йонси, или Далу, мне бы было приятно думать, что такой хороший человек, как вы, вышел бы вперед, чтобы защитить их. И я бы был чертовски благодарен за это. Вы сделали свою работу.»

Бленнер выглядел почти смущенным. Или пристыженным. Было тяжело прочесть выражение на его лице. На мгновение, Колеа подумал, что комиссар собирается выпалить что-то, как будто он нес ужасную ношу, которую ему нужно было положить.

«Майор,» сказал он. Его голос был нерешительным. «Гол, я--»

Громкие голоса, внезапно, эхом пронеслись по коридору, и они обернулись.

«Кто-то сердится,» сказал Бленнер с напускной легкостью.

«В самом деле.» Колеа снова посмотрел на Бленнера. «Вы собирались что-то сказать.»

«Нет, ничего,» рассмеялся Бленнер. «Ничего, ничего. Ерунда... Серьезно, ничего.»

«Ладно,» сказал Колеа. «Давайте посмотрим, что там такое.»

Их спешка по коридору сводчатого подвала привела их в другой, идущий от помещений слева. Баскевиль спорил с мастером Муниторума, на них смотрели Бонин и Еролемев. Три человека из рабочей команды мастера, несущие сумки с оборудованием и громоздкие в своих желтых комбинезонах, скромно стояли позади своего босса. Маленькая толпа из женщин и вспомогательного персонала из свиты собралась, чтобы посмотреть.

«Там нечего открывать, сэр!» резко бросил мастер.

«Должно быть, фес его!» прорычал Баскевиль в ответ.

«Я вам говорю, я знаю свою работу,» резко ответил мастер.

«Пятнадцать сантиметров грунтовой воды во втором и третьем жилых залах, кажется, предполагают противоположное,» сказал Бонин.

«Я говорю вам, как сражаться?» спросил мастер.

«А хотели бы?» спросил Бонин, делая шаг вперед.

«Воу,» произнес Еролемев, хватая Бонина за руку крепким хватом.

«Ага, послушай старика,» сказал мастер. «Мы бы не пришли сюда, чтобы не подраться.»

«Вы неправильно поняли,» сказал ему старый капельмейстер. «Я просто хотел, чтобы все было честно. Начните с меня, и поглядим, как вы справитесь с одноруким человеком. Тогда вы сможете громко заявлять о победе.»

Толпа на это засмеялась. Мастер быстро заморгал.

«Мы проверили дренажи до северного водоотвода,» сказал он. «Там нет ничего закрытого. Я не знаю, откуда приходит вода.»

«Что насчет света?» спросил Баскевиль.

«Электрические системы в другой заявке,» сказал мастер. «В моей говорится 'разлив сточных вод'.»

«В вашей заявке сейчас появится 'ай, мое лицо',» сказал Еролемев.

«Джентльмены,» сказал Колеа, подходя.

Они посмотрели на него. Широкая улыбка появилась на лице Баскевиля.

«Гол,» сказал он, и обнял Колеа. Бленнер смотрел с края группы. Это было то, как хорошие товарищи приветствуют друг друга. Он вздохнул.

«Назад на службу?» спросил Баскевиль.

«Назад на тяжелую работу,» сказал Колеа. «И давно пора, похоже.» Он бросил взгляд на мастера. «Как вас зовут?» спросил он.

«Таскейн,» ответил человек. «Техник, первый класс.»

«Я – Колеа. Майор Колеа. Мое подразделение, мы были очень рады остаться во дворце на время. Но он едва ли роскошный.»

«Ну, я допускаю--»

«Таскейн, я понимаю, что у вас есть приказы. Заявки, по существу. Как и у меня. Лорд Исполнитель хочет, чтобы о его личном полку хорошо позаботились.»

«Лорд Исполнитель?» спросил Таскейн.

«Вы слышали о нем?»

«Ну, конечно.»

«Он – абсолютный ублюдок,» сказал Колеа. «Убьет вас, как только на вас посмотрит. Мы этого не хотим. Мы не хотим заполненные жалобные отчеты, с именами на них, так ведь? Как там эта форма?»

«К 50715 F,» быстро сказал Бленнер, пытаясь не ухмыляться.

«Именно она, комиссар,» сказал Колеа. «Спасибо. Ой, и комиссар? Пожалуйста, держите свое оружие в кобуре. Это не дисциплинарный вопрос.» Он посмотрел на

Таскейна и скорчил рожу. «Он тоже настоящий ублюдок,» прошептал он. «Мы не хотим его рассердить.»

«Не хотим, сэр,» сказал Таскейн.

«Значит, у нас вода, течет назад.»

«Я объяснил это, сэр.»

«Грунтовая вода тоже, значит, в туалетах не питьевая вода. Значит, это вопрос гигиены, что приведет сюда Медикае.»

«Я объяснял,» сказал Таскейн. «Это погода. Несезонное количество дождевой воды толкает назад поток сточных вод. Мы проверили трубы.»

«Хотя, вы можете проверить их снова?» спросил Колеа. «Я имею в виду, доскональная вторая проверка. Доскональность никогда не повредит, так ведь? Затем, может быть, воспользуйтесь удлинителями. Пропустите стержень прямо насквозь?»

«Я могу это сделать...» начал Таскейн.

«Затем промойте всю систему через химический шлюз. Система старая, каменная, так что нет опасности подвергнуть ржавению металлические трубы. А если и это провалится, вы можете установить один или два насоса, и удалить воду с их помощью.»

Таскейн замешкался. «Откуда вы столько знаете?» спросил он.

«Я был шахтером до того, как стать солдатом,» сказал Колеа. «Я знаю, как осушить затопленную секцию. От этого зависели жизни.»

«Ну, могу представить...»

«Но, я не эксперт,» сказал Колеа. «Не в таком коммунальном плане, как этот. Это ваша территория. Готов поспорить, что вы, с вашими навыками, сможете со всем справиться к ночи.»

«Мы разберемся, сэр,» сказал Таскейн. Он бросил взгляд на своих людей, и направил их назад туда, откуда они пришли. «И на электрические системы мы тоже взглянем,» сказал Таскейн. «Проблемы могут быть связаны.»

«Я это ценю, мастер,» сказал Колеа. «Император награждает за прилежную службу.»

Мастер и его команда потащились назад по залу в направлении затопленных секций.

«Прямые приказы от Лорда Исполнителя?» спросил Бонин.

«Ну, возможно, я слегка переработал настоящую правду,» сказал Колеа с улыбкой.

«Опять же, я думаю, что маленькое изобретение с формами жалоб тоже сработало.»

Бленнер подмигнул. «Заставили всю фесову вещь тронуться с места,» сказал он.

«Хорошо, что ты вернулся,» сказал Баскевиль Колеа.

«В самом деле.»

Колеа огляделся. Появился Далин, спокойно пробираясь сквозь развеселенную толпу зевак.

«Привет, сын,» сказал Гол.

Утро не показывало ни признака окончания. Из-за темноты снаружи окон комнаты казалось, что уже ночь, и что они просидели весь день, но Мерити понимала, что это просто гроза, нависшая над Элтатом, турбулентная, опоясанная дождем чернота, которая убивала любой признак дневного света.

Старший Тактик Байота занял комнату 'по приказу Лорда Исполнителя', фраза, которую, казалось, ему нравится использовать. Комната была молитвенной часовней, примыкающей к главной военной комнате, обширному месту, битком набитому людьми, в которое Мерити только мельком заглянула, когда они проходили мимо.

Часовня была маленькой, но сюда были принесены когитаторная станция и дисплей стратегиума, вместе со старым, солидным столом, за которым могли разместиться десять человек. В качестве части территории военной комнаты, часовня была закрыта и защищена от сканирования и обнаружения. Кабельные каналы для всех кабелей были толстыми и усиленными, здесь был небольшой резервный силовой блок, а

стены были грубо закрыты панелями из голых досок, которые закрывали подавляющие материалы на каменной кладке. Даже окна были обработаны антиинвазивными красками, которые еще больше затемнили их, вдобавок к мраку, хотя Мерити все еще могла видеть перемещающиеся капли дождя, бьющие по ним.

Резервный силовой блок так же был полезен. Энергия главного дворца продолжала быть неустойчивой, и дважды за утро полностью отказывала, заставляя дисплеи гаснуть. Байота привык пинать силовой блок автоматически каждый раз, когда свет тускнел, чтобы заставить его с жужжанием начинать работать. Это стало машинальным жестом: он делал это даже когда говорил, даже не смотря на него.

Ей очень понравился Байота. Она полагала, что его имя было Антонид. Он был ветераном, но не солдатом. Маленький, в очках, человек провел всю свою карьеру в Тактическом Департаменте, и он казался невероятно умным, хотя его навыки работы с людьми были неуклюжими. Она предполагала, что он был самым умным человеком, которого она когда-либо встречала. На протяжении всего утра, он прошел через множество документов, обсуждая все от 'географической пригодности' до 'эффективности Активов Муниторума', и показывал знания обо всем. Ему даже не надо было консультироваться со списками, чтобы быть способным называть, с точностью, конкретные дивизии, подразделения, командиров боевых единиц, или число людей, активных в любой группе. Сейчас он проводил обзор орбитальных снимков, указывая на детали, которые она не была способна засечь.

Это было очаровательно, хотя и скучно. У Мерити было приличное общее представление о ситуации в Элтате, и на Урдеше в целом, но детали были для нее потеряны. Она едва могла следовать логистическим данным, особенностям развертывая, или тактическим нюансам. Команда Байоты провела десять минут, обсуждая переносимость веса одного моста в Заракппане.

Но она всегда восхищалась видом людей, экспертов, делающих то, что они делают лучше всего. В этом было нечто удивительное. А эти люди, вручную выбранные Байотой, чтобы сформировать тактический кабинет ее отца, были лучшими. Среди лучших во всем Империуме, и, определенно, в войсках крестового похода.

Это напомнило ей о долгих днях, когда ее принуждали присутствовать на встречах конгресса Дома Часс, где вопросы политики улья и личные дела дома обсуждались в

деталях. Сейчас, как и тогда, она была ничем, кроме очевидца. Белтайн заверил ее, что она скоро ухватит более тонкие моменты. Ей, определенно, нечего было предложить, кроме своего внимания и обещания прямого доступа к Лорду Исполнителю, как только появится необходимость.

У нее не было фактического места за столом. Байота смутно указал ей на ряд стульев в углу. Она начинала делать заметки, но Белтайн увидел, что она делает это, и помотал головой.

«Почему?» прошептала она тогда.

«Это попадет в ящик для сжигания, как только ты покинешь комнату. Я достану тебе зашифрованный планшет на завтра.»

Мерити отложила тетрадь в сторону, и попыталась положиться на свою память.

Кроме Белтайна и Байоты здесь были еще трое. Двое носили такие же униформы тактиков, как и Байота: молодой человек по имени Виллам Рис, у которого была самая темная кожа, которую она когда-либо видела, и более высокая, высоконогая женщина по имени Женев Холт. Казалось, что никто из них не улыбается, никогда, и у них был тот же темп и знание деталей о деталях, как у Байоты.

Другой персоной была свирепая Темпестус Сцион в натальной броне по имени Релф. Релф была назначена охранять Мерити, и Сцион выбрала все время стоять на ногах, на карауле у двери. Байота прерывался несколько раз, чтобы предложить Сциону сесть.

«Спасибо вам, нет,» отвечала Релф каждый раз.

В конечном счете, около середины утра, Байота настоял, чтобы она села.

«Ты попадаешься мне на глаза каждый раз, как я смотрю на дисплей,» сказал он.

«Я бы предпочла стоять,» ответила Релф. «Стоя, я могу отреагировать более быстро на опасность у двери.»

«Если опасность будет у двери, тогда дворец пал,» заметила Холт, «и, значит, мы все в заднице, и то, что ты будешь там, принесет мало пользы.»

Рис, на самом деле, рассмеялся на это.

«Сядь, Сцион,» сказал Байота. «Я настаиваю. По приказу Лорда Исполнителя.»

Релф, с неохотой, села, хотя она заняла стул Мерити и заставила Мерити пересесть на следующий, чтобы Релф могла быть между ней и дверью.

Мерити не спорила. Она привыкла к такому типу охраны. Это был не первый раз, когда у нее был телохранитель.

Байота заканчивал с орбитальными сканами, когда в дверь постучали. Релф тотчас отреагировала, и, после некоторого подозрительного разговора с привратниками, впустила очень свирепую женщину в форме лорда милитанта.

«Ах, Маршал Тзара,» сказал Байота. «Мы готовы к вашему докладу. Пожалуйста, садитесь.»

Тзара, гет-атаман Кейзонского Воинства, и Госпожа Семнадцатой Армии, чопорно осмотрела комнату часовни и ее обитателей.

«Лорд Исполнитель просил меня доложить вам и предоставить вчерашние данные о подавлениях в Северных Конклавах. Я не уверена, почему я не могла послать адъютанта, чтобы сделать это, как и не уверена в том, почему меня просили докладывать в шкафу для веников.»

«Лорд Исполнитель желает, чтобы цепь командования была настолько короткой, насколько возможно, Маршал,» ответил Байота. «Брифинги только старших офицеров, чтобы уменьшить рассеивание данных и риск разрыва доверительной цепочки. Докладывая мне, вы можете считать, что лично докладываете Лорду Исполнителю.»

«Это недостойно,» сказала Тзара. «Это его... тактический кабинет?»

«Да, ну...» Байота слегка заколебался.

«Сортируйте,» прошипел ему Белтайн.

«Вы запрашивали его аудиенции несколько раз, и она была дана этим утром,» сказал Байота.

«В самом деле--» начала Тзара.

«Никому не нужно быть экспертом по человеческим образам действий, чтобы увидеть, что вы хотите втереться в доверие к новому Первому Лорду.»

«Разве?» сказала Тзара. Тон ее голоса уронил температуру в комнате.

«Ну, да,» сказал Байота. «Никто не хочет впасть в немилость.»

«Я не впала в немилость,» прорычала Тзара.

«Нет,» сказал Байота, «но пропасть близка и абсолютна. Вы прикрывали других в движении, чтобы лишить власти Макарота. Вы сохранили свою позицию, как Лорд Блэквуд и Лорд Сайбон, но над вами облако. Вам нужен союзник, а Лорд Исполнитель самый лучший союзник. Так что, пожалуйста, садитесь. Считайте мою вежливую просьбу приказом Лорда Исполнителя.»

Тзара села.

«Ему, на самом деле, нравится говорить это,» прошептала Мерити Сциону рядом с собой. Релф слегка затряслась. Мерити осознала, что Сцион пытается подавить смех.

«Пожалуйста, расскажите нам о вчерашних мероприятиях на театре военных действий в Конклаве,» сказал Байота. «Будьте настолько конкретны, насколько возможно. Мы получили документ с кратким резюме, но у вас есть детальный список вражеских сил и так далее.»

Маршал Тзара вытащила планшет из поясной сумки. Она сделала последний, ухмыляющийся взгляд на комнату.

«У Астра Милитарум есть протоколы,» заметила она. «Я боюсь, что они были позабыты. Здесь присутствует обычный линейный солдат.»

Она бросила взгляд на Белтайна, который, внезапно, нашел свои заметки обворожительными.

«И что касается нее,» добавила Тзара, кивая в сторону Мерити. «Я не осознавала, что Гвардия стала семейным делом.»

«Меня просили присутствовать,» ответила Мерити до того, как смог ответить Байота.

«Твой отец,» сказала Тзара. «Гвардия действует через мастерство. Тренировки, опыт, и тяжело заработанное старшинство. Не кумовство.»

Мерити почувствовала, как ее щеки вспыхнули.

«Я уверена, что это так, мэм,» ответила она. «Я уверена, что именно поэтому третья, девятая и четырнадцатая роты Кейзонского воинства под командованием ваших сыновей.»

Тзара заморгала. Ее рот сформировал резкую, сжатую, горизонтальную линию.

«Нагло,» заметила она, и повернулась назад к Байоте.

Байота снял свои очки и, нахмурившись, смотрел на Мерити.

«Мы рассмотрели диспозицию Кейзонцев около четырех часов назад,» сказал он. «Ты вспомнила эту деталь?»

«Я пытаюсь помнить все, что могу, сэр,» сказала Мерити. «Чтобы был какой-то смысл в том, чтобы я была здесь.»

Байота поднял брови, надел свои очки и повернулся назад к столу.

«Ладно, давайте продолжим,» сказал он. «Маршал, любезно расскажите нам о--»

Снова раздался стук в дверь комнаты.

«Если это Люго, тогда он на час раньше,» резко бросил Байота.

Релф открыла дверь. «Это комиссар,» сухо доложила она. «Запрашивает мою леди Часс.»

«Я выйду, чтобы вы могли продолжить,» сказала Мерити, вставая. Она пошла к двери, когда Тзара начала свой доклад.

Это была Фейзкиель.

Мерити вышла в коридор. Релф последовала за ней.

«Не нужно,» сказала Мерити.

«Я скажу, что нужно,» ответила Релф. Она закрыла дверь за ними, затем встала спиной к ней, пялясь на противоположную стену.

«Простите за вмешательство,» сказала Фейзкиель. «Я вижу, вы заняты.»

«Чем я могу помочь?»

«Я, все еще, провожу расследование. Я хочу снова опросить всех вовлеченных. Бленнера, Мерина, вас. Просто еще раз пройти.»

«Нет ничего такого, что я могу еще добавить кроме того, что у вас уже есть,» ответила Мерити. «Я была без сознания во время... убийств.»

«Ну,» сказала Фейзкиель, «ваша память можешь что-нибудь выбросить, даже если это не кажется вам относящимся к делу.»

«Кажется, у нее очень хорошая память,» сказала Релф сзади.

«Я не знаю, комиссар,» сказала Мерити.

«Ладно, подумайте над этим,» сказала Фейзкиель. «Я расположилась в подвале в размещении полка. Если что-нибудь вспомните, найдите меня. Что-нибудь, хорошо?»

Мерити кивнула.

«И, может быть, завтра, когда вы не будете заняты, мы сможем провести еще один опрос, просто для записи.»

«Конечно,» сказала Мерити.

Фейзкиель кивнула.

«Спасибо, мэм,» сказала она. «Не буду вас задерживать.»

Воздушный бой шел полным ходом на юге. Большая его часть была скрыта низкими ливневыми облаками, но они могли слышать рычание двигателей и далекие хлопки и треск. Иногда становились видимыми белые дротики, устремляющиеся на фоне черных облаков, а полог ненадолго пропускал солнце. Варл сказал ей, что это Молнии, вероятно из Восточного Зарака, проводящие патруль против бомбардировщиков, чтобы удерживать воздушное пространство Элтата. Керт ничего

об этом не знала, но она понимала, что бой идет полным ходом. Она сидела в кабине транспортника-10, просматривая медицинские отчеты, но случайный шум боя продолжал привлекать ее внимание.

Что-то вспыхнуло. Серебряная точка, примерно в пяти километрах к западу. Она видела, как точка вырывается из огромной темной опоры низких облаков, расплывчатая из-за дождя. Шквал крошечных огней внезапно окружил ее, облако, похожее на святлячков или искры, поднимающиеся от костра. Они покружились секунду, затем рванули прочь, исчезая в облаке. Мгновением позже вся куча облаков была освещена яростной серией желтых вспышек, огнями, расцветающими позади темных испарений. Через секунду до нее донеслись звуки множественных взрывов. К тому времени, серебряная точка исчезла. Она увидела, как что-то падает из облаков. Огненная полоса, которая падала отвесно вниз, солнечный свет отражался от крыловых панелей, пока они сгибались вокруг огненного шара и отлетали прочь. Огненная полоса исчезла за крышами.

Кто-то постучал в окно двери кабины.

Керт вышла из машины. Дождь был хуже, чем раньше.

«Они все погружены и закреплены,» сказал ей Колдинг.

«Спасибо тебе,» сказала она.

«Я могу отправиться с ними,» предложил Колдинг.

«Полковник Роун приказал мне сделать это, так что...» она пожала плечами.

Намерением Керт было выдвинуться с основными силами, но у них было сорок раненых после боя у Тулкарских Батарей, и девять были в критическом состоянии. Ее клятва доктора сделала эти души ее ответственностью, и ее позиция в качестве старшего медика полка крепко держала ее за подол. Роун это знал. Раненым нужно было больше, чем полевая станция. Им были нужны хирургические и восстановительные средства Урдешского Дворца.

На другой стороне разбитой улицы, за линией ожидающих транспортников, Роун инструктировал офицеров. Роты Призраков растянулись вдоль улицы, стоя в

свободном порядке, отдыхая, и используя взорванные фасады магазинов в качестве частичного укрытия от ливня.

«Майор Паша командует основной группой,» сказал Роун.

«Мы можем сразу же выдвинуться,» уверенно ответила Ив Петрушкевская. «Три часа до места, за исключением непредвиденных случаев.»

Роун кивнул. «Аса Элам и Ферди Колосим твои линейные офицеры. Цепь командования идет через них. У Паши последнее оперативное слово. Все ясно?»

Все ротные командиры кивнули.

«Первое отделение, Рота Б, идет со мной ко второй цели,» продолжил Роун.

«Все лишь одно отделение?» спросил Обел.

«Не задавайте мне вопросов,» ответил Роун.

«Но это честный вопрос,» сказала Крийд.

«Мы и так растянуты,» ответил Роун. «На первичную цель нужно все, что мы можем на нее бросить, чего и так фесово мало в нынешнем виде. Короли-Самоубийцы имели дело с ним раньше, так что мы сможем справиться с ним сейчас. Туда и обратно.»

Первое отделение, Рота Б, стала известной, как Короли-Самоубийцы, когда полк впервые взял под опеку вражеский актив, известный, как фегат. Никто не сомневался, что у них самый лучший уровень опыта.

«Но если там будут проблемы...» начал Колосим.

«Проблемы могут поцеловать мою Танитскую задницу,» ответил Роун. «Приготовьте свои роты выдвигаться. Вот и все.»

«Никаких вдохновляющих слов, сэр?» спросил Тейсс.

Роун сделал паузу. «Я известен такими вещами?» спросил он.

«Нет,» с ухмылкой признался Тейсс.

«Тогда представьте, что я посылаю вам мысли и молитвы,» сказал Роун.

Офицеры рассмеялись.

«Вот, что я вам скажу,» сказал Роун. «Эти приказы идут напрямую от Гаунта. Этого должно быть достаточно для всех вас. Фес, представьте, что это он стоит здесь и инструктирует вас в этом фесовом дожде. Я бы предпочел это. Я был бы намного счастливее, сидя во дворце и положив ботинки на стол. Приступим к делу.»

Группа разошлась. Ротные офицеры – Крийд, Колосим, Тейсс, Аркуда, Элам, Обел, Спетнин и остальные – быстро пошли назад к своим людям, выкрикивая отрывистые приказы. Промокшие насквозь Призраки начали подниматься на ноги и надевать на плечи свои вещмешки. Ладд ходил среди них, выкрикивая сильные слова ободрения.

Роун повернулся и увидел ждущую Керт.

«Готова отправляться?» спросил он.

«Честно,» сказала она, «я с большей охотой отправилась бы с группой Паши. Там обязательно будет бардак.»

«У Паши будут Колдинг и санитары,» сказал Роун. «К тому же, это не связано с твоими предпочтениями. Я отдал тебе приказ.»

«Отдал.»

«Никакого неуважения к Колдингу, но я думаю, что ты единственная, кто может доставить их во дворец живыми.»

«Ты, возможно, прав.»

«Теперь, насчет эскорта,» сказал он.

Керт помотала головой. «Тебе нужны все, кого можешь заполучить. Не трать никого на охрану. Мы можем добраться туда.»

Он посмотрел на нее.

«Я серьезно,» сказала она. «Мы поедем во дворец через то, что должно быть дружественной территорией. Не мы направляемся к опасности. Вы.»

«Хорошо,» сказал он.

Керт повернулась, затем посмотрела назад на него, вытирая дождь с лица.

«Я не понимаю, насчет чего это все,» сказала она. «Я не понимаю, во что вы ввязываетесь...»

«Присоединяйся к клубу,» ответил Роун.

Она мягко положила свою руку на его.

«Просто не умирай,» сказала она.

«Посмотрю, как пойдет,» ответил он.

Она повернулась и пошла к ожидающим грузовикам.

«Заводите!» услышал он, как она крикнула.

Жар был невероятным. Ян Жерик мог чувствовать, как пот заполняет его ботинки. Он остановился, вытирая визор своей маски, чтобы проверить номер канала, написанный трафаретом на стене.

«Туда,» сказал он приглушенным голосом.

Впереди был перекресток. Главный вентиляционный ствол шел на северо-запад. Слева был проржавевший зарешеченный проход. Геотермальная сеть была построена давным-давно, и вторичные проходы хорошо не обслуживались. Только решетки главных каналов все еще работали, открывая и закрывая массивные клапанные диафрагмы в ответ на требования чрезмерного или недостаточного давления.

Ян Жерик остановился в супе из минеральной жижи, которая текла в основании прохода. Он поднял свой фонарь, и свет осветил старую решетку сквозь плывущий пар.

«Вот тут ваше разделение,» сказал он.

Коррод и Хадрел вышли вперед. Сирдар сверился со своей картой. Ян Жерик мог слышать влажное, скрежещающее дыхание их, покрытых толстым слоем слизи, морд.

«Это идет ко второму месту?» спросил его Коррод.

«До конца,» кивнул Ян Жерик.

Коррод с Хадзелом посмотрели друг на друга.

«Выбери себе команду,» сказал Коррод.

Хадзел кивнул, и начал указывать на сынов в линии позади себя. Семь воинов Архиврага отделились от основной группы и встали рядом с Хадзелом.

«Он умрет,» сказал Коррод.

«Он умрет,» согласился Хадзел.

Они оба подняли ладони ко ртам в кратком отдании чести.

Коррод повернулся к Яну Жерику.

«Главный канал приведет нас к первому месту?» спросил он.

«Да,» сказал Ян Жерик. «Я покажу вам--»

«Нет,» сказал Коррод. «Вы, и ваши люди, больше не нужны. Мы найдем отсюда дорогу.»

«Но мы еще не--» начал Ян Жерик.

«Идите назад. Вы сделали свою часть. Забудьте о нас. Ничего не говорите. Если варп одобрит наши усилия, тогда мы вернемся, и голос нашего лорда наградит тех, кто послужил ему в этом. Храбрость Дома Гентези не будет забыта.»

«Ладно,» заколебался ординат. «Его голос... его голос заглушает все остальные.»

«Теперь, идите назад,» сказал Коррод.

Ян Жерик кивнул. Он подал сигнал своим людям, и они начали шлепать назад, возвращаясь туда, откуда пришли. Он обернулся через плечо, и увидел, что Хадзел повел свою команду через ржавую решетку.

Он продолжал идти. При каждом шаге, он ждал, что люди-демоны Коррода нападут на него сзади, убьют его и его subordinатов, чтобы убедиться в их молчании.

Никакого нападения не было, но он больше никогда так и не смог избавиться от ощущения смерти, идущей по пятам, до конца своей жизни.

Он снова посмотрел назад. Сквозь темноту и пар неоновые глаза наблюдали за его уходом.

«Значит, ты в порядке?» спросил Колеа.

«Да,» кивнул Далин. «Ты?»

«Было много событий,» сказал Колеа. «Йонси?»

«Она где-то тут,» сказал Далин. «Она немного потрясена.»

«Я бы хотел увидеть ее,» сказал Колеа. «Она будет напугана, особенно сейчас, когда здесь нет Тоны. Слушай...»

«Что?»

Колеа выглядел не в своей тарелке. «Дал, я... я никогда, особо, не был отцом для тебя, для вас обоих--»

Далин засмеялся и поднял руку. «Серьезно?» сказал он. «Откуда появилось все это сентиментальное дерьмо? Сейчас не время и не место, и, вероятно, никогда не будут. Мы Призраки. Это наша жизнь--»

«Я просто хотел сказать--» настаивал Колеа.

«Не нужно,» сказал Далин. «Из-за чего все это? Это не конец мира... ну, не больше, чем всегда.»

Колеа улыбнулся. «Вещи сами по себе не говорят, знаешь ли?» ответил он. «Не те вещи, которые важны. Всегда слишком поздно. Дни проходят и, внезапно, кто-то уже не здесь, чтобы говорить. Слишком много раз за прошедшие годы я осознавал, что уже слишком поздно, чтобы с кем-нибудь поговорить.»

«Ты ожидаешь умереть?» спросил Далин.

«Нет.»

«Ты ожидаешь, что я умру?»

«Нет,» сказал Колеа. Он пожал плечами. «Мой разум был в беспорядке несколько недель. Гаунт помог мне разобраться. С Йонси, на самом деле, все в порядке?»

«Кажется так.»

«Дал, ты когда-нибудь думал, что с ней что-то не так?»

«Она моя сестра. Она сводит меня с ума.»

«Лучше мне найти ее,» сказал Колеа. «Возможно, она выслушает меня с большим терпением, чем ты.»

«Слушай, я ценю, что ты пытаешься--»

«Дал, фес побери сентименты, я хочу, чтобы ты знал... ты и твоя сестра... я бы пошел в ад за вас обоих. Я это и имею в виду. Пока я дышу, я буду стоять между вами и тем--»

«Я знаю,» сказал Далин.

«Тогда, хорошо.»

«Теперь мы можем обратно стать нормальными? Это неловко.»

Колеа рассмеялся.

«Гол!» голос Баскевиля эхом разнесся по коридору. Колеа повернулся и, за двумя рабочими Муниторума, раскатывающими гибкие шланги для насоса, он увидел машущего ему Баскевиля и показывающего бутылку.

«Идем, присоединяйся к нам,» крикнул Баскевиль.

Колеа пожал плечами 'может быть'.

«Иди,» сказал Далин. «Это пойдет тебе на пользу. Я пойду, найду Йонси и приведу ее к тебе.»

«Хорошо. Я, на самом деле, хочу увидеть ее.»

Появилась Фейзкиель, быстро идя по коридору, ловко перешагивая через раскатанные шланги.

«Запах не стал лучше,» сказала она.

«Они работают над этим,» сказал Колеа.

«Рада, что вы вернулись, майор,» сказала она. «Рядовой Далин?»

«Да, мэм?»

«Я бы хотела провести некоторое время с тобой. Через полчаса или около того?»

«Да, мэм. По поводу?»

«Инцидент в размещении. Ты был последним с... Феликс перед нападением.»

«Она в порядке?» спросил Далин. «Мерити, я имею в виду.»

«С ней все, кажется, нормально.»

«Мне нужно выполнить задание. Значит, через полчаса?»

Фейзкиель кивнула. Все трое пошли в разных направлениях.

В боковой комнате поблизости, Мерин прислонился в холодной каменной стене рядом с открытой дверью.

«Она непреклонна,» тихо сказал он.

Бленнер не ответил. Он сел на грязную койку, и опрокинул таблетку, запив ее глотком амасека Мерина.

«Вот так,» сказал Мерин. «Проглоти ее. Будь спокоен.»

Бленнер посмотрел на него с плохо замаскированным презрением.

«С нами все в порядке, Вэйном,» сказал Мерин. «Пока что. Но она снова вернется к нам обоим тоже. Еще больше вопросов. Так что прямо придерживайся истории и сохраняй ее простой.»

Бленнер поднялся на ноги. «Иногда,» сказал он, «ты должен спросить себя, стоит ли оно того. Трон знает, я не хочу потерять то, что у меня есть. И забудьте о дерьмовом назначении или понижении в должности. Это? Это будет для меня выстрелом в голову.»

Он посмотрел на Мерина.

«Но Луна хороша. У нее зоркий взгляд на детали,» сказал он. «Я не думаю, что она может уловить все, но если она сможет--»

«Мы придерживаемся истории.»

«И живем с чувством вины? Я жил со стыдом большую часть своей карьеры, Флин, так или иначе. Но чувство вины? Вины, настолько тяжелой?»

«Прими еще таблетку, Бленнер,» сказал Мерин.

«Ты разве никогда не хотел просто покончить со всем этим?» спросил Бленнер.

«Независимо от последствий, просто покончить со всем? Сбросить этот груз с себя?»

«Нет,» сказал Мерин. «Потому что я не фесов идиот.»

Бленнер печально улыбнулся. «Нет, я не думаю, что ты идиот.»

«Ты собираешься донести на меня?» спросил Мерин. «Ты говоришь, как трус, который готов сдаться. Хотя, ты всегда им был. Ты, внезапно, собираешься отрастить фесов хребет и набраться мужества?»

Бленнер покачал головой. «Нет,» сказал он. «На самом деле, я не беспокоюсь насчет себя. Что меня беспокоит, так это ты.»

«Я?»

«Ты меняешь истории, как одежду, и у тебя хватает ума, чтобы продать их тоже,» сказал Бленнер. «Я думаю, что, когда все приблизится, ты бросишь меня под колеса, чтобы спасти себя. Фес, ты сделал это с этим идиотом, Вайлдером. Что бы не потребовалось, чтобы прикрыть твою задницу. Трон, я могу это представить.»

Бленнер изобразил серьезный, но вкрадчивый голос.

«'Это все был план Бленнера. Мы должны были подчиниться, потому что он комиссар. Он угрожал нам грубой силой Префектуса. Казнью, если бы мы не согласились с ним. И он, так же, сидел на таблетках. Я был настолько напуган, чтобы рассказать об этом, сэр, но теперь мне нужно очистить совесть...'»

Бленнер улыбнулся Мерину.

«Я могу слышать, как ты это делаешь. Моргаешь этими большими, красивыми глазами. Я имею в виду, что ты никому не нравишься, Мерин, кроме того, они все думают, что ты змея. Эгоистичный подонок. Они понятия не имеют, насколько ты токсичен.»

«И не будут знать,» сказал Мерин. «Так ведь?»

«Нет,» сказал Бленнер. Он надел свою фуражку. «Я буду придерживаться истории. Но если будешь продолжать опираться на меня, я могу решить, что вина и все остальное дерьмо не стоят этого.»

Он похлопал Мерина по плечу.

«Фес,» ухмыльнулся он, «может быть, я, в конце концов, отрастил хребет. Как насчет этого?»

У Луны Фейзкиель была маленькая комната в северном конце сводчатого подвала. Просто достаточное место для койки и складного стола. Она разложила пикты на нем, все снимки, которые она сняла на месте преступления в Низком Острие. Было чертовски жаль, что они не смогли сохранить место действия, а изучение тел, доставленных из Низкого Острия – Гендлера, Вайлдера и Эзры – не раскрыло ничего полезного.

Низкое Острие. Сама мысль об этом месте заставляла ее напрягаться. Кроме дела, касающегося Гендлера, там был инцидент с женой Вайлдера и девочкой, Йонси. Фейзкиель была одной из первых на месте действия. Нечто разорвало тела на части. Какой-то монстр.

Она его тоже слышала. Она слышала пронзительный звук, который оно делало. Фейзкиель была сильным солдатом, но тот звук потряс ее до основания, что ее беспокоило. Это было чем-то большим, чем опасность – они сталкивались с этим постоянно. Это вызвало в ней какую-то первобытную реакцию.

Она не спала. Воспоминание о пронзительном звуке играло на ее нервах, и она боялась, что это может открыть некоторые из ее старых тревог, которые она училась слишком много лет сдерживать и контролировать.

Неизвестное заставляло ее беспокоиться. Данные утешали ее. Твердые факты давали ей способ понять мир и продолжать работать. Дело Гендлера было обнадеживающим. Оно помогало отвлечь ее разум от загадок, которые она не могла разгадать.

Она села, и стерла невидимую пыль с края стола. Пикты ничего ей не говорили. Никаких явных противоречий не было, никаких коллизий. Она проведет каждый опрос – Мерити, Бленнера, Мерина, Далина – вероятно еще два раза, чтобы увидеть, если что-нибудь выплывет. Но она уже была уверена, каким будет ее отчет. Данные подтверждали версию, которую предоставили Мерин и Бленнер.

Лампы над головой заморгали.

Фейзкиель вздохнула. Ей хотелось, чтобы она принесла с собой какую-нибудь еду из столовой. Это был второй раз за два дня, когда она забыла поесть.

Свет снова заморгал.

Она встала, чтобы разобраться со светоэлементом, и замерла. У нее, внезапно, появилось серьезное некомфортное ощущение, как будто нечто царапало ее барабанные перепонки и носовые пазухи.

Она закашлялась и попыталась очистить нос. Вероятно, сырость в подвале добралась до нее—

Свет погас.

Чернота. Свет не вернулся. Она на ощупь пробралась к двери, и выглянула наружу. В коридоре тоже было темно, как смоль. Она могла слышать жалующиеся голоса из других комнат.

Чертова проблема с электричеством, в конце концов, стала окончательной.

Она, наощупь, пошла назад к своему столу, села, и выудила фонарик из своего снаряжения. Он не хотел включаться. Она похлопала им по ладони в перчатке, и появился луч, светящий холодным голубым кругом на противоположную стену. Она быстро поводила лучом вокруг. Ее ушные перепонки снова зазудели.

Луч прошел дверной проем. На секунду, он осветил лицо, пристально смотрящее на нее.

Фейзкиель вздрогнула от удивления.

Она снова поводила лучом.

Йонси стояла в дверном проеме, держа руки по бокам с невыразительным лицом. Она пристально смотрела на Фейзкиель.

«Йонси, ты меня напугала до усрачки,» сказала Фейзкиель.

Девочка не ответила. Она пристально смотрела на Фейзкиель еще несколько секунд, затем просто повернулась и ушла.

Фейзкиель быстро встала, слегка споткнувшись о свой стул.

«Йонси?»

Она добралась до дверного проема, и вышла в коридор. Еще больше протестующих и жалующихся голосов разносились эхом по подвалу. Скребущее ощущение в ее ушах стало хуже. Она направила луч налево, затем направо. Там никого не было.

«Йонси?»

Она начала идти налево. Лампы над головой внезапно загудели и ожили. Тревога завывала на секунду, затем отключилась. Фейзкиель заморгала от яркого света.

Мерин стоял в нескольких метрах, морщась от света.

«Капитан,» сказала она.

«Ой, мэ. Я... я просто выяснял, что случилось со светом.»

«С клинком в руке?»

Мерин посмотрел вниз. Он держал свой боевой нож.

«Ну, если честно, я подумал, что что-то услышал,» сказал он.

«Ты видел Йонси?»

«Что? Нет,» сказал Мерин. Он почесал левое ухо.

«Ты это чувствуешь?» спросила Фейзкиель.

«Что?»

«В своих ушах. Зудение.»

Он кивнул.

«Это напоминает мне--»

Она резко остановилась. Она могла чувствовать поднимающуюся в ней тревогу, и быстро сфокусировалась на ментальных стратегиях преодоления трудностей, которым ее научили, чтобы помочь ей справиться с ее навязчивой натурой. Она подавила тревогу.

«Что?» сказал Мерин, осторожно смотря на нее.

«Иди и найди Баскевиля или Колеа.»

«Зачем?» спросил Мерин.

«Что-то неправильно,» сказала Фейзкиель.

«Что вы собираетесь--»

«Я собираюсь найти Йонси. Она была прямо здесь, и она, вероятно, напугана. Иди и приведи Баскевиля. Сейчас же, пожалуйста.»

Мерин убрал в ножны свой боевой нож и поспешил прочь.

«Посоветуй ему янтарный статус!» крикнула она ему вдогонку.

В офицерской комнате лампы снова включились с шипящим звуком в кратком вое тревоги. Баскевиль стоял с бутылкой в руке.

«Как я говорил...» сказал он.

«Они не отключались так надолго раньше,» сказал Домор.

Колеа пожал плечами. «Может быть, Муниторум отключал линию для переподключения или теста?» сказал он.

«Хотите, чтобы я пошел и проверил?» спросил Бонин.

«Ладно, я почти собрался открыть эту драгоценную бутылку сакры, чтобы отпраздновать возвращение Гола,» сказал Баскевиль. Он поставил ее. «Но мы, вероятно, должны.»

Остальные встали со своих мест вокруг его походного стола.

Еролемев и Бленнер вошли из зала снаружи.

«Много шума в жилых залах,» сказал Бленнер. «Отключение было по всему подвалу.»

«Иди, успокой их,» сказал Баскевиль. «Это был просто отказ сети.»

Бленнер взглянул на бутылку на столе. «Частная вечеринка?» спросил он.

«Иди, успокой их, Бленнер,» сказал Баскевиль, «и, может быть, ты получишь приглашение присоединиться к нам.»

Бленнер кивнул и поспешил наружу.

«Что с вами такое?» спросил капельмейстера Бонин.

«Разве вы не слышите это?» спросил Еролемев.

«Что слышим?» спросил Домор.

Еролемев нахмурился. «Похоже на... свист. Нота. Высокотональная.»

Они помотали головами.

«Ты провел слишком много лет рядом с целой духовой секцией,» сказал Домор.

«Вы, серьезно, не слышите это?» спросил Еролемев.

Бонин огляделся. Он посмотрел на одну из рюмок, стоящих на столе рядом с бутылкой.

«Что, Мах?» спросил Колеа.

Бонин вытянул руку и положил ладонь на рюмки.

«Они вибрировали,» сказал он.

«Ну, это должно быть это,» сказал Еролемев. «Звук сейчас пропал.»

Бонин поднял руку.

«Теперь вернулся,» сказал Еролемев.

«Какого феса?» сказал Домор. Звук заставлял его чувствовать себя не в своей тарелке. Он напомнил ему кое-что, что он недавно слышал.

«Мои, ух, уши зудят,» сказал Баскевиль. «Какого гака происходит?»

Поспешно вошел Мерин. «Вы нужны Комиссару Фейзкиель,» сказал он Баскевилю.

«Зачем?»

«Что-то происходит. Она сказала 'янтарный статус'. Она чего-то испугалась.»

«Что?» с удивлением сказал Домор.

«Янтарный?» спросил Колеа. «На каком основании?»

Мерин молча пожал плечами.

«Давайте вернем назад немного контроля в эту ситуацию, пожалуйста,» сказал Баскевиль. «За дело! Действуйте так, как будто вы знаете, что делаете. Успокойте и обезопасьте свиту, поднимите роты на ноги. Шогги, найди рабочую команду Муниторума и спроси их, знают ли они, в чем проблема. Еролемев, пошли гонца наверх и выясни, это только у нас или во всем дворце. И отправь его к Дауру, чтобы посоветовать ему, что у нас здесь, кажется ситуация. Гол, Мах, за мной--»

Лампы снова погасли.

На этот раз они снова не включились.

Она думала об этом все время, пока Байота расспрашивал Маршала Тзару о целостности мостов и дамб, обслуживающих каналы Заракппана и Клантина.

Далин ждал ее снаружи душевого блока. Стоял на страже у двери, чтобы защитить ее стеснительность. Когда она вошла в душевую кабинку, она услышала его голос за дверью. Далин с кем-то разговаривал.

Это было так смутно. Просто частичное воспоминание, которому, она чувствовала, не может доверять.

Но другая личность звучала, как Капитан Мерин.

«Я уверена, что это может подождать,» сказала Релф.

«Я ни в чем не уверена,» сказала Мерити. «Но Комиссар Фейзкиель просила докладывать обо всем ей. Вообще обо всем.»

«Но, сейчас?» спросила Релф, следуя за Мерити вниз по каменной лестнице в подвал.

Мерити повернулась к ней.

«Могу я спросить?» сказала она. «Я получаю приказы от тебя, или ты просто следуешь туда, куда бы я не пошла?»

«Эмм, последнее,» ответила крупная Темпестус Сцион.

«Так я и думала,» сказала Мерити, и продолжила идти.

Они достигли низа лестницы и последовали по оштукатуренному коридору в залы сводчатого подвала дворца. Мерити мельком бросала взгляд в жилые залы свиты через боковые арки. Казалось, что здесь какое-то общее волнение.

«Здесь внизу воняет,» сказал Релф.

«Неважно,» сказала Мерити. «Давай спросим у кого-нибудь, где разместились Фейзкиель.»

Они завернули за угол, и Мерити отпрянула. Пол в коридоре впереди был залит водой. Это была не просто стоячая вода. Пенящиеся сточные воды быстро текли в ее направлении, как будто в них подавались галлоны за раз из-за какой серьезной утечки.

«Идем,» сказала Релф.

Свет погас.

Мерити замерла. Она услышала тревожные голоса, донесшиеся из жилых залов.

«Есть только одно обстоятельство, при котором ты принимаешь приказы от меня,» сказала Релф позади нее в темноте.

«Да?»

«Встань позади меня и делай то, что я говорю.»

«Вы, ваше святейшество, ничего не знаете о местоположении Анарха?» спросил Вон Войтц.

«Нет,» ответила Беати.

«И никаких данных о его плане нападения?» добавил Вон Войтц.

«Нет,» сказала Беати.

«Но, он, все еще, жив?»

«Он жив, Лорд Генерал,» сказала она.

Вон Войтц отступил и бросил взгляд на Гаунта. Они втроем стояли у стола стратегиума в конфиденциальной комнате галереи, возвышающейся над военной комнатой. Казадер и заместители Беати были с ними. Санкто и его Сционы стояли на страже снаружи.

Гаунт не был уверен в том, что было не так. Беати могла быть непредсказуемой, но за последние десять минут, ее манера поведения стала рассеянной и отдаленной. Он знал, что она устала. Он мог видеть это. Она прибыла прямиком из боя в Уреппане. Он желал, чтобы они могли дать ей время восстановиться, но синхронизация разведданных была приоритетом.

Гаунт повернулся к Капитану Аурбен. «Вы доставили отчеты из Уреппана?»

«Да, Лорд Исполнитель,» ответила Аурбен. «Полные полевые отчеты о победе и последующих выдающихся событиях в Гереппане, и дополнительные доклады и снимки с рейда на Остроконечный Пик.»

«Тогда, давайте загрузим и рассмотрим их, по крайней мере,» сказал Вон Войтц. «И, может быть, нам нужно пригласить сюда Блэквуда и Уриенца?»

«Давайте сначала просмотрим их,» сказал Гаунт. «Потом мы проинструктируем высшее командование, как группу. У Блэквуда с Уриенцем есть много чего, с чем нужно разобраться.»

Гаунт посмотрел на Беати.

«Что-то не так?» спросил он.

Она посмотрела на него. Он был удивлен отдаленностью в ее глазах.

«Я думаю, что слышала голос,» сказала она очень тихо. «Сердитый, в моей голове. Его голос. Скребущий...»

«Что?»

«Ибрам,» сказала она. «Тень падает. Что-то плохое готово произойти.»

«Нападение?» спросил Гаунт.

«Нет,» сказала Святая. «Это уже здесь, с нами.»

Олорт вошел в комнаты записей. Это все выглядело, как старая библиотека, которая была конфискована Сынами Сека. Писцы сынов работали за старыми деревянными столами, очищая страницы старых судовых книг, чтобы их можно было повторно использовать в качестве палимпсестов.

Здесь не было электронной активности или приборов. Темные комнаты с высокими потолками были освещены только свечами и фитильными лампами.

«Мне нужна информация о пленниках,» прошептал Мколл Олорту.

«Пленниках?»

«Вы сюда многих доставили. Здесь будут списки.»

Олорт казался сомневающимся.

«Когда мы найдем это, потом карты и схемы. Планы всего Оплота.»

«Ты звучишь, как этогор, планирующий кампанию,» сказал Олорт.

«Может быть, я и есть.»

«Ты, так же, звучишь, как безнадежный дурак.»

«Уваж этого дурака, и дурак не убьет тебя.»

Олорт поговорил с двумя сирдарами, и был направлен в боковую комнату. Это было маленькое место, разлинованное полками, с высокими окнами, выходящими на пустой интерьер горной лагуны. Здесь был навигационный стол, с пустым хрустальным графином на серебряном подносе. Мколл представил себе, что это когда-то был офис начальника порта или судового барона.

Мколл закрыл тяжелую дверь.

«Здесь?» спросил он.

Олорт повернулся к полупустым полкам. Все книги были старыми, бухгалтерскими книгами с кожаными переплетами. Свежие ярлыки, отмеченные шипастыми символами архиврага, были приклеены к их корешкам. Мколл расстегнул свой шлем и снял его.

Олорт взял том с полки, положил его на стол, и открыл.

«Этот,» сказал он.

Мколл подошел ближе, чтобы посмотреть. Он положил шлем на стол рядом с бухгалтерской книгой, кивая Олорту, чтобы тот отошел.

Страницы бухгалтерской книги были обработаны и потерты, чтобы удалить старые чернила. Слабые призраки оригинальных надписей сохранились. Поверх были добавлены свежие письмена, зубчатые буквы племенных языков Архоната. Символы украшали края палимпсеста, и, в некоторых местах, большая работа была проделана для украшения слов и букв, которые начинали главы или секции. Светящиеся изображения, выполненные различными цветными чернилами, иногда с намеком на

сусальное золото или яичную темперу. Звери с рогами и крыльями и раздвоенными копытами выглядывали из теней позади больших заглавных букв.

«Это будет бессмысленным для тебя, кха?» спросил Олорт, развлеченный.

Текст был плотным, и надписи было тяжело прочесть. Но год на Гереоне научил Оана Мколла большему, чем рудиментам разговорного языка. Он начал переворачивать старые страницы, пробегая пальцем. Он нашел списки. Страницы списков, с деталями рядом того, что казалось именами.

«Это слово означает 'захваченные в плен', так ведь?» спросил он.

Олорт кивнул.

«Это обозначает имена. Это – Имперские имена. Здесь, место пленения. Названия Имперских подразделений, к которым приписаны люди, где возможно.»

«Мы doskonaльны,» сказал Олорт.

«Здесь, должно быть, тысяча имен,» сказал Мколл. «А это слово, это означает зачисление на службу? Или готовность к зачислению на службу?»

Олорт подошел ближе и посмотрел на страницы.

«Кха,» сказал он. «Желающие содержаться здесь...»

Он провел пальцем по странице.

«... грузовые помещения под главным домом. Эти остальные, они сопротивляются, но многообещающие. В противном случае мы бы не доставили их сюда. Их держат на территории для домашнего скота.»

«Тысяча или больше...» прошептал Мколл, читая.

«Ты предполагаешь, что у тебя будет армия, Призрак?» спросил Олрт, широко улыбаясь. «Это твой безнадежный план? Освободить их? Что потом? Мобилизовать их, чтобы сражаться? Поднять мятеж в Оплоте?»

«Тысяча человек – это тысяча человек,» сказал Мколл.

«Тысяча голодных людей, невооруженных. Побитых. Побежденных. Тысяча сынов-предателей Императора. Они не последуют за тобой. А даже если последуют, они достигнут очень немного. Невооруженные люди? Сломанные люди? Если это твой план, ты не этогор. Я снова повторю, сдайся, Мах-колл. Позволь мне доставить тебя. Ты один в сердце бастиона моего Анарха. Сыны окружают тебя. Отдай мне скзеррет и избавься от этих безнадежных мечтаний.»

Мколл проигнорировал его. Он продолжал пролистывать страницы.

«Нен, теперь я вижу,» сказал Олорт. «Не армия. Отвлечение. Кха, кха... отвлечение. Это твой план. Заключенные освобождены, хаос и смятение. Резня. Ты не беспокоишься за жизни этих пленников. Ты используешь их. Используешь их жизни в качестве прикрытия для своих собственных действий. Но не побег. Ты бы попытался сделать это давным-давно. Не побег, но...»

Он резко посмотрел на Мколла.

«Ты пришел, чтобы убить,» сказал Олорт с широкими глазами. «*Нен мортекой, гер тар Мортек*. Эти слова ты сказал мне. Ты видишь свою судьбу в качестве возможности.»

Мколл продолжал игнорировать его. Он читал, и дошел до маленькой отдельной секции, отделенной от остальных списков.

«Энкил Вахакан. Так ты меня назвал. *Те, кто держит ключ победы*. Здесь три имени.»

«И?» спросил Олорт с ухмылкой.

«Содержаться на борту корабля,» сказал Мколл. Он пристально посмотрел, чтобы прочитать имена. Он заморгал от неподдельного удивления. «Фес,» прошептал он.

Олорт сделал выпад. Старый хрустальный графин ударил в боковую сторону головы Мколла, и бросил Мколла на стол. Он перекатился, кровь текла по его шее, куски разбитого хрусталя падали с него, и упал на пол. Шлем и бухгалтерская книга упали со стола вместе с ним.

Олорт вырвал скзеррет из его руки.

«Помогите мне здесь!» проревел Олорт на вражеском языке. «Помогите мне здесь! Нарушитель! Нарушитель!»

ДЕВЯТЬ: ПЛОХАЯ ТЕНЬ

Олорт сделал выпад вниз ритуальным клинком. Мколл был ослеплен своей собственной кровью, которая текла из раны на голове, которую оставил графин. Его голова кружилась.

Каким-то образом, ему удалось заблокировать выпад предплечьем. Лезвие скзеррета разрезало его рукав и кожу под ним.

Все еще громко зовя на помощь, Олорт снова сделал выпад, и Мколл снова заблокировал, схватив его за запястье с ножом. Мколл был прижат Олортом. Мколл свободной рукой в ярости схватил что-то, и ударил этим.

Шлем сирдара врезался в боковую часть лица Олорта. Тот отклонился в сторону. Мколл снова ударил его, держа его левой рукой и размахнувшись шлемом, держа его за подбородочные ремни правой рукой.

Второй удар вывел из равновесия Олорта и заставил его заорать. Мколл пнул ногой и отправил его назад по комнате.

Олорт направился к нему с ненавистью в глазах. Кровь бежала по его щеке от пореза над левой скулой. Он рванул вперед с кинжалом. Мколл, едва встав на ноги, заблокировал удар верхней частью куполообразного шлема, используя его в качестве щита. Олорт снова сделал выпад.

«Сюда! Сюда!» кричал он на диалекте Архиврага.

Скзеррет пробил верхушку шлема и глубоко вошел. Мколл повернул хватку и вырвал кинжал из хватки дамогора. Шлем, с застрявшим в нем кинжалом, заскакал по полу.

С широкими глазами Олорт рванул за ним. Мколл рванул за дамогором, нанеся скользящий удар ногой, который сбил человека недалеко от его цели. Олорт приземлился на пол и пополз к шлему.

Мколл тоже рванул к шлему.

Он схватил рукой рукоять кинжала. Олорту едва удалось схватить шлем. Он вцепился в него. Мколл вырвал клинок из шлема. Руки Олорта слишком поздно добрались до

этого. Все, что ему удалось схватить, это клинок, когда он вырывался из шлема. Зазубренный клинок срезал все его пальцы на правой руке.

Олорт заорал.

Мколл ударил кинжалом вниз. Тот вошел в шею Олорта. Мколл резко повернул свою хватку и разорвал горло Олорта. Крик превратился в бульканье.

Мколл поднялся с кинжалом в руке. Он был дезориентирован. Он был пропитан своей собственной кровью, а кровь Олорта все еще расплескивалась по полу, превращаясь в лужу удивительного размера. Мколл услышал поспешные шаги снаружи.

Он, пинком, убрал дамогора с пути. Олорт перекатился, все еще производя жуткие сосущие звуки. Мколл открыл дверь. Двое писцов сынов были снаружи. У одного был лазерный пистолет.

«Вой тар карог!» крикнул им Мколл, отходя в сторону, чтобы впустить их. Они ворвались внутрь, не зная, чего ожидать, и только то, что сирдар приказал им помочь ему.

Они замерли. Один почти поскользнулся в расширяющейся луже крови. Они увидели дамогора, истекающего кровью на полу с разрезанным горлом.

Мколл вонзил скзеррет в ребра писца с оружием. Левой рукой он схватил лазерный пистолет, пока человек падал на колени. Времени поворачивать пистолет не было. Вместо этого Мколл замахнулся им, ударив другого писца по лицу рукояткой оружия. Сын отшатнулся, кровь и слюни полетели с его губы, и отскочил от двери.

Еще больше шагов. Мколл засунул клинок за пояс и вышел в длинный коридор. Еще два сына бежали к нему с одной стороны, еще три с другой. Они кричали. У них было оружие. Мколл поднял пистолет и выстрелил, сбив приближающуюся пару с ног четырьмя точными выстрелами. Затем он ловко повернулся, и выстрелил в троицу. Он уронил одного и подрезал второго. Третий рванул в укрытие дверного проема. Второй попытался подняться, и Мколл убил его, попав в голову одним единственным зарядом. Человек снова плюхнулся.

Из примыкающих комнат Мколл мог слышать повышенные голоса и яростный звон ручных колокольчиков. Все здание активировалось, чтобы отреагировать.

Он вернулся обратно в комнату. Писец, которого он сбил рукояткой пистолета, все еще шевелился и стонал. Мколл выстрелил ему в голову. Он отпихнул тела писцов сынов с дороги, и закрыл дверь. Здесь не было замка, и были видны едва закрашенные отметины там, где засов когда-то был привинчен.

Он огляделся и сделал быструю оценку. Затем он оттащил тела двух мертвых писцов и сделал из них неуклюжую кучу у двери. Они едва ли удержат дверь закрытой, но они замедлят любые попытки распахнуть ее. Не было времени проверять тела на наличие чего-нибудь полезного, как, например, запасных обоев или ключей.

Он подошел к столу, наклонился, и открыл бухгалтерскую книгу, сметая осколки от хрустального графина со страниц. Он нашел страницу, которая удивила его, страницу энкил вахакан, и вырвал ее. Он сложил ее и положил в карман. Его руки оставляли кровавые отпечатки на всем.

Он слегка покачнулся, и придержался за стол. Позади его правого глаза была тупая, пульсирующая боль. Рана на черепе все еще кровоточила. Встряхнув головой, он сжал зубы и подвинул тяжелый стол к крайним полкам.

Олорт все еще дергался, пялясь на него широкими глазами, его окровавленный рот вяло открывался и закрывался.

«Вахуз вой сех,» сказал Мколл. *Я благословляю тебя.*

Он выстрелил Олорту между глаз.

Снаружи было больше шагов, повышенные голоса, удары в дверь, попытка плечом выбить дверь. Дверь слегка приоткрылась, но вес тел закрыл ее снова. Удары возобновились. Еще одна яростная попытка выбить дверь плечом.

Мколл забрался на стол, и забрался по полкам к высоким окнам. Здесь не было щеколд, но древние окна в своих рамах давным-давно сгнили от морского воздуха. Он толкнул оконное стекло и услышал, как оно падает и разбивается где-то далеко внизу.

Затем он подтянулся и вылез в дыру. Его встретил холодный воздух и сильный морской бриз. Он встал на подоконник. Стена уходила вертикально вниз под ним, но в трех метрах внизу слева от него была примыкающая, покрытая черепицей, крыша.

Он прыгнул.

Позади него первые лазерные заряды пробили дверь.

Баскевиль раздавал фонарики из ящика.

«Все. Проверьте заряд, хватайте оружие и начинайте искать.»

«Что мы ищем, сэр?» спросил Лейр, взяв предложенный фонарик и проверяя его.

«Комиссара Фейзкиель, для начала,» ответил Баскевиль. «Она была той, кто назвал все это янтарным статусом. Так ведь, Мерин?»

«Да, сэр.»

«Кроме нее... я не знаю,» сказал Баскевиль.

«Это нападение?» спросил Нескон. «Я имею в виду, в подвал вторглись или--»

«Мы ничего не знаем,» сказал Колеа. «Может быть, это просто отказ электрики. Разойдитесь, как Баск говорит, и проверьте подвал по секциям. Будут потерявшиеся, так что направьте их к выходной лестнице.»

Темнота ощущалась ближе, как будто не было места, чтобы двигаться или дышать. Вонь от сточных вод становилась хуже, но Баскевиль подумал, что это, вероятно, просто его воображение. Это, или воздушно-циркуляционные насосы и вентиляторы тоже отключились. И царапание в их ушах было настойчивым. Это, больше чем остальное, заставляло Баску ощущать все так, как будто это было чем-то большим, чем техническая проблема.

Сама комната обладала жуткими качествами плохого сна. Она была настолько лишенной света, что было трудно сказать, с кем ты стоишь рядом, даже хотя она была битком набита. Когда фонарики включались, движущиеся лучи появлялись под случайными углами, как лучи бледно-голубого света, который показывал холодные детали, но ничего в целом. Сигналы тревоги продолжали заикаться и вопить

отрывистыми импульсами, короткие пронзительные вздохи звука, появляющиеся и исчезающие, искаженные. Нескон надел свой огнемет, и воспользовался горелкой, чтобы зажигать свечи. Сейчас он передавал их, одну за другой, Бэнде и Леклану, чтобы они смогли зажечь фитили маленьких коробчатых жестяных ламп. Жестяные лампы производили только приглушенный свет, но он был более рассеянным, чем жесткие лучи фонариков.

«Раздайте их,» сказал Леклан. «Может быть, отнесите пачку к лестнице. У свиты не много ламп.»

«Сделай это, Лухан,» приказал Баскевиль.

«Уже работаю, сэр,» ответил Рядовой Лухан.

«Я могу отнести их,» предложил Бленнер.

«Лухан сделает это,» ответил Баскевиль, передавая фонарик Бленнеру.

«Ну, может быть, я мог бы, по крайней мере, проверить, как все проходит,» сказал Бленнер. «Там много женщин и детей, в темноте, пытающиеся найти выход--»

«Еролемев и Бонин руководят эвакуацией,» ответил Баскевиль. «У них все под контролем. Помогите с поиками.»

«Хорошо,» вздохнул Бленнер. «Конечно.»

«Кто-нибудь видел Далина?» крикнул Колеа. «Или Йонси?»

Его голос был внезапным и громким. Все, даже Баскевиль, когда он крикнул, говорили тихо, как будто громкие голоса каким-то образом могут обидеть удушющую темноту, которая поглотила их.

«Мы найдем их, Гол,» сказал Баскевиль. «Ну же, шевелите задницами и займитесь делом!»

Шогги Домор не ждал фонарика. Он просто переключил свою громоздкую аугментическую оптику на ночное видение и ушел.

Теперь он начинал сожалеть о том, что взялся за приказ Баскевиля так страстно. Он мог слышать взволнованное бормотание голосов в нескольких комнатах позади себя,

пока свита спешила эвакуироваться и найти дорогу к лестнице подвала. Система тревоги продолжала визжать внезапными, лишаящими присутствие духа визгами резкого звука.

Его сердце колотилось. Это было лишаящим присутствия духа. Домор мог ощущать неприятный скрежет в своих ушах, как будто кто-то ерзал булавкой по его барабанным перепонкам. Он хотел, чтобы он подождал какой-нибудь компании. Он хотел, чтобы он взял оружие. Все, что у него было, это его серебряный клинок.

Он задумался, почему он чувствует себя так, как будто ему *нужно* оружие. Было ли это просто от необычного янтарного статуса, который был объявлен? На передовой это обычно означало, что приближается плохое дерьмо, но это не была передовая. Домора было нелегко напугать, а это все было, несомненно, всего лишь отключением энергии. Но темнота была гнетущей. Она не ощущалась, как простое отсутствие света. Она ощущалась, как вещь со своими собственными правами, как будто темнота залилась в сводчатый подвал и заполнила его, как черная вода.

«Таскейн?» позвал он. «Мастер Таскейн?»

Чернота, казалось, ест его голос.

«Комиссар Фейзкиель?»

Домор шел вперед, видя мир, как холодную зеленую карту. Он двигался с одной рукой на стене, нащупывая себе дорогу, даже хотя его аугментика давала ему лучшее зрение, чем у кого-либо на подвальном уровне.

«Таскейн? Мастер?»

Домор вздрогнул, когда тревога снова прозвучала. На этот раз, это был умирающий визг, который закончился долгой пульсацией неисправных громкоговорителей. Он затих, но пока он продолжался, пять или шесть секунд, он звучал меньше, чем сломанная, ложно сработавшая система тревоги, и больше, как плач ребенка.

«Фес,» прошептал он сам себе.

Он пошел дальше, следуя по коридору, который вел к уборным. Каменная стена была твердой и шероховатой под его нащупывающей рукой. Прямо справа, подумал он, туннель поворачивается и—

Перед ним была чистая каменная стена. Тупик.

Домор замер на секунду, и подстроил свою оптику. Как такое было возможно?

Он выругал себя. Ты заблудился, Шогги, подумал он. Ты не туда свернул. Мах Бонин спустит с тебя шкуру, когда узнает, что Танитец смог потеряться в своем собственном фесовом размещении.

Он повернулся и пошел назад туда, откуда пришел. Тупо. Просто тупо. Просто нервы. Они были в подвале четыре дня. Он знал все фесово место.

Домор вернулся под низкий проем в один из главных жилых залов. Его оптика показывала ему ряды пустых коек, смятые простыни более яркого, почти яркого салатого цвета по сравнению с глубоким изумрудным цветом скаток. Вещевые мешки были брошены.

«Таскейн! Ради феса!»

Он подумал, что что-то услышал, но это было просто чертово царапание в его ушах. Он повернулся и выбрал корректный выход на этот раз, идя наощупь вдоль другой стены.

Он спустился вниз на пару ступеней и обнаружил себя по щиколотку в воде. Она была холодной, как ад, хлынувшей в его ботинки.

«Ради феса!» выругался он.

Он прошлепал несколько метров.

«Таскейн!» Его оптика погасла.

Домор мгновение стоял, как вкопанный. Он постучал по бокам своей аугментики.

Зрение вернулось в беспорядочном зеленом шуме.

Затем оно снова отказало. Казалось, что температура резко упала.

В полной темноте, он прошлепал назад спиной и обнаружил обнадеживающую твердость стены. Возьми дыхание под контроль, идиот. Ты не боишься темноты. Здесь внизу нет ничего, чего можно бояться—

Звук разрезал темноту. Это не был треск неисправной тревоги. Это был резкий, пронзительный вой.

Он слышал его раньше. Звук, как у хирургической пилы. Пилы для костей.

Он слышал его внизу у Низкого Острия, по время поисков позади постоянных зданий Элоди и ребенка Гола.

Слышал его прямо перед... перед тем, когда *что бы то ни было* уничтожило отряд инсургентов из солдат Сека.

Шогги Домор вытащил свой боевой нож, и почувствовал, как он удобно лежит в его руке. Он попытался настроить свою оптику и заставить ее снова работать.

Что-то схватило его сзади.

«Рад тебя видеть,» сказал Даур.

«Я тебя тоже,» ответила Керт.

Он спустился вниз в приемный зал прямо рядом с восточной заставой дворца, как только получил весть, что прибыли раненые полка.

«Я привезла их в лазарет дворца,» сказала она, вручая Дауру список раненых. «Все стабильны. По пути потерь не было.»

Даур кивнул, читая список. «Некоторые из них выглядят мрачно,» сказал он.

«У батарей было фесово грустно,» сказала она. «Некоторых из них надо было отправить с передовой дни назад. Это чудо, что трое или четверо из них выжили.»

«Я представляю себе, что этим чудом была ты,» сказал Харк, присоединяясь к ним.

«Нет,» сказала она. «Просто удача и, может быть, благословение Императора. Теперь они все с медиками дворца. Лучшими командами хирургов крестового похода.»

Она посмотрела на Даура.

«Я бы хотела выбраться отсюда,» сказала она. «Присоединиться в группе Паши, или Роуна. Вы отправили V или E для поддержки?»

«Это работа Гаунта,» сказал Даур. «Он сказал нам сидеть здесь, пока что.»

«Хорошо, ты можешь авторизовать мое возвращение, Бан?» спросила Керт.

Харк посмотрел на нее. Она была запачкана грязью и пятнами крови, и в глазах у нее был оцепенелый взгляд, взгляд, который он видел много раз раньше. Она, очевидно, не спала днями.

«Я думаю, сначала нужен небольшой отдых перед возвращением, а, Бан?» мягко сказал Харк. Он бросил взгляд на Даура.

«Думаю, так,» ответил он.

«Ради феса,» резко бросила она. «Они направляются в... ладно, кто нафес знает во что. Никто четко не знает об этом. Весь полк был на линии практически сто пятьдесят часов без передышки. Они прошли через--»

«Я знаю,» сказал Даур. «И ты тоже. По крайней мере, возьми час или два, приведи себя в порядок, и мы снова об этом поговорим.»

«Я, тогда, доведу это до Гаунта,» сказала она, ее подбородок драчливо выступил.

«Удачи,» сказал Харк. «Ни один фес не сможет увидеться с ним. Он со Святой. Он – его высочество Лорд фесов *Исполнитель*, Ана. Мы просто получаем записки с его стола, и записки говорят: сделай это и закончи с этим.»

Керт тяжело выдохнула, и ее плечи опустились.

«Это правда?» спросила она.

«Насчет чего?» спросил Даур.

«Что Эзра мертв? Что Феликс...» ее голос затих. «Дочь Гаунта или еще какое-то такое дерьмо?»

«Все правда,» сказал Харк.

«Фес!» произнесла она.

«Прошло уже довольно много времени, так сказать,» сказал Харк. «Ана, идем, найдем тебе место.»

«И выпивку, может быть?» спросила она.

«Ох, определенно,» сказал Харк.

Троица повернулась и начала идти по приемному залу. Он заполнялся Хеликсидскими и Кейзонскими солдатами, только что сошедшими с транспортников, которые расположились на Шестиугольном Дворе. Троице приходилось обходить толпы людей и кучи вещмешков и сложенных орудий поддержки. Работники Муниторума выкрикивали приказы и собирали толпы прибывших в порядке. Отряд Урдешских солдат поспешно прошел через зал, и бросил пренебрежительные насмешки в сторону Хеликсидцев, когда они проходили мимо.

Последовали несколько злых ответов. Несколько Хеликсидцев собрались в квадрат, блокируя больших Урдешцев.

«Вы! Да, вы!» крикнул Харк. «Достаточно. Возвращайтесь к своим делам или я вышвырну ваши задницы наружу!»

«Это же настоящая хирургическая процедура, так ведь?» прошептал Даур Керт.

«Которая требует крепкую руку, но это очень эффективно,» ответила она со слабой улыбкой.

«Идиоты,» пробормотал Харк, когда повернулся, чтобы снова присоединиться к Керт и Дауру. «Это только я, или есть что-то в воздухе сегодня ночью?»

«Шторм?» спросил Даур. Харк не выглядел убежденным.

«Нет, Виктор прав,» сказала Керт. «На самом деле, мрачное настроение. Я думала, что это только у меня, но вы можете затачивать сталь о некоторые взгляды здесь.»

Харк кивнул. «Ага,» сказал он. «Я знаю, что у меня убудочная головная боль. Прямо между ушами. Грызущая.»

«Вероятно, мозговые черви,» сказала Керт.

«Это сможет много чего объяснить,» сказал Даур.

«Да вы оба просто шутники,» сказал Харк.

«Сэр! Капитан Даур!»

Они повернулись на звук голоса женщины, кричащей с волнением. Рядовой Ри Пердэй, игрок на геликоне из Роты V, проталкивалась сквозь толпы в зале в их направлении, махая, чтобы быть увиденной, над высокой, плотной толпой собирающихся Гвардейцев.

«Пердэй?»

Она подбежала, слегка запыхавшаяся, и отдала честь.

«Сообщение от Майора Баскевиля,» сказала она. «В подвале ситуация, сэр.»

«Где?» спросила Керт.

«Наше, производящее глубокое впечатление, постоянное размещение,» ответил Харк, «так же известное, как старые винные погреба дворца, которые больше никому не были нужны.»

«Какая ситуация, рядовой?» спросил Даур.

«Ну, свет погас. Тотальное отключение,» сказала она.

«Тогда направьте фесову техническую команду на это,» сказал Даур. «Баску не нужно мое разрешение, чтобы позвать--»

«Прошу прощения, сэр,» сказала Пердэй, «он уже сделал это. Там фе—*плохое слово*, как темно, как в жопе – *простите*, сэр. Совершенно темно. И Комиссар Фейзкиель, она обозначила янтарный статус.»

Даур с Харком резко посмотрели друг на друга.

«Что?» спросил Даур. «*Почему?*»

«Никто, на самом деле, не знает, сэр, но это то, что произошло. Сержант-Майор Еролемев послал меня прямо к вам, сэр.»

«Янтарный статус – это рекомендация об опасности...» сказал Даур, озадаченный.

«Подозревается угроза»,» согласился Харк. «Но это в условиях боевой зоны. Здесь *не* боевая зона.»

«Я думаю, что Роун не согласился бы с этим,» сказала Керт.

Харк сердито посмотрел на нее. «*Урдеш* – да,» сказал он. «Фесов *дворец* – нет.»

«Луна не та, кто подпрыгивает из-за ничего,» сказала Керт.

«Нет, не та,» сказал Харк. «Как и не та, кто воспринимает неправильно технические определения.»

«Согласен,» сказал Даур, «но даже в таком случае...»

«Майор Баск, он приказал свите выйти, сэр,» сказала Пердэй. «Эвакуация персонала. Они сейчас выбираются наружу.»

«Луна и Баск не ссутся просто так, Бан,» сказал Харк.

Даур кивнул. «Я предупрежу караульную дворца. Посмотрим, что у них есть. Затем я доложу обо всем этом Гаунту незамедлительно. Лично. Виктор, пойдй вниз и посмотри. Доложись мне.»

«Конечно,» сказал Харк.

«Ты думаешь, что что-то там происходит?» спросила Керт.

«Я думаю, что у кого-то трусы скатались в узел,» сказал Даур.

«Но ты донесешь это до Гаунта...» сказала Керт.

«Да,» сказал Даур, «потому что он запустит ракету в Муниторум и заставит команды специалистов спуститься туда и разобраться.»

«*Если* это просто проблема с электричеством...» сказал Харк.

«Мы внутри защищенного пустотными щитами *Урдешского* дворца, Виктор,» сказал Даур, «как ты только что указал. Что еще это может быть?»

Керт с Харком обменялись тревожными взглядами.

«Ну, поэтому вы собираетесь это выяснить, так ведь, комиссар?» сказал Даур.

Харк кивнул.

«Я буду внизу сразу, как только поговорю с Гаунтом,» сказал Даур, и поспешил прочь.

«На третьем этаже есть офицерская столовая,» сказал Харк Керт. «Приличный камин, достаточно амасека--»

«Фес это,» ответила она. «Я иду с тобой.»

Лучи их фонариков перекрещивались на стенах, пока они шли в темноту.

«Гол, посмотри там, слева,» проинструктировал Баскевиль.

Колеа кивнул, и пошел в арочный проход с отрядом солдат из Роты V.

Баскевиль поводил своим фонариком справа. «Мерин?»

«Да, сэр?»

«Иди через жилые помещения в том направлении.»

«Ясно,» ответил Мерин. Он сказал с неохотой. Баскевиль не мог его винить.

Внутреннее царапание становилось более интенсивным, похожим на сухое гудение, треск. Его собственные руки тряслись.

Мерин поводил своим фонариком вокруг, выхватывая лица Лейра, Бэнды, Нескона и санитары Роты E, Леклана.

«Идем,» сказал он.

Баскевиль мог чувствовать нервирующее присутствие Бленнера у своего локтя, даже хотя он не мог его видеть.

«Мы пойдем по главному туннелю к зоне уборных,» сказал он.

«Не отставать,» сказал Бленнер людям из Роты E у них позади. «Где Шогги?» спросил он. «Разве он не пошел в эту сторону?»

«Я не знаю, где он, фес его,» сказал Баскевиль. Он пробовал связаться по своей микробусине несколько раз, но была какая-то интерференция.

«Домор? Домор, это Бленнер,» услышал он, как сзади говорит Бленнер. «Доложись о местоположении, Шогги. Ты нашел рабочую команду?»

«Я это пробовал,» резко бросил Баск.

«Получаю в ответ только шум,» пробормотал Бленнер. Их голоса в ограниченном, темном пространстве, звучали безжизненно и приглушенно. «Это глушение?»

«Здесь?» ответил Баскевиль. «Я не знаю, как это может быть возможно.» Дворец был наиболее защищенным местом Имперцев на поверхности Урдеша, и его пустотные щиты были подняты. К тому же, они были под уровнем поверхности. Подвал, может быть, и не был наиболее комфортной территорией комплекса дворца, но он был под землей и защищен фундаментом в метры толщиной. Ни одна из диспозиций Архиврага на Урдеше не была менее, чем в километрах от Великого Холма, не говоря уже о том, чтобы предпринять инженерные работы, необходимые, чтобы подорвать фундамент, не будучи обнаруженными.

Но разум Баскевиля продолжал возвращаться к двум вещам: к таинственной акустике, которую они все испытывали, и к простому факту, что Луна Фейзкиель была заслуживающей доверия и дотошной.

Баскевиль выкрикнул ее имя в темноту. Не было даже эха, только глухая тишина. Затем он выкрикнул другие имена... Домор, Далин... Йонси....

Ничего.

«Не отставайте,» сказал он остальным.

«Сэр?»

Баскевиль посмотрел назад, светя фонариком. Это был рядовой Оскет.

«Что?»

«Что-то не так с комиссаром,» сказал Оскет.

Баскевиль поводил лучом вокруг. Бленнер прислонился к стене коридора и тяжело дышал.

«Вэйном?»

Он навел свет на лицо Бленнера. Бленнер вздрогнул. Он потел и почти задыхался.

«Вэйном?» спокойно сказал Баскевиль. «Вэйном? У тебя паническая атака. Вэйном, просто дыши со мной--»

«Здесь нет воздуха,» задыхаясь, произнес Бленнер. «Здесь нет фесового воздуха...»

«Вэйном, дыши со мной. Медленно. На счет три - вдох... задержи дыхание, на счет три – выдох...»

«Это смерть,» задыхаясь, произнес Бленнер, его дыхание было болезненно быстрым и поверхностным. «Это смерть. Это фесова смерть. Это фесово *наказание*--»

«Вэйном, дыши. Медленно. Медленнее, чем сейчас. Теперь, задержи дыхание. Наполни свои легкие.»

«Что же я такого сделал, Баск? Я имею в виду, на самом деле,» заикаясь, произнес Бленнер. «Я этого не хотел. Ничего из этого. Просто хотел заниматься своими делами и--»

«Сконцентрируйся на своем дыхании,» твердо сказал Баскевиль. Он схватил Бленнера за плечо. «Ну же. Так лучше.»

«Прости,» прошептал Бленнер. «Мне так жаль.»

«Не за что извиняться,» сказал Баскевиль. «Это случается со всеми нами. Просто залезает тебе в голову--»

Он замолчал. Там, где он сжимал плечо Бленнера, наощупь оно ощущалось мокрым. Он убрал руку и посветил фонариком на ладонь.

«Что это?» спросил Бленнер.

«Масло, я думаю,» ответил Баскевиль. «Должно быть, было немного на стене. Ты прислонился на--» Он понюхал руку.

Это было не масло.

Баскевиль оттолкнул Бленнера с дороги и посветил на стену. Мокрые капли виднелись, как черные в резком свете. Баскевилю не нужно было видеть красный, чтобы понять, что это была кровь.

«Ты ранен, Вэйном?» спросил он. «Ты порезался или--»

«Н-нет,» ответил Бленнер.

Баскевиль пробежался лучом вокруг по полу. Еще больше черных капель, блестящих в свете.

«Кто-то ранен,» сказал он. Затем он снял свою лазерную винтовку с плеча, прицепил фонарик под ствол, и привел оружие в готовое положение.

«Вторая инструкция,» сказал он.

«Я подумал...» начал Эриш.

«Что?» спросил Колеа.

Большой оркестрант Роты V замешкался.

«Просто думаю в слух, сэр, простите. Я просто подумал, что за этой комнатой была еще одна.»

Отряд Колеа был в одном из маленьких залов размещения. Сорок коек в ровных рядах, от стены до стены. Колеа направил свой фонарик на дальнюю стену.

«Там, ты имеешь в виду?»

«Да,» сказал Эриш.

«Тебе лучше знать, чем мне,» сказал Колеа. Это был его первый визит в подвал. Эриш и остальные были здесь уже два дня.

«Планировка, на самом деле, простая,» сказал Корес. «Просто сетка с...»

Он сделал паузу.

«Что?» спросил Колеа.

«Мне не нравится это говорить, сэр,» смущенно ответил Корес. «Но Эриш прав. Я бы поклялся, что там была дверь. Арочный проход.»

Колеа похлопал каменную стену рукой.

«Ну, его здесь нет,» сказал он. «Давайте вернемся назад и пойдем налево.»

Отряд начал возвращаться.

«Что это было?» спросил Аррадин, маленький игрок на духовом инструменте.

Колеа не смог ничего услышать.

«Просто опять тревога?» предположил Эриш.

Колеа пошел впереди к арочному проходу по левую сторону. «Держитесь рядом,» сказал он.

Он направил фонарик в арочный проход. Ничего—

Он снова поиграл им. Он заметил дьявольскую фигуру. Кто-то стоял там, в темноте. Уже пропавший, пропавший до того, как его фонарик смог вернуться к этому.

«Йонси?» позвал он. Это была она, он был в этом уверен. Просто вспышка бледного лица в темноте. «Держитесь рядом,» сказал он.

Позади него никого не было.

«Эриш? Корес? Куда вы нафес подевались? Эриш?»

Он услышал ответный крик Эриша. Он звучал отдаленно. Акустика в подвале была сбивающей с толку.

«Куда вы нафес подевались?» крикнул Колеа.

«Где вы, сэр?» крикнул в ответ Эриш.

«Я пошел налево. Вы были прямо позади меня!»

«Где вы, сэр?» позвал Эриш.

«Ради феса!» прорычал Колеа. Звучало так, как будто Эриш был по другую сторону стены. Он вернулся на несколько шагов назад к арочному проходу.

«Эриш!»

Арочный проход был на месте. Зал за ним был маленьким, и заполненным ящиками с боеприпасами и вещмешками.

Где, фес их, были койки? Колеа фыркнул от раздражения. Как, фес его, он это сделал? Он вошел в боковую комнату по ошибке, не в то жилое помещение, которое они только что осматривали.

«Эриш! Иди на мой голос!»

«Где вы, сэр?» крикнул издалека Эриш. Это не звучало, как голом. Это звучало, как эхо голоса, эхо, медленно возвращающееся от предыдущего крика Эриша.

Колеа услышал быстрое движение позади себя и быстро повернулся. Его фонарик был достаточно быстрым, чтобы поймать бледную фигуру, метнувшуюся из поля видимости.

«Йонси!»

Он побежал за ней.

«Йонси! Это я! Йонси, не пугайся! Это просто отключение энергии!»

Коридор перед ним заканчивался тупиком из солидной секции стены.

«Йонси?» позвал он.

Он услышал приглушенное всхлипывание. Он, хоть убей, не мог сказать, откуда оно идет.

Рядовой Лухан шел через хвост свиты, раздавая маленькие коробчатые лампы.

«Раздайте их,» сказал он.

Они толпились в широком каменном коридоре, который вел к лестнице.

«Почему все остановились?» спросил Лухан.

«Я не знаю,» сказала одна из женщин.

«Они застряли на лестнице,» сказал пожилой портной, прижимая свою сумку для инструментов к груди, чтобы он смог взять лампу у Лухана.

Лухан отдал им последние лампы, чтобы они раздали их, и начал проталкиваться сквозь плотно набитый коридор.

«Что за задержка?» спрашивал он несколько раз, не получая в ответ ничего, кроме беспокойных пожиманий плечами. Свита была значительного размера: женщины, дети и вспомогательные ремесленники. Но они должны были уже уйти наружу, вверх по длинной лестнице к единственному выходу из сводчатого подвала.

«Мы просто остановились пару минут назад,» сказала ему Элоди, когда он проталкивался мимо.

«Может быть, кто-нибудь на лестнице упал, мэм,» ответил он. «Я имею в виду, в этой темноте.»

Лухан увидел выражение на ее лице при свете коробчатой лампы, которую он держал. Жена Капитана Даура была сильной женщиной. Ему не понравился страх, который он увидел.

«Пропустите нас,» сказала Элоди, проталкиваясь вперед. Лухан последовал за ней. Элоди стала представителем и лидером свиты, частично из-за того, что она была женой Даура, но, по большей части, потому, что она была популярной и хладнокровной. Она так легко не рассыпалась. Лухан повис у нее сзади. Свита пропускала ее с большей любезностью, чем они могли бы выказать ему.

Они достигли низа каменной лестницы. Лестница была слишком забита людьми. Воздух был очень спертым. Лухан мог чувствовать пот, страх и грязные пеленки некоторых младенцев на руках.

«Почему задержка?» крикнула Элоди.

«Я думаю, что дверь закрыта,» крикнула в ответ Юнипер.

«Дверь? Дверь в подвал?»

«Я не знаю,» ответила женщина.

Толкаясь и извиняясь, Элоди проталкивалась вверх по лестнице, с Луханом позади, через массу тел.

«Мах!» крикнула она. «Мах, в чем проблема?»

Высоко наверху, в тени, она увидела проблески движущихся фонариков.

«Элоди?» громыхнул голос Бонина.

«В чем проблема?» крикнула она. «Мы не можем оставить всех здесь вот так! Мы, как в тисках! Давайте двигаться!»

«Пусть все успокоятся,» крикнул в ответ Бонин.

Бонин посмотрел на Еролемева. Они были болезненно обеспокоены давкой тел на длинной лестнице позади них.

«Что нам делать?» тихо спросил сержант-майор.

«Я не знаю,» сказал Бонин.

«С уважением, Мах, но ты фесов разведчик.»

«Эта лестница,» проворчал Бонин. «Единственная фесова лестница. Если только здесь нет другой лестницы, о которой я ничего не знаю.»

«Только одна лестница,» ответил Еролемев. В его голосе было напряжение, легчайший намек на страх, вырвавшийся наружу. «Ты это знаешь.»

«Точно,» ответил Бонин низким шепотом. Он посветил своим фонариком на стену. «Тогда, где же фесова дверь?»

Коридор впереди был затоплен. Баскевиль направил свой луч вниз и увидел грязную жидкость, разлившуюся по каменным плиткам. Она воняла. Территория уборных была полностью затоплена. Он задумался, шел ли все еще дождь. Сколько еще воды собиралось хлынуть в древние дренажи дворца и силой пробиться на нижние уровни?

«За мной,» приказал он. Все Призраки с ним держали оружие наготове, как только он отдал приказ о переходе на вторую инструкцию. Бленнер висел позади, но он тоже вытащил свое оружие.

«Мы же не собираемся идти туда, так ведь?» спросил Бленнер.

«Конечно, собираемся,» сказал Баскевиль. «Это та территория, где работала рабочая команда.»

«Ну, теперь они уже не работают,» сказал Бленнер, отступая назад, когда вода начала добираться до его ботинок.

Это было очевидно. Не было никаких звуков насосов, никаких признаков шлангов для насосов. У Баскевиля был сценарий в голове: команда Таскейна работала, чтобы откачать воду, и последовало замыкание. Оно выбило электрическую цепь и стало причиной полного отключения, и поразило Таскейна и его людей, которые стояли в воде. Несчастный случай при техническом обслуживании, вот и все, чем это было. Им нужно пойти туда и помочь. Команда Муниторума могла быть тяжело травмирована. Может быть, Фейзкиель тоже, если она была с ними, когда все случилось.

Кровь... для этого должно было быть какое-то другое объяснение.

Он сделал шаг вперед. Через несколько шагов вода уже текла вокруг его лодыжек, так как она заполняла коридор.

«Будьте начеку!» сказал он.

Они пошлепали по воде. Становилось глубже. Наклонялся ли туннель в этом месте?

«Сэр!» выкрикнул Оскет.

Луч фонаря двинулся и Баскевиль увидел объект, плывущий вместе с приливом. Рабочий сапог. Старый и поношенный, с порванными шнурками.

«Это Муниторумский,» сказал Оскет.

«Выуди его,» сказал Баскевиль.

«Зачем?»

«Тогда, не беспокойся,» резко бросил Баскевиль, и сделал шаг вперед.

Он упал, не в состоянии удержать себя. Он рухнул в воду глубиной, по меньшей мере, в фут, и заметался, чтобы снова подняться. Он обо что-то споткнулся.

«Баск?» позвал Бленнер.

«Фес это!» ответил Баскевиль. Он щупал вокруг, завихряя воду, пытаясь держать свой свет и оружие в стороне.

Он обнаружил объект, о который споткнулся. Он посветил фонариком вниз.

Лицо паялилось на него из грязной воды. Мастер Таскейн. Баскевиль отпрянул.

«Трон,» выдохнул он.

«Баск?»

«Я нашел Таскейна. Он мертв.»

«Мертв?»

Баскевиль поводит фонариком вокруг. В воде были другие очертания. Другие тела. Комбинезоны Муниторума.

«Баск?» позвал Бленнер. «Как он может быть мертв?»

«Они все мертвы. Я могу видеть всех их. Всю команду.»

«Как они могут быть мертвы? Они утонули?»

«Нет,» сказал Баскевиль. Он медленно поднялся, его руки крепко сжимали оружие.

«Они были убиты.»

«Откуда ты это знаешь?»

«Потому что никто из них не неповрежден,» ответил Баскевиль. «Они были разорваны на части.»

ДЕСЯТЬ: СКОРЬ

«Внизу?» с сомнением спросила Керт.

«Именно,» сказал Харк. Он вывел ее из хорошо освещенного коридора дворца, и повел вниз по широкой лестнице, Рядовой Пердэй шла у них попятам.

«Они дали нам погреба дворца,» сказал Харк, резво идя. «Сводчатый подвал.»

«Там совершенно уютно,» заметила Пердэй. «Кроме, ну знаете, темноты. Там, на самом деле, темно, когда отключается свет.»

«Только лучшее для Танитского Первого,» сказала Керт.

«Как обычно,» ответил Харк с кивком.

Они добрались до больших и тяжелых дверей. Территория была голой и побеленной, с простым матовым покрытием на полу. Над головой, старые светосферы горели в железных держателях.

«Ты закрыла двери, когда вышла, Пердэй?» спросил Харк.

«Нет, сэр.»

«Я думала, что они выводят свиту наружу?» сказала Керт. «Где они?»

«Может быть, они решили проблему,» сказал Харк.

«Ну, свет горит,» сказала Керт.

«Здесь, наверху,» тихо сказала Пердэй.

Харк схватил ручку двери и повернул. Затем он сильно затряс ее.

«Ну же, Виктор,» устало сказала Керт.

«Она не хочет открываться,» сказал Харк.

«Прекращай дурачиться.»

«Я не дурачусь,» сказал Харк, и снова затряс дверь.

Керт посмотрела на него. Она могла видеть замешательство на его лице.

«Она закрыта?»

«Нет. Здесь нет замка. Засовы внутри.»

«Кто мог их закрыть?» спросила Керт.

Харк снова потряс двери. Они не пошевелились. Он ударил кулаком по тяжелым деревянным дверям.

«Ау? Есть там кто-нибудь!» крикнул он.

Ответа не было. Харк снова ударил.

«Откройте чертову дверь!» крикнул он. «Это Харк! Открывайте!»

Он ждал.

«Ты это слышишь?» спросила Керт.

«Что слышу?»

«Виктор, я могу слышать, как кто-то плачет. Ребенок...»

Керт вышла вперед и прижала ухо к дереву.

«Это, на самом деле, слабо. Отдаленно. Там внизу плачет ребенок.»

Она сама попробовала ручку двери, затем крикнула. «Ау? Ау? Кто там? Вы меня слышите?»

Она посмотрела на Харка.

«Нам нужно сломать их,» сказала она.

Гаунт и Вон Войтц стояли и смотрели на Беати. Она стояла у перил, смотря вниз на кипящую активность военной комнаты дворца. Затем она откинула голову назад и уставилась на высокий потолок огромного зала.

«Что она делает, Ибрам?» спросил Вон Войтц.

«Я не знаю,» ответил Гаунт. «Ждет. Прислушивается...»

«Прислушивается?»

«Я доверяю ее инстинктам,» ответил Гаунт. «Если она думает, что что-то неправильно.... чувствует это... тогда...»

«Должны ли мы перейти в состоянии полной боевой готовности?» спросил Вон Войтц. «Проинформировать магистра войны и остальных? Если атака неотвратима--»

«Она сказала, что это было здесь. Прямо здесь.»

«Значит еще больше причин,» начал Вон Войтц.

Они услышали голоса позади себя, и повернулись. Отряд Санкто впускал Белтайна и тактический кабинет Гаунта в галерейную комнату. Там становилось многолюдно. Казадер все еще был здесь, вместе с заместителями Беати. Инквизитор Лакшима и Полковник Грае прибыли несколькими минутами раньше.

«Я пойду и поговорю с ними,» сказал Гаунт. «Бартол, я не хочу создавать шумиху. Беати, мягко говоря, переменчива, и ее видение не всегда соответствует действительности. Но давай перестрахуемся. Предупреди Охрану Дворца. Затем собери любое высшее командование в здании. Тзара здесь, я думаю, и, так же, Люго и Уриенц.»

«Я думаю, что все остальные уже в поле,» сказал Вон Войтц. «Гризмунд, Блэквуд, Сайбон, Келсо--»

«Я думаю, что ты прав. Просто собери старших и предупреди. Скажи им перевести все силы, которые у них есть на территории Великого Холма, на вторую инструкцию. Скажи Уриенцу возглавить военную комнату... нет. Нет, забудь это. Ты примешь командование военной комнатой. Запри нас, приведи нас в порядок и высматривай что угодно. Что угодно, Бартол.»

«Ясно.»

«Пошли Уриенца проинформировать магистра войны, что у нас тут может быть ситуация. Он примет Уриенца более спокойно, чем тебя.»

Вон Войтц кивнул.

«Скажи Уриенцу, что это исходят напрямую от меня,» сказал Гаунт.

«Скажу.»

«Хорошо. Это будет шанс для тебя, чтобы ты снова продемонстрировал свой характер,» сказал Гаунт.

«Такое мне пришло на ум, Ибрам,» ответил Вон Войтц, «но я бы лучше надеялся, чтобы этого не произошло, ради всех нас.»

Он сотворил символ аквилы и быстро ушел.

Гаунт вышел из галереи и вошел в защищенную стеклянную коробку комнаты брифинга.

«Что происходит?» тотчас спросила Лакшима.

«Святая предчувствует опасность,» начал Гаунт.

«Наши активы скомпрометированы?» спросила инквизитор.

«Нет,» сказал Гаунт. «Я отправил силы, чтобы обезопасить их, как мы договорились. Святая чувствует то, что опасность здесь.»

«Какого рода опасность?» спросил Казадер.

«Она еще не смогла определить,» сказал Гаунт.

«Не смогла определить?» презрительно спросил Казадер.

«Я поднял статус готовности дворца, и гарнизон переходит на вторую--» начал Гаунт.

«Но она не смогла определить?» перебил Казадер.

«Ее видение не всегда подробное,» сказал Сариадзи. «Мы должны дать ей время, чтобы сфокусироваться--»

Казадер посмотрел на нее, с сузившимися глазами.

«Я думаю, что это смешно,» сказал он. «Если здесь есть угроза, мы с ней разберемся. Если нет, это опасная провокация. Запугивание. Мы что, серьезно собираемся ждать, пока какая-то деревенская девченка--»

Аурбен пришлось удержать Сариадзи.

«Достаточно!» резко бросил Гаунт. «Не здесь. Нигде. Казадер, вон. Подготовь своих людей. В твоё дело будет занесен выговор за это.»

Казадер пристально посмотрел на Гаунта, затем отдал честь и вышел.

Гаунт посмотрел на остальных. «Я пригласил вас сюда, чтобы консультировать и помогать. Полковник Грае и инквизитор являются участниками наиболее деликатных секретов, связанных с ситуацией на Урдеше. Байота, тебе и твоему штабу нужно знать это, чтобы вы могли помочь мне.»

Байота кивнул. Двое тактиков с ним были мрачны и тихи.

«Где Мерити?» спросил Гаунт, запоздалая мысль. «Я думал, что она была с вами?»

«Мистер Байота разрешил ей уйти, сэр,» сказал Белтайн. «Она отправилась в подвал. Комиссар Фейзкиель хотела задать ей еще несколько вопросов, касательно инцидента в Низком Острие.»

«Она сейчас там, внизу?»

«Ушла туда не так давно, сэр.»

«Одна?»

«Ей назначили Сциона, мой лорд,» сказал Байота.

Гаунт кивнул. «Хорошо. Давайте пройдемся по тому, что нам известно. Начиная от ощущения Беати о том, что здесь--»

Гаунт замолчал. Сквозь стеклянную дверь комнаты он увидел, как пришел Даур, и обменивался словами с Санкто. Санкто указал на комнату. Даур сказал что-то еще. Санкто повернулся и посмотрел сквозь стекло на Гаунта.

Гаунт уже собирался покачать головой. Полковые дела могут подождать, и Даур это знал. Но было что-то в языке тела Даура.

Он кивнул.

Санкто замешкался на мгновение, как будто удивленный, а затем открыл дверь для Даура.

«Мои извинения, Лорд Исполнитель,» сказал Даур, когда вошел.

«Что тебе нужно, капитан?» спросил Гаунт.

«Мне...» замешкался Даур. Все смотрели на него. «Мне необходимо доложить о том, что, кажется, в размещении Танитцев ситуация. В подвале, сэр.»

«Проблема?»

«Отключение энергии, мой лорд. Это--»

Гаунт вздохнул. Его интуиция ошиблась. Даур суетился, и он должен был понять это лучше.

«Это техническая проблема, Капитан Даур. Донесите это до obsługi дворца.»

Даур заколебался. «Я не совсем понимаю обстоятельства, мой лорд, но был озвучен янтарный статус. Комиссаром Фейзкиель.»

«Почему?» спросил Гаунт.

«Я не знаю, мой лорд. Я пришел прямо к вам. Комиссар Харк пошел, чтобы изучить лично.»

Он посмотрел на остальных в комнате.

«Я прошу прощения за вторжение в это собрание,» сказал он.

Гаунт стоял на ногах.

«Янтарный статус?» спросил он. Его голос был странно свирепым.

«Да, мой лорд,» ответил Даур.

«Это в темноте?»

Все огляделись. Даур заморгал от удивления. Беати вошла в дверь и пристально смотрела на него.

«Капитан Бан Даур,» сказала она. «Я спросила вас, подвал в темноте?»

«Да, моя леди. Полностью. Как я понял.»

«Там есть дети? Дети, которые могут быть напуганы? Кто может плакать?»

«Да, моя леди. Там есть дети. Там вся свита.»

Беати повернулась и посмотрела прямо на Гаунта.

«Анарх,» сказала она.

«Включайте тревогу!» прорычал Гаунт.

Харк снова разбежался и снова отскочил от дверей.

«Ты сломаешь себе фесово плечо,» сказала Керт.

Он не ответил. Он вытащил свой плазменный пистолет и подстроил его.

«Отойдите нафес, обе,» сказал он. Керт с Пердэй отошли назад. Глаза Пердэй были широкими.

Харк навел оружие на двери, и выстрелил.

Звук выпущенной плазмы эхом отдался по пустому коридору, и Керт вздрогнула. Дым поднялся вверх и окутал воздух вокруг шипящих светосфер над головой.

Дверь была незатронута.

«Какого черта--» заикаясь, произнес Харк.

«Что-то не так с твоим оружием, Харк?» спросила Керт.

«Что? Нет. Это был полный разряд.»

Он изучил дверь, пробежавшись пальцами по дереву. Ничего такого, кроме дефектов.

«Я не понимаю,» сказал он.

«Я слышу тревогу,» сказала Пердэй, смотря вверх. «Это предупреждение об опасности.»

Клаксоны звучали в коридорах и проходах над ними. Колокола в дворцовых колокольнях тоже начинали звенеть.

«Попробуй снова,» подгоняла Керт Харка.

Шаги застучали по лестнице из зала сверху. Они повернулись, и увидели Гаунта, быстро идущего к ним, с Дауром рядом. Позади них шла охрана из Сционов Гаунта, Белтайн, несколько тактических офицеров, женщина с аугментической золотой маской, и несколько личностей, которые выглядели, как партизаны из разношерстного отряда. Сначала Керт не узнала их. Затем она увидела лицо одного из них.

«Ох, фес, Виктор,» прошептала она. «Это Беати.»

«Харк?» сказал Гаунт, как только подошел.

«Дверь не хочет шевелиться, мой лорд,» сказал Харк. «Я даже выстрелил в нее.»

Лакшима протолкнулась вперед и уставилась на дверь. «Лазерный заряд едва ли пробьет--»

«Плазменный пистолет, инквизитор,» сказал Харк. «Полный заряд, в упор.»

«Мой лорд?» сказал Санкто. «Может мы?»

«Никого неуважения, Санкто, но я не думаю, что ты и твои люди оставят большую вмятину, чем Харк,» ответил Гаунт.

«Она закрыта связью,» сказала Лакшима. Она склонилась, чтобы изучить дверь. «Ее держит варп.»

«Вы чувствуете это?» спросила Беати.

«А вы нет?» спросила Лакшима. «Мой лорд, даже если мы сможем сломать ее, мы понятия не имеем, что на другой стороне.»

«Мой полк--» ответил Гаунт.

«И что еще, кроме этого?» спросила Лакшима. Она подстроила свою микробусину. «Я вызову своих сотрудников. Нам нужна помощь специалистов.»

Она нахмурилась.

«Моя связь сдохла,» сказала она.

«Никакого ответа от любого источника вокса внизу,» выкрикнул Белтайн. Он расположил свой передатчик вокса у стены и производил настройки. «Мертвый эфир. Никакой близкой связи. Никаких передатчиков. Только--»

Белтайн подпрыгнул от удивления, и сорвал гарнитуру с ушей.

«Какого феса--?» выдохнул он.

«Бел?» спросила Керт, подходя у нему.

«Я слышал голос,» сказал Белтайн. «Ребенок, плачущий.»

«Колонки!» приказал Гаунт.

Белтайн переключил передатчик на колонки. Было шипение статики, затем они все смогли услышать резкий, хотя и отдаленный, звук плача. Молодой голос, далекий, страдающий.

«Грае?» сказала Лакшима сквозь жуткий звук. «Идите, приведите мою команду, пожалуйста.»

Грае кивнул.

«И скажите Вон Войтцу, что у нас есть местоположение красного уровня,» добавил Гаунт. «Байота, ты и твоя команда тоже идите. Начинайте информировать обо всем, что мы знаем.»

«Чего очень мало,» ответил Байота.

«Делайте это в любом случае.»

Грае уже бежал назад по залу. Байота и его помощники повернулись, чтобы последовать за ним.

«Байота?» крикнул Гаунт.

«Мой лорд?» ответил Байота, остановившись, чтобы обернуться.

«Ты сказал, что моя дочь спустилась туда?»

«Да, мой лорд.»

Гаунт прочистил глотку. «Идите,» сказал он. Байота и его помощники поспешили за Грае.

Керт посмотрела на Гаунта. Она схватила его руку.

«Мы попробуемся внутрь,» сказала она.

«Я знаю,» ответил Гаунт.

«Отпрыск Великого Мастера,» пробормотала Лакшима.

«Что?» сказал Харк.

«Вы не помните, комиссар?» сказала Лакшима, бросая на него взгляд. «Сигнал с боевого корабля Архиврага, который так таинственно спас *Армадюк*. Перевод, предоставленный фегатом, звучал, как 'отпрыск Великого Мастера'. Ребенок, дочь. Существительное было женского рода.»

«Вы всё это помните?» спросил Харк.

«Я просматривала отчеты множество раз,» сказала Лакшима. «Мерити Часс была на борту Армадюка. Теперь она здесь. Она – отпрыск Великого Мастера... Лорда Исполнителя, вероятно? Беды Майора Колеа могли быть преднамеренным отвлечением. *Важное создание*. Вот как это переводится. *Все это будет волей того, чей голос заглушает все остальные*.»

«Какого феса вы предполагаете?» спросил Харк, делая шаг вперед. Гаунт предупредительно поднял руку.

«Мы были сбиты с толку действиями Архиврага,» сказала Лакшима. «У нас было много элементов, которые не подходили друг другу. Все мы согласны в том, что Сек достиг чего-то после рейда на Эллат, и теперь перешел на новую фазу атаки. Кажется, что это здесь, сейчас, под нами. Элементы начали соединяться.»

«Черта с два,» сказал Харк.

Плач продолжал с треском доноситься из передатчика вокса Белтайна.

«Выключи это,» сказала Керт.

«Мне выключить, мой лорд?» спросил Белтайн.

Гаунт кивнул. Белтайн потянулся к переключателю колонок. Прямо перед тем, как он смог переключить его, звук плача исчез и сменился адским пронзительным ревом. Громкость была настолько большой, что она взорвала колонки передатчика. Дым поплыл от уничтоженного передатчика.

«Что, во имя Трона, это было?» спросила Аурбен.

«Это звучало, как... хирургическая пила,» сказала Керт.

«Пила для костей,» сказал Даур. «Так говорила Элоди. Что бы не напало в Низком Острие, это звучало, как пила для костей.»

Гаунт сделал шаг в сторону дверей подвала и вытащил свой силовой меч. Клинок ожил с яростным гулом.

«Нет, мой лорд!» крикнула Лакшима.

«Моя дочь там, внизу,» сказал Гаунт. «Моя дочь и мой полк.»

«И моя фесова жена!» прорычал Даур на инквизитора. «Отойдите, черт вас дерит!»

«Пожалуйста, мой лорд,» запротестовала Лакшима.

«Сделай это,» тихо сказала Беати. «Там внизу смерть. Дитя плачет. Все дети. *Каждая* душа.»

«На позиции!» прогремел Санкто. Сционы подняли свои хелганы и встали веером по бокам от Гаунта. Аурбен и Сариадзи подняли свои штурмовые пушки. Даур вытащил свой пистолет.

Гаунт размахнулся силовым мечом Иеронимо Сондара на двери, держа его обеими руками. Дерево раскололось и отлетело прочь, горя. Цветок мерцающей, болезненной энергии окружил клинок, когда он прошел сквозь двери, как будто клинок прошел не только сквозь древнее дерево, но сквозь пленку какой-то подпространственной мембраны. Последовала вспышка, и Гаунт отступил на несколько шагов.

На этот раз повреждение было нанесено. Центральные панели древних, тяжелых дверей почернели и раскрошились. Загадочная энергия шипела и выплескивала пенистые остатки из разрушающегося дерева.

Санкто и Даур пошли вперед, отрывая разрушенное дерево, оттаскивая секции поврежденных дверей прочь.

«Будьте осторожны!» предупредила Лакшима.

«Ты в порядке?» спросила Керт Гаунта. Он ослабил хватку на силовом мече.

«Он почти перегрузился,» ответил он. «Он никогда раньше так не брыкался в моих руках.»

Стендаль, один из Сционов, пошел вперед, чтобы помочь Санкто и Дауру. Остальные двое подняли свое оружие к щекам, и наблюдали за центральной секцией двери.

Даур, Стендаль и Санкто разбирали двери на части. Обе двери рассыпались в их руках, распадаясь на горячую пыль и золу, которые люди отбрасывали в стороны.

«Что-то неправильно--» начал говорить Белтайн.

«Ох, Император защити нас!» воскликнула Керт, закрывая руками рот.

За сгоревшими и разбитыми дверями не было дверного проема. Только цельная, побеленная каменная стена, великолепно нетронутая, как будто никакого прохода никогда не существовало.

К тому времени, как грузовики вкатились на рокритовую площадку Элтатского Механоядра 14, видимость упала до тридцати метров.

Майор Паша пристально посмотрела из кабины, затем посмотрела вниз, чтобы свериться с помятой схемой в пластековой оболочке.

«Мрачное место,» пробормотал Конжик за рулем.

Паша кивнула и протянула руку. Адъютант без промедления передал ей ручной вокс. Паша поднесла его ко рту и включила большим пальцем.

«Командир Роты R,» сказала она, «давай посмотрим, кто дома, и проясним нашу цель. Элам? Пожалуйста, окажи мне честь.»

Она убрала большой палец с кнопки.

«Понял, командир,» сказал Элам по связи.

Она снова нажала кнопку.

«Передай мое уважение,» сказала она. «Все остальные, ждите. Это все пройдет по согласованной схеме. Колосим? Держи арьергард на подъездной дороге. Никому не дергаться, пока я не скажу дергаться.»

Передатчик вокса Конжика на сидении между ними пропищал несколькими короткими сигналами вокса, когда каждый командир рот в конвое позади нее дал подтверждение.

У Паши с собой была вся мощь Танитского Первого, упакованная в тентованном транспортнике-10 позади нее. Только первые три грузовика въехали на площадку: ее, Элама, и второго состава из Роты R. Они остановились бок о бок, с включенными фарами. Дождь танцевал, как цифровая статика в лучах.

Остальная часть конвоя была на длинном склоне подъездной дороги с прикрытыми фарами. Они располагались двойной колонной, занимая обе линии дороги. В конце колонны, Колосим развернул четыре роты, чтобы держать дорогу и сформировать арьергард. Они установили обслуживаемые расчетами орудия в водосточных канавах. Баннард, адъютант Колосима, прошел немного назад по дороге и разбросал осветительные огни, которые шипели под дождем. Мерцающий зеленый свет осветительных огней освещал мало чего, кроме пустой дороги позади них, и мертвые руины по обе стороны.

Подъездная дорога была огорожена проволочными ограждениями. Мкфласс с сомнением смотрел на ограждения. За ними были только голые пустоши. Было непроглядно темно. Он мог чувствовать запах мокрой растительности и залитой дождем земли.

Он бросил взгляд на Колосима.

«Принеси несколько кусачек,» сказал ему Колосим. «Размести по две роты по обе стороны.»

Мкфласс кивнул. Люди из его отделения начали резать ограждение и оттаскивать его достаточно широко, чтобы позволить людям пройти.

Вернулся Баннард.

«Скверная точка, сэр,» сказал он. «Ощущается широко открытой.»

Колосим знал, что он имеет в виду. Они были заперты на дороге ограждением, дождем и темнотой. Было тяжело что-то увидеть. Кроме того, это все ощущалось неприятно незащищенным.

«При удачном стечении обстоятельств, мы здесь долго не просидим,» ответил Колосим. Он включил свою микробусину.

«Арьергард,» сказал он. «Сидите спокойно, но будьте наготове. Сложите свои вещмешки. Выходите по моему слову, не раньше. И, давайте заглушим двигатели, пожалуйста. Если мы не можем видеть, давайте, по крайней мере, слышать.»

Один за другим, работающие на холостом ходу двигатели больших транспортных выключились. Низкое ворчание сменилось звуком дождя, шипящим на дороге и стучащим по брезентовым тентам грузовиков. Это не было огромным улучшением. Звук дождя, казалось, усугубляет пустоту до неестественного уровня, что предполагало, что она совсем не пуста.

Наверху, на площадке, Паша увидела три фигуры, вылезшие из транспортного Элама: Капитан Элам, Капитан Крийд и Комиссар Ладд. Элам прошел через холодные лужи света фар и подошел к ее двери.

Она опустила стекло и вручила ему отказной сертификат, который прислал Даур. Он был напечатан на тонкой бумаге передатчиком вокса Конжика. Паша засунула его в чистую пластековую обложку, чтобы дождь не превратил его в кашу.

«Не сделай никакого дерьма, Аса,» сказала она ему.

«Я никогда не делаю,» ответил он с улыбкой.

Элам повернулся и пошел через площадку, его винтовка была на ремне на его груди. Крийд и Ладд пошли с ним в ногу. Ряд фар омывал их спины костно-белым светом и удлинял их тени, длинные и тонкие перед ними.

«Давайте будем уверены в этом,» сказал Элам своим компаньонам. Никому не нравилось иметь дело с Механикус, даже когда у них были полномочия Лорда Исполнителя, чтобы прикрыть их.

Крийд бросила взгляд на грозную громаду Элдатского Механоядра 14. Правила при воздушных налетах заставили его отключить свет, как и весь остальной город. Единственный свет шел от укрепленной заставы, рокритового бункера в конце подъездной площадки, который был защищен массивными полубастионами в виде рогов. Ночь была настолько черной, а дождь настолько отвесным, что она не могла разглядеть главный объект по ту сторону, но у нее было ощущение чего-то невидимого и обширного. Это должно было быть огромным местом. Размер полубастионов сказал ей это. Она видела гораздо меньшие внешние укрепления в крепостях Милитарума. Элдатское Механоядро 14 – ЭМ 14 – было одним из множества крепостей Механикус в городе, занимающим полосу низины склона горы в Квартале Клэйзен на восточной стороне Великого Холма, окруженным протяженными жилыми зданиями рабочих, и слегка ниже широко раскинувшихся верфей. Оно не было одной из главных кузниц, огромных структур, доминирующих над целыми районами, которые она увидела в свой первый день на Урдеше. В самом деле, ей говорили, что даже они были второстепенными кузнечными площадками. Элдат был субконтинентальной столицей, административным центром. Гигантские кузнечные комплексы на его территории были ничем, по сравнению с массовыми производственными базами где-то еще на планете. Брифинг Паши описывал ЭМ 14, как исследовательское предприятие, одно из старых заводов технодинастий, которое было поглощено Механикус, и которому была отведена специфическая роль.

Склад ума Гвардии рассматривал Урдеш, как простой оспариваемый мир, поле боя, которое должно быть зачищено и защищено. Крийд напоминала себе, что он был оспариваемым, потому что он был тем, чем он был: миром-кузницей. Местом промышленности и производства, самым большим и наиболее значимым из своего вида в сорока системах. Для нее, это было место, за которое нужно сражаться. Для

Служителей Марса, это была святая земля, драгоценный аванпост их далеко раскинувшейся техномеханической империи.

Именно поэтому он выжил. Другие миры, настолько резко оспариваемые, давным-давно были бы уничтожены окончательной директивой флота. Кто бы не удерживал Урдеш, он держал наиболее жизненноважный источник боеприпасов в пограничных Мирах Саббат. Она знала, что он удерживался, был потерян и снова взят обеими сторонами множество раз в прошлом. Она размышляла, был ли где-нибудь еще такой мир, который бы страдал под таким количеством временных повелителей. Правление после правления, Архивражеское и Имперское, переход из рук в руки с каждой оккупацией, взятые и истребованные обратно. Не удивительно, что он воспитал таких свирепых воинов. Она часто чувствовала, что Урдешские солдаты, которых она встречала, сражались за Урдеш сверх и до любых других мотивов.

Во влажном воздухе был запах печей, что напомнило ей о Вергхасте, но она знала, что Вергхаст, со всеми своими могучими ульями, был незначительным индустриальным миром, по сравнению с этим.

Они услышали внезапный, горловой порыв воздуха, который звучал, как мать всех огнеметов. Троица замерла на месте, омытая адским светом. Над ними, небо загорелось на несколько секунд, массивный, кипящий порыв перемешивающихся огненных облаков.

Не атака. ЭМ 14 просто только что выбросило перья газа из своих паровых заводов. Горящие облака умерли в черноте, но до того, как они сделали это, они на короткое время открыли ЭМ 14 в красном полусвете. Крийд мельком заметила очертания обширных рокритовых бастионов и циклопических гальванических залов, тяжело укрепленных казематов, и внешних зарослей колючей проволоки. Крийд втянула воздух. Она задумалась, что за хрень, по мнению Гаунта, приближалась, что у такого места, как у этого, не будет достаточной защиты.

Массивная застава располагалась за двумя защитными рвами, закрытыми колючей проволокой. Дальше было еще одно кольцо мертвой земли, располагающееся между мощным цепным ограждением и внешней стеной.

«Что это?» спросил Ладд.

«Что?»

«Это звучит, как дикое животное,» сказал Ладд.

Крийд и Элам прислушались. Они могли слышать шипение дождя, который поднимал серебряные всплески на рокроте вокруг их ног. За этим, они услышали лай, рычание где-то в ночи. Это был глубокий, жуткий звук, полный боли и ярости.

«Фес знает,» сказал Элам, опуская руку, чтобы взяться за свое оружие на ремне.

Рычание стихло, затем остальные ответили ему, тявканье и ворчание, которые уменьшились до обрывков звука. Это были жуткие звуки, смесь горлового рокота и высокотонового воя.

Свет резко включился, ослепив троицу. Они задели авто-сенсоры заставы. Автоматические оружейные установки в глубокопосаженных амбразурах заставы повернулись, чтобы навестись на них, мягко жужжа. Крийд могла видеть, как прицельные лазеры двигаются по их промокшим насквозь одеждам, как светлячки.

«Астра Милитарум! Танитский Первый!» крикнул Элам. Он поднял документ в пластековой оболочке. «Мы требуем доступ!»

Лазерные точки продолжили двигаться. Орудия не шевелились, изредка поправляясь с пульсирующим гудением механизмов платформ. Раздался глухой удар, и от заставы появился жесткий синий сканирующий луч. Горизонтальный синий плоский свет переместился по ним с головы до ног и назад. Он исчез.

Внешний люк с грохотом открылся сбоку бункера. Появились два человека, большие, вооруженные и бронированные. Они вышли в дождь и приблизились. Они были из Урдешских Тяжелых Войск, из печально известной Третьей Бригады, Стальной Дивизии. На них была полная баллистическая броня и решетчатые шлемы, покрытые камуфляжем. У каждого были орудия .30 калибра с коротким стволом, прикрепленные к бедрам на гироустойчивом каркасе. Толстые, бронированные подающие ленты тянулись от их орудий к автоматическим подающим бункерам внутри заставы. У обоих были стилизованные эмблемы Механикус, приваренные к их нагрудным пластинам, обозначающие их гордое прикомандирование к защитной службе кузницы.

«Какое у вас дело,» сказал один, его голос был усилен вокс-маской.

Элам снова поднял документ.

«Мое дело – это дело Лорда Исполнителя,» сказал он. «Это мой документ. У меня пехотный полк в транспортниках на дороге за мной. Мой командир просит доступ и немедленную встречу с главным завода.»

«Не сегодня ночью,» сказал Урдешец.

«О, да, сегодня ночью,» сказал Ладд.

«Главы кузни не примут аудиенции в городе на изоляции.»

«Тогда, я запишу имена,» сказал Ладд. Он подошел прямо к ним, лицом к лицу к массивным солдатам, и выудил свою черную записную книгу. «Вы носите знак Марса и вы выполняете верную работу,» сказал он, «но вы из Астра Милитарум, и я получу ваши имена.»

Кончиком пальца в перчатке, Ладд мимоходом вытер дождевые капли с жетона с именем, прикрученного к нагрудной пластине человека, перед которым он стоял. Он сделал это с таким прозаичным спокойствием, что это заставило Крийд улыбнуться.

«Эрретон. Капитан,» сказал Ладд, и записал имя. «А вы?»

Другой Стальной не ответил, поэтому Ладд изучил его жетон тоже.

«Горсондар,» сказал он. «Я предполагаю, что вы парни знаете, кто такой Лорд Исполнитель?»

«Знаем,» ответил Эрретон. «Мы--»

«Обнаружили себя несущимися почти со скоростью света в направлении кучи дерьма за это, капитан,» сказал Ладд. «Я дам вам момент, чтобы снова подумать и проверить документ. Из любезности. Механикус могущественный институт, но он не защитит никого из вас от Префектус.»

«Внутрь,» сказал Эрретон, двинув головой в сторону бункера.

Они последовали за людьми внутрь. Командный центр заставы был освещен светом янтарных панелей. Третий Тяжелый Урдешец управлял контрольной станцией с множественными дисплеями. Каждый экран показывал различное ночное изображение подъездной площадки снаружи. Излишки подающих боеприпасы поясов втянулись в большие бункера, когда люди вошли.

Крийд стояла с Ладдом, вода капала с них на решетчатый пол. Она увидела внутреннюю часть автоматических орудийных точек, нечеловеческие формы в позе эмбрионов внутри тесных орудийных клеток, с проводами в позвоночниках, с рукой и глазной впадиной в системах орудий. Каждое из орудий в амбразурах, которое отслеживало их снаружи, управлялось рудиментарными проблесками человеческого сознания. Орудийные рабы Механикус, нижайший и наиболее презренный орден печально известных скитариев.

Эрретон взял документ у Элама и передал его Стальному за столом станции.

«Проверь это,» сказал он.

Офицер вытащил хрупкий документ из обертки, и положил его под оптический сканер. Цифровая версия, тотчас подтвержденная военной комнатой Урдешского Дворца, появилась на одном из мониторов, окруженная вермильоновой рамкой.

«Мои извинения,» сказал Эрретон Эламу.

«Все нормально,» улыбнулся Элам, как будто он отвечал вежливо. «Откройте свои транспортные ворота, чтобы мы могли привести полк внутрь. И позовите старшего этого предприятия, чтобы он встретился с моим командующим офицером.»

«Сделай это сейчас же,» сказал Эрретон офицеру за столом, который быстро начал говорить в свой вокс.

«Следуйте за мной,» сказал им Эрретон.

Он подошел к заднему люку заставы и открыл его. Податчик боеприпасов его оружия загудел, когда потянулся за ним. Когда он достиг предела своего натяжения, весь бункер, армапласовый контейнер, размером с бочку для топлива, отсоединился от стены и поспешил за ним на коротких, толстых инсектоидных ножках.

Они последовали за Эрретом и его послушным мобильным бункером для боеприпасов в заднюю дверь, и вышли на огороженную клеткой дорожку, которая пролегла вдоль рвов до противовзрывного люка в главной стене. Зажглись огни, выхватывая дождевые капли, падающие сквозь проволоку. По другую сторону второго рва, дорожка разделяла кольцо ограниченной клеткой, мертвой земли снаружи стены.

Крийд пристально смотрела сквозь проволоку туда, пока они шли, предполагая, что это была зона поражения, умышленно оставленная открытой граница, так что ничто не могло ее пересечь, не став целью для главных стеновых орудий. Были ли цепные ограждения и проволочная крыша здесь только для того, чтобы замедлить продвижение нарушителя?

Очертание врезалось в цепи, заставив их дрожать. Крийд отскочила. Нечто дикое пристально смотрело на нее, цепляясь когтями за цепи и раздвигая их.

«Держитесь подальше от ограждения,» сказал Эрретон. «Мы держим шоковых собак во внутренней полосе.»

Это была не собака. Это даже не было дикое животное, хотя оно производило животный рык, который все трое слышали снаружи. Это был вид боевых сервиторов, мрачный сплав кибернетического четвероногого животного и человеческой плоти. Это рывало и рычало на них, протягивая свои стальные когти сквозь сетку. Стальные челюсти выглядели так, как будто они могут откусить руку человека. Крийд не могла видеть лицо этого. Скальп и затылок этого были покрыты густой гривой киберкабелей, которые закрывали его глубоко посаженные глаза, как дреды.

Другие шоковые собаки появились из темноты позади этой, привлеченные светом и запахом немодифицированных людей. Они подались вперед, рыча и ошетилившись. У некоторых были шипы, или клинки, встроенные в лопатки, или челюстная аугментика в виде пил. Они были дикими убийными сервиторами, постоянно подгоняемыми к безумию и гиперагрессии нейро-психотическими имплантами, большая часть их человечности давным-давно была извлечена хирургическими методами и заменена биоэмитирующими аугментациями. Крийд раньше слышала о таких нечеловеческих монстрах, но она надеялась, что никогда не увидит ни одного.

Эрретон подождал, пока внутренняя противовзрывная дверь откроется, затем провел их через вход во внутреннюю заставу. Его бункер прилежно спешил за ним. Полное отделение Тяжелых Урдешцев и двое возвышающихся адептов-смотрителей из Урдешского Культа Механикус ожидали их. Смотрители были одеты в робы из украшенного ржаво-красного шелка и были почти два с половиной метра в высоту. У них было богато украшенное оружие в виде посохов, а их лица под капюшонами казались похожими на кошмарные карикатуры на Гвардейские противогазы: большие, с круглыми глазными устройствами, пляшущие над дыхательными масками со шлангами. Их долгом была защита и безопасность кузни. Они повернулись, чтобы посмотреть на посетителей в идеальном нейросинхронном унисоне.

«Это неортодоксально,» сказал один. Его голос был модулированной компоновкой цифровых звуков, имитирующих человеческие слова.

«Вы видели полномочия,» сказал Эрретон.

«Это было передано по манифолду,» сказал другой смотритель. «Ноосферическая проверка закончена. Тем не менее--»

«-- это неортодоксально,» закончил первый. Один голос, говорящий через два тела. «Мы служим Омниссии.»

«Прямо сейчас, вы служите Лорду Исполнителю,» сказал Ладд, «который защищает ваши интересы на этом мире. Мой полк – это Группа Специального Развертывания, посланная лично Лордом Исполнителем. Вы будете сотрудничать полностью.»

Адепты-смотрители посмотрели друг на друга, в идеальном зеркале движения, и обменялись взрывом машинного кода.

«Передайте своему командующему человеческому офицеру--» сказал один.

«--врата сейчас откроются,» закончил второй.

Последовал глубокий грохот тяжелых механизмов.

«Заезжайте внутрь,» протрещал голос Элама по воксу.

«Поняла,» ответила Паша. Цветок света появился сквозь дождь, когда главные ворота настезь раскрылись, раскрываемые безмерной гидравликой. Внешние защитные батареи заставы втянулись, и длинная металлическая рампа выдвинулась над рвами, как язык.

«Паша Колосиму,» сказала она. «Пожалуйста, отведи одну четверть сил и займи широкую защитную позицию вокруг подъездной дороги и окружающей пустоши, по шаблону. Пожалуйста, так же, срежьте чертову колючую проволоку и уведите все транспортники с дороги. Я хочу чистый, беспрепятственный проезд, когда мы поедem назад. Я хочу, чтобы мы двигались быстро. Сделай это по уставу, Ферди, и держи меня в курсе насчет чего-либо.»

«Понял.»

«Я имею в виду, чего-либо.» Паша посмотрела на Конжика. «Заводи,» сказала она.

Конжик кивнул и запустил большой двигатель Транспортника-10.

«Запустить двигатели,» сказала Паша по ручному воксу. «Восстановить порядок, в один строй, следуйте за мной, пожалуйста.»

Голос в темноте, шепот, едва ли достаточно громкий, чтобы услышать, сказал ему, «Будь тих и не делай ни звука.»

Домор повиновался, бессловесный. Твердая рука, которая схватила его, прижала его к стене подвала. Он мог ощущать ее шероховатые кирпичи.

«Кто это?» удалось ему прошептать.

«Шшшшш!» ответил шепот.

Звук пилы для костей исчез. Ближайшая тишина ощущалась, как удушающий груз в непроницаемой черноте. Все, что Домор мог слышать, было стучащей кровью в своих ушах и вода, плещущейся вокруг его коленей. Тишина давила на него, украдывая у него способность наполнить свои легкие.

Это не тишина делала это, это был страх. Он попытался сфокусироваться. Он понимал, что уровень его кортизона резко поднялся. Он задумался, какой была частота его пульса. Выше 140-ка, и его моторные навыки будут нарушены. Выше 160-

ти или около того, у него будет туннельное зрение, и он начнет соскальзывать в разлагающийся, нерациональный мир страха.

Он не мог говорить. Он не мог видеть, чтобы сказать, направляется ли его зрение в туннель. Но он знал, как факт, что никогда не был так напуган. Никогда. И это о чем-то говорило, потому что он прошел через кое-какие страшные фесы в свое время. Домор знал страх. Они все знали. История их жизней была пронизана регулярными пиками ужаса: угроза смерти, безумие боя, терзание в промежутках, которое разрушает душу.

Домор знал людей, сильных людей, замирающих или паникующих, или потерявших способность говорить, или осуществлять простые моторные функции. Для страха не было иерархии. Он кусал всех, кто подходил к нему. Лучшие из Призраков научились, с помощью одного только brutального опыта, в качестве наставника, приручать его. Они отточили интуитивные механизмы управлять адреналином и откликами на угрозу заднего мозга, побеждать значительные перемены в кровяном давлении и биологических процессах, и оставаться действующими. Гаунт был в этом мастером. Некоторые, как Мколл и – представил себе Домор – Роун – были рождены с этим мастерством. Остальные, как Баскевиль и Варл, приобрели эти навыки со временем и через тяжелую работу.

Домор развился в этом направлении. Большинство из ветеранов Призраков были ветеранами только потому, что они могли посмотреть в глаза страху и остаться функциональными. Горнило боя быстро делало это с мужчиной или женщиной, и они справлялись или погибали. Первоначальный отклик на страх все еще был, но ты прорывался сквозь него и использовал свое повышенное состояние, чтобы продолжать, вместо того, чтобы быть травмированным этим.

Некоторые называли это *наплыв*. Харк называл это – *время боя*. Хороший Гвардеец превращал свои собственные ошарашивающие биологические отклики в оружие.

Но, это... это не было полем боя. Здесь не было треска пролетающего лазера, чтобы запустить страх, никакой видимой угрозы, чтобы заинтересовать разум. Домор понятия не имел, почему это было наиболее ужасное событие в его жизни.

Это сбивало его с толку, и это ощущалось, как поднятие тяжестей. Его недоумение действовало, как губка, заглушающая страх. Его разум стал занят вопросом *почему* он был так однозначно напуган, а не самим фактом того, что он был напуган.

Он усилил контроль над своим дыханием.

«Вы, все еще, здесь?» прошептал он.

Рука сжала его руку в подтверждении.

Домор убрал свой клинок в ножны, и потерял свою оптику. Появился шум зеленого света, когда аугментика ожила. Он бросил взгляд на комнату, залитую водой, на свои собственные руки, с которых капала вода, призрачно-белая и ослепительная. Затем аугментика снова отключилась.

Обнадеживающие руки схватили его за плечо, и повели назад. Его ботинки вслепую стучали по ступеням, и он нащупывал свой путь вверх по ним. Сухой пол. Его правая рука нашла стену рядом с ним.

Его оптика снова включилась.

Он увидел Цвейла перед собой. Старый аятани вел его за руку перед собой, пытаясь вести Домора, пока тот шел наощупь вдоль стены.

Домор протянул руку и взял Цвейла под руку.

«Я могу видеть, отец,» прошептал он. «Идите со мной.»

«Здесь внизу что-то есть,» сказал Цвейл очень тихо, наклонив голову и пытаясь почувствовать Домора в темноте.

«Это просто свет,» прошептал Домор. «Свет потух.» Он понимал, что лжет. Он узнал звук, который слышал.

«Нет, сынок,» сказал Цвейл. «Это просто тьма.»

У Сциона Релф был фонарик, прикрепленный под стволом ее оружия. Когда она его включила, свет заставил Мерити вздрогнуть.

«Теперь, тихо и спокойно,» сказала Релф. В ее голосе прозвучал хрустящий хрип, который подрывал ее подбадривание. Она прижала свое оружие к щеке, и прицелилась вперед. Оружие было коротким видом лазерного карабина, который висел на ремне у нее на спине с того самого момента, как Мерити повстречала ее. Это не было оружие для поля боя, но его компактная длина делала его идеальным для ближней защиты во внутренних пространствах.

«Нафес тихо и спокойно,» сказала Мерити. «Это просто отключение энергии.»

Теперь, когда здесь был свет, жесткий луч от оружия Релф, тревога Мерити уменьшилась. Но что было с темнотой? Ее внезапность? Нет. Густота, ее плотность. Свет не просто потух. Безвоздушная темнота поглотила их.

Луч Релф выхватил сточные воды, расширяющиеся в их направлении. В раскачивающемся овале света, вода выглядела, как кровь. Мерити могла слышать, как она булькает. Это был звук, который она слышала раньше в лазарете, и после жарких боев в Пределе Спасения. Кровь, вытекающая их ран, постоянная, ужасная утекающая струйка жизни. Она посмотрела на черную воду, текущую к ним, и тяжело сглотнула. Она выглядела, как кровь. Она выглядела так, как будто древние недра дворца кровоточат.

«Идем,» сказала Релф. Она повернулась, направляя фонарик в различных направлениях.

Мерити услышала, как она выругалась. Это казалось, как старый признак слабости.

«Сцион?»

«Где лестница?» спросила Релф.

«Что?»

«Лестница, отсутствует. Мы только что спустились по лестнице...»

Она поводила светом влево и вправо. Гладкие, побеленные стены выглядели, как покрытая снегом земля.

«И жилые залы...» сказала Релф.

«Я не понимаю,» сказала Мерити.

Релф резко направила свет между ними, а затем снова быстро вперед. Мерити заметила подкрадывающуюся воду.

«Мы спустились по лестнице,» сказала Релф, как будто давая себе рациональное объяснение. «Спустились вниз, прошли вперед. Поток был впереди нас.»

Она снова поводила фонариком туда-сюда.

«Поток там, лестница там. А арочный проход... через жилые залы, там.»

Диск света послонялся по блестящей штукатурке.

«Я понимаю, что ты говоришь,» сказала Мерити. «Я только не понимаю, что ты имеешь в виду.»

Релф резко развернулась, наклонив свет так, чтобы он осветил их лица. Она казалась уязвленной, как будто ей отвесили пощечину без причины.

«Лестница исчезла. Вход в жилые помещения исчез. Куда они подевались?»

«Ты ошибаешься,» сказала Мерити. «Должно быть, мы запутались. Лестница прямо позади нас.»

Она пошла в темноту, с вытянутыми руками, ожидая, что ее носок натолкнется на нижнюю ступеньку. Релф потянулась, чтобы остановить ее, но в этом не было нужды. Мерити остановилась, ее руки были прижаты к плоской каменной стене.

«Это просто фесово невероятно,» сказала она.

Релф схватила ее за руку. «За мной,» сказала она, дернув Мерити за собой. Она направилась к воде, луч света прыгал.

«Что? Куда? Вода там--»

«Я знаю, я знаю,» сказала Релф. Мерити могла ощущать кислое дыхание страха женщины. «Но, каким-то образом, мы в... в тупике. Вода быстро поднимается, так что мы не можем оставаться на месте.»

Они уже шлепали по поднимающейся воде. Она поднималась вокруг их ботинок, как поток, который вышел их берегов после ливня.

«Релф? Сцион?»

«Просто иди,» сказала Релф, дернув ее за руку. «Ты права. Мы просто ошиблись. Темнота сбила нас с толку. Там должен быть выход. Недалеко.»

Вода была по голень и быстро поднималась. Мерити думала – нет, она *знала* с ужасной уверенностью – что Релф ошибалась. Что-то произошло. Что-то изменилось в темноте. Вещи менялись, как стены и лица в кошмарах, которые пугали ее в детстве.

И все это было невозможным. Она задумалась, было ли это просто сущей темнотой и каким-то воображаемым абсурдом. Может быть, ее контузия была хуже, чем говорили медики. Может быть, у нее были галлюцинации. Ее голова болела. У нее был скрежещущий зуд в ушах. Но вода вокруг ее коленей, ее бедер, не была невероятной. Она была отрезвляюще холодной. На самом деле, все вокруг, внезапно, стало намного холоднее.

«Сцион, остановись.»

Релф не остановилась. Она потянула Мерити, затем замерла. Они обе услышали это.

Краткое, урчащее жужжание. Завывание, как будто кто-то поблизости проводил быструю проверку дрели или электрической пилы. Этот звук появился снова, дважды, как будто насекомое прожужжало мимо их ушей.

«Что это было?» спросила Релф.

«Ау?» крикнула Мерити. Они слышали голоса из жилых помещений, когда впервые спустились вниз. Тогда поблизости были люди. Так почему было так тихо?

«Замолчи!» резко бросила Релф. «Замолчи, замолчи.»

В луче света появилась дрожь. Руки Сциона дрожали. Мерити могла слышать быстрое, поверхностное дыхание Релф.

Лампы включились, резко и слишком ярко. Это заставило их поморщиться. Затем они снова потухли до свечения нити накала и снова погасли. Пока был свет, Мерити увидела коридор подвала, глубиной по бедра в блестящей черной воде, и арочный проход впереди слева.

«Туда!» прошипела она. «Туда!»

Лампы снова зажглись, вместе с кратким щебетом систем тревоги. Это продлилось две секунды, достаточно долго, чтобы Мерити увидела, что впереди слева нет никакого арочного прохода.

Больше нет.

У Мерити не было времени, чтобы ментально переработать это. Лампы в подвале начали включаться и выключаться, как прерывистая пульсация. Свет загорался на полсекунды, затем отключался на две или три, затем снова включался. Быстрое, непредсказуемое мерцание вызвало у Мерити тошноту. Она потянулась, чтобы прильнуть к Релф.

Но Релф больше здесь не было.

В темноте, она выдохнула имя Сциона.

Свет снова включался и выключался. В третьей вспышке, она увидела Релф на дальней стороне туннеля, прижимающейся к стене. В четвертой вспышке, Релф исчезла.

В пятой вспышке, Мерити увидела фигуру, стоящую прямо перед ней, к ней спиной. Фигура стояла почти по талию в кроваво-черной воде. Фигура ждала, стоя прямо, с руками по бокам. В простой женской сорочке. С обритой головой.

Чернота.

«Йонси?» крикнула Мерити.

Где-то в темноте прожужжала пила.

В шестой вспышке, ничего.

Чернота.

В седьмой вспышке, ударом сердца позже, фигура снова была там, все еще спиной к ней. Но она была ближе. На три метра ближе.

Чернота.

В восьмой вспышке, Йонси все еще была там, и она начинала поворачиваться. Медленно начинала поворачиваться к Мерити.

Чернота.

Свирепая трель поврежденных сигналов тревоги.

Внезапный лазерный огонь пронесся по коридору в темноте. Мерити вздрогнула. Она увидела заряды обжигающей энергии, услышала близкий пронзительный визг карабина. Один выстрел прошел так близко, что взъерошил пушок волос на шее. Она могла ощущать горячий озон, когда он появлялся рядом, поджаривающий холодный воздух. Горячий пар поднимался оттуда, где лазерные заряды попадали в воду.

Мерити попятилась назад, с широко раскрытыми глазами и страстно желающая света. Она видела, как луч фонарика Релф дико движется, отражаясь в воде, двигаясь по стенам. Еще больше воя лазерных выстрелов перекрыли это.

«Назад!» услышала она, как крикнула Релф. «Назад!»

Нечто, что звучало, как хирургическая пила, завизжало в ограниченном пространстве. Мерити закрыла уши. Вода плескалась вокруг ее груди и лица.

Тишина. Чернота. Зловоние перенагретого воздуха и кирпичной пыли. Всплеск и бульканье воды. Мерити пошла, вслепую, с вытянутыми руками, пробираясь сквозь потоп.

Она увидела точку света впереди, бледное голубое свечение. Оно качалось, затем уплыло дальше от нее, туманное и искаженное.

Это был фонарик Релф, все еще прикрепленный к оружию, медленно погружающийся в черный поток, луч пробивался сквозь колышущуюся воду.

Мерити нырнула и схватила его до того, как он бы оказался под водой вне поля зрения. Она вытащила короткий карабин из воды, и повернула его, держа вещь, как огромный фонарик, а не оружие.

«Релф? Релф?»

Обрезки плавали на покрытой зыбью черной воде. Обрывки ткани, куски изоляционного материала от нательного корсета, несколько сломанных колец от пластинчатой брони. Небольшие кусочки желе.

Два человеческих зуба. Несколько клочков волос.

Мерити подняла карабин вверх, и схватила его должным образом. Он ощущался тяжелым, как фес. Пар струился от дула, пока тепло от недавнего разряда превращало пар в воду. Она поводила вокруг, держа его крепко трясущимися руками.

Лампы снова включились, сначала с дрожью, затем в половину энергии. В янтарном тумане она увидела кого-то впереди, кого-то, бредущего в воде к ней.

«Релф?»

Луна Фейзкиель навела свой пистолет на Мерити, затем, медленно, опустила его.

«Мерити?» пробормотала она.

«Комиссар?»

Фейзкиель заморгала. Она выглядела болезненно и не в себе. Ее глаза были красными и больными, и выражение в них было тупым. Мерити была шокирована. Фейзкиель была, обычно, наиболее опрятной личностью в полку. Даже легчайший недостаток на ее униформе мог здорово ее рассердить. Сейчас же, ее одежда была порвана и запачкана, и пуговицы отсутствовали. Мерити увидела кровь, текущую из ушей Фейзкиель и одной ноздри.

«Вы ранены,» сказала Мерити, направившись вперед.

Фейзкиель помотала головой. «Услышала выстрелы,» сказала она. «Ты?»

«Нет, Релф. Сцион со мной.»

«Где она?»

«Я не знаю. Она--»

«Ты что-нибудь еще видела?» спросила Фейзкиель.

«Я видела Йонси. Я полагаю.»

Фейзкиель кивнула. «Мы в аду,» сказала она.

«Что?»

Фейзкиель помотала головой, глотая воздух. У нее был взгляд солдата, который был в битве слишком долго. Она промокла насквозь, и стала царапать кровь, сочившуюся из ее левого уха.

«Мы в...» начала она, затем покачала головой, как будто то, что она хотела сказать, была слишком трудным, чтобы ясно выразить.

«У вас идет кровь,» сказала Мерити.

«Где?» спросила Фейзкиель, как будто это было неважно. «Как и у тебя. Ты ранена?»

«Я не--» сказала Мерити.

«На тебе кровь. На твоём лице и шее.»

Мерити посмотрела вниз, и осознала, что передняя часть ее мундира была пропитана, и это была не только вода.

«Это не моя кровь,» сказала она.

Луна Фейзкиель вытерла рукой рот.

«Когда?» спросила она. «Когда вы спустились сюда?»

«Всего лишь минуты назад,» ответила Мерити. «Прямо перед тем, как погас свет.»

Фейзкиель резко посмотрела на нее. Глубокая усталость испугала Мерити.

«Это не правильно,» сказала Фейзкиель. «Свет отключился дни назад.»

Лампы сводчатого подвала включились на низкой энергии. Это был болезненный, дрожащий свет, охряное свечение, не ярче, чем сочащееся шипение медленной плавки.

Гол Колеа шлепал по воде, глубиной по голень, затопленного соединительного прохода. Свет от настенных ламп выхватывал движущуюся поверхность воды, и отбрасывал дрожащие отражения на побеленный потолок, создавая иллюзию, что потолок тоже был под водой.

Всхлипывание прекратилось. Колеа какое-то время ничего не слышал. В один момент, он подумал, что услышал где-то Эриша, и сразу после этого, он был уверен, чтобы услышал, как кричит Баск, с намного более дальнего расстояния.

Он выключил свой фонарик, чтобы поберечь энергию, но винтовку держал наготове. Мир смыкался, как будто злоба под-вселенной установила контроль. Это больше не было вопросом технической проблемы.

Это было здесь. Он знал, что оно было. Это следовало за ним весь путь от Айгора 991, через десятилетие и миллиарды километров. Стоические подбадривания Гаунта казались теперь такими хлипкими, что Колеа был шокирован тем, как охотно он поверил в них. Губительные Силы отметили его, и они пришли за ним.

И они лгали. Все, что голос говорил ему в том темном грузовом складе, было ложью. Даже обещание, что если они доставят орлиные камни, то они перестанут угрожать ему и его детям.

Колеа не выполнил их приказ, но он, так же, не отверг его. Призраки доставили орлиные камни на Урдеш. Но этого оказалось недостаточно. Оно все равно пришло за ними.

«Чего ты хотел?» спросил он тени вокруг себя. Сырая тишина не ответила. «Что ты хотел, чтобы мы сделали? Мы потерпели неудачу? Камни здесь. Ты хотел, чтобы они были не здесь?»

Ничто не ответило. Это было облегчением, в каком-то смысле, но часть его хотела, чтобы голос заговорил, чтобы он смог вызвать его на поединок и воспрепятствовать ему.

Голос нарушил свое обещание. Это то, что делал варп, так что это не стало неожиданностью. Вещи, которые обитали в тенях, которую отбрасывала жизнь, были сделаны из неправды и сумасшедшей логики. Они были воплощенной ложью, и им никогда нельзя было доверять. Их обещания не значили ничего.

Но его - да. Он не нарушал их. Ни свою присягу Астра Милитарум, ни своих заверений в траншеях братьям в его разношерстном отряде в Улье Вervун, ни своей верности Глубокой Выработке Номер Семнадцать, которая была его жизнью до этого, и, определенно, ни своих клятв Ливи Колеа. Ливи Тарин, как и прежде, была яркой в его разуме, как и в тот день, когда он встретил ее.

Он поклялся, чтобы защитить своих детей, и всех своих товарищей, от плохой тени, крадущейся за ними. Он встретится лицом к лицу с ней, и он убьет ее. И его обещания не могли быть прочнее, даже если бы они были выкованы из металлической руды, которую он когда-то добывал в рудниках Вергхаста.

«Когда ты собираешься показать себя?» спросил он. «Когда мы все выясним между собой, ты и я? Или тени – это твоя единственная уловка?»

Он понимал, что это не так, но он был зол, и насмехаться над темнотой было приятно. Может быть, он смог бы разозлить это, и спровоцировать на то, чтобы оно себя раскрыло.

Дать ему цель.

Это играло с ним слишком долго. Это играло с ним, и ложь этого даже заставила его сомневаться в своих детях.

Гол замешкался. Его приоритетом было найти Далина и Йонси, и всех остальных, застрявших в этой адской дыре. Ему нужно было найти их до того, как это сделает тень, и встать у нее на пути. Она сделала себе врага из Гола Колеа, а любой ублюдок мог сказать, что это было плохой идеей.

Он пошел вперед, закручивая поток вокруг своих коленей.

«Как ты посмел,» пробормотал он. «Как ты посмел заставить меня думать, что мои дети были частью этого. Это было просто мучение, так ведь? Способ помучить меня и сделать меня слабым.»

Его разум вернулся к жестоким фантазиям, которые проносились в его голове месяцами. Тупые, тупые мысли. Что там Гаунт сказал ему?

Брат знал бы свою сестру.

Фесово точно. Было настолько смехотворно легко разрушить обман варпа. Если бы только у него была ясность, чтобы сделать это месяцы назад. Некоторые вещи просто не приходят в голову, когда голова человека в беспорядке. Некоторые вещи просто не произносятся. Они остаются невысказанными. Простые вещи, которые сохраняются и обладают большей силой, чем когда-либо творил варп. *Я люблю тебя. Я беспокоюсь. Я пойду ради тебя в ад.*

Ну, это был ад, и он шел в него. Но теперь его разум был чист, острый, как серебряный клинок. Губительные Силы угрожали не тому человеку.

В конце затопленного коридора был пролет из каменных ступеней, которые вели к двери в жилой зал. Свет в лестничном колодце мерцал. Он подумал, что может слышать голоса.

Он направился вверх по лестнице, плечом к стене, направляя лазерную винтовку от линии челюсти. Он высунулся.

Жилой зал был сухим. Сорок коек стояли двумя ровными рядами под низким арочным потолком из побеленного камня, освещенные низкомошными лампами. Здесь были признаки беспорядка, брошенных пожиток, людей, которые уходили в спешке.

Он надеялся, что все они выбрались наружу.

Из укрытия арочного прохода, он увидел две фигуры, сидящие бок о бок на койке в дальнем правом конце комнаты.

Это были Далин и Йонси.

Далин просто пялился на следующую койку, держа руки на коленях, его винтовка лежала на простыне рядом с ним. Йонси прижималась к нему сбоку, тихо шепча ему на ухо.

Он услышал шепот Далина. «Нет, Йонси.» Как отрицание. Усталый отказ принять что-то.

Колеа сделал шаг.

Йонси резко подняла взгляд, нахмурилась ему, а затем метнулась прочь.

«Йонси! Вернись, девочка!» закричал Колеа, и побежал по залу между рядов коек. Она уже исчезла в арочном проходе в конце.

«Куда она отправилась?» спросил Колеа.

Далин не поднял взгляд.

«Дал! Во что она играет? Это не игра.» Он повернулся, чтобы посмотреть на Далина. «Вставай, Дал,» сказал он. «Сейчас же. Помоги мне найти свою сестру.»

Далин поднял на него взгляд, его лицо было бесстрастным.

«Она сказала какую-то ерунду,» тихо сказал он.

Колеа нахмурился, и сел рядом с ним. «Ты в порядке? Дал?»

«Да, да. Просто это все слегка странно.»

«Ты все точно понял,» сказал Колеа. «Здесь внизу происходит какой-то ужасный фес, Дал. Так что давай займемся делом. Найдем твою фесову сестру и вытащим ее отсюда за подол.»

«Она только играет,» сказал Далин.

«Ну, сейчас не время для игр.»

«Она сказала, что была голодна.»

«Ну, мы отведем ее наверх и достанем ей еды.»

Далин кивнул.

«Дал, ты видел кого-нибудь еще? Баска или--»

«Нет.»

«Никого? Они вывели всех отсюда? Всю свиту?»

«Думаю, так. Я просто искал Йонси. Она играла в прятки, когда свет погас. Испугалась, я думаю.»

«Не сомневаюсь. Идем, шевели задницей, пока она не забралась слишком далеко от нас. Далин?»

Далин посмотрел на него. Это выглядело так, как будто он пытался переварить что-то. Колеа не понравилось то, каким апатичным казался Далин.

«Она говорила вещи,» сказал Далин.

«Какие вещи?»

«Она сказала... она сказала, что пришло слово. Что настало время. Она сказала, что здесь была машина скорби.»

«Машина скорби? Что, как--»

«Ага,» сказал Далин. «Это одна из ее игр. 'Приближается машина скорби' говорила она, а затем она пряталась, и тебе нужно было ее найти. Она играла в это годами. Но, когда она сказала это прямо сейчас, я подумал...»

«Что?»

Далин пожал плечами. «Откуда она знает о машинах скорби? Я никогда об этом раньше не думал. Я имею в виду, я едва ли помню Улей Вервун. Я был только ребенком, а они еще младше, чем я. Откуда она помнит это?»

Гол почесал щеку. Он слишком хорошо помнил машины скорби. Это был термин, который жители Уля Вервун использовали, чтобы описать своеобразные гротескные машины смерти, которые Херитор Асфодель выпустил против уля. У них было множество изобретательных убийственных дизайнов. Ни один из Вергхастцев в полку, Гвардии или свите никогда не забывал об их злобе.

«Она просто слышала разговоры за годы,» сказал Колеа. «Сплетни в лагере, плохие воспоминания.»

«Полагаю, что так.»

«И сделала монстра из этого. Ты же знаешь, как она относится к играм.»

«Что, как к своей плохой тени?» спросил Далин.

Колеа ничего не сказал.

«Она сказала, что я должен поговорить с тобой об этом,» сказал Далин.

«Со мной?»

«Она сказала, что папа объяснит мне это.»

«Она всех называет папа,» печально ответил Колеа.

Он положил руку на плечо Далина.

«Что с тобой такое, Дал?» спросил он. «Мне это не нравится. Ты заболел?»

«Я просто...» Далин остановился и вздохнул. «Она говорила такие жуткие вещи. Она всегда была странной, но--»

«Она всегда была твоей сестрой,» сказал Колеа.

Далин резко посмотрел на него. «И что это значит?»

«Ничего. Дал, включи свою фесову голову. Мы должны найти ее, где бы она не пряталась, и вывести отсюда. Здесь происходит какое-то дерьмо, и ее не должно быть здесь. *Нас* не должно быть здесь.»

Далин кивнул и поднялся на ноги. Он поднял свой лазган.

«Да, конечно,» сказал он. Он казался немного более собранным. «Я просто потратил слишком много времени в ее поисках в темноте, а затем я нашел ее, и я пытался успокоить ее, но она просто хотела играть. А потом вещи, которые она сказала, просто поразили меня.»

Он посмотрел на Колеа.

«Ты знаешь о той твари, которая напала на нее и Мэм Даур у Низкого Острия?»

«Я слышал,» сказал Колеа.

«Что, если это была машина скорби? Я имею в виду, это разорвало на куски целый отряд вражеских солдат.»

«Но пощадило их двоих? Где в этом логика?»

«У машин скорби когда-нибудь была какая-нибудь логика?» спросил Далин. «Ты бы знал.»

«Не много,» признал Колеа.

«И они были созданы Херитором.»

«Асфоделем.»

«Точно.»

«Он мертв.»

«Я знаю,» сказал Далин. «Но есть другие хериторы. Мы это знаем. Я имею в виду, Предел Спасения был мастерской для их племени. Что, если это – это нечто, созданное одним из других? Что, если это следовало за нами от Предела? Что, если... что, если это здесь? В городе. Что, если это было там, в старом размещении, и теперь оно пробралось сюда?»

Колеа покачал головой. «Машина смерти, такая, как машина скорби, не могла пробраться сюда. Дворец? Дал, это не могло пробраться мимо охраны. Стены. И--»

«Что-то пробралось,» тихо сказал Далин.

«Да. Что-то пробралось.»

Они мгновение смотрели друг на друга.

«Давай найдем ее, Далин,» сказал Колеа.

«Ох, ради феса!» резко бросил Баскевиль и опустил свою винтовку.

Впереди, в слабом свете жилого зала, Мерин и Бэнда тоже опустили свои винтовки.

«Я почти пристрелил вас нафес, фесовы идиоты,» сказал Баскевиль.

«То же самое,» фыркнула Бэнда. «Как вы, фес вас, оказались *перед* нами?»

«Я тебе говорю,» сказал Бленнер взволнованным голосом, подходя позади Баска. «Я тебе говорю, что здесь, внизу, происходит что-то неправильное. Как отряд Мерина оказался впереди, когда они должны быть позади нас? И где все остальные? Хмм? Где все?»

«Определенно, происходит что-то жутко дерьмовое,» проворчал Мерин. «Мы не можем никого найти, и мы не можем найти выход.»

«Что?» резко бросил Баскевиль. Он посмотрел мимо Мерина на Лейра, одного из лучших разведчиков полка. Лейру было очень не по себе.

«Я не смог найти главную лестницу, сэр,» сказал Лейр.

«Сегодня что, все фесовы идиоты?» спросил Баскевиль. «Что ты имеешь в виду под тем, что ты не можешь найти лестницу?»

«Я просто не могу,» сказал Лейр. «Она не там, где была. Она должна быть в двух комнатах назад отсюда, а затем направо. Но ее нет. Это сводит меня с ума.»

«Ты сводишь меня с ума,» сказал Баскевиль.

«Я не шучу,» сердито сказал Лейр. «Как будто все вокруг перемещается. Двери, стены--»

«Этот дворец,» очень спокойно сказал Баскевиль, «простоял столетия. Он настолько твердый, насколько вообще возможно. Это не фесовы стены перемещаются в темноте. Ты приложился к сакре, Лейр?»

«Фес вас. Я говорю вам то, что знаю. План всего подвала нестабилен. Каждый раз, как становится темно, вещи перемещаются.»

«Херня,» сказал Баскевиль. «Найдите мне Бонина. Найдите мне разведчика, который знает, что, фес его, он делает.»

«Мах выводил свиту наружу,» сказал Нескон. Он стоял прямо за Лейром. Его глаза были суровыми. «Нет никаких признаков его, или сержант-майора. Или свиты. Это было множество людей, сэр. Множество. Женщины, дети. С темнотой и всем

остальным, и, всего лишь, только одной лестницей, они должны все еще тянуться наружу. На эвакуацию должно потребоваться часа полтора, по меньшей мере. Мы, все еще, должны бы слышать их.»

«А мы даже не можем найти лестницу,» сказала Бэнда.

«Ты собираешься сказать им о том, что мы нашли?» спросил Бленнер.

Баскевиль бросил на него взгляд.

«Мы нашли команду Муниторума,» сказал Бленнер, смотря на отряд Мерина. «То, что от них осталось.»

«Что?» сказал Мерин.

«Они все были весьма мертвы,» сказал Бленнер. Он положил в ладонь что-то из кармана своего плаща и проглотил сухую.

«Значит, это нападение?» спросила Бэнда.

«Я не знаю, что это такое,» тихо сказал Баскевиль. «Мы не можем найти Шогги, или Луну, или Далина, или девочку. Мы не можем никого найти.»

«Значит, не только я,» пробормотал Лейр.

Баскевиль бросил на него взгляд. «Ну, пока твоя профессиональная репутация не пострадала, мы в порядке,» проворчал он.

«Вы совсем никого не видели?» спросил Оскет Мерина.

«Ни души, пока вы не появились,» сказал Мерин.

«С неправильного направления...» прошептал Бленнер.

«Гол?» спросил Баскевиль.

Мерин помотал головой.

«Ладно,» сказал Баскевиль. «Мы попробуем закончить обыск секций. По самой меньшей мере, отряд Гола где-то там внизу. Затем мы отступим назад. Мерин, бери

свой отряд, вернись назад и найди фесову лестницу. Есть какие-нибудь осветительные огни? Мел?»

«Я найду способ отметить путь,» сказал Лейр.

«Хорошо. Идите.»

Баскевиль повернулся и повел свой отряд назад туда, откуда они пришли. Мерин бросил взгляд на Бэнду, Лейра, Нескона и Леклана.

«Вы его слышали,» сказал он.

Они повернулись и пошли назад по коридору. Свет снова заморгал. Каждые три метра или около того, Нескон останавливался и выжигал отметки на стене краткими залпами из своего огнемета.

«Это уж точно поможет,» сказал Лейр.

Воздух начал наполняться вонью сгоревшей краски и обожженной кирпичной пыли. Она смешалась с сырой резкой вонью дренажей, и попала к ним в глотки. Они достигли Т-образного перекрестка, о котором никто из них не мог вспомнить, чтобы он был тут раньше.

«Налево или направо?» спросил Нескон.

Лейр замер.

«Налево,» решил Мерин.

Бэнда подняла руку.

«Что это было?» спросила она.

«Что?»

«Это прозвучало, как всхлипывание?» сказала она.

«Я ничего не слышу,» сказал Лейр.

Мерин сделал жест в сторону Нескона, который затушил горелку своего огнемета. Постоянный, пыхтящий хрип огнемета исчез.

Они прислушались.

«Это всхлипывание,» сказала Бэнда. «Или хихиканье.»

«Ребенок...» сказал Леклан.

«Ребенок Гола,» сказал Мерин. «Должно быть.»

«Ладно, мы должны найти ее,» сказал Нескон. «Все ее искали.»

«Туда,» сказал Лейр, указывая на левый тоннель.

Они пошли. Нескон и Лейр шли впереди, но Нескон держал горелку выключенной, чтобы они могли слышать. Он повесил свой огнемет на плечо и вытащил свой пистолет. Бэнда и Леклан следовали за ними, а Мерин крался позади. Он продолжать бросать взгляды позади них.

«Ох, фес,» пробормотал Лейр.

Впереди, каждые несколько метров, были выжженные отметины на побеленной стене.

«Кому-то в голову пришла такая же идея,» сказал Нескон.

Лейр покачал головой. Он прикоснулся к одной из отметин. «Все еще теплая,» сказал он. «Ты это сделал.»

«Феса с два,» запротестовал Нескон.

«Мы идем по своим собственным следам,» сказал Лейр.

«Наткнись нафес,» сказал ему Мерин.

Внезапно свет потускнел, и погас. Темнота длилась около трех секунд, затем лампы снова начали гореть. Они едва появлялись из ничего. Света было не больше, чем сумерки, болезненные и желтоватые.

Призраки включили свои фонарики.

«Дверь,» сказал Леклан, и кивнул вперед. Там, слева, был арочный проход. Маленькая кладовая.

Леклан и Лейр приблизились, и встали по обе стороны двери. У Леклана был пистолет, Лейр крепко держал приклад своей лазерной винтовки у плеча.

Они заскочили внутрь.

Комната была маленьким каменным погребом. На одной стороне, стена была разлинована старыми деревянными стойками, на которых когда-то стояли винные бочки. Несколько сломанных ящиков стояли поблизости. Каменный пол был мокрым, с парой сантиметров отвратительной застоявшейся воды. Капли в нескольких местах капали с изогнутого потолка.

Йонси сидела на ящике в дальнем конце, спиной к ним. Ее голова была наклонена, а ее плечи тряслись.

«Эй, Йонси,» сказал Леклан. Он убрал в кобуру свой пистолет и поспешил вперед, подтягивая медицинскую сумку перед собой. Лейр последовал за ним.

Леклан встал на колени рядом с молодой девушкой.

«Ты в порядке? Йонси? Это я, Леклан. Ты ранена?»

Йонси бросила на него взгляд, ее голова все еще была опущена. Она плакала.

«Папа Леклан,» прошептала она, и всхлипнула.

«Точно. Ты ранена? Я собираюсь просто осмотреть тебя, а потом мы уведем тебя отсюда.»

«Я пряталась,» мягко сказала она. «Потому что здесь машина скорби.»

«Что она сказала?» спросил Лейр, подходя ближе.

«Что-то насчет машины скорби,» ответил Леклан. Он попытался повернуть голову Йонси к себе, чтобы он мог проверить отклик ее зрачков световым карандашом. «Я думаю, что у нее шок.»

«Машина скорби?» сказал Нескон. Он и Бэнда последовали за разведчиком и санитаром в комнату. «Скажи ей, что здесь нет никаких фесовых машин скорби.»

Мерин стоял в дверном проеме позади них.

«Это просто игра, в которую она играет,» сказал он. «Прятки. Маленькая тупая дурра.»

Бэнда бросила на него взгляд. «Пошел нафес, Флин,» предупредила она суровым шепотом. «Она напугана.»

Мерин пожал плечами. «Мы все фесово напуганы, дорогуша,» ответил он.

«Здесь нет машины скорби,» мягко сказал Леклан девушке. Он открыл ее рот и посветил карандашным фонариком внутрь. «Ты кого-нибудь видела? Йонс? Ты кого-нибудь видела, пока играла в свою игру? Когда стало темно?»

Йонси закрыла рот.

«Я видела Дала. И Папу Гола,» сказала она.

«Где они были?» крикнул Мерин от двери.

«Они повернули не туда,» заговорщически прошептала Йонси Леклану. «Я серьезно голодна.»

«Что за отметина на твоей шее?» спросил Леклан, мягко наклоняя ее голову, чтобы посмотреть.

Бэнда обернулась к Мерину.

«Если Гол близко,» сказала она, «или Далин... может ты снова попробуешь связаться?»

Мерин вздохнул, и подстроил свою микробусину. Высокий зуд в его барабанных перепонках вернулся. Внезапно показалось, что стало очень холодно.

«Колеа? Далин?» крикнул он. «Кто-нибудь? Колеа?»

Раздался резкий визг, вой, похожий на трущийся металл. Мерин вздрогнул, и выдернул микробусину, думая, что это был вопль обратной связи. Но шум продолжался, даже с вытащенной микробусиной.

Он посмотрел назад в комнату. Что-то происходило с Лекланом. Он стоял спиной к ним. Его тело и раскинутые руки дико вибрировали. Мерин пристально смотрел в

совершенном непонимании. Какого феса делал Леклан? Он не мог видеть Йонси. Только Леклана, трясущегося и вибрирующего, как какой-то фесов верующий в экстазе.

Леклан начал подниматься в воздух, все еще широко раскинув руки. Вода капала с его висящих ботинок. Мерин скривился от недоумения. Пронзительный визг превратился в мучительный вой пилы для костей.

Леклан распался на части. Ткань, разорванная одежда и фрагменты костей полетели во всех направлениях, разлетевшись по комнате. Маленький осколок кости попал Мерину под правый глаз с силой выстрела из рогатки, даже хотя он был на расстоянии метров.

Повсюду была кровь. Туман из нее.

Лейр попятился назад. Кусок левой ключицы Леклана вонзился ему в горло. Он пытался поднять свое оружие, артериальная кровь хлестала из его шеи.

Тьма, воющая, как циркулярная пила, закипела в конце комнаты. Она приближалась, как стена тени, наплыв тьмы. Лейр выпустил два диких выстрела. Нескон заорал и зажег свой огнемет. Понадобилось две или три накачки, чтобы оружие ожило.

К тому времени, наплывающая волна тьмы достигла него. Пила взвыла. Нескона погромсало. Он развалился на части там, где стоял. Это выглядело так, как будто он был разрезан вертикально четырем или пятью отдельными клинками. Когда его части падали в буре крови, спусковой крючок, все еще сжимаемый его правой рукой, сработал, объяв Лейра пеленой ревущего пламени.

Лейр, объятый огнем с головы до ног, упал на колени и опрокинулся вперед.

Всему кошмару понадобилось, всего лишь, секунду или две. Мерин заорал, и попятился из дверного проема. Тьма скользила к нему, как черная вода, наполняющая подвал.

Он отклонился в сторону, собираясь бежать, но что-то схватило его, крепко держа его руку и плечо.

Он зарычал и стал отбиваться.

Бэнда вцепилась в него обеими руками. Он мог видеть только ее голову, плечи и руки. Она прижималась к дверному проему подмышками, остальная ее часть была внутри комнаты.

Ее глаза были очень большими.

«Флин! Флин!» заорала она.

Он боролся, чтобы избавиться от ее хватки. Было похоже, что на его руке тиски.

«Флин!» пронзительно завизжала Бэнда. «Оно добралось до меня! Оно, фес его, добралось до меня! Вытащи меня!»

«Отпусти!»

«Вытащи меня, фесов ублюдок! Вытащи меня!»

Мерин дико метался. Он отказывался смотреть в ее пристально смотрящие глаза. Его локоть ударил по ее левому запястью, и ее хватка исчезла.

Мерин упал в коридоре.

«Фесов ублюдок!» заорала она, когда комната втянула ее внутрь. «Токсичный фесов--» Ее пальцы скребли по штукатурке, оставляя кровавые отметины. Затем она исчезла, резко полетев назад, как хлыст, за край дверного проема.

Он услышал ее последний вопль, искаженный визгом пилы для костей.

Кровь вылетела из дверного проема, и оставила три линии на полу и противоположной стене.

Мерин поднялся, почти искалеченный ужасом. Он запутался в ремне своей винтовки. Тени начали вытекать из погреба, как черный шелк, кружащийся на легком ветру. Он мог чують кровь, прометиум и жженую плоть.

Он открыл огонь, стреляя от бедра в полном автоматическом режиме, пока пятился. Кирпичи и штукатурка разлетались от стен и потолка вокруг дверного проема. В воздухе появилось облако белой пыли, а тьма хлынула сквозь него, как пятно.

Мерин отбросил оружие в сторону и начал бежать. Он кричал, спасая свою жизнь.

Коридор, внезапно, стал очень длинным и очень прямым. Ему не было конца. Каждые три метра на штукатурке были выжженные отметины.

Он продолжал бежать. Позади него, одна за другой, тусклые лампы гасли. Он слышал хлопки и шипение каждой сферы, преследующие его, как ружейные выстрелы.

Он пытался бежать быстрее. Он пытался оставаться впереди тьмы. Его мочевого пузыря опустошился, и он осознал, что пронзительные крики, которые он мог слышать, были его собственные.

Он упал, ободрал себе руки. Он не мог дышать. Ужас закрыл его трахею.

Он поднял взгляд. Его зрение уменьшилось до серой дымки.

Перед ним стояли двое людей. Мерити Часс смотрела вниз на него с крайним недоумением. Луна Фейзкиель пристально смотрела мимо него, сужившимися глазами.

«Лежите, фес вас, капитан,» сказала Фейзкиель.

Фейзкиель и Мерити открыли огонь. Мерин свернулся в позу эмбриона, зажимая уши руками, пока автопистолет Фейзкиель и карабин Мерити сверкали над его головой. Раскаленные латунные гильзы отскакивали от его щеки и шеи.

А затем все прекратилось.

«Проверь его,» услышал он, как сказала Фейзкиель. Он почувствовал руку Мерити на себе, пытающуюся его повернуть, пытающуюся развернуть его. Он с хныканьем оторвался от нее.

Он поднял голову. Мерити пристально смотрела на него.

«Что, во имя Трона, с вами случилось?» спросила она.

Он не ответил. Он посмотрел назад в коридор. Он не хотел, но он понимал, что должен.

Фейзкиель прошла мимо него и пристально смотрела в коридор, проверяя обойму своего оружия. Длинный коридор был пуст. Три, ближайšie к ним, потолочные лампы все еще горели, слабо шипя. За ними была только темнота.

«Я не знаю, что мы видели,» сказала Фейзкиель, «но это исчезло.» Она повернулась и посмотрела на него сверху.

«Что это было, капитан?» спросила она. «Я не понимаю, что мы увидели. Мы отогнали это, но я не знаю, сможем ли мы сделать это снова. Я не думаю, что смогу защитить вас снова. Я не могу сражаться с тем, чего не понимаю. Капитан? Вы меня слышите? Что *это* было?»

Мерин помотал головой. Его рот не работал.

Фейзкиель присела.

«Что ты видел, Мерин?» спросила она без тени сострадания.

«Я видел, как все умерли,» сказал он.

ОДИННАДЦАТЬ: КОНТАКТ

Ручные колокольчики все еще звенели вдоль береговой линии. Отряды сынов спешили по пологим улицам маленького, настроенного кучей, расположенного на скале, городка, осматривая здание за зданием и останавливая каждого на своем пути, что опросить.

Мколл наблюдал с верхушки штабеля тюков в одном из амбаров пристани. Крыша открытого амбара возвышалась над ним, препятствуя тому, чтобы кто-нибудь заметил его сверху, и он забрал полотно брезента из погрузочного дока и накрылся им.

Каждые его дюйм болел. Его рана на голове, в конце концов, прекратила кровоточить, но все место рядом с его ухом было слишком больно трогать. Засохшая кровь покрывала коркой его череп, сторону его шеи и его плечо. У него не было зеркала, она он знал, что сторона его лица была, вероятно, пурпурной от травмы.

Он был скован усталостью. Он передохнул под брезентом часок, но он не осмелился поспать. Усталость была просто чем-то, через что он прорывался. Он делал такое раньше. Это был вопрос воли. Усталость тела не имела значения. Усталость разума была убийцей. Его разум был острым. Боль сделала это.

Он наблюдал за сценой под собой, желая, чтобы полевые очки Олорта все еще были при нем. Весь Оплот был в состоянии бодрствования – эквивалент, воображал он себе, янтарного статуса тревоги в Имперском гарнизоне. Поисковые команды не сильно интересовали его. Они придерживались верхних уровней города, вокруг здания записей. У них было мало идей насчет того, кого они ищут. Их добыча безрассудно сбегала по крышам высокого города. Он либо прятался где-то там наверху, либо упал насмерть в одну из канав между настроенными друг на друга зданиями. Они, вероятно, уже тащились за его телом.

Что интересовало его, так это территория прямо внизу, участок пристани вокруг основания одного из погрузочных кранов. Внутренние грузовые подъемники непрерывно поднимали грузы на уровень мостов, где команды сервиторов катили их в грузовые отсеки крейсера. Шестьдесят или больше людей работали на рокритовом берегу под ним, в основном сервиторы и стивидоры, плюс небольшие группы

Имперских рабов. Над ними надзирали несколько офицеров Сека. Они катили металлические тележки из амбаров под ним, тележки, нагруженные ящиками и тюками, и завозили их на подъемники. Несколько человек отправлялись наверх вместе с тележками. Остальные ждали, когда пустые тележки спустятся вниз, затем толкали их назад в амбары, чтобы снова загрузить.

Лихтер проревел над головой на низкой высоте, направляясь к кораблю. Мколл держал голову под краем брезента. За маленьким самолетом неслась тень, которая мерцала на рабочем доке, а затем на дрожащей воде. Дневной свет исчез. Над горлышком конуса небо было беззвездно серым. Тень отбрасывали группы прожекторов, которые окаймляли край пристани. Мколл уже думал насчет лихтера или маленького лифтера, но он не был уверен, откуда они прилетают. Посадочная зона будет охраняться, и было тяжело оставаться анонимным среди маленького экипажа.

Он наблюдал, как лихтер повернулся и опустился, моргая огнями, в грузовой отсек еще дальше по борту огромного корабля.

Приближались еще больше сельскохозяйственных лодок, тяжело заходя боком в следующий док вместе с дымом, вырывающимся на уровне воды из их напряженных моторов. Они, так же, были загружены личным составом, несколькими дрожащими пленниками, и несколькими единицами легкой артиллерии с мешковинами на их дулах и закрепленными лафетами.

Тысячи шепотков в его голове появились снова, как мертвый канал вокса. Голос говорил, гудящее шипение, которое он мог чувствовать в своих пазухах и челюстной кости.

У меня для тебя тоже есть пара слов, подумал он. Я скажу их лично.

Внизу, еще один состав из тележек прогрохотал по рокриту, группы управляли ими, крича и обмениваясь комментариями. Сервиторы тащили пустые назад к амбару от подъемника. Один из офицеров, сирдар, поговорил с группой стивидоров, затем побрел к амбару, делая заметки на планшете.

Сирдар вошел в освещенный лампами амбар и проинструктировал сервиторов, какой груз забирать с грузовых стеллажей следующим.

Один из его людей позвал его. Он закончил то, что говорил, и обошел кипу тюков, чтобы выяснить, что хотел человек.

Там никого не было.

Мколл спрыгнул позади него, и свернул ему шею опытным движением. Ноги сирдара задрожали, и он обмяк. Мколл оттащил его за кучу мотков колючей проволоки, и снял его мундир, все время наблюдая, чтобы убедиться, что больше никто не идет. Приличный мундир, и лучшие ботинки, чем те, которые были на Мколле, но ботинки были слишком маленькие по размеру. Он взял мундир, шлем и оружейный пояс, у которого был единственный наплечный ремень. Патронные сумки на ремне были заполнены обоймами с патронами, потому что у сирдара был автоган с длинным дулом. Не было не одной лазерной ячейки, подходящей пистолету, который у него уже был. Но у него был маленький ручной вокс, прибор малой дальности, и три маленьких гранаты. Они были маленькими серебряными цилиндрами. Две были помечены красными точками, которые, предположил он, означали дым. Оставшаяся, со слегка рифленным корпусом, была помечена черной точкой. Фрагментарная. Противопехотная.

Мколл заткнул лазерный пистолет за пояс сзади, затем надел рубашку и мундир сирдара, и поверх надел пояс для оружия.

Он вышел между мотков проволоки. Двое сынов из рабочей команды прошли мимо грузового прохода. Как только они ушли, он надел перчатки сирдара и полностью закрывающий лицо шлем, слегка рыгнув от прикосновения дубленой кожи и кислотного запаха слюны сирдара. Затем он взял планшет и стилус.

Сирдар вышел обратно в док. Рабочая команда ждала рядом с нагруженным рядом тележек. Клетка подъемника возвращалась на уровень дока, дребезжа пустыми тележками.

«Ктах хез дворе вой?» спросил его стивидор, когда он проходил мимо.

«Нен, нен,» ответил сирдар, выглядящий занятым своим планшетом. «Кхен вах.»

Сын с обнаженной грудью поднял дверь клетки подъемника, и сервиторы, с грохотом, вывезли пустые тележки наружу.

«Киез! Да тса херц! Киез! Киез!» произнес сирдар, махая рукой, чтобы подстегнуть грузчиков к загрузке.

Люди начали загонять тяжелые тележки в подъемник. Один из сынов посмотрел на сирдара.

«Хин бачат Сирд Элоз?» спросил он. *Где Сирдар Элоз?*

«Тса ворхун тер ган,» ответил сирдар. *Ушел отдыхать.*

«Тиах к'хер хетт!» усмехнулся сын. *Так рано?*

«Кхен тор Сирд Элоз фаграх,» ответил сирдар. *Сирдар Элоз ленивый ублюдок.*

Рабочие засмеялись. Она затолкнули громоздкие тележки вверх по рампе, проклиная друг друга, пока размещали их в клетке. Еще один лихтер просвистел над головой, направляясь к крейсеру. Его тень пронеслась по доку.

Три сервитора и двое сынов зашли в клетку с новым грузом. Один пошел, чтобы опустить дверь клетки.

«Нен, корахт!» рявкнул сирдар, поднимая свою руку.

Он вышел вперед и дернул большим пальцем, приказывая одному из сынов выйти.

«Шет, магир?» спросил человек.

«Хса гор тре шет,» ответил сирдар, заходя в подъемник на его место. «Вой шет тса кхен веркахн.» *Мне нужно наверх. Идите, готовьте следующий груз.*

Сирдар закрыл клетку. Подъемник начал подниматься, медленно и тяжеломерно, стальные тросы визжали на плохо смазанных шкивах.

Сыны в клетке вместе с ним ничего не говорили. Три сервитора переключили свои системы в нейтральное состояние, и согнули свои руки-манипуляторы в положение готовности, чтобы возобновить работу.

Подъемник достиг уровня погрузочного моста, и остановился с тряской и тяжелым ударом тормозов. Сын распахнул дверь клетки в дальнем конце.

Сирдар ждал, пока сервиторы выкатывали первые тележки. Еще больше команд сервиторов и несколько потеющих рабочих приняли их, и начали катить по мосту.

Сирдар вышел из клетки. Он проверил предметы на своем планшете. Два офицера Сека стояли неподалеку с экскувитором, обсуждая варианты загрузки. Никто из них не узнал его.

Сирдар пошел рядом с громыхающими тележками и последовал с ними по мосту.

Никто не окликнул его.

Грузовые ворота крейсера Архиврага были широко открыты, чтобы принять его.

«Как мы откроем дверь, которой нет?» спросила Керт.

«Может быть, мы не должны,» сказала Лакшима.

«Повторите,» сказала Керт.

Лакшима повысила голос, чтобы посостязаться с постоянным воем клаксонов красного состояния.

«Я сказала, может быть, мы не должны, доктор,» сказала она.

Керт бросила на нее злобный взгляд.

Гаунт пробежался рукой по старой каменной кладке.

«Может быть, нам нужен бур,» предложил кто-то.

Гаунт обернулся. Рядовой Пердэй залилась румянцем.

«Я имею в виду, как в Пределе, сэр,» нервно добавила она. «Ну, знаете, подходящий бур. Просто думаю вслух...» Ее голос затих.

«В расположении дворца есть пробивное оборудование?» спросил Гаунт. «Аиды?»

«Должны быть,» сказал Белтайн.

«Подумайте, подумайте,» перебил Харк. «Как мы доставим фесовы Аиды сюда, вниз? Некоторые проходы между этим местом и транзитными площадками слишком узкие, и еще лестницы--»

«Может снаружи?» предложила Керт.

«Не жизненноспособно,» сказала Аурбен. «Даже если бы мы смогли собрать одного там.»

«Согласен,» сказал Санкто. «Толщина фундаментных стен. На это потребуются дни.»

«И где мы будем бурить?» спросила Аурбен.

«Кто-нибудь, найдите фесов план подвала,» сказал Гаунт никому в частности.

«Заряды,» прямо сказал Сариадзи.

«Вот *это* лучшая мысль,» сказал Харк, кивая.

«Стоп,» сказала Лакшима.

Все посмотрели на нее.

«С уважением, ваши дебаты предполагают, что мы *хотим* открыть подвал,» сказала она.

«Идите нафес,» сказала Керт.

«Шлите меня нафес сколько хотите,» ответила Лакшима. «Это вопрос безопасности. Вторжение варпа. Там что-то есть. Я думаю, что мы будем халатными в нашем долге Трону, если вскроем эту стены и позволим этому пробраться во дворец, в котором находится основная масса высшего командования крестового похода и персона магистра войны.»

Даур отвернулся. Харк сжал его плечо.

Сционы резко развернулись, подняв оружие. Грае возвращался, ведя с собой ученого инквизитора Онабель и двух дознавателей в робах.

«Пропустите их,» сказала Лакшима. Она взяла под локоть пухлую маленькую женщину и осторожно сжала его. «Грае проинформировал тебя?» спросила Лакшима.

«Да, мэм,» ответила Онабель. Она провела пальцами по своим кудрявым серебряным волосам. «Все наши приборы зашкаливает. Это вторжение серьезного уровня.»

«Достаточно серьезного, чтобы эвакуировать дворец?» спросил Гаунт.

Онабель опустила плечи. «Я не в праве говорить, высокий лорд,» ответила она. «Но я бы здесь не оставалась. Я здесь только потому, что меня призвали на работу. Я бы рискнула предположить, по крайней мере, что удаление на безопасное расстояние высшего эшелона может быть мудро. Это будет включать и вас, сэр.»

«Я остаюсь,» сказал Гаунт. «Белтайн, иди в военную комнату и...» он замешкался. «Нет, это должно исходить от кого-то с полномочиями. Вон Войтц не будет действовать по слову оператора вокса. Инквизитор?»

Лакшима кивком подозвала двух дознавателей. Она отдала им розетку своего ордоса. «Передайте Лорду Генералу Вон Войтцу все, что Лорд Исполнитель скажет вам.»

Они кивнули.

«Сообщите ему о немедленной эвакуации, включая старший состав,» сказал Гаунт. «Скажите ему, чтобы он вынес Макакота на своих плечах, если придется. Скажите ему... что Ибрам сказал вас это. Это безоговорочный приказ от Лорда Исполнителя.»

«Да, лорд,» ответили они, и поспешили назад туда, откуда пришли, подолы их роб поднимались позади них.

Онабель положила руки на стену.

«Здесь?» спросила она.

«Да,» сказала Лакшима.

Маленький ученый закрыла глаза. Она убрала одну руку от стены и прижала ее к груди. Другую она оставила на месте, ее указательный палец стучал по стене.

Они тотчас почуяли мерзкую ауру псионики. Пердэй закрыла свой рот. Сционы сделали шаг назад, обеспокоенные.

Чистая жидкость начала сочиться из каменной кладки, появляясь и стекая по стене вокруг ее руки, как тяжелые капли конденсации. Это ощущалось так, как будто кто-то открыл дверь морозильной камеры.

«Вода?» сказал Даур. «Потоп настолько высоко?» Он потянулся к каплям.

«Не надо,» сказала Лакшима.

«Это слезы,» сказала Онабель. Она продолжала стучать пальцем, зажмурив глаза.

«Слезы?» спросила Керт.

«С другой стороны этой стены много боли,» сказала Онабель. «Скорбь.» Ее голос был мягким, но крошечная пауза выдала ее увеличивающийся дискомфорт. «Я получаю голоса,» сказала она. «Люди... там мертвые люди. Другие кричат.»

«Мы можем услышать?» спросила Лакшима. «Ты сможешь вынести это?»

Онабель кивнула. Когда ее рот снова открылся, это был не ее голос, который появился.

«--не можем найти дверь! Здесь нет двери!»

Нельзя было ошибиться в голосе. Это был Мах Бонин. Они никогда не слышали его таким взволнованным, но это, неопровержимо, был он. Ученый не пародировал. Голос Бонина, продукт совершенно отличного набора вокальных звуков, исходил из ее рта.

«Мах?» сказал Гаунт, выходя вперед. «Это Гаунт. Скажите ему, это Гаунт.»

«Он на другой стороне стены?» спросил Санкто.

Лакшима помотала головой.

«Здесь нет фесовой двери, Еролемев!» сказал Бонин через рот Онабель. «Как такое нафес возможно?»

«Я не знаю, Мах. Мах? Мах? Там что-то, на лестнице.» Речь Онабель плавно переключилась на грубые, богатые модуляции Белладонского капельмейстера. Они,

так же, никогда не слышали его паникующим. «Мах, это на лестнице. Это все тени. Женщины кричат.»

«Сержант-майор!» закричал Гаунт на стену и ученого. «Сержант-Майор Еролемев! Это Гаунт! Вы меня слышите?»

«Сэр? Сэр?» губы Онабель продолжали двигаться, но голос Еролемева затих, как будто он ушел прочь. Громкость повышалась и снижалась, как передатчик, закольцованный на приеме и потере сигнала. «Мах, ты это слышал? Бонин! Я слышал кого-то. Я слышал Гаунта!»

Звуки от ученого стали невнятными. Приглушенные звуки. Эха слов.

«Бонин!» выкрикнул Даур, подходя к Гаунту. «Бонин? Это Даур! Дай мне знать, что ты можешь нас слышать.»

Голос, идущий от Онабель, внезапно захихикал. Отличный голос в другом диапазоне. Ребенок.

«Фес,» пробормотал Харк.

Керт кивнула. «Йонси.»

Хихиканье прекратилось. Рот Онабель продолжал беззвучно двигаться. Затем, внезапно, резко—

«Бан?»

Даур задрожал. Он изо всех сил боролся, чтобы взять под контроль искривление своего лица. Его глаза наполнились слезами.

«Бан?» Голос был громким и очень четким.

«Элоди?» ответил Даур.

«Бан, вытащи нас. Бан? Тень здесь. Мы не можем найти дверь. Все... все движется.»

«Элоди... мы пытаемся--»

«Все рассеялись. Женщины и дети. Здесь не было двери. Двери, просто, здесь не было. Тень поднялась. Плохая тень. Заполняя все. Люди – Бан? Ты все еще здесь?»

«Да,» прошептал он.

«Бан, любовь моя,» произнес голос Элоди, как будто она была просто по другую сторону шторы. «Бан, это убивает людей.» Она начала всхлипывать. Слезы текли из глаз Онабель и несколько капель стекли вниз по стене. «Я так напугана. Здесь везде кровь. Это прорезалось сквозь свиту и—Бан? Я думаю, что оно голодно. Я думаю, что оно ест, чтобы... чтобы стать сильнее. Чтобы вырасти. Оно заполняет все. Уровень крови поднимается--»

«Она имеет в виду уровень потопа,» прошептал Санкто.

«Нет, не имеет,» сказала Лакшима.

«Элоди?» соорудил гримасу Даур сквозь слезы. Его кулаки сжимались. «Элоди, оставайся на месте. Прячься. Мы проберемся внутрь.»

«Уровень крови поднимается. Тьма внутри нас. Она производит звук, который я слышала. Звук у Низкого Острия. Звук мясника. Юнипер говорит, что это пахнет, как машина скорби. Я так напугана. Вытащи меня отсюда. Вытащи меня нафес. Пожалуйста. Мне так жаль, Бан. Так жаль. Я была права. Я была права насчет нее, и я должна была сказать об этом раньше. Я должна была сказать. Я знала, чем она была. Я должна была заставить кого-нибудь прислушаться--»

Голос Элоди упал до отдаленного шепота.

«Ох, Трон,» выдохнула она. «Она прямо здесь.»

«Элоди?»

«Бан? Я люблю тебя. И всегда буду.»

«Я люблю тебя, Элоди. Я--»

Онабель затихла. Ее губы перестали двигаться.

«Элоди?» прошептал Даур, пристально смотря на ученого.

Онабель позволила своей руке соскользнуть со стены. Она повисла у нее сбоку. Она повернулась очень медленно и открыла глаза. Она уставилась прямо на Даура.

И открыла свой рот. И, каким-то образом, произвела звук, который было невозможно скопировать человеческим голосом.

Пронзительный визг пилы для костей.

Светосферы над головой разбились вдребезги со звуком выстрелов из автогана.

Онабель закашлялась, и кровавая слизь хлынула с ее губ. Она упала, дергаясь.

Даур осел на колени.

«Святой, фесов, Трон,» прошептал Белтайн.

Лакшима встала на колени рядом со своим раненым ученым. Керт подбежала к Дауру, и попыталась поднять его. Он отказывался двигаться, поэтому она, вместо этого, присела рядом с ним и обхватила руками.

«Принесите заряды,» сказал Гаунт. «Виктор? Принеси заряды, сейчас же. Взрывную команду. Мы снесем эту стену.»

«Мой лорд, мы не можем позволить этому выбраться,» сказала Лакшима. «Ни при каких обстоятельствах. Это ваш полк, я понимаю. Я понимаю ваше отчаяние. Но мы не можем позволить этой твари выбраться из подвала.»

Гаунт посмотрел на нее.

«Я думаю, что если это захочет выйти, то выйдет,» ответил он. «Я думаю, что оно может пройти сквозь эту стену, или любую стену, так же легко, как оно смогло запечатать дверь. Я думаю, что убить это нафес – единственный вариант. Таким образом, инквизитор, заткнитесь нафес.»

«Я принесу заряды,» сказал Харк.

Аурбен положила руку на руку Гаунта. Он посмотрел на нее. Она кивнула в конец группы позади них.

Беати сидела на полу рядом с уничтоженным передатчиком Вокса Белтайна все время. Она не произнесла ни слова. Она не произвела ни звука. Она просто сидела, как будто хроническая усталость, в конце концов, полностью ее поглотила.

Она поднялась на ноги.

«Если мы оставим это там, оно будет продолжать питаться и становиться сильнее,» сказала она пустым голосом. «Я пыталась сфокусироваться. Пыталась... пыталась узнать.»

«Узнать?» спросил Гаунт.

«Узнать, что я должна делать.»

«Вы должны уйти,» сказал Грае. «Вы и магистр войны. Весь жизненноважный персонал. Оно здесь, чтобы убить, чтобы уничтожить командную структуру--»

«Да,» кивнула Беати. «Это оружие Херитора. Старое. Редкое. Асфодель создал его. Его самая лучшая и наиболее кошмарная работа. Машина скорби, не похожая ни на одну другую. Она росла все это время, училась, выросла.»

«Откуда, фес вас, вы все это знаете?» резко бросила Керт.

«Он мне сказал,» сказала Беати. «Потому что я спросила, и я ждала, и он ответил.»

«Кто?» спросила Керт.

Беати посмотрела на нее с печальной улыбкой, как будто ответ был недвусмысленным.

«Унесите своего бедного ученого,» сказала она Лакшима. «Капитан Даур? Мне нужно, чтобы вы тоже ушли. Отступить. Поднять оружие.»

Лакшима и Грае унесли Онабель. Даур встал, и позволил Керт отвести себя в сторону. Остальные подняли оружие со стуком заряжающихся зарядов, убирающихся предохранителей и вставляющихся обойм.

Беати приблизилась к стене.

«Погодите,» сказал Гаунт. «Вы слишком ценны.»

«Никто не слишком ценен, Ибрам,» ответила она, «и ни одна жизнь не одноразовый предмет.»

Она протянула руку и прикоснулась к точке, по которой стучала Онабель. Не было никаких церемоний, никаких фанфар, никакого предупреждения. Каменная кладка раскрошилась. Она рухнула под ее кончиками пальцев. Блоки упали наружу и поскакали по полу. Некоторые рассыпались в пыль. Пролом расширился, расходясь от ее прикосновения. Секция побеленной стены, в три метра в ширину, изогнулась, сложилась и упала в темноту с грохотом, подобным лавине.

Пыль кружилась вокруг них, сверкая в красных прицельных лучах направленного оружия Сционов.

Появилась зазубренная дыра, похожая на вход в пещеру. За ней, воздух был мягкой чернотой с оттенком красного. Они могли чують дым, зловоние сточных вод. Кровь.

Беати вытащила свой меч. Она выглядела истощенной и слабой, как будто рухнувшая стена высосала ее уменьшившиеся силы еще больше, но ее голос был сильным.

«Мы убьем это,» сказала она. «Мы убьем это до того, как оно наестся и станет достаточно сильным, чтобы убить нас.»

Ординат Ян Жерик снова проверил свои часы. Чуть больше часа до середины ночи. Согласно расписанию, силы Коррода должны быть сейчас в точках выхода. К рассвету, Урдеш может стать другим миром, местом новых шансов и возможностей. В самом деле, облик Миров Саббат, как целого, должен был начать меняться.

Он резко захлопнул украшенную гравировкой серебряную крышку часов и положил их назад в карман своего жилета. Час до середины ночи. Было тихо. Залы Дома Гентези были почти тихи, и только ночной персонал был на своих местах. Снаружи, дождь утих, и восточный ветер дул над Великим Заливом, гоня огромные группы темных облаков вдоль юго-западных границ города, черных на фоне грифельно-черного неба. *Кромешная тьма*. Так, как он понимал, называли это солдаты.

Все это казалось слишком тихим и спокойным для такого значимого момента. Мир, подумал он, должен был разваливаться на части, когда происходили такие фундаментальные перемены.

Будут трудные и сбивающие с толку времена впереди, конечно же. Он это понимал. Экзистенциальные переходы были болезненными. Но Урдеш претерпел множество

таких переходов за свою историю. Он стал эластичным. Его усилия будут фокусироваться на поддержании безопасности дома, и на обеспечении гарантий того, чтобы Архонт и его магистры ценили и помнили должным образом роль его конклава. Это будет эра обновления, и конец долгого конфликта, который продолжал заставлять их прятаться, как голодных собак, и концом десятилетий войны, которая сотрясала Миры Саббат. Душащий контроль тиранов Культа Механикус будет разрушен, и конклавы будут свободны, чтобы процветать снова так, как они процветали поколения назад. Они будут мастерами-творцами мира-кузни, и Урдеш будет драгоценным, бьющимся сердцем новой эпохи. Нового Архоната.

Это было объяснено и обещано ему неоднократно посредниками, которые часто посещали его за последние два месяца. Некоторые были главарями мятежников, другие вольными техно-разбойниками из пустошей. Один или два раза, офицеры Сека в дождевиках с капюшонами появлялись на погрузочных площадках дома глухими ночами. Некоторые говорили на языке Яна Жерика, в то время, как другие приводили с собой сервиторов в качестве переводчиков. Один говорил голосом, который вылетал из него, как хрип порванных мехов.

Обещания были однообразными. В ответ на его помощь и особые разведывательные данные, Гентези будет сбережен и награжден. В последствие, у него будет приоритетный доступ к еде и ресурсам, а после этого, будет заключен договор, гарантирующий ему право приоритетного выбора контрактных проектов и заказов на производство. Ян Жерик уже составил всеобъемлющий список кузнечных активов и индустриального оборудования, которые он потребует в качестве соответствующей компенсации для Гентези, так же, как и заказы на поставки рабочей силы, которая ему потребуются.

Война подходила к концу. Она не закончится сразу же, и последуют тяжелые годы, пока разбитые силы побежденных не будут извлечены из Миров Саббат и не будут обращены в бегство. Но это будет победа, долгожданная победа, и она начнется в эту самую ночь. Разгромленные и опозоренные, крестоносцы не предпримут попыток вернуться в ближайшие поколения. Им потребуется целая жизнь, чтобы оправиться от проигрыша, и собрать силы, достаточные, чтобы обдумать перспективу новой кампании.

Целая жизнь, если не больше.

Ян Жерик снова вытащил свои часы, проверил их, и снова убрал. Коррод должен быть на позиции. Хадрел должен быть на позиции. Будущее зависело от этих сверхъестественных созданий. Не было никакого способа узнать, что и ними. Один незапланированный продув термальной сети мог уже с ними покончить, и никто бы не узнал. Настанет рассвет и будущее будет неизменным. Надежда на победу невидимо пройдет мимо.

Но вещи должны были продолжаться в предположении, что они преуспели. Планшет с данными лежал рядом с его стаканом амасека на лакированном боковом столике. На нем был пакетный код, написанный на шифре Архиврага, предназначенный, чтобы распространяться через широкополосный вокс на нижнем частотном канале, используемом коммуникационной сетью Архоната. Призыв к оружию. Приказ подняться всем силам инсургентов на изорванных окраинах города и за ними. Элтат был уязвимым местом. Здесь были ячейки, окопавшиеся везде, даже во внутренних кварталах, вместе с боевыми отрядами Сека, которые залегли в городе вместо того, чтобы сбежать вместе с общим отступлением несколькими днями ранее. Пакетный код одобрял их отвагу и смелость, обещал им духовные награды и освобождение, и обозначал критические цели.

Они не будут чем-то большим, чем шумом, насильственным вмешательством, направленным на то, чтобы затуманить ситуацию и оттянуть внимание Имперцев от ключевых целей.

Конечно, если Коррод был уже мертв, восстание будет бессмысленным рычанием, без промедления подавленным дивизиями Милитарума без каких-либо результатов. А передача пакетного кода будет отслежена, и Гентези будет стерт по обвинению суда крестового похода.

Ян Жерик подумал о Корроде, о мерзости, которая раскрыла себя в грузовом элеваторе. Образ заставил его вздрогнуть. Он связал свой Дом с нечеловеческими созданиями. Это был страшный выбор. У него было множество сомнений за последние несколько недель, и не в последнюю очередь при виде несомненно бесполезных бедолаг Коррода, когда они впервые появились у двери дома. Это был выбор между продолжающимся ярмом рабства Омниссии Золотого Трона, и

перспективой на эпоху без лишений хронической войны. Он, все еще, не понимал, мог ли он доверять варп-словам ангелов-оборотней Сека. Он боялся их ужасной красоты. Но он знал, на что похожа целая жизнь под плетью жречества Марса.

Он узнавал настоящих монстров, когда видел их. Он знал, где находится свобода. Жизнь была серией выборов, и каждый выбор содержал в себе непостижимый риск.

Он снова потянулся за своими часами и остановил себя с улыбкой. Ему не нужно было знать время, потому что это больше ничего не значило. Он сделал свой выбор часом раньше, когда послал пакетный код.

Он сел, и стал ждать, когда рассвет принесет то, что принесет.

Вон Войтц снова посмотрел на розетку ордоса, а затем отдал ее назад ожидающим дознавателям.

«Это от Лорда Исполнителя?» сказал он.

«Я в точности повторил его слова, лорд,» ответил один из них. «Он настаивал на этом.»

Вон Войтц кивнул, и они отступили назад. Мгновение он стоял и обзревал военную комнату. Ему пришлось спустить на основной этаж, на свое любимое место среди столов стратегиума и суматохи тактического персонала. Они были в красном состоянии большую часть часа. Знаки все еще моргали на предупредительных табло, хотя ему пришлось выключить бесконечно звучащие клаксоны, чтобы дать им возможность думать.

Он пошел на свой пост, и быстро написал общий приказ в сигнальном блокноте. Он оторвал лист и вручил его посыльному.

«Доставь это в караульную,» сказал он. Он посмотрел на свою консоль и начал набирать свой код авторизации.

«Вы вошли в Центральные Секретные Командные Записи,» тотчас сказал адепт за столом рядом с ним.

«Я знаю,» сказал Вон Войтц. Он продолжил печатать.

«Этот пакет приказов будет передан по Общей Полосе Частот на все станции,» сказал адепт.

«Надеюсь, что так,» ответил Вон Войтц. «Я не настолько стар, чтобы чертовски ошибаться в шифровании.»

«Вы зарегистрировали Приоритетный мандат Красного Состояния. Это будет Безоговорочным и Общим Приказом для всего личного состава на территории дворца.»

«Да, будет,» сказал Вон Войтц.

«Что происходит, Бартол?»

Вон Войтц поднял взгляд от клавиатуры. Уриенц пересекал военную комнату, чтобы присоединиться к нему.

«Мне приказали полную эвакуацию.»

«Ты, определенно, шутишь?» Брови драчливого лица Уриенца сузились.

«Нет. Прямой приказ от Лорда Исполнителя.»

«Значит, это нападение?» спросил Уриенц.

«В подуровнях что-то происходит,» сказал Вон Войтц.

«Ну, они туда не пробрались,» сказал Уриенц.

«Гаунт говорит, что что-то пробралось. Вторжение. Очевидно, есть что-то, что он считает очевидной угрозой.»

Он продолжил печатать.

Уриенц взял его за запястье, мягко, но твердо. «Макарот не примет это, Бартол,» сказал он.

«Ну, он не в положении, чтобы спорить.»

«Я сделал то, что просил Гаунт,» сказал Уриенц. «Я пошел к Макароту. Как обычно, он был взбешен тем, что его прервали. Мне пришлось вынести еще одну его тираду. Я

его практически не понимаю, когда его злость вырывается. Он осведомлен, что в подвальных уровнях есть ситуация. Он полагает, что это--»

«Что?» спросил Вон Войтц.

«Неверная идентификация. Возможно, продукт технических проблем, возможно, какое-то удаленное влияние Архиврага. Отвлечение внимания, Бартол. Макарот настаивает, что любая значительная контратака Архиврага на расстоянии недели, как минимум. Нет ничего значительного внутри ста двадцати километров от Элтата. Смотри, за последние два часа мы перешли с янтарного статуса на красное состояние, плюс вторую инструкцию. Макарот в ярости. Враг ткнул в нас чем-то, пытаюсь заставить нас танцевать джигу и потерять хватку на игре. И мы танцуем, Бартол. Танцуем, как идиоты.»

Вон Войтц бросил на него сердитый взгляд. «Беати поддерживает беспокойство Гаунта,» сказал он.

«И хвала ей,» сказал Уриенц. «Но она номинальный лидер, полевой командир. Не ей руководить стратегией. Эвакуация, Бартол? Это будет катастрофа. Если под этим есть что-то основательное, то это психологическая атака, направленная на то, чтобы напугать нас и ввести в замешательство перед штурмом на следующей неделе. Эвакуация - это именно тот хаос, который она должна вызвать. Банды Сека прокатятся по линии Гризмунда на юго-востоке и обнаружат высшее командование, разбившим лагерь на улицах и срушим в дверных проемах.»

«У меня приказ, Витус,» сказал Вон Войтц.

«Ну, тогда магистр войны получит твои яйца в подписанной коробке, если ты ему последуешь.»

Вон Войтц покачал головой. «Я знаю Гаунта,» сказал он. «Он представляет из себя много чего. Но он не дурак. Если он говорит, что есть причина, значит, есть причина. Ради Трона, Уриенц, он повидал много больше такого дерьма из первых рук, чем ты или я. И это, все равно, неважно. Он – Лорд Исполнитель. Это его приказ.»

Уриенц пожал плечами. Его широкая, мощная фигура растянулась под его сшитым на заказ голубым мундиром.

«Твои похороны,» сказал он.

«Лучше мои, чем чьи-то еще,» ответил Вон Войтц.

Он улыбнулся своему приятелю лорду.

«И твои тоже, на самом деле,» добавил он. «Собери эскорт и выведи магистра войны из дворца.»

«Вот ты ублюдок,» ответил Уриенц, с сожалением покачав головой. «Ты не можешь приказать это Люго?»

Адепт у ближайшей станции выкрикнул и поднял бланк с полученным сигналом. Маршал Тзара быстро подошла и взяла его. Она пронесла его сквозь давку на этаже Вон Войтцу и Уриенцу.

«Оповещение от надзора сети вокса,» сказала она, хмурясь. «Неразрешенная передача обнаружена около часа назад. Пакетный код, широковещательный, небольшой.»

«Источник?» спросил Вон Войтц.

«Вэйпорилал или Милгейт. Она работают, чтобы вычислить источник.»

«Может быть одни из наших, отбившиеся от передовой,» сказал Вон Войтц.

«Чертовы Хеликсидцы, без сомнения,» добавил Уриенц.

«Нет,» сказала Тзара. «Это было зашифровано. Отдел шифрования ищет ключ. Это не шаблон Трона. Уровень шифра на семьдесят восемь процентов похож на код Кровавых миров, вероятно войска Сека.»

«Что они делают, транслируя оттуда вниз?» спросил Вон Войтц. «Это за линией фронта.»

«И они рисуют цели на своих спинах,» сказал Уриенц. «Двадцать минут, и мы придем Валки на их позиции.»

«Вызовите их,» сказал Вон Войтц. «Как только мы их обнаружим.»

«Проблема не в том, кто это отправляет, и как быстро мы сможем их уничтожить,» сказала Тзара. Ее тон был грубым и серьезным. «Проблема в том, кто слушает. Широковещательный передатчик такой мощности... это может быть получено только внутри границ города.»

Вон Войтц взглянул вверх. Начальник секции у четвертой станции стратегиума только что поднял руку, сжимая бланк. Через секунды, еще одна рука поднялась у шестой станции, затем две у восьмой. Три у тактической станции. Две у передового наблюдения. Одна у координации вокса. Пять, одновременно, у акустического отслеживания. Все еще поднимались руки, размахивающие формами.

«Дерьмо,» сказал Уриенц.

«Озвучить!» приказал Вон Войтц.

«Доклаживают о стрельбе из малокалиберного оружия в Албарппане,» прокричал в ответ начальник секции.

«Непрерывный оружейный огонь, возможно, ракеты, из Восточного Вэйпорила в Милгейт,» прокричала женщина у шестой.

«Отслеживаем минометы, два или три, область Площади Антиун,» выкрикнул адепт у восьмой. «Быстрый, устойчивый, постоянный огонь.»

«Оружейный огонь, со стороны порта. Оружейный огонь, Подъем Лахтел. Оружейный огонь, Склон Укрытия.»

«Активность по воксу, узкая полоса частот, территория Квартала Калин. Переговоры воинов Сека.»

«Взрывы в Округе Плэйд и примыкающих дорогах. Здания в огне.»

«Доложено о движении, Милгейт и рядом с ним. Нет подтверждения о врагах, но, так же, нет никаких тегов идентификации и никакого ответа.»

«Первостепенная задача, получить ответ!» заорал Вон Войтц. «Маршал, отслеживайте сейчас же. Мне нужны цели для городских батарей.»

«Есть!» ответила Тзара.

«Поднять воздушное прикрытие!» прокричал Вон Войтц, поворачиваясь ко второй станции. «Вызвать его, вызвать его! Подавление и сдерживание! Дивизии поддержки мобилизовать через пять минут, или я насажу их головы на колья!»

Он посмотрел на Уриенца.

«Выведи Макарота,» сказал он.

«Ты, все же, продолжишь эвакуацию?»

«Это не чертово совпадение, Витус. Подготовь птичку, чтобы вывезти его из города.»

Уриенц кивнул и ушел. Вон Войтц повернулся к своей станции. «Мне нужен прямой вокс с Гризмундом, Келсо и Булледином в течении трех минут! Пошлите рекомендательные сигналы Сайбону и Блэквуду. Скажите им ждать инструкций. И найдите мне Люго!»

Он потянулся к своей клавиатуре. Его экран замерцал и погас.

«Какого черта? Техника сюда!»

Он поднял взгляд. Раздавались глухие удары и умирающий стон энергии, пока ближайший к нему стратегиум отключался. Голокарты, которые он показывал, задрожали и исчезли. Один за другим, стратегиумы по всей военной комнате моргали, вздыхали и отключались. Пока столы отключались, основные экраны становились темными в быстрой последовательности.

Затем лампы над головой замерцали и отключились.

«Энергия отключилась! Энергия отключилась!» прокричал адепт.

«Да ну нахер!» рявкнул Вон Войтц над шумом голосов. «Запустить резервное оборудование, сейчас же!»

«Переключаемся,» ответила адепт. «Автоматического переключения не произошло. Снова пробуем... Резервное оборудование отказало! Резервные генераторы отказали!»

«Они не могут отказаться,» прорычал Вон Войтц. «Перезапустить! Запустите их!»

«Техническая служба докладывает.... резервные батареи истощены,» сказал адепт. «Вспомогательные генерирующие системы испытывают критическую потерю емкости. Никакой энергии не поступает в системы дворца. Никакой энергии к центральному воксу. Никакой энергии к резервам военной комнаты. Ауспекс не работает. Сеть обнаружения не работает. Орудийный контроль не работает.»

Она посмотрела на Вон Войтца в полумраке.

«Пустотные щиты не работают,» сказала она.

«Святой сраный Трон,» прошептал Вон Войтц.

Ферди Колосим вставил незажженную сигарету с лху себе в рот и зажал ее зубами, гримасничая. В такую темную ночь, он не мог зажечь ее на открытом месте.

Небо было огромной пеленой красновато-черного облака, низкого и угрожающего. Оно растянулось над неосвещенным городом, как саван. Колосим едва мог разглядеть очертания Элтата. Условия тотального отключения все еще были в силе. Он заметил несколько точек света; мигание маяков пилонов, огоньки маленького здания, похожие на далекие звезды, прожектора, освещающие что-то на юго-западе, краткий продувочный огонь из перьев газа в Милгейте.

Дождь прекратился. В темноте был запах влажной земли. Поднялся легкий бриз, шевеливший мусор на пустоши слева от него. Бриз ощущался, как прелюдия к чему-то более сильному, может быть, к большому шторму, который мог придти из залива к рассвету.

Молния зарычала в низком облаке. В ней не было слишком много искр, но бормочущие вспышки позволяли ему обрывочно видеть город на секунду каждые несколько минут, высокую линию горизонта на востоке, зубастые силуэты шпилей и жилых зданий.

Подошел сержант Брэй, без усилий не делая ни звука на щебне.

«Мы закрепились?» спросил Колосим.

«О, да. Все четыре подразделения, слева и справа от подъездной дороги. Проволока срезана. Мы расположили команды поддержки, прилично, на широком пространстве с фокусом на дорогу. Огневые позиции растянуты на расстояние около километра.»

«Транспортники?»

«Все отведены с дороги. Поставили их боком, на случай, если нам понадобится укрытие. Разведчики выдвинулись на оба фланга. По большей части, по обе стороне разбомбленные руины на пять километров.»

Колосим повернулся и посмотрел вверх по подъездной дороге в направлении ЭМ 14. Оно было единственной смутной освещенной вещью вокруг. Он мог видеть свечение огней заставы. Дорога была темной. Стальные столбы крепко стояли на месте там, где они не смогли вытащить их. Вытянутые тени от некоторых транспортников были едва видны.

«Тихий порядок?» спросил Колосим.

«Все ведут себя хорошо,» ответил Брэй. «Довольно приличный уровень бдительности, на самом деле.»

«Активная цель очищает разум,» сказал Колосим.

Брэй кивнул в сторону комплекса Механоядра.

«Задерживаются,» сказал он.

«Волокита. Нежелание,» сказал Колосим. «Жрецы не любят сотрудничать. Паша, вероятно, читает им нотацию.»

Его микробусина пропищала.

«Колосим, говорите.»

«Каобер. Вы заметили это?»

«Будь поконкретнее.»

«Эм, минометы. Минометный огонь. Юго-запад.»

Колосим бросил взгляд на Брэя.

«Здесь ничего,» сказал он по связи. «Иду к тебе.»

Они пошли вниз по небольшому склону и перебежали дорогу в направлении пустошей на другой стороне. Колосим мог видеть Призраков, согнувшихся вокруг него, складки их плащей с капюшонами заставляли их смешиваться с кучами камней и плитами разломанного рокрита, которые они использовали в качестве укрытия. Он и Брэй двигались позади их внешней линии. Каобер появился из темноты.

«Минометы?» спросил Колосим.

«Звучало похоже,» сказал Каобер большому рыжеволосому.

Они на мгновение прислушались, и не услышали ничего, кроме бриза, шевелящего мусор. Появилась слабая вспышка молнии.

Секундой позже, медленный, мягкий звон грома.

«Не минометы,» сказал Брэй.

Каобер помотал головой. «Только что это не был гром. Более акцентировано. Небольшая порция взрывов. Я ставлю деньги на то, что это минометы.»

«Ну, это вполне может идти с передовой,» сказал Колосим. «По ту сторону Тулкара оживленно.»

«Мы не сможем услышать этого,» сказал Каобер. «Не на таком расстоянии, при этих условиях. Это было ближе.»

Брэй нахмурился. «Слушайте,» сказал он.

«Что?» спросил Колосим.

Брэй поднял палец, его голова была наклонена, чтобы прислушаться.

Пуф-пуф-пуф.

«Это тоже не минометы,» сказал Колосим.

Пуф-пуф-пуф.

«Это фесовое стрелковое оружие,» сказал Брэй. «Автоган.»

Колосим потянулся к своей бусине.

«Будьте наготове,» сказал он.

Отдаленное потрескивание прекратилось. Прошла, примерно, минута, и они начали слышать намного более громкие трески, похожие на ломающиеся ветки.

«Лазерное,» сказал Брэй.

«Определенно,» сказал Каобер.

«Что вы думаете?» спросил Вадим со своей позиции поблизости. «Инсургенты?»

«Должно быть,» сказал Колосим. «Это не могут быть отряды Сека так глубоко.» Он надеялся, что он прав. Край города был далеко от безопасности, но они были намного внутри внутреннего кольца. Если это была сила Сынов, величиной в роту, значит, кто-то где-то допустил большую тактическую ошибку. Мятежники – это тоже было достаточно плохо. Маленькие атакующие ячейки все еще скрывались в Элтате, тихонько лежа. Они выяснили это своей собственной ценой в размещении у Низкого Острия.

Они не могли видеть первые несколько выстрелов. Затем струи ярких разрядов ярко вспыхнули, врезаясь в кустарник позади них. Два или три сначала, затем внезапное их изобилие, летящее из дюжины источников. Они мерцали и проносились над дорогой, ударяясь в камни, поднимая пыль с края дороги, и разбрасывая камни и щебень. Очередь прошла горлышко подъездной дороги, и Колосим услышал резкий звук лопнувшей струны, когда столб забора был разрезан надвое.

«Спокойно,» сказал он в микробусину. Он переключил каналы. «Командир Роты R, командир роты R, это арьергард. Имейте в виду, что у нас контакт у ворот.»

«Принято, арьергард.»

Колосим переключил каналы.

«Всем позициям, не стрелять. Давайте посмотрим, насколько оживленным это будет.»

Прилетела вторая очередь, пронзая ночной воздух яркими дротиками. Лазерный огонь начал бить по передовым позициям, раскалывая каменные укрытия.

«Они корректируют,» сказал Брэй. «Теперь врезаются ближе.»

Где-то в темноте начало грохотать орудие поддержки. Пулевое орудие .30 калибра, с расчетом. Выстрелы прошли вдоль линии от внешнего столба забора до ближайшего транспортника. Они услышали шлепки, когда тяжелые пули пробили кузов, а затем разнесли ветровое стекло. Стрельба прекратилась, затем они услышали, как она снова началась, характерный стучащий кашель ленточного подающего механизма. В этот раз оружие выплевывало голубые трассеры, каждую десятую пулю.

Осветительные пули казались плывущими и медленно перемещающимися, пока они прилетали, нащупывая расстояние.

«Сина,» сказал Колосим по связи.

«Сэр.»

«Они дают нам трассеры. Ты видишь источник?»

«Отсюда угол плохой, сэр.»

«Мелир?» сказал Колосим.

«Сэр, если он продолжит бросаться этим в нас, я смогу сузить это до, примерно, десятиметровой зоны.»

«Не будь жадным, Мелир. Просто сделай месиво из всей территории.»

«С удовольствием, сэр.»

«Засади им, пожалуйста,» сказал Колосим.

В сорока метрах от него, одна из позиций орудий поддержки открыла огонь. .30 завывало около десяти секунд.

Когда оно прекратило стрелять, трассеры прекратили прилетать.

«Спасибо, Мелир. Сделай это снова, если это снова вернется.»

Колосим не услышал ответ Мелира. Ночь исчезла от интенсивного обстрела из стрелкового оружия. Дождь из лазерных зарядов и пуль пронесся по их позиции. Объединенный рев ощущался запредельным после долгой тишины. Если это были инсургенты, там их было очень много, и они действовали с тревожной эффективностью. Колосим предположил, что было восемьдесят или девяносто стрелков. Как ячейки объединились для такого?

На протяжении тридцати секунд обстрел был настолько интенсивным, что заставлял их не поднимать головы. Шум казался оглушительным. Полотно из дыма и поднятой пыли катилось от щебня.

Колосим перекатился на спину, и подстроил свою микробусину.

«Ладно,» сказал он. «Они сами напросились на это.»

Он лежал на спине мгновение, смотря, как лазерные заряды порхают над ним, ослепительные на фоне черного неба.

«Полный контакт, полный контакт,» приказал он. «Всем позициям. Сожгите их нафес.»

В тот же момент, как он сказал, четыре готовых роты Призраков открыли огонь. Световой удар осветил всю территорию ворот.

Вот теперь шум был по-настоящему оглушительным.

Майор Паша быстро шла по полированной галерее базы Механикус позади двух адептов-смотрителей. Элам и Ладд вели отряд Призраков позади нее. Позади них, Крийд, Тейсс, Спетнин и другие ротные офицеры размещали отряды, чтобы прикрыть переднюю половину комплекса.

Место было обширным, а планировка сложной. Здесь были ярусы из полированной меди и богато украшенные стены покрытые ржавчиной. Глубокие турбинные залы пульсировали энергией, и пересекались накрест висячими мостиками, которые могли легко стать помехой стандартным практикам прикрытия. Машинные мастерские бренчали силовыми инструментами, танцующими вместе с искрами. Боковые проходы давали доступ в крионические отсеки, и были омыты холодным синим светом.

Везде, куда бы они не шли, сервиторы и адепты в капюшонах пристально смотрели на них с любопытством и подозрением. Они могли слышать приглушенные тики и бормотание на машинном языке, когда адепты шептались друг с другом. *Пришлые, чужие...*

На полпути по сводчатой галерее внутреннего двора, Пашу встретили старший техно-жрец и стройный молодой человек в черном. Двое адептов-смотрителей отступили назад и встали по стойке смирно, их дендридные пальцы держали их посохи-оружие вертикально.

«Паша, команду Танитским Первым,» сказала Паша, резко сотворив символ аквилы.

«Синдре, дознаватель, Ордо Еретикус,» ответил бледный молодой человек. «Я представляю Версенджинсира Этруина, главу исследований.»

Жрец в капюшоне кивнул. Электроды в виде рисунка Мандельброта в плоти его горла зарябили светом. Он выпустил мягкое жужжание кода.

«Вы в курсе о нашем деле здесь?» спросила Паша.

«Застава передала детали,» сказал Синдре. «Механикус официально протестуют против этого вторжения Астра Милитарум.»

«Вторжения?» спросила Паша, сбитая с толку.

«Все эти Гвардейцы. Так много. Сколько рот вам нужно привести в святость Механоядра?»

«Достаточно,» сказала Паша. «Я отмечаю, что жречество протестует против вторжения Милитарум, но не протестует против присутствия инквизиции.»

«Вы не слишком хороши в политике, так ведь?» сказал Синдре.

«Не хватает для этого призвания,» сказала Паша.

«Ладно, во-первых, я не размещал здесь полк,» сказал Синдре. «Во-вторых, я прикреплен к исследовательской работе. У ордоса фундаментальный интерес к этим

предметам. И, в-третьих, версенджинсиру нужно мое содействие в качестве посредника. Если только вы не говорите на мехмата гипер-бинерике?»

«Не говорю,» сказала Паша.

«Это позор, капитан.»

«Майор,» сказала Паша. Она постучала пальцем по знакам на воротничке. «Просто точки. Не так трудно запомнить. Если вы не можете отличить точки от точек, я удивляюсь, как вы можете отличить ересь от дыры в земле.»

Техно-жрец произвел настойчивый, жужжащий звук. Синдре кивнул.

«Мы находим ваш тон агрессивным, Майор Паша,» сказал Синдре.

Паша пожала плечами. «Агрессивным? Я солдат. Агрессивность – моя мать. Она может перегрызть вам горло прямо сейчас. Гррр! *Перегрызть.*»

Паша схватила за свое горло для выразительности.

«Теперь, орлиные камни, пожалуйста, спасибо,» сказала она.

«Это неприемлемо,» сказал Синдре. «Камни – артефакты ксеносов, под охраной. Ни Механикус, ни Ордо Еретикус еще не выяснили их потенциал или использование. Было несомненно ясно, что они должны оставаться в наших руках на время. Это было дано, подписано Милитарумом, офисом магистра войны, Службой Разведки, вашим командующим подразделения, Гаунтом, и моим коллегой, Шивой Лакшимой.»

Паша кивнула, как будто размышляя над этим.

«Я скажу вам, что неприемлемо,» сказала она. «Я здесь, прошу у вас вещи. Это не предмет для переговоров. Мой арьергард уже в жарком контакте с Архиврагом у вашего порога. Мой командир подразделения, 'Гаунт', как вы назвали его с шокирующим отсутствием уважения, Лорд Исполнитель. Лорд Исполнитель? Вы знаете, что это? Мои приказы – это его воля, а его воля, с ней не может соревноваться Ордо Еретикус, Механикус Марса, Служба Разведки, моя фесова мать, или что угодно. Так же, я очень вежливо попросила вас, пожалуйста. А теперь, доставьте мне орлиные камни, готовыми к перевозке, или я воткну свой ботинок вам в задницу и пойду заберу их сама.»

«Я бы сделал это, будь я на вашем месте,» сказал Ладд. Он стоял рядом с Пашей со сложенными на груди руками. «Я бы побежал и сделал это. Она не шутит.»

Синдре сердито посмотрел на них.

«Я донесу об этом старшему ордоса,» прошипел он.

«А он обсудит это с Лордом Исполнителем,» сказала Паша. «Потом все будут счастливы, пока они Лорд Исполнитель.»

Исполнительные механизмы техно-жреца зажужжали.

«Сюда,» сказал Синдре, делая жест позади себя.

Паша ухмыльнулась.

«Вы милый человек,» сказала она. «Не важно, что другие мальчики в ордосе говорят о вас.»

Они последовали за Синдре и Этруином по галерее. Пока он шел, Синдре сделал жест в одну сторону, а затем в другую. Двое адептов-смотрителей остались на месте, но шесть скитариев появились из теней и разместились позади группы Призраков, по трое с каждой стороны. Они двигались идеально синхронизированным шагом.

«Ожидаете проблемы?» спросил Ладд.

«Безопасность повышена,» ответил Синдре, «Урдешский Дворец издал рекомендацию о янтарном статусе для Элтата этим днем. Скитарии – это мера предосторожности. Мы счастливы иметь их. Всего лишь несколько осталось на Урдеше в эти дни.»

Скитарии были боевым подразделением Культа. Они были такими же высокими, как и адепты-смотрители, но казались больше из-за бронированной массы и широких плечей. Они были скитариями Урдешского Культа Механикус, и носили традиционные двойные робы: короткие черные плащи поверх более длинных красных мантий. Немногое осталось от их первоначальной органики. Их аугментические руки были голыми металлическими когтями, сжимающими оружие у своих грудей. Их лица были серебряными масками, полированными до зеркального блеска. Зеленые точки светились в глубоких углублениях глазных щелей. У четверых у

грудей были архаичное стрелковое оружие: античные гальванические ружья. У остальных двоих – членов офицерской касты, обозначенной замысловатой гравировкой, которая покрывала их стальные черепа – черные металлические посохи, которые были в полтора метра длиной, простыми версиями церемониальных посохов, которые были у адептов-смотрителей.

Не прерывая быстрого шага, Этруин взмахнул своим актуатором, и открыл массивный позолоченный противовзрывной люк, затем второй, а затем титановую диафрагму шести метров в диаметре. Холодный, стерильный воздух пахнул на них. Они спустились по металлической рампе в огромный лабораторный зал. Полированные хромированные рабочие столы блестели в пятнах сильного, направленного света. Каждый стол был оснащен манипуляторной робототехникой: длинными, тонкосочлененными легкосплавными конечностями, которые изгибались над каждой рабочей поверхностью, готовые к активации и началу работы. Они выглядели, как пауки, прицепившиеся к краю каждой рабочей станции. Они дремали, выключенные, с поднятыми и раскинувшимися конечностями, как руки, поднятые в приветствии.

«Доступ к крипте К Репозитория Гносис,» сказал Синдре тройце адептов логис.

«Крипта К открыта и ожидает,» ответил один синтезированным голосом.

Синдре провел их через лабораторию. Компрессионный люк разошелся с пневматическим шипением. Что было по ту сторону, напоминало отсек для содержания под арестом. Пол был подсвечен, а общее освещение было на низком уровне. Толстые трубы пролегли вдоль одной стены, соединяясь со сложным соединением из трубопроводов и вертикальных труб в дальнем конце отсека. Массивные люки разлиновывали другую сторону. Световые бусины вокруг каждого люка светились красным, за исключением одного люка в дальнем конце, где бусины светились зеленым.

Этруин вошел в отсек, за ним последовали один из офицеров скитариев и один из касты воинов. Синдре шел с командой Паши. Другой скитарий остался в лаборатории у люка.

«Ждите,» сказал Синдре. «Это Репозиторий Гносис. Крипты-сейфы содержат их наиболее драгоценные реликты. Версенджинсир осуществит изъятие.»

Призраки остановились. Этруин прошаркал и подошел к освещенному зеленым люку. Он потянул за поручень, и дверь крипты распахнулась на гальванических петлях. Этруин замер на мгновение, пристально смотря в крипту, омытый мягким белым светом, который струился из нее.

Его актуатор зажужжал.

«Что ты имеешь в виду?» спросил Синдре, делая шаг вперед.

Лазерные заряды вырвались из открытой крипты, попадая Этруину в бедро, живот, грудь и голову. Он отшатнулся назад и упал на стену позади себя.

«Трон живой!» закричал Синдре. «Закреть крипту! Закреть крипту-сейф К!»

Еще больше зарядов пронеслось по отсеку. Второй стрелок, вне поля видимости в системе трубопроводов в дальнем конце. Синдре был подстрелен в верхнюю часть груди и бедро. Он взвизгнул и упал на подсвеченный пол. Воин скитарий рядом с Эламом получил четыре попадания и резко развернулся, разбрызгивая искры и жидкость из своего тела. Он восстановился и тотчас развернулся, чтобы прицелиться. Герин, Призрак слева от Паши, получил заряд в лицо и рухнул на спину. Он не восстановился.

«Огонь на подавление!» проревела Паша. Ее пистолет, тяжелый служебный пистолет Тронсвассе, уже сверкал. Призраки открыли огонь, заливая пространство Репозитория штурмовым огнем. Два скитария начали стрелять из своего оружия, неуклонно продвигаясь. Поврежденный воин выстрелил из своей древней гальваники. Ружье выплюнуло поток микро-флешеттов в пространство отсека. Посох офицера завибрировал и послал невидимые импульсы энергии, которые заставили воздух рябить. Трубопроводы в дальнем конце заскрипели и погнулись.

Здесь не было укрытия. Множественные враги скрывались в дальнем конце длинного коридора. Все пространство отсека освещалось яростными перекрещивающимися узорами перестрелки.

Ладд подбежал к Синдре, зажал своей рукой рану на груди человека, и начал оттаскивать его назад. Настенные панели разбивались вдребезги. Лазерный заряд прошел сквозь рукав Ладда. Синдре пялился вверх на него, с широкими глазами, его

рот хватал воздух. Выстрел попал ему в верхнюю часть груди, почти у основания шеи. Он был пропитан кровью.

«Где они, фес их?» крикнула Паша, вздрогнув, когда лазерный заряд подрезал ее наплечник.

Элам орал в свою микробусину.

«Всем отрядам! Мы скомпрометированы и нас обстреливают! Враги внутри ЭМ Четырнадцать! Повторяю, враги внутри ЭМ Четырнадцать!»

Две фигуры вышли из открытого люка крипты. Их было трудно увидеть. Яркий свет, светящийся из крипты, казалось, уменьшает их, заставляя их казаться пугающе высокими и неестественно худыми. Один использовал открытый люк, как щит, и стрелял из лазерной винтовки в группу Паши. Другой рванул через коридор, схватил тело Этруина и затащил его в крипту. Офицер скитариев выпустил импульс из своего посоха, который оставил вмятину на люке крипты. Каким-то образом, худой человек позади него удержал его открытым. Он возобновил стрельбу. Лазерный заряд попал скитария точно в левый глаз. Последовал небольшой взрыв внутри его блестящего хромированного черепа. Он зашатался, и упал на колени так тяжело, что расколол плексовые панели подсвеченного пола. Еще три выстрела нашли его, и разорвали его шею с такой силой, что его почти оторванная голова наклонилась под диким углом и закачалась из стороны в сторону на сломанном керамитовом позвоночнике. Посох выпал из его рук. Он больше не двигался.

Темп стрельбы из дальнего конца Репозитория увеличился. За мгновения, еще двое Призраков были убиты лазерными зарядами.

«Назад! Назад!» закричала Паша. «Нам конец на открытом пространстве!»

Они попятись в направлении люка в лабораторию, делая себе прикрытие из потоков лазерного огня. Ладд тащил Синдре. Рядовой Сетц побежал, чтобы помочь ему.

Оставшийся скитарий не отступал. Он продвигался монотонно и безжалостно в шторм выстрелов. Его ружье взвыло, когда гальваника зарядилась, затем треснуло, когда гальванический заряд запустил облако микродротиков. Он сделал четыре

выстрела и почти поравнялся с открытой криптой до того, как непрерывный лазерный огонь закончил разрывать его на части. Он упал, его роботы горели.

Выжившие Паши отошли в яркую лабораторию. Выстрелы визжали в их направлении. Элам и Кадл стояли у рамы люка и поливали отсек в полном автоматическом режиме до тех пор, пока Паша не нашла активатор для люка и не захлопнула его. Четыре скитария, которые оставались в лаборатории, приближались, синхронно, к люку.

«Подождите! Вы, подождите!» закричала она им. «Они только что убили двоих из ваших! И четверых из моих! Там зона поражения!»

Скитарии остановились. Импульсы бинарного кода резко носились между ними.

Ладд и Рядовой Сетц оттащили Синдре к одному из хромированных столов и положили его на него. Они оставили длинную дорожку из крови на всем пути от люка. Сетц пытался поддерживать компрессию, пока Ладд открывал свой полевой набор окровавленными пальцами.

«Держи его неподвижно!» крикнул Ладд.

«Как, во имя феса, они оказались там?» потребовала Паша, рванув к ближайшему адепту. Адепты логис в лаборатории, казалось, замерли от неверия. Логическая проблема заставила их заикнуться.

«Мы не понимаем,» сказал один. «Пространство Репозитория безопасно. Не может быть опасности внутри безопасного пространства--»

«Там, должно быть, другая точка доступа!» резко бросила Паша. Ее плечо кровоточило. Она игнорировала это.

«Нет,» сказал другой адепт. «Репозиторий Гносис – это запечатанная секция. Один вход.»

«Один вход у моей задницы!» закричала Паша.

«Термальные вентиляционные отверстия,» сказал третий, придя к жизнеспособной гипотезе. «Если враги прошли через термальные вентиляционные отверстия--»

«Невозможно,» ответил первый. «Они никогда бы не прошли через геотермальную систему живыми.»

«Ну, они сделали это, фес их!» прорычала Паша.

Адепты-смотрители быстрым шагом вошли в лабораторию через диафрагму, за ними следовали первое отделение Крийд и отряд из роты Тейсса.

«Какого феса происходит?» спросил Тейсс.

«Скомпрометированы!» сказала Паша. «Их фесова безопасность скомпрометирована в дерьмо! Враг в хранилище! У них фесовы камни!»

«Они не смогут выйти,» сказал оставшийся офицер скитариев перемалывающим голосом, который отдавался эхом из его нагрудной пластины. Он и трое из его вида нацелили свое оружие на люк в нейросинхронном унисоне. «Мы прекратим их жизни, как только они попробуют.»

«Сделайте это,» приказали адепты-смотрители в унисон.

«Они могут выбраться тем же путем, которым они, фес их, пришли!» проревела Паша.

«Невозможно,» сказали адепты-смотрители.

«Хватит говорить мне это,» сказала Паша. «Эта вентиляционная система. Эта *ге-о-термальная* вентиляция. Там есть доступ в нее?»

«В нее есть доступ в нескольких точках внутри комплекса,» сказал адепт логис.

«Геотермальный слой – это сеть, которая питает энергией все аспекты этого предприятия, и все остальные кузни на Урдеше. Она проходит по фундаменту города, соединяя подземную сеть каналов, которая берет энергию тепла и давления из естественного вулканического--»

«Не читай мне лекцию!» заорала Паша. «Покажи мне путь туда! Покажи мне фесову точку доступа!»

«Турбинный Зал Номер Один ближайший,» сказал адепт логис.

Адепты-смотрители посмотрели друг на друга, а затем снова на Пашу.

«Мы покажем вам местоположение,» сказал один.

«Мы выведем всех оставшихся у нас скитариев из крионики,» сказал другой, «и активируем всех орудийных рабов-автоматов.»

«Тона!» позвала Паша. «Иди с этой парой... парой... зрителей. Приготовь ударную группу. Приготовься быстро выдвинуться и уничтожить дьяволов!»

«Огнеметчиков поставь впереди, Крийд!» добавил Элам.

Паша посмотрела на него.

«Огнеметы? Никаких фесовых огнеметов!» взорвалась она. «Эти дьяволы прошли через фесову ге-о-термальную систему! Они *огне-упорные*, фес их!»

«Что-то в них есть, это точно,» сказал Кадл. «Я уверен, что подрезал одного в перестрелке. Одного из тех, кто вышел из крипты. Это даже не встряхнуло его.»

«Тона? Тона, иди!» крикнула Паша. «Пристрелите их, забейте их палками, запинаяте их нафес до смерти! Как угодно! Идите туда и уничтожьте их!»

Крийд уже выкрикивала приказы в микробусину, пока следовала за адептами-зрителями из лаборатории.

Под жестким светом внутри крипты К, Коррод посмотрел вниз на Этруина. Версенджинсир лежал на спине, жидкости текли из его множественных ран. В нем была искра жизни, машинная жизнь, по крайней мере. Его электроды приобрели холодный синий цвет.

Улроу вошел в крипту. Ему задела руку во время перестрелки, но заряд едва повредил кожу.

«С нашей стороны один раненый, дамогор,» сказал он. «Экхир. В него попали флешетты. Он лечится. Враг отступил в лабораторию и закрыл люк.»

Коррод кивнул. «Приведи остальных,» сказал он.

Кимурах вошли в Репозиторий Гносис через ответвление в термальном вентиляционном канале, который поднимался сквозь подуровни ЭМ 14. Пока они подбирались ближе, Коррод смог учуять запах орлиных камней, и почувствовать их

тягу. Он готовил устройство, чтобы разблокировать люк крипты, когда свет, окружающий его, стал зеленым. Как подарок. Создатели тьмы наградили его своей милостью.

Он понял, что это, на самом деле, значит. Кто-то приближался. Он отослал основную массу своих сил назад к вентиляционной отдушине в конце отсека, чтобы они заняли огневую позицию, а затем вошел в крипту вместе с Улроу.

Камни лежали по обе стороны крипты. Восемь каменных табличек, каждая в стерильной пластековой оболочке и помещенная в освещенный альков. *Глифотек*, извлеченный во время вражеской активности из Коллегии Наследования на Пределе Спасения больше десяти лет назад. Семейная ценность прошлых эпох, оцененная по достоинству превыше всех других вещей тем, Чей голос заглушает все остальные. Они были *Энкил Вехк*, ключом к победе. Не просто победе над отбросами Трона, но победе над обрюзгшим Архонтом, Урлоком Гором. Анарх Магистр Сек сокрушит обоих из них. Он погонит крестовый поход деградирующей Терры назад к звездам, и он получит свое законное место, в качестве Архонта Кровавых Миров.

Улроу вернулся с несколькими из остальных. Они пристально смотрели на таблички.

«Переносите их осторожно,» сказал Коррод Улроу. «Уходить мы будем быстро.»

«Враг контратакует через минуты,» сказал Хеллек. «Они не дураки, как ни прискорбно. Они осознают, что мы использовали вентиляционные проходы. Они заблокируют их или попытаются затопить.»

«Вот почему мы будем уходить поспешно, Хеллек,» сказал Коррод. «И почему я создам подходящее отвлечение внимания.»

Улроу начал извлекать камни из альковов. Коррод встал на колени рядом с умирающим адептом.

Ординат Ян Жерик предоставил ему всю техническую поддержку, которую он потребовал: доступ в вентиляцию, схемы, ключи доступа, системные коды. Он, так же, предоставил, по запросу Коррода, заглушку с данными модели Механикус с загруженным, выполненным на заказ, кодом, который он называл *Берсерк*. Это было, Ян Жерик объяснял с гордостью, санкционированное кодовое обеспечение,

датирующееся Темным Веком Технологий, машинной чумой, которая может отравить и повредить любую систему, которую инфицирует. Это, как он пообещал, протиснется и деактивирует даже самую защищенную крипто Механикус.

Корроду не пришлось воспользоваться этим. Крипта-сейф была для него открыта. Поэтому это казалось пустой тратой.

«Друг,» сказал он Этруину, говоря на Имперском языке.

Глаза Этруина задрожали. Похожие на суп жидкости с бульканьем вытекли из его рта.

«У меня есть кое-что для тебя,» сказал Коррод. «Подарок от меня, и от Анарха, которому я служу. Ты разделишь его со всеми из своего вида, чтобы они смогли насладиться диким экстазом этого.»

Коррод выдернул несколько кабелей из портов позади левого уха Этруина. Версенджинсир вздрогнул и выпустил несколько пронзительных, жужжащих сигналов отчаяния. Коррод ощупывал порты до тех пор, пока не нашел один, который совпадал с заглушкой с данными. Он надавил, и заглушка соединилась со щелчком.

Берсерк запущен. Техно-чума потекла из заглушки в мозжечковую миндалину Этруина и кибер-церебральные импланты. Она затопила его микро-когитаторы. Она выжгла то, что осталось от его плоти. Это был беспощадный код, великолепный в своей жестокости и агрессии.

Этруин забился в спазмах. Он умирал, но его неосинхронное соединение с ноосферой ЭМ 14 все еще было открыто.

Колдинг вошел в лабораторию.

«Там!» произнес Капитан Элам, указывая на лабораторный стол, где Ситц и Ладд боролись, чтобы сохранять Синдре жизнь.

Колдинг открыл свою сумку и оценил раны человека. «Продолжай давить здесь,» сказал он Сетцу. «Я попытаюсь закрыть, а затем залатать рану.»

«Я думаю, что он истекает кровью,» сказал Ладд.

«Он истекает кровью,» просто ответил Колдинг. «Это то, что я пытаюсь предотвратить.»

Паша бросила взгляд на Тейсса. «Они уже там?»

Капитан Тейсс сосредоточенно вслушивался в микробусину. Он кивнул.

«Да, мэм,» сказал он. «Крийд и Обел добрались до входа в вентиляцию. С ними отделения. Готовятся войти.»

«Снаружи есть что-нибудь?»

«Большая перестрелка у врат,» ответил Тейсс.

Паша ходила туда-сюда. Ожидание всегда было самым худшим. Она дала вентиляционным группам десять минут, затем она снова откроет люк и ворвется в отсек Репозитория. Отрежет дьяволов с обеих сторон.

Она осмотрела комнату. Четыре скитария все еще стояли недвижимые, с нацеленным на люк оружием. Двое из адептов логис ушли, чтобы активировать автоматических орудийных сервиторов. Тот, кто остался, казался более сосредоточенным на том, что из Синдре вытекают пинты крови на полированные, стерильные поверхности лабораторной зоны. Элам и другие Призраки просто ждали, проверяя оружие и вставляя свежие энергетические ячейки. Перестрелка взвинтила их. Они не хотели сломаться. Они хотели управлять стрессом, чтобы он был готов в тот момент, как бой возобновится.

Она знала, как они себя чувствуют. Она потеряла четырех человек. Четыре фесовых человека. И Архивражеские дьяволы добрались до камней до нее. Она не позволит им покинуть место с таким драгоценным грузом.

Она не позволит им покинуть место живыми.

Несколько настенных экранов лаборатории внезапно замерцали и на них начали ползти странные, быстрые линии кода.

«Что это?» спросила она. «Это данные? У нас новые данные?»

Адепт логис уставился на экраны.

«Я не узнаю код,» сказал он. «Я не узнаю его. Нестандартный. Источник неизвестен. Тип неизвестен. Кодовое обеспечение вошло в неосинхронизацию. Кодовое обеспечение проникло во внутренние когитаторы. Кодовое обеспечение проникло в ядро машинного духа. Кодовое обеспечение--»

«Что?» спросила Паша. «Кодовое обеспечение сделало что?»

Адепт логис не ответил. Он повернулся, чтобы посмотреть на нее. С его глазами было что-то очень не так. Водянистая кровь сочилась из его глазных впадин, а аугментические оптические импланты покрылись мутными полями статики. Субстанция, похожая на патоку, сочилась из его дыхательной маски.

«Берсерк,» сказал он плоским тоном. «Берсерк. Берсерк. Берсерк. Берсерк. Серк. Серк. Серк. Серк--»

Он дарил ее головой с дикой силой. Это застало ее врасплох, и она упала, хватаясь за лицо. Адепт логис встал на нее коленями и начал душить. Он начал визжать высокотоновым потоком похабщины.

Аса Элам рванул вперед и попытался оттащить адепта логис от нее. Это было похоже на попытку переместить валун. Адепт логис замер намертво, как машинное оборудование. Его хватка на горле Паши усилилась. Ее глаза выпятились. Ее язык, высунувшийся из забитого слюнями рта, становился синим.

Элам ударил прикладом своей винтовки по голове адепта. Адепт обмяк и отпустил. Элам отвернул его с нее. Паша лежала на спине, хватая ртом воздух, пытаясь снова дышать. На ее шее были красные отметины от рук.

Осевший адепт логис внезапно ожил и вырвался из крепкой хватки Элама. Дальше визжа похабщину, он рванул на Элама и оцарапал ему в лицо.

«Что, фес тебя, с тобой не так?» прорычал Элам, пытаясь отбиться от него. Он нанес быстрый удар рукой, резкий джеб-специальный, который видел триумф Асы Элама во многих гарнизонных спаррингах. Элам выругался, когда сломал палец о медную лицевую пластину адепта.

«Ради Трона! Помогите мне здесь!» крикнул он.

Остальные Призраки, кроме тех, кто боролся за жизнь Синдре, уже спешили к нему.

«Дерьмо!» произнес Кадл.

Роботизированные руки на всех лабораторных столах внезапно начали дергаться и корчиться. Клинковые конечности и режущий дендриты слепо долбили по стальным рабочим поверхностям, производя визги металла по металлу, которые делали больно их ушам.

Четыре скитария у люка повернулись. Смотря в лабораторию, они начали стрелять.

Первый выстрел из ружья взорвал голову и верхнюю часть тела Кадла облаком мяса и костей. Второй, еще одно плотное облако микро-флешеттов, проделал дыру в торсе Мкжаффа, почти удалив всю его правую сторону. Кровь украсила настенные экраны позади него. Он смотрел вниз в неверии на отсутствующую часть своего торса, затем его позвоночник сломался, и он согнулся и упал.

Остальные рванули в укрытия. Здесь его было мало. Гальванический выстрел-облако задел Капитана Тейсса, и украсил стену рядом с ним тысячей крошечных дырочек. Он заморгал и увидел, что у него идет кровь из дюжин маленьких ран на его правом бедре и правой руке. Боль была мучительной. Микро-флешетты все еще бурились в нем. Он начал яростно скрести свою кожу.

Офицер скитариев выпустил импульс из своего посоха. Пузырь гипер-плотной гравитации изгибал свет и воздух, пока пересекал комнату. Он попал в Тейсса, пока тот все еще царапал свою кожу, и превратил его голову в мягкую массу, как невидимый отбойный молоток.

Ладд отвернулся от тела Синдре. Его болт-пистолет гроыхнул и взрывной заряд попал в скитария с очень короткого расстояния. Торс воина разорвало. Ладд снова выстрелил, и отбросил офицера Культа Механикус в сторону в цветке огня. На дальней стороне лаборатории, Конжик, Мкгет и Диккерсон стреляли на полном автомате, бок о бок, поливая скитариев и территорию вокруг люка штормом лазерного огня. Еще один скитарий упал, с коротким замыканием в каждом суставе. Двое оставшихся – воин из касты и офицер, которого повредил Ладд – продолжали наступать, стреляя, лазерный огонь подрезал и проделывал дырки в их броне. Меж

двух огней, Колдинг пригнул голову и продолжал работать с Синдре, пока лазеры визжали мимо него в одном направлении, а гальванические залпы в другом.

Паша поднялась и сплюнула кровь. Она начала стрелять в скитариев из своего пистолета. Элам, рыча от разочарования, ударил рукой взбесившемуся адепту логис в живот, а затем в шею. Когда адепт отпрянул назад, Элам развернул свою лазерную винтовку и дважды выстрелил в него. Правая щека Элама была отмечена следами от ногтей. Гравитационный импульс заставил воздух задрожать прямо перед ним, а затем проделал дыру размером с медицинский шар в металлической стене лаборатории. Элам бросился на пол. Он быстро пополз, добрался до ближайшего лабораторного стола, и встал на колени, используя его в качестве укрытия. Он тоже начал поливать огнем скитариев.

Множественные молотящие киберконечности, обслуживающие стол, схватили его, как паука, схвативший свою добычу. Элам взвизгнул. Конечности схватили его запястье, предплечье и плечо и пальцеобразные когти вытягивали кровь. Механодендриты ударили и хлестали, пытаясь обвить его шею. Дополнительная серворука потянулась, урча сервомеханизмами, выдвигая блестящий титановый скальпель в сторону его лица.

Элам вырвался, оставив большую часть своего рукава и часть накидки. Он неуклюже приземлился на полированный пол. Манипуляторные конечности начали безжалостно разрезать куски ткани, которые они захватили.

Гальванический выстрел-залп прошел сквозь Диккерсона и вышел в огромном тумане из крови и измельченного мяса. Брызги окатили Мкгета и ослепили его на мгновение.

Ладд услышал вопль Сетца. Манипуляторные руки на всех рабочих столах дико тряслись и хватали. Конечности-дрели и мерцающие хирургические лезвия вонзились в беспомощное тело Синдре. Они освежевали и убили его за секунды, разделяя его на причудливые геометрические части.

До этого Сетц все еще пытался зажимать рану Синдре. Конечности, так же, схватили его.

Колдинг пытался схватить его. Гипермобильные конечности воткнули лицо Сетца в выделяющие пар останки Синдре. Кабели механодендритов обвили его, привязав его к столу. Режущие лучи, двигаясь туда-сюда быстрыми и точными линиями, доделали остальное, нарезав Сетца от макушки до плеч на дюжины частей толщиной с вафлю.

Колдинг попятился, крайне потрясенный ужасом этого. В него врезалось тело Ладда, опрокинув его с линии перекрестного огня.

Элам и Конжик сконцентрировали огонь на оставшемся воине скитариев. Поток лазерного огня оторвал ему руку и уничтожил его лицо. Он упал, жидкость хлестала из трещин от попаданий в его нательные пластины.

Последний скитарий, офицер с украшенным гравировкой черепом, замер. Мозговая жидкость и гидродинамическая синтетика лилась потоком из большой дыры в центре его лба. Он умер стоя прямо, аугментические конечности заблокировались.

Паша опустила свой пистолет. Воздух в лаборатории был густым от дыма от выстрелов, и почти каждая поверхность была забрызгана кровью. Разбитый монитор искрил и горел.

«Трон живой,» прошептал Мкгет.

«Тревога!» закричала Паша. «Предупреждение, всем отрядам--»

Она осознала, что ее ушная бусина выпала, когда на нее напал адепт. Она нащупывала ее, нашла провод, и вставила ее в ухо.

До того, как она смогла что-либо сказать, она услышала яростный обмен сообщениями от отрядов Призраков внутри ЭМ 14.

«--атакуют! Они атакуют, фес их! Я повторяю, Механикус повернулись против нас! Механикус повернулись против нас!»

Снаружи лаборатории, быстрый оружейный огонь прокатывался по коридорам и галереям.

ДВЕНАДЦАТЬ: КИМУРАХ

Человек, который собирался убить его на рассвете, пришел, чтобы спасти ему жизнь в середине ночи.

Ключи скребли в замках старой двери камеры. Нужно было три ключа, чтобы отпереть большую плиту потертого металла. Обычно, рутина открывания была методичной и точной, но это звучало поспешно и суетливо.

Маббон терпеливо ждал. Он мало чего мог сделать. Железные кандалы на его запястьях приковывали его к полу тяжелой цепью. Он мог стоять и ходить в маленьком круге в узком пространстве грязной камеры, или он мог сидеть на рокритовом блоке, который служил стулом. Они всегда приказывали ему сидеть, когда входили, и он предпочел это.

Тяжелая дверь открылась, скрипя на своих металлических петлях. Замак посмотрел внутрь на него. Замак был одним из шести охранников, которые присматривали за Маббоном по часам. Он был Урдешцем, крепко сложенным человеком из 17го Тяжелого Штурмового Отряда, который предоставил всех шестерых членов охраны.

Замак выглядел взволнованным, его лицо было красным, на его лбу был пот. Его камуфляжная куртка была расстегнута, как будто у него не было времени, чтобы должным образом застегнуть ее на пуговицы. На нем не было его нательной брони.

Он вошел в камеру, доставая ключи, которые подходили кандалам. Никакого обыска тела. Никакого охлопывания. Ни одного из обычных, скрупулезных протоколов.

«Я, обычно, не вижу тебя в этот час,» сказал Маббон.

«Мне нужно увести тебя,» сказал Замак. Он пытался найти правильный ключ. Его руки тряслись.

«Уже рассвет?» спросил Маббон.

«Заткнись,» сказал Замак. Он тяжело дышал. «Они уже прошли двор. Они убивают всех.»

Маббон уже был осведомлен о выстрелах в последние десять минут. Лазерный огонь, случайный, его трескучий звук приглушался толстыми каменными стенами тюремного блока.

«Кто?» спросил Маббон.

«Твой вид!» выплюнул Замак. «Твоя грязь!»

Маббон кивнул, понимая. Это было неизбежно. Он ожидал этого.

«Сыны?» спросил он. «Сыны Сека?»

«Я не знаю, что они такое!»

Маббон пожал плечами, насколько позволили цепи.

«Команда ликвидации, я так думаю,» безмятежно сказал он. «*Мортуак Нках*. ‘Сила угасания’. Я представляю себе, что они могли послать.»

Замак потербил и отстегнул тяжелый наручник на правом запястье Маббона.

«Мне нужно увести тебя,» сказал он. «Вывести тебя отсюда. Отвести тебя в безопасное место.»

«Почему?» спросил Маббон.

Замак уставился на него. «Они идут, чтобы убить тебя,» сказал он.

Маббон кивнул. «Я знаю, что идут,» ответил он. «Замак, ты, по расписанию, должен убить меня на рассвете.»

«Ага,» произнес Замак, возясь, чтобы найти подходящий ключ к другому наручнику. Гарик, лидер отряда S, донес расписание Маббону двумя днями ранее. На рассвете, шесть человек из охраняющего его отряда заберут его из камеры, проводят его на двор, поставят его у стены, и пристрелять его. Маббон не знал, кто из них, на самом деле, прервет его жизнь. Это мог быть любой из них. Все шестеро могли выстрелить из своих лазерных винтовок одновременно. Ему, как ему сказали, предложат повязку на глаза.

«Ладно, я не понимаю,» сказал Маббон. «Вы хотите, чтобы я умер. Они хотят, чтобы я умер. Отойди в стороне и позволь им достать меня.»

«Я не могу это сделать!» воскликнул Замак. Он выглядел испуганным от предложения. «Мне нужно вывести тебя--»

«Почему?» спросил Маббон. Н был неподдельно озадачен. «Сыны убивают людей, чтобы добраться до меня. Убивают всех на своем пути, или так, по крайней мере, звучит. Если ты пытаешься защитить меня, ты станешь целью.»

«И?»

«Замак, логика несложная. Дай им добраться до меня. Спаси себя.»

«Я не могу это сделать. Мне нужно перевести тебя. Это приказ.»

«Если ты уведешь меня, ты, все еще, собираешься казнить меня на рассвете?» спросил Маббон.

«Конечно.»

«Тогда, что--» начал Маббон.

«Заткнись!» резко бросил Замак. Он не мог подобрать ключ, чтобы освободить левый наручник.

«Я серьезно,» сказал Маббон. «Ты рискуешь своей жизнью из-за... чего? Бюрократической проблемы? К рассвету я буду мертв. Разве важно, кто сделает это?»

«Заткнись нахрен!»

«Я, иногда, на самом деле не понимаю Империум,» сказал Маббон. «Он настолько скован административным абсурдом и парадоксальным--»

Замак стал таким возбужденным, что уронил ключи. Они упали на пол между ног Маббона.

«Дерьмо!» произнес Замак. Он наклонился, чтобы поднять их. Снаружи, поблизости, лазган выпустил три выстрела. Они услышали крик от боли человека. Крик резко оборвался.

Замак повернулся в страхе. Он вытащил свой пистолет и осторожно подошел к двери камеры. Он выглянул.

«Дерьмо,» снова повторил он. Он вышел из камеры и исчез из вида.

Маббон посмотрел на открытую дверь. Он ждал. Он посмотрел на ключи на полу у его ног. Он прочистил глотку и сел, с прямой спиной, его руки лежали на его коленях.

Он пристально смотрел на дверной проем.

Он услышал крик человека поблизости, затем залп пистолетного огня. Автоматический пистолет, опустошающий обойму. Двойной треск лазерных выстрелов, затем третий. Тишина.

Снова появился Замак. Он прислонился к раме двери камеры. Его дыхание было тяжелым, и он боролся, чтобы сменить обойму своего автопистолета. Он портил эту задачу, потому что обе его руки были скользкими от крови. В его торсе была дыра прямо под линией ребра, а его куртка и рубашка были пропитаны кровью, темные и тяжелые.

Только он воткнул свежую обойму на место, когда лазерный заряд попал ему в центр тела. Удар отбросил его от дверной рамы, и он наполовину упал, наполовину сполз на пол снаружи камеры с повернутым направо телом и раздвинутыми ногами.

Появился его убийца, заполнив дверной проем. Он посмотрел вниз на Замака, затем еще раз выстрелил в него для верности.

Убийца повернулся, и уставился на Маббона сквозь открытую дверь.

«Фегат,» сказал он.

«Кимурах,» сказал Маббон. «Я польщен. Я не ожидал, что он пошлет одного из вашего вида.»

«Больше, чем одного,» сказал Кимурах. «Мечь Того, чей голос заглушает все остальные не будет отвергнута на этот раз.»

Маббон кивнул.

«Я не пытаюсь отвергать это,» сказал он. «Больше нет.»

Кимурах вошел в камеру. Он был полностью переделан и разоблачен, возвышающийся и тощий, как скелет. Его неоновые глаза сияли. Анарх делал такие прекрасные вещи.

На Кимурахе была грязная Гвардейская одежда, которая плохо сидела. Старые боевые ботинки выгнулись и порвались слегка там, где они не смогли вместить в себя его удлинённые когтистые ноги. Он нес потрепанную, простую лазерную винтовку. Его запутанные ряды пожелтевших зубов, похожие на маленькие клыки, изогнулись в то, что было, вероятно, улыбкой.

«Шадхек,» сказал Маббон.

«Ты узнал меня.»

«Прошло много времени. Проход Фефнаг. Загоняли архиврага в море.»

«Теперь ты архивраг,» сказал Шадхек.

«Нет, больше ни для кого,» сказал Маббон. «И да, для всех. Мой конец ждут все под звездами.»

«Ты хочешь, чтобы я пожалел тебя?»

«Нет, вовсе нет.»

«Я не пойму тебя, Маббон,» сказал Шадхек. «Ни за тысячу тысяч лет. Ты был этогором. Великим воином. Не было души более верной, не было командира более проницательного. Было честью служить рядом с тобой. В тебе были задатки магистра. Все, кто знал тебя, говорили так.»

«Это утешает, я полагаю,» сказал Маббон.

«А потом,» прошептал Шадхек. Он пожал плечами. «Фегат. Низший из всех. Ниже, чем грязь. Предатель. Изменник всего доверия. Ты сменил сторону.»

«Я менял стороны больше, чем один раз за свою жизнь. Ни один из путей никогда не подходил.»

«Почему, Маббон?»

«Потому что никто не дал мне ответ, Шадхек,» ответил Маббон.

«Ответ? Какой ответ?»

«На самый простой из всех вопросов. Почему.»

«Почему?»

«Почему все это? Почему что-то из этого? Почему мы убиваем друг друга с такой всепоглощающей целью? Почему эта галактика в огне? Империиум и Архонат, навечно скованные яростью. Никто никогда не спрашивал, почему? Кто прав? Кто неправ? Какая тайная область правды лежит между этими двумя крайностями?»

Шадхек презрительно усмехнулся.

«Ты сошел с ума,» сказал он.

Маббон улыбнулся.

«Я думаю, что я единственная живая душа в здравом уме,» сказал Маббон, «но это то же самое.»

«Ладно,» сказал Шадхек, «сейчас ты не будешь даже этим.»

Он поднял лазган, пока дуло не оказалось, всего лишь, на расстоянии руки от лица Маббона. Маббон не съехал. Он не пытался уклониться от этого. Он сел, с прямой спиной, пристально смотря в дуло.

«Вахуз вой сех,» сказал Шадхек.

Звук выстрела гроыхнул в ограниченном пространстве камеры.

Голова Маббона резко дернулась в сторону. Лазерный заряд опалил его правую щеку и прорвался сквозь мясистый комок его правого уха перед тем, как попасть в заднюю стену камеры. Кровь хлынула вниз сбоку его головы.

Он заморгал.

Шадхек отклонился назад в последнюю секунду, достаточно, чтобы сбить его прицел в сторону. Кончик серебряного боевого ножа торчал из середины его груди, неоновая

кровь вытекала вокруг него. Человек крепко держал его сзади, одной рукой обхватив горло, наклоняя его назад, другой рукой проталкивая боевой клинок в спину.

«Фес меня, ты *что* такое?» проворчал Варл.

У Кимураха все еще было его оружие. Он дважды выстрелил, пока Варл наклонял его назад. Один лазерный заряд промахнулся мимо плеча Маббона на сантиметр.

Другой попал в каменный блок, на котором он сидел. Маббон не дрогнул. Он даже не пошевелился.

«Эх,» устало прошептал он.

Ругаясь и свирепея, Варл потянул Кимураха назад, пытаясь отвернуть его от Маббона до того, как он снова выстрелит.

«Фесов дерьмовый мешок феса не хочет сдохнуть нафес!» прокричал Варл сквозь стиснутые зубы.

Шадхек зарычал и оттолкнулся назад, смяв Варла между собой и дверной рамой. Варл закашлялся, когда весь воздух был выбит из него. Шадхек пытался стряхнуть его и повернуться. Хватая ртом воздух, Варл умудрился выдернуть свой серебряный клинок из спины Кимураха до того, как он полностью потеряет хватку на нем. Когда переделанный повернулся, Варл нанес неистовый удар клинком, который сделал диагональный разрез вдоль груди Шадхека и разрезал ремень его лазгана.

Варл пнул, приложив всю ступню левого ботинка к животу Кимураха. Шадхек отлетел назад и врезался в стену камеры. Столкновение заставило потечь неоновую кровь из раны на груди. Его винтовка вылетела у него из хватки и застучала по полу.

Широко раскрыв челюсти, он прыгнул на Варла.

«Фес--» произнес Варл за секунду до того, как его загнали в угол камеры. Он тянулся к своей лазерной винтовке, висящей на плече, но Шадхек не дал ему времени действовать.

Лапищи Шадхека сомкнулись на шее Варла, сжимаясь, чтобы сломать ему шею. Метаясь, Варл вонзил свой боевой нож в грудину Шадхека и давил обеими руками, пока лезвие не вошло по рукоять.

Мучительный, искаженный звук вырвался изо рта Варла, пока Кимурах душил его.

Маббон снова посмотрел на ключи внизу. Он посмотрел на наручник на своем левом запястье.

Он посмотрел на Варла, пока сержант Призраков добирался до последних моментов своей жизни.

С последним порывом почти нечеловеческих усилий, Варл толкнул. Шадхек отпрянул назад, его руки все еще сжимали горло Варла. Руки Варла, пропитанные неоновой кровью, сжимали рукоять боевого ножа, утопленного в солнечное сплетение Шадхека.

Маббон встал. Он накинул тяжелую цепь своего оставшегося наручника на шею Шадхека, взялся за провис, и оторвал Кимураха от Призрака.

Шадхек отпрянул назад, цепь врезалась в его горло. Маббон пнул его позади коленей и уронил его, затем встал на его грудь и натянул цепь так сильно, как смог.

«Пушка,» сказал он

Варл кашлял и рыгал. Он схватил свою болтающуюся винтовку и навел ее вниз на Кимураха.

«Поспешите,» спокойно сказал Маббон. «Я не смогу долго его удерживать.»

Варл взревел, и три раза выстрелил в гримасничающее лицо Кимураха. Блестящая кровь разлетелась по напольной плитке и заляпала их обоих. Половина лица Кимураха была дымящимися руинами неоновой крови.

Маббон продолжал крепко держать цепь.

«Еще,» сказал он.

«Я же нафес--» хватая воздух произнес Варл.

«Еще,» сказал Маббон.

Варл снова выстрелил. Четыре выстрела, пять, шесть. Когда он остановился, мало чего осталось от переделанной головы. Сломанные клыки торчали под разными углами в бесформенной, кровавой массе.

Маббон отпустил цепь и убрал ногу с тела.

«Их тяжело убить,» сказал он.

«Да что ты говоришь.»

«Кимурах. Их выносливость за гранью человеческой.»

«Угу,» произнес Варл. Он закашлялся, затем повернулся и блевнул на пол. Он стоял согнувшись секунду, тяжело дыша.

«У вас была винтовка, сержант,» сказал Маббон. «Почему вы не воспользовались ей? Почему вы напали с клинком?»

Варл сплюнул на пол. Он выпрямился.

«Ты был прямо на линии огня,» ответил он хриплым голосом. «Я мог, так же, попасть в тебя.»

«Это, кажется, беспокоит удивительное количество людей сегодня,» сказал Маббон.

Варл увидел ключи, лежащие на полу. Он поднял их и потянулся к наручнику Маббона.

«Идем,» сказал он. «Эти фесы повсюду. Снаружи фесова резня. Шевели задницей.»

«Я не уверен, почему вы спасаете меня,» сказал Маббон.

«Я тоже,» сказал Варл. «Приказ Гаунта.»

«Ах.»

«Идем,» сказал Варл, снимая оставшийся наручник.

«Мне предназначено умереть, Сержант Варл,» сказал Маббон, не двигаясь. «Я этого ждал. Надеялся на это, вероятно. Все это абсолютно излишне. Вы рисковали своей жизнью и потратили свое время--»

«Идем. Нафес. Отсюда,» сказал Варл.

Маббон посмотрел на него.

«Пожалуйста... с меня хватит,» сказал Маббон.

«Ага? Seriously?» спросил Варл. «Тогда почему ты вмешался? Ты сидел там, как сонный фес, пока все это происходило, затем, в последний момент, бабах, и ты появился. Зачем что-то делать, если ты хочешь нафес умереть?»

Маббон замешкался.

«Я больше не беспокоюсь за свою жизнь,» сказал он. Он посмотрел на Варла. «Но вы всегда прилично со мной обращались, Сержант Варл. Честно. Один из очень немногих, кто так делал. Моя покорность означала бы и вашу смерть тоже.»

«Ой, вот это да,» сказал Варл. «Я тронут. Я чувствую прекрасное теплое ощущение в своем... нет, это рвота. Шевели своей фесовой задницей сейчас же, Маббон. Мы уходим, и это не будет красиво.»

Они покинули камеру и направились по сырому коридору, Варл шел впереди с оружием наготове. Случайный оружейный огонь продолжал отдаваться эхом.

«Я даже не знаю, где мы,» сказал Маббон.

«Лагерь Зенос,» сказал Варл. «Использовался в качестве гражданской тюрьмы, но был превращен в учреждение Префектус во время оккупации.»

«Где это?» спросил Маббон.

Варл бросил взгляд назад на него, нахмурившись.

«Плэйд Пэриш,» сказал он. «Восточный Центральный Эллат.»

Маббон кивнул. «Они привели меня сюда с повязкой на глазах,» сказал он. «Я не знаю, как выглядит Эллат. Это приятный город?»

«Прямо сейчас нет,» сказал Варл.

Маббон посмотрел вниз на свои руки. Он согнул пальцы. «Я знал только внутренности камер долгое время. Я не был без наручников или кандалов на ногах годы--»

«Просто говори потише и не отставай,» прошипел Варл. Они миновали клеточную перегородку на колесиках и вошли в еще одно мрачное помещение. Два трупа лежали на каменном полу, окруженные лужами крови, которые выглядели такими же блестящими и черными, как смола при слабом свете. Их позы были неуклюжими, как будто они были заморожены в середине беспокойного сна. Одним из них был Гарик, лидер расстрельного караула.

«Хватай пушку,» сказал Варл. Маббон этого не сделал.

Тюрьма была старой, просто серия рокритовых блокгаузов. Большинство дверей камер с обшарпанной краской были открыты, и Маббон видел сорняки, растущие между напольных плит.

«Здесь есть другие заключенные?» спросил Маббон.

«Нет,» сказал Варл. «Они очистили это место специально для тебя.»

«Меня и шести охранников?»

«Нет, гарнизон из тридцати плюс охрана из шести человек.»

Они приблизились к открытому двору двадцати метров шириной. Территория была сверху накрыта цепной сеткой. Над высокой стеной, Маббон мог смутно видеть множество паровых заводов, выбрасывающих медленные, тихие столбы бледного пара в ночной воздух.

Варл заставил Маббона подождать перед тем, как выйти во двор. Роун появился в дверном проеме на дальней стороне.

Он сделал жест, Танитский ручной код.

«Привел его, полковник,» сказал Варл, жестикулируя в ответ.

«Полковник?» спросил Маббон.

«Ага, произошло много какого дерьма,» сказал Варл.

На дальней стороне, Роун слегка прошел от дверного проема, с лазерной винтовкой наготове, всматриваясь в крыши, которые нависали над цепной сеткой. Рядовой Номис шел позади него, формируя прикрытие в виде буквы V. Они не вызвали незамедлительного огня.

Очевидно удовлетворенный, Роун подал сигнал Варлу.

«Теперь за мной, пошустрее,» сказал Варл Маббону.

Они рванули через двор. Через секунды, лазерные заряды захлопали вокруг них, отвесный огонь вниз сверху и сзади. Выстрелы проделывали выжженные дыры в неровной поверхности двора, и оставляли светящиеся дыры в сетке сверху.

Роун с Номисом открыли огонь, посылая выстрелы в крышу, и оставляя еще больше оплавленных дыр в сетке. Варл обхватил Маббона рукой и поволок Маббона к двери, из которой они только что вышли.

Что-то тяжело приземлилось на сетку, заставив ее звенеть и болтаться, как батут. Кимурах спрыгнул сверху. Он повернулся, балансируя на корточках на шатающейся сетке, и быстро стал стрелять под углом в убегающих Варла и Маббона.

Роун и Номис залили огнем уязвимую фигуру. Пораженный множество раз, Кимурах упал вперед, катясь и подпрыгивая на металлической сети. Местами она порвалась там, где его вес соединился с тепловым повреждением от оружейного огня. Он не был мертв. Он пытался восстановить свой баланс, чтобы снова выстрелить.

Бростин вышел из дверного проема позади Роуна. Он поднимал вверх сопло огнемета.

«Отфесай его!» крикнул Роун. «В таком темпе мы будем весь день убивать феса!»

Огнемет Бростина оторвался, и послал широкий, желтый конус огня в сеть. Кимурах был поглощен огнем. Они видели, как он трясется и вертится, огонь охватил его.

Поврежденная защитная сеть порвалась с серией резких металлических тресков. Часть ее провисла, и горящий Кимурах упал на двор.

«Ладно,» сказал Варл, таща Маббона обратно из дверного проема, где они едва не упали. «Бростин поджарил его--»

«Нет!» предупредил Маббон.

Кимурах снова поднялся, огонь все еще лизал и кружился вокруг его тела. Его одежда полностью сгорела. Его плоть, от головы до пальцев ног, была пузырящейся массой желтых выделений, вздувающихся и капающих.

Он поднял свою винтовку. Его руки и винтовка были охвачены огнем. Он сделал три выстрела. Один попал в Бростина, расплавив и сломав застежку его емкости и отбросив его назад. Два других попали Номису в лицо и горло и тотчас его убили. Затем сильный жар заставил винтовку Кимураха заклинить.

Кимурах отбросил ее в сторону, как горящую палку, и начал хромать к Варлу и Маббону.

«Дерьмовое дерьмо!» выдохнул Варл, и начал стрелять. Бростин пытался справиться со своими, теперь уже незакрепленными емкостями, чтобы снова выстрелить.

«Рядовой Бростин! Узкая струя! Узкая струя!» прокричал Маббон над головой Варла. «Сделай узкую струю!»

Бростин нахмурился, но послушно закрутил сопло, сделав его настолько узким, насколько возможно. Варл понятия не имел, как Бростин не сжег себе руки о горячий металл сопла огнемета. Роун подбежал, чтобы помочь поддержать тяжелые емкости, раскачивающиеся на плече Бростина.

Бростин снова выстрелил. Его огнемет произвел намного более дикий, высокий визг. Он выстрелил узким, сфокусированным копьем почти раскаленного добела пламени, которое ударило наступающему Кимураhu в спину.

Кимурах зашатался, иссушенный сзади интенсивной волной. Он снова вспыхнул в наплыве яростного света, плоть на его спине отслаивалась почерневшими хлопьями, как удаляется краска под язычком паяльной лампы. Он стал огненным столбом, в котором они могли видеть его ребра и длинные кости, пока мясо и мускулы превращались в плывущие облака пепла и капли горящего жира.

Он рухнул, его останки сделали кучу, похожую на костер из горящих палок. Его череп, черный, как антрацит, и дымящийся, откатился прочь.

Варл вытолкнул Маббона из дверного проема. Бростин положил емкости, тяжело дыша. Роун подошел к Номису, чтобы проверить его пульс, но один взгляд на раны человека сказал ему, что это было тщетно.

«Классный трюк,» сказал Бростин Маббону.

«Кимурах выделяет слизь через кожу,» сказал Маббон. «Это делает их крайне стойкими к энергетическому огню и высоким уровням тепла. Окутывать их огнем неэффективно, но даже они не могут выдержать непрерывный сфокусированный поток с очень высокой температурой.»

«Хорошо знать,» сказал Бростин, пытаясь на скорую руку отремонтировать ремни своих емкостей. «Потому что они отвратительные фесы.»

«Как ты их назвал?» спросил Роун.

«Кимурах,» сказал Маббон. «Избранные Анарха. Элитные и очень редкие. Привет, полковник. Я так понимаю, что уже полковник. На пути к званию этогора, если так дальше пойдет.»

Роун посмотрел на него.

«Не время и не место для болтовни,» сказал он. «Варл отведи его в укрытие. Здесь могут быть еще эти фесы.»

Варл повел Маббона за руку к двери, из которой вышел Роун.

«Сколько их, полковник?» спросил Маббон через плечо.

«Мы видели шестерых,» сказал Роун.

«И убили двоих,» сказал Варл.

«Я польщен, что они послали больше одного,» сказал Маббон. «Полковник, их будет восемь. Они либо приходят в одиночку, либо группами по восемь.»

«Восемь? Ты уверен?»

«Пожалуйста, полковник,» сказал Маббон. «Это священное число. Только шестьдесят четыре Кимураха когда-либо существуют в одно и то же время. Восемь раз по восемь, понимаете? Будут восемь. Сколько с вами людей?»

«Одно отделение,» сказал Роун.

«Одно?»

«Только Короли-Самоубийцы. Рота Б, первое отделение.»

«Тогда, с уважением, вам конец,» сказал Маббон. «Шесть осталось. Это беспрецедентно для Анарха развертывать восемь Кимурахов вместе в этот день и век.»

«Ты, очевидно, высоко в его списке того, что нужно сделать,» сказал Роун.

«Но фегат не основная цель, так ведь?» сказал Варл.

«Что?» спросил Роун.

Варл пожал плечами. «Их главная цель должна быть такой же, как и у нас,» сказал он. «Зайти за Маббоном – это просто любезность. Мы послали основную часть наших за орлиными камнями. И, если они послали восемь сюда--»

«Это сколько?» спросил Бростин. «Шестьдесят четыре минус... это пятьдесят шесть. Пятьдесят-нафес-шесть этих ублюдков?»

«Чтобы высадить всех Кимурахов на одном мире в одно и то же время,» сказал Маббон. Он был, явно потрясен. «Это неслыханно. Такого никогда не происходило. Это--»

«Это означает, что Паша и Призраки в полном фесе,» сказал Роун. «Ойстин! Дай мне вокс. Сейчас же!»

Из блокауза впереди раздались серьезные, яростные выстрелы.

«Ойстин!» крикнул Роун. Он посмотрел на Бростина и Варла. «Присматривайте за ним,» сказал он, указывая на Маббона. «Мы собираемся провести его через все это. Остаться здесь не вариант.»

Ланни Обел открыл рот, чтобы сказать, затем снова закрыл. Он покачал головой.

В конце концов, он сказал, «Фес меня, если я понимаю что-нибудь из этого.»

Он еще раз выстрелил в уже мертвого адепта-смотрителя, просто для уверенности.

Он огляделся.

«Сколько?» крикнул он. «Сколько мы потеряли?»

«Восемь,» тихо сказал Маггс.

«Девять,» сказал Ларкин. «Девять. Этцен там позади... вещи.» Он устало махнул рукой на одну из контрольных панелей турбинного зала.

Тона Крийд поднялась от тела другого адепта-смотрителя. Она подняла богато украшенный посох, с помощью которого он, без предупреждения, убил троих Призраков. Она повернула его в руке. Затем она оглядела зал. Фуцелиновый дым все еще висел в воздухе. Жуковой только что удалось вручную закрыть внешний люк, отгородившись от автомата Механикус, который теперь стоял снаружи, опустошая свой бункер с боеприпасами в плиту люка. Удары производили шум, похожий на отбойный молоток, и хлопья зеленой краски отлетали от внутренней стороны двери. За непрерывным грохотом, Крийд могла слышать другую стрельбу. Автоматон, приземистый орудийный сервитор, был одним из нескольких, который начали стрелять в галерею снаружи Турбинного Зала за секунды до того, как адепты-смотрители обезумели. По звуку этого означало, что сейчас происходил полномасштабный бой, буйствующий во всем ЭМ 14, пока роты Танитских Призраков, которые вошли в предприятие с Майором Пашей пытались отбиться от персонала Культа Механикус, который без причины повернулся против них.

Крийд быстро посчитала по головам: Обел, Ларкин, Жукова, Мкхет, Боаз, Фалкерин, Галашия, Клеб, Ифван, Маггс, Лубба... в общей сложности тридцать один Призрак из двух команд, которые она и Обел собрали, были потеряны.

«Что будем делать?» спросил Обел.

«Мы идем внутрь,» сказал Обел. «Мы идем внутрь, сейчас же, как приказала Паша.»

Крийд кивнула.

«Я думаю, что ситуация дико изменилась с тех пор, как она издала этот приказ,» сказал Ларкин. «Фесовы уроды Механикус пытаются прикончить нас.»

«Я не думаю, что они знают, что они пытаются сделать,» сказал Маггс. Он указал на экраны с данными, которые покрывали одну стену грандиозного зала. По ним катились обрывки кода и наполовину сформированные руны. Свет в зале мерцал, а массивная турбина не звучала так, как будто она хорошо работала. Даже техно-послушник мог сказать, что нечто катастрофическое произошло по предприятию Механикус.

«Они не повернулись против нас,» согласилась Крийд. «Они просто все обезумел, как будто сработал переключатель.»

«Откуда ты знаешь?» спросил Ларкин. «Они уроды и в лучшие времена.»

«Сам знаешь,» сказала Жукова. «Они взбесились. Повреждение центральной системы. Может быть, часть нападения Архиврага. Я не знаю. Но, если бы они просто решили убить нас, по какой-то логической причине, мы были бы мертвы.»

Она посмотрела на трупы двух адептов-смотрителей. Потребовались объединенные, отчаянные усилия всех них, чтобы свалить смотрителей, и только так, потому что смотрители атаковали, не обращая никакого внимания на свою собственную безопасность.

«Они сошли с ума?» спросил Ларкин. «Откуда ты знаешь?»

«Потому что они вели себя, как люди,» сказала Крийд. «Эмоции. Бешенство. Это не Механикус.»

«Ладно,» надулся Ларкин. «Тем не менее, мы все еще идем внутрь?»

«Приказы все еще в силе,» сказала Крийд. «Приказы от Паши, данные ей Гаунтом. Цель все еще важна, даже хотя игра на месте только что испортилась.»

«Хорошо,» сказал Ифван. «Но как мы попадем внутрь? И как мы узнаем, куда идти? Предполагалось, что те убийственные дерьмоголовые покажут нам.»

Жукова указала на резную металлическую табличку, прикрученную к мраморной стене. Он выглядел, как схема.

«Это кажется схемой вентиляционной системы,» сказала она.

«Давайте разберемся,» приказала Крийд. «Все, идем налегке. Мы будем передвигаться быстро, потому что мы уже потеряли время. Оружие, фонари и боеприпасы. И вода. Проверьте свои запасы боеприпасов. Остальное заберите у мертвых.»

Несколько Призраков посмотрели на нее.

«Они бы хотели, чтобы это было у нас,» решительно сказала она. «Они бы хотели, чтобы мы использовали это. Ланни, погляди, сможешь ли вызвать Пашу. Или кого-нибудь еще.»

Обел кивнул, и начал пытаться вызвать кого-нибудь по микробусине. Крийд подошла туда, где Жукова и Маггс изучали металлическую табличку.

«Это план?» спросила она.

«Ага,» сказала Жукова. «Мы вот здесь. Турбинный Зал Номер Один.» Она указала. «Значит доступ – это вот этот канал. Это слегка похоже на лабиринт, но, если я читаю правильно, мы можем проследовать по вот этим каналам вниз до главного геотермального ствола вот тут. Если ублюдки зашли этим путем, тогда они им же и выйдут. Это главное ответвление к энергетической системе города. Поэтому, если мы сможем добраться туда вниз так быстро, как сможем, мы сможем заблокировать им путь. Их единственный выход будет через нас. Так и есть, если я понимаю это правильно.»

«Ты – наша лучшая надежда,» сказала Крийд. «И наш лучший шанс найди дорогу.»

Жукова решительно кивнула. Разведчики из отрядов Крийд и Обела были среди мертвых, их плоть и кости были уничтожены гравитационными импульсами зрителей. Орнелла Жукова была ближайшим человеком, который у них был, в качестве полностью оперившегося разведчика.

«Найти дорогу – это не будет нашей проблемой,» сказал Маггс. «Проблема в остановке ублюдков. Паша и Кадл посчитали, что они *пуленепробиваемые* или какое-то такое дерьмо.»

«Нам просто нужно будет нанести им такой удар, какой сможем,» сказала Крийд.
«Огнеметы--»

«И огнеупорные,» сказал Маггс.

«У нас есть Ларкин и Окейн, так что у нас есть горячие выстрелы,» сказала Крийд.
«Мы можем принести .20»

«Снайперы и обслуживаемое расчетами? В туннеле?» сказал Маггс, усмехнувшись.

«У нас есть гранаты и трубчатые заряды,» решительно продолжила Крийд. Он посмотрела на посох в своей руке. «И мы можем импровизировать.»

Маггс вздохнул. Он посмотрел на табличку. «Если бы у меня была бумага, я бы смог сделать копию этого. Или планшет, мы бы смогли скопировать это.»

«Все планшеты тоже сломались,» сказала Крийд. «Центральная связь. Ноосферическая вещь. И я не думаю, что Механикус используют бумагу.»

«Все в порядке,» сказала Жукова, пристально смотря на табличку и двигая указательным пальцем правой руки по ладони левой, как будто она чертила. «Я смогу запомнить это.»

Крийд, Лубба и Ифван вскрыли оболочку канала. Автоматика была отключена, поэтому им пришлось откручивать тяжелые болты вручную. Они вспотели к тому моменту, как закончили. Это была работа, которую обычно осуществлял сервитор. Лубба тяжело поднял круглый люк, и стена тепла и испарений выкатилась наружу.

Это заставило их всех отступить назад.

«Дерьмо,» сказал Ифван. «Это нас убьет.»

«С нами все будет в порядке,» сказала Крийд.

«Нам нужны маски?» спросил Лубба. «Ну, знаете, дыхательные и все остальное?»

Крийд осмотрелась. Здесь было множество полок со снаряжением в рабочем пространстве зала, но никаких масок или дыхательных капюшонов. Адепты Культа не нуждались в таких вещах.

«С нами все будет в порядке,» повторила она. Она уставилась в канал, и посветила фонариком. Это была круглая металлическая труба, трех метров в диаметре, внутренняя часть была черной от копоти и минеральных отложений. Каждые три метра, она была окаймлена большим железным укрепляющим кольцом. Канал простирался так далеко, насколько мог достичь луч.

«Идем!» позвала она.

Обел собирал свое снаряжение, все еще пытаясь вызвать кого-нибудь по микробусине.

«Обел Паше. Вы слышите? Обел Паше.»

В лаборатории, Конжик передал микрофон вокса Паше.

Паша взяла его.

«Ланни? Это Паша. Прости, вокс забит тем, что бы там сумасшедшего не случилось с нашими Механикус.»

«Мы идем внутрь, майор,» ответил Обел в динамиках. *«Неидеальные обстоятельства--»*

«Делай все, что возможно, Ланни Обел. Заставь Белладон гордиться.»

«Я с Танита, мэ.м.»

«И где это, в наши дни, а? Белладон даст тебе землю и честь, когда ты вернешься домой героем. Приемный сын. Делай все, что сможешь. Через пять минут, я начну отправлять команды с этого конца.»

«Мы заперли себя здесь, майор,» сказал Обел, его голос трещал от статики. *«Какова ситуация?»*

«Плохая, грустно говоря,» ответила она. Она посмотрела на дверь, которая вела из лаборатории в галерею. У Спетнина был там отряд и еще два снаружи, отбивающиеся от всего, что близко подходило. Она могла слышать непрерывный щебет лазерного огня. «Механикус делают убийственные игрушки. Орудийные сервиторы.

Убийственные машины. Очень плохо. А, так же, жрецы сошли с ума. Мы многих убили, так же, как и они.»

«Мы будем настолько быстрыми, насколько сможем,» ответил Обел. *«Вы можете связаться с дворцом насчет подкреплений?»*

Паша состроила гримасу. «Я буду пытаться, Ланни. Теперь, идите. Император защищает.»

«Обел, отбой.»

Паша отдала микрофон назад своему адъютанту.

«Не хватило храбрости, чтобы сказать ему,» сказала она. Конжик пытался вызвать Урдешский Дворец и высшее командование несколько минут. Все каналы были мертвы. Это не были просто шифрование или интерференция. Дисплей передатчика считывал все каналы, как нефункциональные. Она приходила в ужас от того, что, как она думала, могло случиться.

Она сделала глубокий вдох. Все, что она могла сделать, так это сфокусироваться на насущном деле, работе, которую ей поручил Лорд Исполнитель.

Подбежал Спетнин. На его голове кровоточила рана.

«Ну?» спросила она.

«Почти на краю гибели,» ответил он. «Все наши роты внутри комплекса были загнаны в карманы безумием. Механикус озверели. Но они представляют из себя легкие цели. Просто требуется очень много, чтобы убить их. Уровень наших потерь составляет около тридцати процентов.»

«Трон,» пророкотала она. Это были сотни человек.

«Нашей огромной проблемой будут боеприпасы,» сказал Спетнин. «Мы прожигаемся сквозь это, и мы не можем выбрать для пополнения. Мы получим подкрепления?»

Она помотала головой.

«Не из дворца,» сказала она. «Но у нас есть четыре роты снаружи.»

«Которые сами в бою,» напомнил ей Спетнин.

«Может быть, у них дела идут лучше, чем у нас,» сказала она. «Они были готовы к своим. Конжик, пожалуйста, посмотри, сможешь ли вызвать Колосима.»

На щебне вокруг подъездной дороги, Призраки освещали ночь. Их целью было сдерживание, и они с интересом отвечали всем инсургентам на то, что они им давали. К настоящему моменту, темп огня от Архиврага, невидимого в пустоши на дальней стороне холма главной дороги, начал снижаться. Колосим полагал, что за следующие десять минут у врагов закончатся боеприпасы, или желание продолжать, или Призраки просто убьют достаточно их, чтобы их сломать.

Он выстрелил несколько раз, используя рокритовый столб в качестве укрытия, его накидка была обернута вокруг него, чтобы маскировать его в ночи. Залпы разрядов пересекали дорогу, и растянутая линия Призраков танцевала вспышками разрядов и залпами тяжелых орудий поддержки.

Его бусина протрещала.

«Колосим, говорите,» сказал он.

«Паша. Здесь дерьмовое шоу. Нам понадобится некоторая поддержка.»

«Счастлив повиноваться, как только тут все закончится, майор,» ответил он.

«Побыстрее, капитан. У нас заканчиваются боеприпасы. Если сможете добраться сюда, принесите побольше. И считайте всех и всё, кого встретите, кто не является Призраком, врагом. Механикус отвернулись.»

«Они отвернулись?»

«Ага. Долгая история. Просто доберитесь сюда. И принесите боеприпасы, и принесите штуки, которые бьют сильно. Фесовы трубы. Гранаты. Обслуживаемое оружие. У всех целей высокий останавливающий фактор.»

«Оставайтесь в живых,» ответил он. «Я уведомлю вас, как только мы выдвинемся. Колосим, отбой.»

Колосим припал к земле и пополз по щебню к позиции Брэя.

«Смена планов,» сказал он. «Мы идем внутрь.»

«В Механоядро?» спросил Брэй.

Колосим кивнул и быстро передал то, что сказала Паша. «Я хочу, чтобы ты взял, по меньшей мере, роту, чтобы отступить, как только здесь все достаточно уляжется.»

Брэй кивнул. Он посмотрел вверх по подъездной дороге в темноте, на темную громаду крепости Механикус, серый монолит в ночи.

«Иронично,» сказал он. «Мы думали, что нашей работой будет защищать это место. А не вторгаться в него.»

«Ты знаешь, в чем ирония?» спросил Колосим.

«Нет, сэр.»

«Ни в чем, нафес. Вообще. Эта ситуация продолжается и развивается. Мне не очень нравится штурмовать укрепленное место, но я не оставлю Пашу и остальных умирать там. Это больше двух третей Призраков.»

«Если мы сможем открыть главные ворота, мы сможем использовать транспортники, чтобы перевезти боеприпасы внутрь. Быстрее, чем вручную.»

«Хорошо,» сказал Колосим. «Часики тикают.»

Темп огня в их сторону, внезапно, спал почти до ничего. Только несколько одиночных стрелков продолжали стрелять.

«Какого феса?» сказал Брэй.

Колосим пододвинул микрофон ближе. «Призраки, прекратить огонь. Прекратить огонь.»

Стрельба с линии Танитцев прекратилась. Почти зловещая тишина установилась на ночном ландшафте, нарушаемая только несколькими тресками и хлопками от настойчивых стрелков и отдаленным ворчанием тепловой молнии. Плыла дымка из дыма.

«Мне это не нравится,» сказал Брэй.

Колосиму тоже. Он ожидал, что атака прекратится со временем, потому что инсургенты приходили маленькими, мобильными, скудно оснащенными единицами, и их боеприпасы были ограничены. Но они не могли закончиться у них всех одновременно. Это прекращение огня было скоординированным.

Они ждали. После пары тревожных минут, они услышали двигатель.

Транспортник-6 двигался по дороге с востока, с приглушенными фарами. Он ехал быстро. Колосим не мог ясно видеть его, но казалось, что окна его кабины были закрыты досками.

«Дерьмо!» произнес он. «Ой, дерьмо!»

Он знал, что это было. Инсургенты Сека привозили бомбы к нескольким целям за время долгих месяцев Урдешской кампании. Сейчас они что-то везли. Пешая атака была для того, чтобы держать Призраков на позициях. Теперь приближался убойный удар.

Транспортник-6 мог перевозить около десяти тонн. Если он был полностью загружен, и этим грузом был термит или D60, оба которых использовали инсургенты, тогда это может сравнять с землей пару километров вокруг подъездной дороги.

Несколько Призраков нацелились на приближающийся грузовик.

«Нет!» приказал Брэй. Случайный выстрел мог подорвать нестабильный груз. Фесова труба, как та, которая была у Чирии, могла, определенно, остановить грузовик, но результат был бы таким же. Грузовик уже был слишком близко. Взрыв мог бы забрать с собой половину Призраков.

«Отступаем?» спросил Брэй.

Колосим помотал головой. Времени не было. Никто бы не выбрался. Даже, если бы бежал.

Он бросился дальше по линии к Нессе.

«Водитель!» сказал он, жестикулируя. «Водитель или двигатель! Больше ничто!»

Она кивнула, и установила свой лонг-лаз, поставив его на сошки на верху большого камня, за которым она пригибалась.

Транспортник-6 с грохотом приближался, поднимая пыль. Он быстро ехал, и вилял в центре дороги.

«Несса?» подгонял Колосим.

«Мне нужно ждать,» сказала она.

«Чего?»

«Он должен быть боком, или выстрел чисто пройдет насквозь в заднюю часть.»

«Дерьмо!» прошипел Колосим.

Грузовик доехал до последнего отрезка. Призраки поблизости на линии распластались на земле. Грузовик с трудом прошел поворот, визжа шинами, сильно наклонившись на подвеске. Трон, он был тяжело загружен.

После поворота он начал ускоряться вверх по подъездной дороге. Он оказался почти вровень с ними.

Несса казалась безмятежной. Казалось, что она прекратила дышать.

Ее лонг-лаз громохнул.

Горячий выстрел прошел сквозь закрытое досками боковое окно кабины. Должно быть, он мгновенно убил водителя, потому что грузовик тяжело сменил направление. Несса вытащила ячейку, воткнула на место вторую, и снова выстрелила. Цикл ее перезарядки занял меньше секунды. Казалось, что она даже не прицелилась во второй раз. Она выстрелила, и второй горячий выстрел прошел сквозь крышку двигателя грузовика. Что-то взорвалось под ней, и грузовик резко уменьшил скорость. Его двигатель застучал. Грузовик медленно остановился, когда внезапное отсутствие движущей силы соединилось с уклоном подъездной дороги. Он начал спускаться назад, затем повернул в сторону и врезался в столб ограждения.

Ранее, Колосим закрыл глаза. Он открыл их. Грузовик не взорвался. Его передняя часть вмялась в столб. Он начал медленно катиться назад, несомый своим собственным весом по уклону.

«Фес!» произнес Колосим.

Грузовик тихо откатился, сдохлым двигателем, и соскочил с подъездной дороги, попав задней осью в водосток.

И снова, он не взорвался.

Колосим уже бежал. Как и Каобер с Чирией, безрассудно, из-за того факта, что они были уязвимы перед инсургентами на дальней стороне дороги.

Чирия добралась до грузовика первой, и забралась в кузов.

«Чирия?» крикнул Колосим.

«Больше D60, чем я когда-либо снова захочу увидеть в одном месте,» крикнула она в ответ. «Дерьмо.»

«Что?»

«Здесь таймер.»

«Сколько?»

«Ты не захочешь знать. Беги.»

Каобер открыл дверь кабины. Водитель за рулем, Сын Сека, был мертв. Выстрел Нессы полностью испарил его голову.

Колосим забрался в кузов. Его челюсть отвалилась. Он никогда не видел так много ящиков с D60. Может быть, полторы тонны, плюс несколько открытых ящиков с термитными минами. Чирия сгорбилась над ними.

«Это довольно примитивно,» сказала она. «Ударный детонатор запускает таймер. Очень грубо. Удивлена, что они не погибли, устанавливая это.»

«Сколько?»

«Ты, все-таки, не захочешь знать.»

«Прекрати говорить это!» воскликнул он.

«Просто возьми яйца в руки и молись,» сказала она. Она была хороша со взрывчаткой. Если кто-нибудь и мог это сделать, так это Чирия.

«Смотри-ка,» сказала она.

«Что!»

Она повернулась к нему. Широкая ухмылка появилась на ее знаменитом шрамированном лице. «Мы все еще живы,» сказала она.

Она кинула ему отсоединенный таймер и детонатор. Он неуклюже поймал их.

«Фес тебя,» сказал он. «Я почти обоссался.» Он поцеловал ее в голову.

«Отвали,» сказала она.

Они слышали треск и хлопки. Инсургенты снова открыли огонь. Он не был таким же мощным, как раньше. У них мало чего осталось.

Но они целились в грузовик. Они хотели закончить доставку своего подарка.

Колосим прыгнул с транспортного-б. Лазерные заряды и пули врезались в дорогу и водосток вокруг него. Он услышал, как один выстрел прошел сквозь брезентовый тент транспортного-б.

«Сжечь их! Заставьте их прекратить!» прокричал он в микробусину.

Призраки открыли огонь, пытаясь отогнать оставшихся инсургентов и держать их настолько прижатыми к земле, чтобы они не могли стрелять.

Но выстрелы все еще летели.

«Сюда!» крикнул Колосим. С Чирией и Каобером, он уже пытался вытолкнуть грузовик из водостока. Ближайшие огневые команды подбежали, чтобы присоединиться к ним. Один был подстрелен в заднюю часть ноги, пока бежал. Кто-то остановился, чтобы оттащить его в укрытие, зовя санитара. Остальные подбежали к Колосиму, отбрасывая свое оружие и прикладывая руки к корпусу грузовика. Они

вытащили его из водостока обратно на дорогу. Каобер наклонился в кабину, чтобы поправить руль, пока толкал. Очень тяжело, они начали катить грузовик вверх по длинному склону в направлении Механоядра. Выстрелы свистели и трещали вокруг них.

Все, что им надо было сделать, так это вытащить грузовик из зоны поражения. Затолкать его на склон. Всего лишь сотни метров было бы достаточно.

Сотни метров. Под непрерывным огнем. Толкая пятитонный грузовик, несущий полторы тонны взрывчатки.

Воздух на корабле был затхлым и влажным. Корабль, явно, перенес повреждения за прошедшую неделю, и основные климатические системы были отключены для ремонта. Сирдар прошел зоны, где основное освещение было отключено и фонари с красными линзами висели на перекладинах, чтобы предоставить временное освещение. Масло, смазка и грязная вода капали сквозь палубы и соединялись под решетчатым полом коридора. Некоторые секции были полностью перекрыты. Сирдар слышал вой силовых инструментов и разбрызгивающиеся хлопки сварочного оборудования. Несколько секций были забиты строительным мусором и корзинами с битым пластиком и керамикой. Толпы сервиторов и изможденных человеческих рабов работали, чтобы очистить от детрита проходы и отсеки. Сыны и члены экипажа брели мимо.

Шипящий шепот был повсюду. Он царапал в его ушах, и дергал в его мозгу. Он был намного, намного громче внутри корабля.

Большинство ответвлений и люков отсеков, сирдар проходил легко, без обсуждения со стороны сынов, расположенных у каждой точки. На одной, чрезмерно усердный охранник окрикнул его, когда он проходил. Сирдар продолжил уверенно идти, как будто он не заметил оклик, а охранник не последовал за ним.

На одном ответвлении, он был остановлен двумя этогорами, которые ругали его больше минуты за нездоровую жару на борту корабля и отсутствие циркуляции воздуха. Сирдар кивнул, сверился с планшетом, и пообещал, что немедленно с этим разберется.

Доступ был тревожно легким. Все, что потребовалось – это уверенность, способность выглядеть так, как будто ты отсюда, и несколько слов на языке, чтобы тебя пропустили. Достаточно цели в твоём быстром шаге, и никто не одарит тебя вторым взглядом.

К тому же, у Архиврага не было причин, чтобы поднять тревогу. Они были в сердце Оплота, безопасного места, неизвестного Имперской разведке. Единственные Имперские человеческие существа в радиусе девяноста километров были в кандалах.

Карцер находился на восьмой служебной палубе в кормовой части. Большинство заключённых содержались на берегу, особенно те, которые сообщили, что они готовы сменить сторону и принять зачисление на службу. Только наиболее значимые были отправлены на борт корабля.

Такие, как *энкил вахакан*.

Сирдар ошивался в тених колодца межпалубной лестницы несколько минут, и наблюдал за происходящим у входа в карцер. Там были внешняя и внутренняя клетки, большие и тяжёлые откатывающиеся металлические рамы, и между ними был пост безопасности, укомплектованный двумя массивными охранниками из Сынов. Там была маленькая оперативная консоль, встроенная в стену, вокс и панель безопасности, и .20 с подающей лентой на триподе, производства Урдеша, смонтированный, чтобы прикрывать внутренний отсек карцера через вторую клетку.

Пока сирдар наблюдал, пришли дамогор и два сына, и получили доступ к внешней клетке, используя ключ доступа. Они, кратко, поговорили с охранниками, которые использовали свой собственный ключ, чтобы пропустить их через внутреннюю клетку. Несколько минутами позже, другой дамогор вышел один, запирая внешнюю клетку безопасности своим собственным ключом.

Сирдар последовал за ним по служебной палубе до перекрестка, подождал, пока отряд сынов поспешно пройдет мимо, затем выкрикнул вопрос, чтобы привлечь внимание дамогора. Сирдар оставил его тело забитым в служебный шкафчик.

Сирдар вернулся к карцеру с ключом дамогора.

Без промедления, он прошел внутрь.

Охранники посмотрели на него.

«Деш арад вой толтум,» сказал сирдар. *Еще допросы.*

«Кого?» спросил один из охранников.

«Энкил вахакан,» ответил сирдар.

Охранники замешкались. Один сказал, что их не уведомили. Ничего не было запланировано.

«Он послал новые вопросы,» ответил сирдар, пожав плечами. «Он желает, чтобы их допросили сегодня ночью. Вы собираетесь быть теми, кто задерживает его от получения ответов? Это на вас, братья. Я просто скажу, что вы делали свою работу.»

Охранники переглянулись. Один встал, отпер внутреннюю клетку, затем отодвинул ее.

«Милость его голоса направляет вас и заглушает всю неправду,» сказал сирдар, когда выходил из клетки. «Я ненадолго.»

Блок карцера был вонючим, адским королевством. Он был освещен запятнанными веками светосферами в железных клетках, и палуба и стены никогда не чистились. Они были покрыты налетом боли и страданий. Некоторые из камер в блоке были незаняты. Сквозь открытый люк одной, сирдар увидел, как человека пытается дамогор, которого он видел входящим в карцер десятью минутами ранее. Его сыны, раздетые до пояса, делали работу, пока офицер стоял и смотрел, задавая один и тот же вопрос снова и снова.

Человек был Урдешским полковником, заключенным высокой ценности. Он был так далеко в забытии, что больше не издавал ни звука и даже не вздрагивал, пока сыны работали с его плотью проволочными ножами.

Глаза человека просто пристально смотрели мимо его мучителей в коридор, уставившись на свободу, которую он больше никогда не узнает. Он заметил, что сирдар наблюдает за ним. Их глаза встретились.

Пристально смотрящие глаза человека дернулись. Его рот двинулся, слегка истекая слюной. *Он понял.* Он увидел то, что все из воинства Сека на борту упустили.

Несмотря на униформу и подбородочный руку-ремень, он увидел глаза сирдара. Выражение в них. Ужас и сострадание.

Сирдар замешкался. Он хотел войти, чтобы отомстить офицеру и двум сынам. Он хотел освободить Урдешца от страданий.

Он не мог позволить себе диверсию такого рода.

Очень медленно, он покачал головой. *Не надо.*

Затем он сотворил символ аквилы.

Урдешец не ответил. Он просто закрыл глаза.

Сирдар поспешил дальше. За блоком обычных камер была зона, зарезервированная для более специализированного удерживания. Предупреждающая отметка на странице, вырванной из книги Олорта, совпадала с символом, нацарапанным над арочным проходом. Безопасность высочайшего уровня.

Он проверил, что поблизости никого нет, затем деактивировал защитное поле и прошел в арку. Промозглая и покрытая ржавчиной комната за ней была восьмиугольной. Каждая секция стены представляла собой тяжелый люк с громкоговорителем, встроенным в большое окно из усиленного стекла.

Окна люков были грязными, но было ясно, что каждое выходило в затопленную камеру. Сирдар всмотрелся в ближайшую. Жидкость за стеклом была темно-зеленой, в ней плавали обрывки волокон, похожие на осадок какого-то грязного канала. В воде была тень. Человеческий труп, сгнивший до костей, плавающий, как призрак. Он выглядел похожим на труп утонувшего моряка, который пробыл в воде долгое время.

В заиленной воде в следующей камере был похожий труп. Сирдар мельком взглянул на него. Труп внутри внезапно дернул головой и уставился на него слезящимися глазами без век, его рот без плоти защелкал.

Сирдар отпрянул от стекла. Он мог слышать скрежещущий, булькающий голос. Он шел из громкоговорителя камеры. Он увидел, что кабели прикреплены к вискам трупа.

Это были стазисные емкости, заполненные питательной жидкостью. Заключенных удерживали во временной паузе, их разумы были присоединены через аугментические связи к вокс-решеткам, которые произносили их мысли.

Он подошел к третьей емкости. Жидкость здесь была немного чище, как будто емкость заполнили всего лишь несколько дней назад. Внутри плавал утонувший человек. Его волосы были черными, его одежда была оборванной солдатской одеждой Имперской Гвардии. К его вискам тоже были прикреплены кабели. Его плоть была бескровно белой и иссохшей от длительного нахождения в воде.

«Фес,» пробормотал сирдар. Он узнал лицо. Прошло время, и оно было старше, но ошибки не было.

Он положил руки на грязное стекло.

«Привет,» прошептал он. «Ты меня слышишь? Это я. Это Оан.»

Фигура внутри зашевелилась, как будто задержалась от плохого сна. Несколько маслянистых пузырей сорвались с ее губ.

Сирдар огляделся. Рядом с люком была контрольная панель. Он мало чего знал о стазисных устройствах. Он не знал, может ли внезапное отключение повредить субъекту.

Времени обдумывать это не было. Он дернул переключатель, который должен открыть водосток и опустошить емкость.

Уровень жидкости внутри емкости начал падать. Сирдар мог слышать, как она булькает и течет потоком в подпалубном дренаже. Тело внутри медленно появлялось, теряя плавучесть и оседая в углу металлической цистерны.

Пока уровень жидкости падал, сирдар увидел свое отражение в стекле, и снял шлем. Если пленник переживет освобождение, он хотел, чтобы тот смог увидеть его лицо.

Как только уровень жидкости достаточно спал, сирдар открыл люк. Оставшаяся вода, застоявшаяся и грязная, расплескалась вокруг его ботинок. Емкость воняла органическими отходами и бактериальными процессами.

Человек внутри был вялым. Мертвым или без сознания. Сирдар схватил его и вытащил наружу. Его плоть была холодной и необычно бесцветной. Сирдар вырвал кабели из его висков, оставляя маленькие бескровные проколы, и стал давить ему на грудь. Мерзкая субстанция потекла из его безвольного рта и ноздрей.

«Ну же,» прошептал сирдар. «Не позволяй, чтобы это было привет и прощай.»

Человек забился в конвульсиях, и начал кашлять и хватать ртом воздух. Его глаза открылись. Его рвало слюной и слюной, пока сирдар поддерживал его.

Он посмотрел вверх на сирдара, моргая в тусклом свете. Возвращался кое-какой цвет, и его плоть начало показывать багровые синяки от побоев и множества незначительных боевых ран.

«Оан?» спросил он, его голос состоял из ничего.

«Здравствуй, Брин,» сказал Мколл. «Давно не виделись.»

Мколл обхватил руками Брина Майло, как человек, приветствующий сына, которого, как он думал, потерял навсегда.

ТРИНАДЦАТЬ: К СВЕТУ

У Луны Фейзкиель был чересчур упорядоченный и компульсивный разум. Это было отмечено, не всегда в лестном виде, и стало причиной ее карьерного пути в Префектус, а не в обычной командной структуре Милитарума.

Когда роты Призраков и свита прибыли в подвал, событие, которое, ей казалось, произошло месяцы назад, она прошла каждый сантиметр погребов, чтобы изучить планировку.

Сейчас для нее эта информация была бесполезной, и это глубоко беспокоило ее. Ей нравилось иметь твердые, поддающиеся проверке факты, которые давали ей власть над собственным положением. Это было потеряно, и она чувствовала, как ее давно подавленные страхи возвращаются.

Коридор, по которому она шла, был длинным. Она знала, что ни один коридор во всем подвале не был таким длинным или таким прямым. Окружающая обстановка повернулась против них, изогнутая варп-аурой или чем бы то ни было, что преследовало их.

Что бы это ни было, это производило звук, который она впервые услышала у Низкого Острия, звук, который засел в ней с тех пор и бросил ее в нисходящую спираль страхов.

Она шла впереди, контролируя дыхание, чтобы избежать панической атаки. Мерити и Мерин шли за ней. Мерити казалась встревоженной, а Мерин был либо травмирован, или не желал скрывать свою обычную, зловещую натуру. Он рассказал очень мало о том, что с ним случилось, несмотря на ее вопросы. Люди погибли. Его отряд. Что-то разорвало их на куски.

Информация – специфические детали – была инструментом, которая позволяла ей усиливать контроль. Нежелание Мерина помочь ей усугубляло у нее ощущение, что она теряет контроль.

«Ты уверена,» спросила она, «что мы тут внизу всего лишь час?»

«Около того,» сказала Мерити.

Было трудно признать это. В этом не было смысла и это не подтверждалось собственным опытом Фейзкиель.

«Я больше не уверена,» добавила Мерити. «Я ни в чем не уверена.»

«Почему ты спустилась сюда?» спросила она Мерити. «Ты спустилась в подвал. Зачем?»

«Я...» произнесла Мерити. Она ослабила хватку на карабине. «Это важно?»

Фейзкиель посмотрела на нее.

«Ты работала с кабинетом Лорда Исполнителя наверху, во дворце, но решила спуститься.»

«Я пришла, чтобы найти вас,» сказала Мерити.

«Касательно инцидента в Низком Острие?» спросила Фейзкиель. Она возилась с передней частью своего мундира в напрасной попытке стереть пятна.

«Да,» сказала Мерити. Она болезненно осознавала то, что Мерин пристально смотрит на нее прищуренными глазами. «Слушайте, это вряд ли важно прямо сейчас, так ведь, комиссар?»

Фейзкиель повернулась к Мерити и показала ей то, что, как она надеялась, было ободряющей улыбкой. Ей было трудно понять, какое выражение лица у нее, на самом деле, было, или сколько из нарастающего ужаса она выдавала.

«Мы не знаем, что важно,» сказала она. «У Низкого Острия произошли вещи. Тварь напала на Йонси и Элоди Даур. Мэм Даур описала весьма характерный звук, связанный с нападением, звук, который, я полагаю, мы слышали. Йонси присутствовала в обоих местах--»

«И?» спросил Мерин.

«Я просто сопоставляю факты,» сказала Фейзкиель. «Вы сказали, что она, так же, присутствовала, когда погиб ваш отряд. И мы обе видели ее перед тем, как погас свет.»

Мерин ничего не сказал. Он посмотрел на стену. Его дыхание были слишком быстрым, слишком поверхностным.

«Прости,» тихо сказала Фейзкиель Мерити. «Я... я дотошна до принуждения. Всегда была. Мне нравятся детали. Мне нравится знать обратную сторону всего. Я предполагаю, что это слабость. Навязчивая идея. Детали дают мне ощущение контроля.»

«Я уверена, что это делает вас очень хорошим следователем,» ответила Мерити. Мерити была напряжена и напугана, и она могла видеть, насколько была взвинчена Фейзкиель. Ей не было спокойно вместе с людьми, с которыми она находилась, хотя она была рада, что была не одна.

«Психичка, помешанная на деталях,» пробормотал Мерин. «Это то, что все говорят о тебе. Берет большую боль и отдает ее всем остальным.»

«В этом нет необходимости,» сказала ему Мерити.

Мерин пристально посмотрел на нее. «Мы потерялись, маленькая девочка,» сказал он, «и нечто из ночных кошмаров охотиться на нас. Но да, давайте обменяемся несколькими личными секретами и заплетем друг другу фесовы косички.»

«Перед лицом неопознанной угрозы, сопоставление надежных данных кажется благоразумным,» сказала Фейзкиель. «У вас есть идея получше, капитан?»

«Дайте мне пушку,» ответил он.

«У нас только две,» сказала Фейзкиель.

«А она нафес штатский!» прорычал Мерин, указывая с презрением на Мерити. «Я нафес действующий офицер в Танитском Первом.»

Он посмотрел на Мерити.

«Дай мне карабин,» сказал он.

«Нет,» ответила она.

«Комиссар?» сказал он, в поисках поддержки.

«Что случилось с вашим оружием, капитан?» спросила Фейзкиель.

«Пошла нафес. Пошли вы обе,» пробормотал он и отвернулся. Мерити могла видеть, как сильно трясутся его руки.

«Почему ты спустилась сюда?» спросила Фейзкиель Мерити.

«Я просто... просто спустилась.»

«Чтобы найти меня. Ты хочешь что-нибудь рассказать насчет инцидента у Низкого Острия?»

«Сейчас это не имеет значения. Это неважно.»

«Вы были на встрече с тактическим кабинетом Гаунта, мэм,» сказала Фейзкиель. «Это должно было быть важно, чтобы оторвать вас от этого.»

«Я кое-что вспомнила, вот и все,» сказала Мерити. Она продолжала бросать взгляд в сторону Мерина, пытаясь показать, что она не хочет говорить перед ним, но комиссар была слишком уставшая и встревоженная, чтобы заметить намек. Мерити всегда чрезвычайно не нравился Мерин. Она не собиралась вызывать у него подозрение. Не перед ним. Итак, она думала, что слышала голос снаружи душевого блока? И что? Как это даже близко имеет значение сейчас?

Мерин повернулся, чтобы пристально посмотреть на нее, внимательно прислушиваясь.

«Что ты вспомнила?» спросил он. В его голосе было напряжение. Его глаза были яркими и неморгающими, как у змеи.

«Я не хочу говорить об этом,» сказала она.

«Это должно быть важно,» сказала Фейзкиель. «Это должно быть связано с этим.»

«Нет, не связано,» настаивала Мерити.

Фейзкиель вздохнула, и повернулась, чтобы снова пойти.

Мерин мгновение стоял, пристально смотря на Мерити. Когда она начала идти мимо него, он прошептал, «Неосторожный разговор, это всегда плохая штука. Слухи, сплетни. Мы же не хотим, чтобы люди неправильно поняли, так ведь?»

Мерити проигнорировала его и пошла дальше.

Они прошли, всего лишь, несколько метров, когда снова услышали звук. Пила, визжащая где-то поблизости. Это было похоже на визг дикого животного. Свет заморгал.

«Нафес это,» прошептал Мерин. «Дай мне пушку.»

«Нет,» ответила Мерити. Это была единственная вещь, которая заставляла ее чувствовать себя хоть немного в безопасности.

«Что я думаю,» сказал Аятани Цвейл, «так это то, что тьма следует за светом.»

«Это так?» ответил Домор. Они шли, по колено в воде, по затопленному коридору. У Домора в руке был его серебряный клинок, толку то, но и он сойдет.

«Да, о, да, Шогги,» убедительно ответил Цвейл. «Как тень, понимаешь? Представь свечу.»

«Хорошо.»

«Свеча горит, понимаешь? Значит, есть свет.»

Я хорошо знаком с фесовыми принципами работы свечей, захотел закричать Домор. Он не стал. Старый священник был напуган. Он говорил безостановочно последние двадцать минут. Домор хотел, чтобы он замолчал. Он с любовью относился к старику, но он страстно желал тишины. Он хотел слышать, что происходит.

Он вздохнул про себя. *А потом что?* подумал он. Он огляделся в полуосвещенном мраке, отражения от работающих на низкой энергии ламп мерцали на рябящей поверхности сточной воды, которая все еще поднималась.

Это собиралось стать старым мрачным концом. Совсем не таким, каким он себе это представлял. Домор всегда знал наверняка, что он умрет в полку. Он подписался на это. Он доходил до этого достаточно часто, включая случай, который украл у него

глаза и оставил ему глючащую оптическую аугментику, из-за которой он получил свое прозвище.

Но он всегда представлял себе славный конец. На поле боя, героический бой рядом с Гаунтом. Благородная смерть. Может быть, потом были бы венки, и звуки горнов или салют.

Но те дни прошли. Жизнь менялась. Гаунт, теперь, был высоким и могущественным. Он никогда снова не встанет рядом в строй со своими парнями. Славные дни и благородные концы Первого и нафес Единственного были воспоминаниями. Реальность и будущее были намного более холодными местами. Ему пришлось перепредставлять свою собственную судьбу.

Но даже он никогда не мог представить это. Не это. Вонючий, незамеченный конец в запечатанном фесовом подземелье, которое перемещается вокруг него, как живая тварь, как ведовской лабиринт из старых мифов. И монстра из ночных кошмаров, прямо из тех самых детских сказок, идущего за ним, фыркающего у него по пятам и дегустирующего его следы.

«Итак, свеча зажжена, и есть свет,» сказал Цвейл. «Но свеча тоже отбрасывает тень, так ведь? Так ведь?»

«Да, отец.»

«Тень есть, *потому что* есть свет,» сказал Цвейл.

Домор бросил взгляд на старика. «Разве?» спросил он. «Или тень все еще там, когда свет гаснет, и мы не можем увидеть ее, потому что становится темно?»

Цвейл нахмурился. «Ебать-колотить, парень,» воскликнул он. «В этом некая глубокая философия.»

«Простите.»

«Нет, я просто пришел к мысли, что в моих размышлениях...»

«Нет смысла.»

Цвейл сделал паузу, почесал голову, а затем вытащил полу своей робы из воды и выжал. Он продолжал это делать. Домор не был уверен, зачем. Как только он бы выжал ее, Цвейл мог бы просто уронить ее обратно в воду и продолжить идти.

«Ладно,» сказал Цвейл. «Вот, что я думаю. Тьма следует за светом, понимаешь? Как будто... как будто она может чують это.»

«Угу.»

«С другой стороны, свет и тьма, каждому нужно, чтобы другая сторона выжила. Чтобы существовать.»

«Точно.»

«Они не могут существовать друг без друга. Они не могут быть разделены.»

«Я часто думал об этом,» сказал Домор, на самом деле не слушая.

«Значит, мы в дерьме,» сказал старик, «мы в этом ужасном, ужасно дерьмовом дерьме по яйца, потому что она здесь.»

«Кто?»

«Ты, что, не слушал? Она. Святая. Моя возлюбленная Беати.»

«Ой.» Домор сделал паузу. «Я подумал, что вы имели в виду Йонси.»

«Йонси?» спросил старик, озадаченный. «Зачем мне иметь в виду Йонси?»

Домор пожал плечами.

«И, Шогги? Почему ты подумал, что я имел в виду ее?»

Домор покачал головой. «Йонси странная,» сказал он. «Странности окружают ее. Разве вы никогда не замечали это? И эта вещь, которую мы продолжаем слышать, это звучит так, как, что бы это ни было, пришло за ней в Низком Острие. Я слышал это, отец. Это звучит точно так же.»

«Я не знаю, Шогги,» сказал Цвейл. «Ужасно думать так о маленькой девочке.»

«Она не маленькая девочка,» сказал Домор. «Она... слушайте, я люблю Колеа. Он мой брат. Далин хороший парень. Твердый и храбрый. И Тона, ну, она прошла через ад, чтобы вырастить их. Но Йонси... я не единственный, кто так думает. Элоди, она напугана ее. Даже Гол.»

Цвейл обдумал это мгновение, затем начал громко смеяться.

«Шшшш!» произнес Домор, встревоженный.

«Ты думаешь, что за нами идет Йонси?» рассмеялся Цвейл.

«Нет, не думаю.»

«Йонси. Хррр! Йонси? Я слышал кое-какие точки зрения в свое время--»

«Ладно, вы только что сказали, что это была Святая.»

«Нет, не говорил!» резко сказал Цвейл. «Я сказал, что здесь тьма, потому что она здесь. Она – свет, Домор. Свет Трона. Просто *настолько* притягательный. И тьма тянется к этому. Тень варпа, понимаешь? Она – свеча--»

«Я понял.»

«-- а варп, понимаешь, это--»

«Я уловил. Архивраг, Губительные Силы, они здесь сегодня ночью, потому что она здесь.»

«Во дворце,» кивнул Цвейл. «Я могу ощущать ее присутствие, взывающее ко мне.»

«Значит, мы не цели?» спросил Домор. «Мы просто на пути?»

«Полагаю, что так. Тьма пришла за ней. Она сильная, и она справиться с этим, но я надеюсь, что рядом с ней верные солдаты.»

«Может быть, ее еще тут нет,» сказал Домор, шлепая дальше. «Не было никакого уведомления. Никакого церемониального приветствия--»

«Ох, она здесь. Я сказал тебе, что могу чувствовать ее--»

Цвейл затих.

«Отец?»

Домор обернулся. Цвейл остановился, глубоко задумчивый.

«В чем дело?»

«Я могу чувствовать ее,» сказал Цвейл. «Я могу чувствовать, что она поблизости.»

«Так вы сказали.»

«Нет, Шогги. Подумай об этом. Я могу чувствовать ее. И я думал, ну, что это хорошо и обнадеживающе. Комфортно. Но я могу *чувствовать* ее. Как магнит чувствует настоящий север.»

«Что?»

Цвейл внезапно повернулся и начал шлепать туда, откуда они пришли.

«Отец? Отец!»

«Идем, Шогги!» откликнулся Цвейл. «Я был дураком, что есть, то есть! Это было прямо у меня перед глазами, и я упустил это.»

«Что было?»

«Я могу чувствовать ее зов,» решительно сказал Цвейл. «Боже, Домор. Ты не слушал? Не отставай. Она может вывести нас отсюда. Мне только нужно слушать, позволить себе чувствовать. Потом следовать. Быть ее пилигримом, ее имхавой, прямо так, как я делал всю свою жизнь. Следовать по ее пути. Идти к ней, откуда бы она не позвала. Позволить ей направлять меня из тьмы к свету. И тебя, конечно же.»

«Мы там уже были,» запротестовал Домор.

«Мы уже везде были,» ответил Цвейл. «В этом месте больше нет смысла. Варп позаботился об этом. Мы просто следуем за светом. Что?»

Домор улыбался. «В этом столько же смысла, как и во всем, что я слышал за сегодняшний день, отец,» сказал он.

Цвейл кивнул. «Чудеса носят маскировку, мальчик мой. Как, ну знаешь, усы и шляпы и те кушаки с помпонами. И, маски. Дело в том, что ты не всегда узнаешь их сначала,

даже когда твой разум – это высоконастроенный духовный орган, как мой. Император защищает, Шогги Домор, и сегодня он защищает нас через святость его Беати. Мы просто были слишком напуганы и озабочены и заняты, чтобы увидеть это раньше. Но теперь я это вижу, о, да! Откровение. Пелена спала с моих глаз, и я узрел путь спасения--»

Раздался ужасный, холодящий кровь визг, и нечто черное направилось из тьмы прямо к ним. Цвейл закричал и упал в большом всплеске сточной воды. Домор отпрянул. Им снова завладел ужас.

Это. Это. Это нафес это—

Он почувствовал, как когти скользнули по его щеке, как горячая кровь потекла по его лицу.

Тьма все еще визжала на них.

«Шогги? Шогги?»

Визг прекратился.

«Отец?»

«Ох,» произнес Цвейл. Он поднялся, промокший насквозь, вытирая лицо и пристально смотря на Домора. «Он достал тебя. Порезал тебе щеку.»

«Какого феса--?» заикаясь произнес Домор.

Цвейл прошлепал мимо него, и подхватил грязную массу из воды, большое рваное очертание, которое молотило там, где приземлилось.

«Ох, угомонись уже, маленький бедный мудак,» проворковал Цвейл.

Это был полковой талисман.

«Дерьмо,» сказал Домор.

«Ты видишь?» сказал Цвейл. «Это Квил. Маленький бедный мудак.»

«Квил?»

«Я назвал его. Потому что у него не было имени. Это сокращенно от--»

«Да пофигу,» сказал Домор.

Псайбер-орел был ранен. Перья были изорваны, и он был покрыт кровью. Одна из его голов была отсечена.

«Бедный старый ублюдок,» сказал Цвейл, удерживая удивительно большое и тяжелое создание в своих руках так хорошо, как мог. «Он потерял свою голову.»

«Я вижу.»

«Похож на... как там это слово? Как ты называешь двухголового орла, который потерял голову?»

«Э... орел?»

Цвейл пожал плечами. «Надо полагать.»

Псайбер-орел начал дико трястись в его руках, загребая воздух крыльями.

«Спокойно! Спокойно!» крикнул Цвейл. Он был вынужден отпустить его. Орел полетел по коридору от них, кусочки перьев плавали в воздухе позади него.

«Видишь?» сказал Цвейл.

«Что?»

«Он полетел туда же. Туда же, куда и я собирался. Он тоже может ее слышать. Птицы очень умелые. Охотники, понимаешь? Он настроился. Он следует ее зову. Святые могут делать такое, понимаешь? Они могут призывать животных и созданий дикой природы на свою сторону. Травоядные животные с ферм и охотники из леса, они собираются толпами. Ставлю на то, что он может слышать ее лучше, чем я. Острое чувство неприрученного, понимаешь, неограниченного сознательными мыслями. Бегущего по инстинкту.»

«Вы говорите, что мы должны последовать за ним?»

«Да. Он приведет нас к ней. Он выведет нас из темноты.»

«Точно,» сказал Домор.

Далин остановился, и тяжело прислонился к каменной стене.

«Дал?» спросил Колеа, поворачиваясь, чтобы посмотреть на него. Далин был бледен, и пот оставлял следы от струек в грязи на его лице.

«Дай мне момент,» сказал Далин.

«Ты заболел?»

«Я чувствую...» Далин тяжело сглотнул. «Голова болит. Мои уши. Ты это чувствуешь? Похоже на жужжание? Царапание?»

Колеа кивнул. «Это происходит с тех пор, как погас свет.»

«Что это?»

«Какая-то демонстрация,» сказал Колеа. «Гармоника, вибрация. Я не знаю. Это фоновый шум этой плохой тени.»

«Это заставляет меня чувствовать себя больным,» сказал Далин. «Моя голова, мои внутренности. Как лихорадка--»

Колеа прижал руку ко лбу Далина. Далин отдернулся с удивлением.

«Что ты делаешь?»

«Проверяю твою температуру. Лихорадки нет.»

«Ты что, мой отец?»

Никто из них не говорил какое-то время.

«Да,» сказал Колеа.

Слезы появились в глазах Далина. Он поспешно вытер их.

«Я скажу тебе, что это такое,» сказал Колеа. «Это просто тревога. Я тоже ее чувствую. Мы оба очень переживаем за Йонс.»

«Надо полагать.»

«Мы собираемся найти ее, Дал.»

«Я знаю.»

«Нет, я серьезно,» вздохнул Колеа. «Я поклялся, понимаешь? Поклялся, что защищу вас обоих.»

«Когда это было?»

«Ох, когда вы родились. Это было в первый раз. Кроме того, это было после высадки на Айгор. Тогда я сделал это вслух и громко. Сказал это. Себе, и Императору, который, я надеюсь, слушал.»

«Мы можем умереть здесь, внизу,» сказал Далин. «Я думаю, что мы, вероятно, умрем здесь.»

«Нет, в том то и дело,» сказал Колеа. «Это не был каприз. Это была клятва. Священная в своей цели. Клятва Колеа, понимаешь? У семьи Колеа сильные и гордые традиции. Вселенная уважает клятву Колеа, как Трон. Знает, что ее не сломать.»

«Гол--»

«Я серьезно, Дал. Даже фесовы Губительные Силы хорошо знают, что такую клятву не нарушить. Я буду стоять с тобой, тобой и Йонси, даже во тьме. Я буду стоять между тобой и адом--»

«Гол.»

«Что?»

«Я знаю, что ты хочешь, как лучше. Я ценю усилия. Ты просто совершенный новичок в отцовском деле, так ведь?»

Колеа пожал плечами. «Практики особо не было за последние годы,» сказал он.

«Я знаю,» сказал Далин. «Я ценю это. Но это жутко. Давай просто найдем ее.»

Колеа кивнул. «Я слишком сильно старался?» спросил он.

Далин улыбнулся. «Немного.»

Колеа повернулся и поднял оружие.

«Хорошо, Рядовой Далин,» сказал он. «Идем в ту сторону. Слева.»

Он замолк. Он поднял правый кулак и подал сигнал «тишина».

Далин поднял свое оружие, мгновенно насторожившись.

Где-то, не близко, но, все-таки в подвале, раздался вой пилы.

Затем, поблизости, всплеск.

Оба развернулись.

«Покажись!» прорычал Колеа.

«Гол?»

«Баск?»

Появился Баскевиль со своим отрядом. Они опустили оружие и зашлепали к Колеа и Далину.

Колеа с Баскевилем обнялись.

«Благодарение Трону!» сказал Баск.

«Вы в порядке?» спросил Колеа.

«Просто потерялись,» сказал Баскевиль.

«И напуганы,» сказал Оскет.

«Что с ним такое?» спросил Колеа, смотря на Бленнера. Комиссар прислонился к стене с закрытыми глазами.

«Это его достало,» тихо сказал Баскевиль. «Напряжение делает людей больными.»

Колеа кивнул. «Это не просто напряжение,» сказал он. «Я думаю, что варп воздействует на всех нас. Далин тоже болен.»

«По крайней мере, ты его нашел,» сказал Баскевиль.

«Ага. И Йонси где-то здесь недалеко.»

«Ладно, давай объединимся и найдем ее. Мы недавно натолкнулись на отряд Мерина, но снова разделились. Это было ошибкой.»

«Вместе безопаснее?» спросил Колеа.

«Точно,» сказал Баскевиль. «И огневая мощь. Чем бы это ни было, я думаю, что свалить это будет тяжело. Это делает настоящее месиво из людей.»

«Оно убивает?» спросил Колеа.

«Да, чем бы это ни было. Оно поймало нас в ловушку и убивает. Ты кого-нибудь видел?»

«Нет,» сказал Колеа. «Это гаково место играет в игры разума. Я был с Эришем и остальными, потом потерял их. Стены двигались. Я не видел никого, кроме Дала и Йонс. И это странно, потому что здесь внизу было множество людей. Я не понимаю, куда они все подевались.»

«Бонин выводил их наружу,» сказал рядовой Элс. «Но, я не знаю...»

«Может быть, это съело их всех,» сказал Оскет.

Колеа с Баскевилем посмотрели на него.

«Ты фесов луч радости, Оскет,» сказал Баскевиль.

«Простите, сэр.»

«Давайте пойдем вперед,» сказал Баскевиль. «Всем высматривать дочку Колеа, хорошо?»

«Оставайся рядом с Далином, ради меня,» прошептал Колеа Баскевилю.

«Конечно. Почему?»

«Я думаю, что слегка перестарался. Попытался сделать всю эту заботливую отцовскую вещь и не получилось. Ему нужен товарищ и офицер.»

Баскевиль кивнул. «Не проблема.»

«А я посмотрю, смогу ли заставить Бленнера собраться с духом,» сказал Колеа.

«Хорошо,» прошептал в ответ Баскевиль. «Он сильно напуган, Гол. Я думаю... я думаю, что он может быть на чем-то.»

«Таблетки?»

«Я не знаю. Но я думаю, что он продолжает что-то принимать. Если он взвинчен, он обуза. Я имею в виду, я чувствую к нему сожаление. Страх – это сука, и я знаю, что она кусает нас всех разными способами. Но он был бесполезным мешком дерьма с самого начала.»

«Ты имеешь в виду, с тех пор, как он присоединился к полку?» спросил Колеа.

Баскевиль фыркнул.

«Не будь жестоким,» сказал Баскевиль. «У него были свои моменты. Но здесь, внизу, сегодня? Я думаю, что он, должно быть, более взволнован делом Эзры, чем мы думали.»

«Что, из-за казни Вайлдера?»

«Знаю, знаю. Это был правильный позыв после того, что это дерьмо сделало. Но, я думаю, что наш дорогой Вэйном должно быть борется с этим. Убить врага в битве – это одно. Применить санкции к одному из своих...»

«Он – комиссар, Баск.»

«Ага. Но, как ты указал, не очень хороший. Мне интересно, приходилось ли ему делать такое раньше. Я имею в виду, вынести приговор таким способом. Я думаю, что это потрясло его.»

«Он мне сказал практически то же самое,» сказал Колеа.

«Ладно. Теперь это, плюс, может быть, таблетки. Может быть хорошей мыслью забрать у него оружие. Если все пойдет не так, как надо, и превратится в перестрелку, он может быть совершенной обузой.»

«Понял,» сказал Колеа.

«Ладно!» провозгласил Баскевиль, снова повышая голос. «Давайте сваливать. Направляемся налево.»

«Все в порядке, Вэйном?» спросил Колеа, пойдя рядом с Бленнером.

«Ох, да, превосходно,» сказал Бленнер. Он был неубедительно бодр. Колеа мог чувствовать вонь его страха даже сквозь резкий запах сточной воды.

«Это плохое дело,» сказал Колеа, пытаюсь звучать ободряюще. «Но мы прикрываем друг другу спины. Я прикрываю твою, хорошо?»

Бленнер кивнул. Он поправил свою фуражку и понадеялся на то, что во мраке Колеа не сможет увидеть, что он начал плакать.

Святая вела их к основанию лестницы.

«Я не знал, что подвал так глубоко,» тихо сказал Гаунт.

«Не был,» ответил Харк.

Гаунт усилил хватку на своем мече. Он бросил взгляд на Керт.

«Я бы предпочел, чтобы ты пошла назад, Ана,» сказал он.

Керт помотала головой.

«Там могут быть раненые, Лорд Исполнитель. Вам нужен медик,» просто сказала она.

«Раз уж мы заговорили о том, чтобы избежать опасности, сэр,» начал Санкто.

«Даже не пытайся, Сцион,» сказал Гаунт.

«Да, мой лорд.»

Все лампы были отключены, но подвал был освещен тусклым светом, как будто нездоровый свет сочился из камней. Беати шла впереди, окруженная по бокам ее двумя бдительными офицерами, затем шел Гаунт, Харк и Керт и четверо Сционов. Позади них были Даур, Белтайн, Рядовой Пердэй и инквизитор. Гаунт отправил Грае найти помощь для Онабель и направить подкрепления, которые Гаунт надеялся, во имя Трона, уже в пути от Вон Войтца.

Длинный пролет каменных ступеней закончился в арочном проходе, который казался слишком большим и широким даже для винного погреба дворца.

Воздух царапал в их ушах и внутри их голов. Это было похоже на жужжание мух или постоянная грызня личинок, как будто все в отряде уже были мертвы и разлагались. В воздухе был запах гнили и разложения.

За аркой находился большой зал. Гаунт мгновенно смог увидеть его невозможность. Ни один погреб в массивном каменном строении, как Урдешский Дворец, не мог быть настолько широким и низким без поддерживающих колонн. Стены были побеленными, но это выглядело болезненно желтым в мерзком свете.

Пол был черным.

Они медленно продвигались, с поднятым оружием, прикрывая друг друга.

«Этого здесь не было,» тихо сказал Харк. «Это был коридор, затем казармы сбоку. Не это место.»

«Оно становится сильнее,» сказала Лакшима. Она подстроила настройки на археотехническом оружии, встроенном в ее блестящий золотой манжет. «Оно питается, и растет... его способность манипулировать и искажать реальность возрастает.»

«Согласна,» спокойно сказала Беати.

«Машины скорби были механическими устройствами,» сказала Керт. «Они не могли--»

«Херитор Асфодель, да проклянет его Трон, был гением,» сказала Лакшима. «Боюсь, что мы продолжаем недооценивать то, что его мерзкое воображение могло создать и выпустить.»

Харк наступил на что-то, что с треском сломалось. Он посмотрел вниз.

«Ох, Трон,» пробормотал он. Он едва мог видеть это, потому что это было таким же черным, как пол. Керт наклонилась вместе с ним.

Это была часть человеческой челюсти с тремя молярами в ней. Она была черной, потому что была покрыта кровью, и в странном свете, краснота крови казалась черной.

Оно осознали, на что смотрят. Весь пол в зале был покрыт кровью и усеян физическими останками дюжин людей. Осколки костей, случайные ребра, куски мяса и мускулов, ни один фрагмент не был больше человеческой ладони.

«Оно наелось,» сказала Лакшима.

Даура начало трясти. Он боролся, чтобы сдерживать это, но ужасный мучительный стон прозвучал сквозь его сжатые зубы. Белтайн схватил его и крепко держал обеими руками, чтобы он не упал. Керт и Гаунт подошли к нему.

«Бан?» сказал Гаунт.

Даур не мог говорить.

«Бан? Иди назад,» сказал Гаунт. «Иди наверх. Тебе не нужно быть здесь. Я прикончу это. Я тебе обещаю.»

«Нет,» умудрился ответить Даур. Его голос был тонким и тихим, как будто он был сокрушен сильным гравитационным полем. «Мне нужно быть здесь.»

Гаунт кивнул.

«Будь с ним,» сказал он Керт.

Они снова пошли вперед. Дальний конец обширного зала стал видим во мраке. Восемь дверей, ведущих в разные стороны.

«Не говори,» сказал Гаунт. «Раньше этого не было?»

Харк помотал головой.

«Оно играет с нами,» сказала Лакшима. «Оно чувствует нас. Чувствует ее, я думаю.»

Она кивнула в сторону Беати. Святая смотрела на двери с поднятым мечом.

«Оно хочет разделить нас,» сказала Лакшима. «Поймать нас в ловушку, заставить нас потеряться в своем маленьком карманном лабиринте.»

«Кажется, вы много знаете,» сказал Сариадзи.

«Я многое повидала,» сказала Лакшима. Она сделала паузу. «Но ничего такого масштаба.»

Беати пошла к дверям. Аурбен и Сариадзи поспешили, чтобы встать по бокам от нее, но она подняла руку, чтобы остановить их.

«Я не хочу играть в игры этого,» сказала она. «Просто чтобы оно знало, я говорю это громко. Я не хочу играть в эти игры.»

Вой пилы для костей раздался эхом из-за одной из восьми дверей, за которой последовала тишина. Затем раздалось царапание камня о камень. Стена перед ними медленно перемещалась. Они могли видеть, как каменная кладка двигается, скрежеща край о край, пока перестраивалась. Семь дверей исчезли, став твердой стеной. Осталась только одна.

«Оно вас услышало,» сказала Лакшима.

«Или играет в другую игру,» сказал Харк.

Беати подняла меч и приблизилась к двери. Они выстроились позади нее, следуя рядом. Через несколько шагов, они осознали, что вошли в воду глубиной в несколько сантиметров. Лампы заморгали, старые световые лампы сводчатого подвала в своих ржавых проволочных решетках, освещающие побеленные стены перед ними.

«Это... это так, как было,» сказал Харк. «Главный коридор. Справа впереди должен быть дверной проем. Первое жилое помещение.»

Оно было. Старые деревянные двери были захлопнуты, но не совсем закрыты. Они выглядели так, как будто кто-то методично прикладывал к ним циркулярную пилу.

Гаунт встал рядом со Святой, и они вместе подошли к двери.

«Мой лорд!» прошипел Санкто.

«Заткнись.»

Гаунт посмотрел на Святую. Она кивнула.

Они вместе выбили ногами двери.

Перед ними стоял человек, всего лишь в нескольких метрах внутри. Он методично стал стрелять в них из лазерной винтовки. Она производила сухой, щелкающий звук. Ее силовая ячейка давным-давно истощилась.

Человек уронил ее, его руки были тяжелыми и вялыми, и вытащил свой серебряный клинок. Он сделал шаг вперед, затем замер.

Он уставился в их лица, сбитый с толку, как будто он не мог должным образом опознать их.

Он был покрыт засохшей кровью.

«М-мой лорд,» произнес он.

«Мах,» сказал Гаунт.

Истощенный и травмированный сверх меры, Бонин упал на колени у ног Гаунта.

«Я пытался,» прошептал он. «Я пытался. Я пытался спасти их. Так много, как мог. Это появилось отовсюду. Из каждой тени.»

Гаунт наклонился. «Успокойся, Мах,» сказал Гаунт, держа человека за плечи. «Ана? Сюда, пожалуйста.»

Гаунт посмотрел мимо Бонина. Еще один человек был поблизости. Он вышел из тени, ножка стула была в его руке, чтобы воспользоваться ей, как дубинкой. Он тоже был покрыт кровью, и молчаливо покачивался на ногах.

Это был Еролемев. Святая пошла вперед, чтобы поддержать его.

«Сядьте,» сказала она. «Сядьте.»

«Нам... нам нужно продолжать. Держать двери закрытыми...» прошептал старый капельмейстер.

Там были и другие. Рядовой Лухан выполз из укрытия, положил свою винтовку и начал плакать. Всхлипы и бормотание распространились сквозь темноту позади него. Зашевелились очертания. Гаунт увидел испуганные лица женщин и нескольких детей, все из свиты.

«Сколько ты спас, Мах?» спросил он.

Бонин покачал головой, его глаза были безжизненными.

«Двадцать... может быть, тридцать...» сказал он. «Всех, кого смогли.»

Гаунт сжал его плечо.

Он выпрямился и посмотрел на скрывающихся выживших.

«Святая здесь,» сказал он. «Тьма закончится. Мы пришли вывести вас наружу.»

«Лестницы нет...» пробормотал Еролемев.

«Теперь есть,» заверила его Беати. «Лестница, дверь, и свет наверху. Вы вынесли великий ужас, но вы остались сильными. Император защитил вас.»

«Недостаточно,» сказал Бонин. «Даже близко недостаточно. Мы пытались, но...»

«Мне нужно, чтобы этих людей вывели отсюда,» сказал Гаунт. «Быстро. Сейчас же. Санкто?»

Сцион нахмурился. «Я буду служить вам без вопросов, мой Лорд Исполнитель,» сказал он, «за исключением такого момента. Моя основная клятва – защищать вас. Я вас не покину.»

Гаунт посмотрел ему в глаза. Санкто не вздрогнул. Гаунту он не нравился, но ему приходилось восхищаться стальной дисциплиной и преданностью человека.

«Они все могут идти?» спросил он. «Вы все можете идти?»

Ответом ему были стоны и слабые звуки подтверждения.

«Хорошо,» сказал Гаунт. «Пердэй, Белтайн? Выведите их наружу. Пусть они возьмутся за руки. Заберите их всех, один из вас впереди, другой сзади. Да, как детей, Бел. Выведите их наружу и отведите в ближайший медицинский зал.»

«Третий уровень,» сказал Харк.

«Быстрее, пока стены находятся там, где находятся,» сказал Гаунт.

«Мах? Сержант-майор? Лухан?» Гаунт посмотрел на трех Призраков в состоянии шока. «Бел за главного. Просто следуйте за ним. Без споров. Следуйте за ним и делайте то, что он вам говорит. Вы ходячие раненые. А, так же, вы храбрые, как фес.»

Бонин молча кивнул.

Белтайн взял его руку и начал вести линию шаркающих, с пустыми взглядами, выживших наружу.

Даур посмотрел на Бонина, когда он проходил мимо.

«Элоди?» спросил он.

«Она... она была на лестнице,» сказал Бонин пустым голосом. «После этого я ее не видел.»

Длинная линия выживших змейкой потянулась наружу. Отряд Санкто прикрывал их, пока они не ушли из коридора.

«Оно не добралось до всех,» сказала Лакшима. «Значит, оно все еще голодно.»

«Согласна,» сказала Беати.

Они подождали, пока выжившие не уйдут, затем вышли из жилого помещения, где Бонин и остальные скрывали и защищали их, и пошли дальше по коридору в глубину подвала. Кровавые отметины местами пятнали штукатурку, кровавые отпечатки рук, размазанные по каменной кладке.

Коридор сузился и ушел вниз на шесть каменных ступеней. Вода покрывала ступени по колено глубиной. Святая не замешкалась. Они пошли за ней сквозь холодную воду и сквозь арку в следующий большой жилой зал. Этот был сводчатым, с каменными столбами, поддерживающими изогнутый потолок. Куски постельных принадлежностей и деревянные обломки плавали на мягко качающейся поверхности воды. Пустая консервная банка. Детская игрушка.

«Оно близко,» сказала Лакшима.

Царапание и жужжание стало громче. Керт посмотрела на воду у своих ног, и увидела, что поверхность дрожит, как будто подвергается интерференционным шаблонам микровибрации.

Они разошлись, с оружием наготове, оставляя маленькие пузырящиеся волны позади себя. Керт оставалась с Дауром.

Внезапно, Санкто поводил оружием вокруг, прицеливаясь.

Перед ними стояла Йонси, в нескольких метрах. Она пристально смотрела на них большими, испуганными глазами. Вода доходила ей до бедер, и она была промокшей насквозь, ее одежда прилипала к ней. Она обняла себя, чтобы согреться, ее плоть была розовой от холода.

«Папа Гаунт?» сказала она.

Гаунт отодвинул прицел Санкто вверх.

Он сделал шаг к Йонси.

«Йонси? Ты в порядке? Ты здесь одна?»

Йонси кивнула, ее зубы стучали.

«Я потерялась,» сказала она. «Здесь была плохая тень.»

Керт зашлепала вперед, чтобы присоединиться к Гаунту. Они вместе приближались к Йонси.

«Как она все еще жива?» позвала Лакшима.

«Так же, как Бонин и остальные,» резко бросил Харк.

«В одиночку?» спросила Лакшима.

Гаунт брел в воде к Йонси, которая протянула руки, чтобы ее подняли.

Керт схватила его за руку.

«Она хихикала. Мы ее слышали,» сказала она.

«И?» спросил он.

«Отпрыск Великого Мастера,» сказала Керт. «Как сказала Лакшима. Дочь. Рожденная на Вергхасте.»

Гаунт посмотрел на нее, затем снова на ребенка, протягивающего к нему руки.

«Это ребенок Майора Колеа?» внезапно спросила Лакшима.

«Да,» сказал Харк.

«Такое возможно, что сигнал можно интерпретировать по-разному,» сказала Лакшима. Она быстро пошла вперед, вода рябила вокруг ее длинной мантии. «Лорд Исполнитель--»

«Йонси,» сказал Гаунт. «Послушай меня, Йонси. Почему ты смеялась? Что заставило тебя смеяться?»

«Потому что время пришло, глупый,» сказала она. «Папа говорит, что время пришло. Я этого не хотела, но он говорит, что время пришло. Плохая тень больше не будет ждать.»

Начался низкий вой, похожий на то, как пила для костей раскручивается до полных оборотов. Интенсивная рябь пошла по воде от Йонси Колеа, и по воздуху вокруг нее, пока подпространственные мембраны трещали и изгибались.

Керт закричала. Гаунт просто заслонил ее собой.

Йонси больше не была Йонси. Удушающая тьма вырвалась из нее, как будто мертвая звезда моргнула анти-светом. Она раскололась и перестроилась в четкую, но сложную фрактальную форму, складываясь, как какой-то сложный, шарнирный пазл. Ее улыбка была последней вещью, которая исчезла.

То, что заняло ее место, все еще было ей. А, так же, самой омерзительной тварью, которую кто-либо из них когда-либо видел.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ: ПРАВДА И ДРУГАЯ ЛОЖЬ

«Это зловеще, и невозможно притворится, что это не так,» сказал Колеа, пока они брели.

«С вашей маленькой девочкой все будет в порядке,» сказал Бленнер рядом с ним. «Я в этом уверен, майор.»

Он не звучал уверенно. В полусвете, Колеа мог видеть напряженный язык тела Бленнера, как будто он пытался сбегать в себя, потому что здесь больше не было, куда уйти.

«Я ценю, что ты пытаешься звучать ободряюще, Вэйном,» сказал он.

«Ну, для этого и есть комиссары,» сказал Бленнер с пустым смехом.

«Для этого и других вещей.»

Бленнер вздохнул. Его дыхание убыстрилось. «Издержки профессии,» сказал он.

«Хотя, должно быть, было сложно в первый раз?»

«Я не хочу думать об этом,» сказал Бленнер.

«Прости,» сказал Колеа. «Мы должны держать себя в руках.»

Бленнер кивнул. «Я... я нахожу это трудным в эти дни, майор,» ответил он.

«Иногда просто нужен кто-то, с кем можно поговорить,» сказал Колеа. «Друг. Понимаешь? В противном случае, такие вещи укрепятся внутри. Зажмут человеческий разум. Заставят его делать глупые вещи.»

«Вещи?»

«Я знал людей, разваливающихся на части,» сказал Колеа. «Начавших пить. Или злоупотреблять таблетками. Просто чтобы держать демонов внутри.»

«Таблетки?»

«Всегда есть путь назад, Вэйном. Просто нужно открыться и поговорить.»

«Я бы хотел--» начал Бленнер.

«Что?»

«Я бы хотел, чтобы ты только что не сказал «демоны»,» сказал он.

Колеа улыбнулся. «Вэйном?»

«Да?»

«Раньше... ты помнишь? Когда я только спустился в подвал. Ты собирался сказать мне кое-что.»

«Разве?» спросил Бленнер. «Я не помню.»

«Я помню,» сказал Колеа. «Если я когда-либо и видел человека, который собирается сбросить бремя со своих плеч, тогда, это был ты. Что это было?»

Бленнер какое-то время не отвечал. Затем из него вырвался тихий надорванный писк.

«Я не могу это сделать,» сказал он. Колеа едва мог его слышать. «Вина. Это вина, понимаешь? Только *на* мне, на мне, все время.»

«Поговори со мной, Вэйном,» Колеа уронил свой голос до низкого шипения. Им пришлось замедлиться, и остальной отряд Баскевиля слегка оторвался от них.

Бленнер посмотрел на Колеа. Его глаза были отеками и красными. Крошечный тик заставлял его левую щеку дергаться.

«Низкое Острие,» сказал он. «Это было глупо. Так глупо. Я... я просто пытался держать себя в руках. Они вонзили в меня когти. Я имею в виду, меня как следует поимели. У них была грязь на меня, которая бы стала... стала бы концом.»

«Кто?»

Бленнер сглотнул, и вытер глаза.

«Ничто из этого сейчас не имеет значения,» сказал он. «Это все казалось таким важным тогда, но сейчас? Здесь? Фес! Это так нелепо! Ужас здесь, наши жизни... за нами идет смерть, и выхода нет.»

«Расскажи мне,» сказал Колеа.

«Что?» Бленнер рассмеялся пустым смехом. «Признание на смертном одре?»

«Думай об этом, как об отпущении грехов,» сказал Колеа. «Если это будет нашим концом здесь, внизу, то как ты хочешь, чтобы это произошло? Разве ты не хочешь оставить этот долг и перейти в следующую жизнь с чистой совестью?»

«Только в смерти, а?»

«Они говорят, что так это заканчивается. Долг, да. Я не знаю насчет вины.»

Бленнер замешкался.

«Я не помню, чьей это было идеей,» тихо сказал он. «Гендлера, может быть? Вайлдер ухватился за это, и они притащили меня, потому что они знали, они *знали*, что могут шантажировать меня ради помощи. Это были просто деньги, майор. Просто деньги. У сына Гаунта было так много, я имею в виду, *так* много. Доступ к активам Дома Часс. Мы не знали, ни тогда. Мы не знали, что парень был... не парнем.»

«И?»

«Предполагалось, что Гендлер припугнет его в душе. Напугает его, и заставит его перевести некоторую сумму нам. Вот так и должно было все быть. Но Гендлер, этот фес Диди Гендлер, он был жестоким. Сбил парня с ног. Вот тогда вошли мы. Вот тогда мы осознали, что сын был, на самом деле, фесовой дочкой. Затем Гендлер симпровизировал нафес. Решил, что она не сможет ничего рассказать, если умрет.»

Он посмотрел на Колеа.

«Эзра обнаружил их. Я думаю, что он присматривал за Мерити, ходил за ней тенью. Он вмешался и убил Гендлера. Ранил Вайлдера. Затем вошли мы и притворились, что помогаем ему, хотя мы были замешаны в этом все время. Он убил Эзру. Сказал, что мы должны сказать, что это сделал Вайлдер. И что я обнаружил их и казнил Вайлдера на месте. Никаких несостыковок, понимаешь? Видишь, как это сработало? Он заставил меня убить его, Гол. Он заставил меня пристрелить Вайлдера. Вайлдер умолял меня не делать это, а я просто--»

«Вэйном? Вэйном, послушай. Кто заставил тебя? Кто бы другим человеком в вашей группе?»

«Мерин,» сказал Бленнер.

Колеа сжал челюсти.

«Это маленькое дерьмо,» прошептал он. «Это был он? Он убил Эзру?»

Бленнер кивнул. Колеа хотел двинуть ему кулаком в лицо, а затем продолжать бить. Но он сдержал свою ярость.

«Ты сделал правильную вещь, Вэйном,» выдавил он. «Храбрую вещь. Теперь ты чувствуешь себя лучше, да?»

Бленнер снова кивнул.

«Хорошо. Ладно. Давай разберемся с этим, и, если мы выживем, мы сможем разобраться с Мерином. Ты сделал правильную вещь.»

«Я просто не могу так больше,» сказал Бленнер.

«Вэйном, мне нужно, чтобы ты отдал мне сейчас свое оружие. Свой пистолет. Ты можешь это сделать?»

«Да,» сказал Бленнер, и отдал свой пистолет Колеа.

«Хорошо. Я--»

«Гол!» эхом прозвучал голос Баскевиль в коридоре. «Проблемы?»

«Нет!» крикнул в ответ Колеа.

«Догоняйте! Мы не хотим потерять вас!»

«Хорошо!» крикнул Колеа.

Он взял за руку Бленнера и начал вести его по коридору. Для ярости позже будет время. Он не мог позволить, чтобы это ослабило его сейчас. Он не мог позволить, чтобы это нарушило его концентрацию. Слишком многое стояло на кону.

Только они соединились с остальными, когда начала визжать пила для костей. Она звучала очень близко, как будто была прямо за толстой и бесконечной каменной стеной.

«Ох, Трон!» крикнул Баскевиль. Он поднял свое оружие.

«Вперед!» сказал он. «Вперед! За мной, сейчас же!»

Луну Фейзкиель начало неконтролируемо трясти, когда она услышала, как снова завизжала пила для костей. Это было очень близко, и настойчиво в этот раз.

Продолжительные визги разрушительной ярости отдавались эхом в коридорах.

Она заткнула пистолет за пояс, чтобы не уронить, а затем зажала одну руку в другой в попытке контролировать дрожь.

Мерин смотрел в страхе, дергаясь от каждого, отдававшегося эхом, визга.

«Фес,» прошептал он. «Нам нафес конец. Просто конец. Знаете что? Фес с ним. Черт с ним. В ад его! Фесов Бог-Император, он сделал это с нами?»

«Капитан,» сказала Мерити, пытаясь сдерживать свой собственный страх.

«Что?» резко бросил он, обернувшись к ней. «Это правда! Это правда, тупая маленькая сучка из верхнего улья! Мы служим ему, служим ему каждый день, следуем за его фесовым светом, потому что он путь и правда и все такое дерьмо! И за что? За это? За это дерьмо? Если мы его дети, а он – наш бог, тогда он – фесов монстр!»

«Хватит,» сказала Фейзкиель, ее голос был не больше заикания.

Мерин ухмыльнулся ей. Для весьма красивого человека, его лицо ужасно скривилось. «Что? Это богохульство, так ведь? Не такая вещь, которую Гвардеец может сказать на расстоянии слышимости от своей марионетки Префектус? Мне плевать. Пошла нафес. Ты тоже знаешь, что это правда. Это шутка. Это фарс. Мы отдаем свои жизни каждый день, год за годом, просто чтобы служить его великой и непостижимой схеме. Я прошел весь кровавый путь от Танита до этого. Надежды никогда не было. Никогда не было ничего, кроме мимолетной передышки. И я повидал ужасы. Ужасы, которые никто не должен видеть. И вот награда. Запертые в яме с каким-то демоническим отродьем. Нафес Терру. Нафес Бога-Императора--»

«Я сказала, хватит, капитан,» сказала Фейзкиель.

Мерин отвернулся. «И что он сделает?» пробормотал он. «Проклянет меня? Нет проклятия хуже, чем это.»

Он закрыл глаза и прижал руки ко лбу.

«Выхода нет,» прошептал он. «Нет.»

Фейзкиель тяжело сглотнула и осторожно сделала шаг к нему. Она протянула трясущуюся руку в напрасном жесте утешения.

Что-то черное и трясущееся приземлилось на пол между ними, визжа. Оба отпрянули.

Мерин опустил свой боевой нож.

«Это фесов талисман,» сказал он. Он начал смеяться. Почему-то, Мерити ощущала, что его пустой, холодный смех был хуже, чем отдающийся эхом визг демона.

Она посмотрела вниз на раненого орла. Он трясся, его оперение было в беспорядке. Его оставшаяся голова дергалась из стороны в сторону, награждая их диким непониманием.

«Вон он! Видишь? Там--»

Старый аятани и Шогги Домор появились из коридора рядом с ними. Они остановились и пристально посмотрели.

«Трон,» сказал Домор, «никогда не думал, что мы снова увидим еще одну живую душу.»

«Шогги,» сказал Мерин в неверии.

«С вами тремя все в порядке?» спросил Цвейл.

«Да, отец,» сказала Мерити. «Рады компании.»

Цвейл посмотрел на Фейзкиель, затем подошел к ней и крепко обнял, прижимая ее голову в своему плечу.

«Ну, ну,» произнес он, пока она рыдала в складки его рубы. «Этого всего было слегка многовато. Но мы идем через это. Император защищает. На самом деле.»

«Нет, не защищает,» сказал Мерин. «Вы это слышали, так? Это звук смерти, идущей к нам.»

«Ну же, Флин,» сказал Домор. «Отец Цвейл--»

«И что он собирается делать?» спросил Мерин. «Ты знаешь, что нас всех отфесали.»

«Мне не нравится ваш тон, молодой человек,» сказал Цвейл, отпуская Фейзкиель из объятий. Он посмотрел на Мерити с печальной улыбкой, и сжал ее руку.

«Твой отец будет гордиться,» сказал он. «Ты сохранила свой резерв. Должно быть это в крови, а?»

«Я думаю, что моя отвага почти исчезла,» сказала Мерити.

«Отвага мимолетна,» сказал Цвейл. «Как цветы и боль и, так же, мягкие сыры. Вещи, которые имеют значение – это вещи, которые продолжаются. Вера. Доверие. И надежда удивительно долговечны.»

«Я ни во что не верю,» пробормотал Мерин.

«Это может объяснить многое о тебе,» сказал Цвейл. «У меня лично есть вера, которой можно поделиться. Я верю, что мы идем наружу. Я верю, что мы будем жить.»

«Вы сумасшедший старый ублюдок,» сказал Мерин.

«Может быть, Отец Цвейл и сумасшедший--» начал Домор.

«Так говорят,» согласился Цвейл со смешком. Он наклонился, чтобы успокоить орла, говоря с ним воркующим голосом и разглаживая ему перья.

«Но я ему верю,» сказал Домор. «Он завел меня так далеко.»

«Тогда, я бы не хотел думать, в каком дерьме ты был до этого,» сказал Мерин.

«Ты собираешься остаться здесь, или пойдешь с нами?» спросил Домор.

«Куда?» спросил Мерин.

Птица встряхнула крыльями, завопила, и снова взлетела.

«Туда,» сказал Цвейл, указывая на нее, когда она взлетела.

«Вы идете за фесовой птицей?» спросил Мерин.

«Мы идем к свету,» сказал Цвейл. «Идем.» Он взял Мерити за руку.

Мерин просто покачал головой от отчаяния.

«Он не ошибается,» сказал Домор. Все посмотрели на него, даже Цвейл.

«Не ошибаюсь?» спросил он.

Домор подстроил свою оптику.

«Я считываю свет там дальше. Прямо там, куда полетела птица. Свет снаружи. Трон, она может чуть свежий воздух.»

«Ты шутишь?» спросила Фейзкиель.

«Нет,» сказал Домор. Он пошел, быстро шагая по коридору. Они последовали за ним.

«Видите?» позвал он. «Вы это видите?»

Впереди был свет. Бледный косой луч света.

«Это лестница!» закричал Домор. «Это фесова лестница.»

Они догнали его. Не было никаких признаков орла, но впереди был широкий пролет каменных ступеней. Это была, без сомнения, входная лестница, которая соединяла сводчатый подвал с верхними уровнями. Слабый свет светил сверху.

Домор ухмыльнулся им, затем обнял Цвейла.

«Идем,» сказал он. «Все-таки Император наблюдал за нами.»

«Немного веры, Шогги,» сказал Цвейл, ведя Фейзкиель вверх по ступеням позади Домора. «Я тебе говорил, парень. Немного веры, я говорил.»

Мерити бросила взгляд на Мерина.

«Я надеюсь, что он не наблюдал за вами,» сказала она.

«Движение, сэр!» выкрикнул Урдешский солдат. «Еще выжившие поднимаются!»

Грае протолкнулся к передней линии Урдешского отделения, прикрывающего дверь в подвал. Появился Домор, ведя за собой остальных.

Они огляделись, моргая от света, пристально смотря на вооруженных и бронированных солдат, окружающих их. Энергия все еще была отключена во всем дворце, но Грае установил переносное осветительное оборудование с батареями, чтобы освещать зону дверного проема.

«Сколько вас?» спросил Грае.

«Пятеро, сэр,» ответил Домор.

«Танитский?»

«Да.»

«Рядовой Зент?» сказал Грае подчиненному. «Запиши имена, затем отведи их в медицинскую зону.»

Он снова посмотрел на грязную группу Домора.

«Вы кого-нибудь еще видели там внизу? Что-нибудь?»

«Это вторжение варпа, сэр,» сказала Фейзкиель. «Что-то не так.»

«Мы осведомлены об этом, комиссар,» ответил Грае. «Вы Фейзкиель? Это ваша янтарная тревога, в первую очередь, заставила нас мобилизоваться.»

«Что здесь, наверху, происходит, сэр?» спросил Домор.

«Энергии нет,» сказал Грае. «Мы думаем, что это результат вторжения. Ладно, идите и пусть вас осмотрят.»

«Сколько еще остальных выбралось?» спросила Мерити.

Грае посмотрел на нее.

«Вы Мерити Часс?»

«Да,» сказала она.

«Это благословение, по меньшей мере,» сказал Грае. «Как вы нашли выход наружу?»

«Мы держались вместе,» сказал Мерин. «Просто шли насквозь и искали выход.»

Мерити бросила взгляд на него. Она слишком устала, чтобы уточнить его ответ.

«Хорошая работа, капитан,» сказал Грае. «Я уверен, что Лорд Исполнитель похвалит вас за то, что присмотрели за его дочерью.»

«Я спросила, сколько еще выбралось,» сказала Мерити.

«Уже около тридцати,» сказал Грае. «В основном свита, сильно травмированные. Я слышал, что там внизу мрачно.»

«Мрачно, как в аду, сэр,» сказал Мерин.

«Где мой отец?» спросила Мерити.

Грае бросил взгляд на дверной проем.

«Он пошел туда, чтобы устранить угрозу,» ответил он. «С ним Беати.»

«Это ошибка,» сказала Мерити. «Это... вы понятия не имеете. Это ужасная разрушительная сила. Вы должны были закрыть территорию и зачистить ее. Или послать внутрь батальон тяжелой пехоты.»

«Наши ресурсы ограничены,» сказал Грае. «Дворец беззащитен. Все системы отключены и Архивраг бьет по городу. Как только вам осмотрят, вы присоединитесь к эвакуации.»

«Я бы предпочла остаться, сэр,» сказала Мерити.

«У вас нет выбора,» сказал Грае. «Даже магистра войны увозят.»

Их отвели вверх на два этажа, по коридорам дворца, освещенным только аварийными фонарями. В ночи снаружи, сильный дождь бил по окнам. Было странно не слышать постоянное шипение пустотных щитов дворца.

Молитвенная часовня была превращена в медицинский пункт. При свете ламп, медицинские работники проверяли всех приведенных выживших. Большинство выживших сидели на скамьях часовни, тихо и скученно, пялящиеся и изможденные. Мерити увидела женщин из свиты и несколько детей. Их одежда была темной с

высохшими кровавыми пятнами. Поблизости, Белтайн и Рядовой Пердэй стояли с Бонином, Еролемевем и Луханом, ожидая новостей. Домор и Цвейл тотчас пошли к ним. Мерити увидела, как Домор и Белтайн разговаривают с оживленной настойчивостью. Бонин, Лухан и сержант-майор двигались в тупом, пустом ступоре крайне шокированных боем.

Урдешский санитар отвел Мерити и Фейзкиель в сторону для осмотра. Мерин просто сел на скамью, отклоняя внимание.

Санитар с Мерити подошел, чтобы забрать у нее карабин. Она помотала головой.

«Я хочу, чтобы он был со мной,» сказала она.

Она терпеливо сидела на металлическом стуле, пока дворцовый медик проверял ее глаза светом и проверял пульс. Жуткое спокойствие поселилось в ней, пустой вакуум, который последовал за длительным стрессом. Ее слух стал приглушенным, и все казалось сном: пустые лица тихих выживших, низкий шепот голосов, звон медицинского оборудования о хромированные подносы, трепет свечей, перемигивание света на золотой листе, украшающей фрески на потолке часовни.

«Спасибо вам,» тихо сказала она.

Фейзкиель сидела на стуле рядом с ней, пока санитар проверял ее успокоившийся пульс.

«Что?» сказала она.

«Вы вывели меня оттуда,» сказала Мерити.

«Не совсем,» сказала Фейзкиель. «Отец Цвейл был прав. Ты держала себя в руках.»

«Я просто... я не хотела умирать,» сказала Мерити.

Она бросила взгляд на Фейзкиель. Комиссар позволяла санитару снять свой мундир.

«Ты держала себя в руках лучше, чем я,» сказала Фейзкиель. «Та тварь, тот звук... это пугало меня с самого Низкого Острия. Я не могу объяснить. Домор и я, и Бленнер тоже. Мы все слышали это там, и я думаю, это сделало нас--»

«Что?»

«Уязвимыми. Более восприимчивыми к страху. Я не знаю. Я знаю, что я никогда раньше не была так напугана. Я знаю, что я не должна была быть так напугана. Настолько безнадежно. Я--»

«Это не важно,» сказала Мерити. «Вы не сломались, как этот ублюдок, Мерин.»

Они посмотрели через часовню на Мерина, сидящего в одиночку, с задумчивым выражением лица, пока он пристально смотрел в никуда.

«Я думаю, что он увидел больше, чем мы,» сказала Фейзкиель.

«Может быть,» сказала Мерити.

Она посмотрела на Фейзкиель.

«Теперь это не важно. Трон знает, это малозначимо. Но когда все это закончится, вам будет нужно поговорить с ним,» сказала она.

«С Мерином?»

Мерити пожала плечами. «Насчет инцидента. Я не могла говорить внизу, потому что он был с нами. Вы продолжали спрашивать. Но я пришла именно затем, чтобы найти вас. Я вспомнила, что слышала, как он разговаривает с Далином снаружи душевого блока. Прямо перед тем, как все произошло.»

«Ты думаешь, что Мерин был вовлечен?»

«Да,» сказала Мерити. «Он почти признался мне в подвале. Он предупредил, чтобы я держала рот на замке.»

Фейзкиель кивнула.

«Я сломаю его,» сказала она. «Я закончу его карьеру. Как только он признается, для него это будет приговор.»

Мерин сидел один. В дальнем конце часовни, Мерити Часс сидела с Фейзкиель, санитары сутились вокруг них. Они разговаривали.

Вот, как к тебе относятся, подумал он. Привилегии. Дочь Лорда Исполнителя. Настолько нафес особенная. Люди благодарят ее за то, что она выжила.

Она была ничем. Просто аристократической сукой из верхнего улья, рожденной в богатстве и могуществе. Она ничего не знала о настоящей жизни, и, определенно, ничего о солдатской службе.

Мерин знал. Он был Призраком с самого Танита. Он прошел весь этот путь, присматривая за своей собственной спиной, потому что ни один ублюдок не стал бы. У него были навыки. Он научился им за все это время. Как сражаться, чтобы выжить. Как победить врага, который собирается убить тебя. Как использовать клинок.

И, спасибо поврежденным ублюдкам, которых они набрали после Улья Вervун, как читать по губам.

Он наблюдал за ними. За Мерити Часс и Луной Фейзкиель.

Он наблюдал за их разговором.

Гаунт держал Керт за руку и тащил ее сквозь тьму. Воздух замерзал и визжал вокруг них, и вода в зале хлестала, как волны при океаническом шторме.

Они едва могли видеть. Плохая тень была везде, хлестая усиками омерзительной фрактальной тьмы, сворачивая свет в черноту пустоты вдоль острых, прямых углов.

Гаунт оттащил ее к одной из каменных колонн зала и нанес удар по неконтролируемой ярости. Во что бы не попал его меч, это вызвало огромный выброс искр, как будто он прикоснулся мечом Иеронимо Сондара к токарному станку.

В перемешивающейся тьме были вспышки. Разряжающееся оружие. Сквозь визг пилы для костей, Гаунт слышал резкий звук плазменного пистолета Харка, и стремительный рев хелганов. Сционы.

«Йонси!» в неверии кричала Керт. «Йонси!»

«Держись!» крикнул Гаунт сквозь шум.

Внезапно появился Сариадзи, пошатывающийся от бьющих волн. На верхней части его тела были дюжины порезов и все его пальцы отсутствовали. Он пытался добраться до них. Керт попыталась дотянуться до него и притянуть. Он смотрел на

них с отчаянием, с мольбой в глазах, ни одно слово не выходило из его широко раскрытого рта.

Острые края тьмы схватили его сзади, зазубренные и пронзающие, как отрицательная молния. Она оторвала его от них. За долю секунды до того, как он исчез из вида в поднимающихся брызгах, он распался, как будто все его тело было пропущено через мясорубку.

Внезапно, в зале расцвел свет, яростное золотой свечение, которое началось в центре места и поплыло наружу. Усики тьмы поспешно ретировались с сердитым треском.

Вздымающаяся вода успокоилась до качающихся волн.

Гаунт огляделся. Он увидел Харка двумя колоннами дальше, прислонившегося к каменной колонне для поддержки. Его кожаный мундир был изорван, и его фуражка отсутствовала. Его аугментическая рука была оторвана, остался только искрящийся биомеханический обрубок. Здоровой рукой он держал Инквизитора Лакшиму. Она была поникшей и пропитана кровью, а ее аугментика, даже ее красивая золотая маска, были покрыты трещинами и поцарапаны, как будто их обработали песком. Дым поднимался от золотого манжета на ее левом запястье, где сложное и мощное оружие перегружилось и выгорело.

Не было никаких признаков Аурбен или Даура, или кого-нибудь из Сционов, кроме Санкто, который стоял на коленях в воде, достигающей до живота. Он сжимал свое туловище, кровавая слюна сочилась из его агонизирующего рта.

Святая была в центре зала, в самом центре света. Он шел из нее. Вокруг нее пенящаяся, колышущаяся вода сгладилась до зеркальной неподвижности.

Она была в бою, ее меч мерцал, когда она замахивалась на атакующую ее тварь.

Машина скорби.

Это была теневая масса в три раза больше нее, средоточие тьмы, окруженное ее сиянием, но все еще хлещущее и рвущее острыми, как бритва, усиками. На нее было тяжело смотреть, и еще сложнее описать: облако тени с острыми краями, которое двигалось и плавало в гибких геометрических узорах. Она постоянно меняла

текстуру, как колеблющиеся зеркальные чешуйки, частично абсолютно пустые, частично переливчато черные, как крылья какого-то демонического жука. Это был шторм из кружащихся, полуночно-черных шипов, окружающих супер-плотное ядро тьмы имматериума.

Но самой худшей частью был не вид этого перемешивающегося, абстрактного ужаса. Это было ощущение этого. Сильное качество первобытного ужаса, которое исходило из этого. Жаждающее, нечеловеческое стремление к полному уничтожению.

Это было совершенное оружие возмездия Асфоделя.

Это была Анти-Святая.

Беати была покрыта рваными ранами, кровь струилась из тысячи порезов. Ее одежда была изорвана, и ее нагрудник и броня были покрыты царапинами. Ее меч вращался в ее руке, отбивая густую, как нефть, тьму, которая хлестала и рвалась к ней. Ее меч не был особенно большим, как и не особенно необычным. Всего лишь стандартное офицерское оружие.

Что имело значение, так это сила, которой она наполнила его. Отчетливая зеленая аура светилась вокруг клинка, и там, куда он ударял, тьма горела. Она призвала всю свою силу, подпитываясь от отдаленного и всемогущего источника. Божественный свет, льющийся из нее, запер и сдерживал машину скорби, по крайней мере, на время. Она делала выпады и колола, чтобы закончить ее существование. Фантомная тень крыльев, огромных и созданных из изумрудного света, выросла из ее спины. Ореол из яркого света окружал ее голову.

«Мы должны помочь ей,» сказал Даур, появившись рядом с Гаунтом. Он промок насквозь, его форма была изорвана. Он был покрыт мелкими ранами.

Гаунт кивнул.

«Она пригвоздила это,» сказал он. «Она сдерживает силу этого.»

Он и Гаунт вместе пошли вперед.

«Не будьте фесовыми идиотами!» крикнула им вслед Керт.

Санкто увидел, что они пошли вперед. Он с рычанием поднялся, сжимая свой хелган одной рукой и ужасную рану на животе другой. Что-то чисто прошло сквозь его нательную броню и почти выпустило ему кишки.

Все трое открыли огонь по тьме, атакующей святую. Казалось, что она едва заметила выстрелы Даура или залпы из оружия Санкто, но разрывная пуля из болт-пистолета Гаунта проделала в ней дыру. Шипы отодвинулись по спирали, как рой насекомых, изгнанных из гнезда.

За секунды, повреждение было устранено, и шипы присоединились к основной, вращающейся массе.

Они снова открыли огонь. Аурбен, спотыкаясь, подошла к ним, ее волосы были покрыты кровью. Она добавила свои собственные выстрелы к обстрелу.

«Оно не умирает!» взвыла она.

«Оно должно умереть,» прорычал Санкто. «Оно забрало всех моих людей. Забрало их и искромсало!»

Машина скорби отступила, все еще кружась и воя. Вода под ней зарябила и закипела.

Святая стояла на месте, тяжело дыша. Ее призрачные крылья тускнели и мерцали, как будто энергия, поддерживающая их, уменьшалась. Кровь капала с ее брони. Они пошли к ней, но она вскинула руку, чтобы они не подходили.

«Оно все еще сильно,» выдохнула она. «Невероятно сильно. Но оно, все-таки, еще не до конца выросло. Оно хочет мою силу. Оно хочет напиться мной, чтобы полностью сформироваться, а потом--»

«Потом?» спросил Санкто, сражаясь со своей болью. «Что потом?»

«Потом оно выполнит приказ Анарха и разрушит до основания этот город и все в нем,» сказала Беати.

Она сделала шаг вперед.

«Я не позволю этому произойти,» сказала она.

«Подождите!» взвизгнула Аурбен.

«Вы ранены,» сказал Гаунт.

«Это вряд ли имеет значение,» сказала она. «Император со мной.»

Она сделала еще один шаг. Высота звука воя машины скорби снова усилилась, пилящий визг наполнил воздух. Ее запутанные, перемещающиеся узоры из свинцовой темноты и полированного черного стали более ярко выраженными. Она ринулась навстречу ей.

Шторм лазерных выстрелов затормозил ее. Множество оружия разряжалось в нее на полном автомате.

Гаунт повернулся. Баскевиль и Колеа шли по залу, с Далином и людьми из поискового отряда Баскевиля по бокам. Все они выпускали мощный, точный огонь на подавление. Тренировка отряда, шаблон сосредоточенного огня огневой команды.

Машина скорби отпрянула назад, как сердитая масса мух. Люди Баскевиля перезаряжались, пока шли, заменяя пустые ячейки на новые, поддерживая мощный обстрел.

Машина скорби отступила дальше. Тьма и жидкие тени рассыпались по стенам. Тысячи ее отдельных, бритвенно острых режущих зубов стучали и царапали о древние каменные стены. Температура упала. Они услышали, как каменные блоки скребут и трутся, когда машина угрожала снова исказить реальность подвала.

«Оно ранено?» спросил Гаунт.

Беати кивнула.

«Прекратить огонь!» крикнул Гаунт Баскевилю. «Подойдем ближе. Сохраните, что у вас там осталось, пока мы не--»

«Что это?» спросил Колеа.

Гаунт посмотрел на него. «Я--»

«Сэр?»

«Я ошибался,» сказал ему Гаунт. «Я ошибался, Гол. Мне так жаль. Это – машина скорби. Она была с нами с самого Улья Вervун.»

Он мог видеть, как дергается лицо Гола Колеа, пока он боролся, чтобы контролировать свою реакцию.

«Йонси?» спросил он очень тихо.

«Она никогда не была ей, Гол,» сказала Беати. «Она никогда не была настоящей.»

Далин издал тихий мучительный стон. Он уронил винтовку и упал на колени в воду.

«Это не может быть правдой,» пробормотал он. «Это не может быть правдой. Не может.»

«Это Йонси?» спросил Колеа безжизненным голосом.

«Ох, Трон, Гол...» воскликнул Баск, убитый горем.

«Это?» сказал Колеа. Он сделал шаг вперед. Баскевиль попытался удержать его, но он стряхнул руку своего дорогого друга прочь.

«Варп провел нас всех,» сказала Беати. «Ложь – его первое оружие--»

«Нафес это,» сказал Колеа, пристально смотря на бурлящую массу тьмы. «У меня был ребенок. Ребенок. Я поклялся, что я--»

Он подошел ближе.

«Я любил тебя, Йонси,» сказал он. «Я бы сделал все, чтобы... чтобы...»

Вой пилы рявкнул на него.

«Ага. Ты знаешь меня,» сказал Колеа. «Ты была человеком достаточно долго. Ты знаешь меня. Ты сможешь убить меня? Своего папу? А? Я думаю, что варп сделал тебя слишком человеческой. В тебе, все еще, слишком много человеческого.»

Бритвенный шторм задрожал. Его бешенство уменьшилось.

«Йонси?» позвал Колеа. Он протянул руку. «Сейчас ты вернешься, слышишь? Вернешься ко мне. Вернешься к папе.»

Тьма переместилась. Тени сложились, сдвигаясь и скручиваясь в новые узоры из тьмы. Сформировалось маленькое очертание. Смутная человеческая фигура внутри гудящего облака из шипов.

«Ага, вот так,» сказал Колеа. «Хорошо.»

Он посмотрел на Беати. Когда он произнес, всего лишь одно слово, в его голосе было крошечная дрожь.

«Сейчас,» сказал он.

Зеленые крылья Святой загорелись с новой силой, ярче, чем раньше, и она вонзила свой клинок в тень.

Тьма взорвалась.

Оглушенных, ослепленных, онемевших, потерявших чувствительность, их всех швырнуло назад во всепоглощающую пустоту.

ПЯТНАДЦАТЬ: В ОГОНЬ

Жукова сделала жест, и Крийд повела огневые команды вперед. Воздух в вентиляции вонял серой, и было так жарко и тесно, что это заставляло их легкие сжиматься. Со всех них пот лил ручьями.

Вся окружающая обстановка ощущалась токсичной в самом худшем смысле. Время от времени, отвратительное дыхание воздуха проносилось по каналу издалека вниз. Крийд продолжала ожидать выброс сверхгорячего газа, который изжарит их на месте.

«Отсюда вниз,» сказала Жукова. Широкий вертикальный канал соединялся с горизонтальным, по которому они шли. Ржавые поручни бежали вниз с одной стороны, для использования рабочими командами сервиторов. Спуск светился биолюминисцентными водорослями.

«Ты уверена?» спросил Обел.

Жукова поводила по узорам на своей ладони указательным пальцем. Она кашлянула и кивнула.

Маггс уставился вниз.

«Прямо вниз?» спросил он.

«Да,» сказала Жукова. «Пятьдесят метров или около того. Он соединяется с главным термальным стоком. Мы можем перехватить врагов.»

«Как мы спустим вниз орудия поддержки и огнеметы?» спросил Ифван.

«Осторожно,» сказала Крийд.

Она перелезла через выступ, поставила ногу на первый поручень и посмотрела на них.

«Идем,» сказала она.

Паша прекратила ходить туда-сюда. Она посмотрела на Спетнина у люка галереи.

«Там становится тише,» сказал он. «За последние несколько минут никаких атак.»

Паша кивнула. «Мы дали им достаточно времени. Готовьтесь. Мы берем этот Репозиторий Гносис.»

Ее отряды приготовили оружие. Паша перепроверила антикварное ружье, которое она изучала последние несколько минут. Она была уверена, что поняла принцип действия. Она забрала сумку с боеприпасами с одного из трупов скитариев. Ее будет нужна приличная останавливающая сила.

У компрессионного люка, отряд Моры был готов, выстроившись в линию для штурма. По ее кивку, Ладд ударил кулаком по ключу люка.

Компрессионный люк вздохнул на своей гидравлике и открылся.

В Репозитории Гносис было тихо. Тела их мертвых лежали там, где упали. Отряд Моры пошел вперед, двигаясь быстро, водя оружием в поисках движения. За ними последовал первый отряд Элама, с Ладдом. Паша вела третий штурмовой отряд.

Ничто не двигалось. Никакой стрельбы не было в их направлении от сети трубопроводов в дальнем конце.

Ладд бросил взгляд в открытую крипту-сейф.

«Этруин,» сказал он.

Паша бросила взгляд внутрь на труп версенджинсира, лежащего лицом вверх на полу крипты. Ее лоб наморщился от отвращения.

«Продолжаем идти,» проинструктировала она.

Отряд Моры приблизился к дальнему концу Репозитория. Пар валил из нескольких субканалов, которые были принудительно открыты, чтобы сбросить давление. Тяжелая крышка главного канала была сорвана, и лежала на полу. Сломанные болты были разбросаны на полу вокруг нее.

Паша протолкнулась вперед и наклонилась, чтобы посмотреть вниз, в канал.

«Ради феса,» сказал Элам. «Не суйте туда голову!»

Она с сарказмом посмотрела на него.

«Голова все еще на месте,» сказала она ему, показывая на свою шею. «Враг – там, и убегает. Я молю Трон, чтобы Тона и Ланни привели свои силы и поставили их перед ними. Мы запрем их, как крыс в трубе. Так что, Аса, я собираюсь засунуть туда не только свою голову.»

Она слезла на лестницу канала, металлическую раму, которая уходила в темноту внизу.

«Ты идешь,» спросила она, «или мне придется сделать это в одиночку?»

Легкий дождь начал падать из низкого, чернильно-черного неба. Позади них, последний треск перестрелки с инсургентами отдавался эхом с конца подъездной дороги.

Брэй подал сигнал, и первый из отрядов выдвинулся вперед, передвигаясь быстро и низко по рокритовой площадке в направлении заставы. Чирия и Халлер замыкали, таща .20 и ящик с боеприпасами, передвигаясь шаркающей рысью.

Брэй подал сигнал остановиться, и кинул камень в направлении заставы. Он застучал по открытому двору, в зоне досягаемости сенсорной сети заставы.

Ничто не пошевелилось. Никакого включения света, никакого гула автоприцельных орудий.

Место было мертво.

Брэй выдохнул. Если бы застава функционировала, это бы, вероятно, намертво остановило их. Взломать такой бункер было нелегко. К тому же, если бы застава открыла огонь, управляемые рабами орудия в его амбразурах могли легко попасть в грузовик с бомбой, который они оттолкали за зону досягаемости инсургентов и оставили на подъеме дороги.

Они пошли вперед. Брэй ждал, нервно, пока Мкойн прожигал замок внешней двери резакон. Он носком открыл тяжелую дверь, механизм замка все еще светился, и с него капали большие капли расплавленной стали.

Призраки вошли внутрь, в стиле зачистки.

Командный пункт заставы был мертв, как и двое Урдешских Стальных в нем. Все место было разорвано на куски интенсивной перестрелкой. Стены были усеяны дырами, и пол был покрыт латунными гильзами. Дым висел в воздухе. Экраны мониторов висели, разбитые и покрытые трещинами. Те, которые все еще были подключены и функционировали, показывали мертвый эфир. Нездоровый запах доносился от мертвых существ в клетках, находящихся в каждой из оружейных амбразур бункера.

Они проверили тела. Оба Стальных были изрешечены пулями с близкого расстояния. Разбитые останки оружейного сервитора лежали рядом с дверью. Одна из многоствольных пушек мертвого автомата все еще вращалась с сухим, перемалывающим шумом. Он полностью израсходовал свои контейнеры с боеприпасами.

Чирия положила тяжелый .20 и избавила одного из мертвых Урдешцев от короткоствольного .30, прикрепленного ремнями к гироустойчивому каркасу.

«Легче нести,» сказала она. Халлер кивнул, и забрал другой короткоствол. Они растянули толстые, бронированные подающие ленты. Автоматические подающие бункеры тоже были мертвы, но Чирия нашла защелки и сняла бункеры с их креплений. Они были тяжелыми, но она и Халлер подняли их, как корзины.

Брэй прошел через внутреннюю дверь и вошел на дорожку между рвов. Шел дождь, звеня на металлической сетке. Он возглавил продвижение огневой команды. За рвами был огороженный клеткой внутренний загон. Сеть здесь была сорвана.

«Что-то было здесь внутри,» сказал Мкеллер.

Брэй кивнул. Что-то бы это ни было, оно вырвалось.

Рядовой Армин крикнул Брэю, что что-то было на земле рядом с дверью в главную стену. Это выглядело, как большая собака. Они осторожно приблизились.

Это была биомеханическая тварь, четвероногий защитный сервитор со строением собаки. То, что на нем было органического, изначально было человеческим. Вид этого вызвал отвращение у них обоих.

Это лежало на боку. Они могли сказать, что это все еще было живым, хотя его жизненно важные органы разрушались.

«Пристрелить?» спросил Армин.

Брэй помотал головой. Густая черная слизь стекала со стальной челюсти создания, и пленка из нее покрывала глаза твари. Системы этого сломались. Оно было скомпрометировано и испорчено, и эта порча теперь убивала это.

Брэй переключил микро-бусину.

«Брэй Колосиму.»

«Говори.»

«Мы добрались до внутренних ворот. Место мертво. Никаких контактов. Могу подтвердить признаки того, что Механикус повернулись. Вероятно, какая-то механическая инфекция. Я не знаю правильного слова, но это забралось в их системы, свело их с ума, а затем отключило.»

«Мертво?»

«Выглядит так, сэр. Выжгло их, на самом деле, очень быстро, но они одичали. Никаких признаков оружейного огня внутри.»

«Сколько до главного входа?»

Брэй и Армин попытались открыть массивную противовзрывную дверь. Она была наглухо запечатана.

«Три, может быть, пять минут, чтобы прорезать вход.»

«Принято. Продолжайте.»

Позади транспортников на подъездной дороге, Колосим посмотрел на людей позади себя, готовых к развертыванию.

«Выдвигаемся,» сказал он. «Брэй почти впустил нас в место. Пока все тихо, но будьте настороже.»

Он повернулся, чтобы посмотреть на ЭМ 14.

«Вперед,» приказал он.

Позади него, две полные роты Призраков начали приближаться к заставе.

Планы Эли Роуна всегда склонялись к простоте. Этому его научила жизнь. Чем больше движущихся частей, тем больше шанс, что нечто обернется очень плохо. Он любил скудные планы, которые были достаточно гибкими, чтобы впитать мерзкие сюрпризы.

Его план для Лагеря Зенос был настолько скудным, что на нем не было даже кусочка жира. Придти, забрать Маббона, уйти. Но жизнь, или какая-то великая внешняя сила, веру в которую Роун не выбирал, смеялась над ним из пустоты. У нее были другие мысли.

Он ожидал инсургентов Сека или, самое худшее, отряды сынов. Он выбрал пойти налегке, со, всего лишь, одним отделением, чтобы максимально использовать скорость.

Вместо этого, твари, с которыми он столкнулся – «Кимурах», как назвал из фегат – были той разновидностью уродов, которая заставляла эти Великие Внешние Силы В Пустоте явно гикать с ликованием. Великие Внешние Силы В Пустоте не были тем, что Роун собирался узнать на личном уровне. Для начала, у Великих Внешних Сил, вероятно, было лицо, как у сморщенной задницы грокса. Но, иногда – в такие времена, как сейчас – Роун ощущал горячее желание, похожее на слиток свежесточенной стали, который погружается глубоко в его кишки, встретиться с этим смеющимся фесом лицом к лицу и обменяться словами.

Крепкими словами. Крепкими словами, подкрепленными серебряным клинком каждый раз, как Роун делает ярко выраженную точку зрения.

С Варлом и Бростином на хвосте, он едва завел Маббон в главное караульное помещение, когда территория двора впереди осветилась. Кардасс крикнул, что стрелков четверо, минимум. Они были прижаты. Их транспортник находился во дворе, рядом с воротами. Всего лишь тридцать метров, но рокритовый двор был полностью открыт. Он мог бы, с таким же успехом, быть припаркованным на Балгауте.

Роун быстро оценил ситуацию. Большая часть гарнизона Лагеря Зенос была мертва к тому времени, как он прибыли. Он потерял несколько хороших людей, просто войдя внутрь. За то время, что ему понадобилось, чтобы обеспечить безопасность Маббона, Рядовые Окел и Мкфарег тоже были жестоко убиты. В Ойстин, его адъютанта, так же попали. Она выжила, но лазерный заряд уничтожил ее передатчик вокса.

Это означало, что наружу не выйдет никакого предупреждения. Никакого сообщения Паше о том, что устрашающе прочные твари, в настоящее время убивающие его людей, так же, вероятно, идут к ней. В большем количестве.

Это, так же, означало, что нельзя позвать на помощь. Ойстин была очень зла из-за этого. Если бы было время, Роун бы наслаждался, видя, как его обычно кроткий и педантичный адъютант возмущается.

«Я только что настроила этот кусок феса!» проворчала она. Он помог ей снять разбитый передатчик вокса со спины. Еще выстрелы прорвались внутрь сквозь окна и внешнюю дверь.

«Кажется, ваш выход заблокирован?» спросил Маббон.

Роун бросил на него взгляд.

«Достаточно странно, но в тюрьмах не делают много выходов,» ответил он.

Он подал сигнал Бростину выдвинуться вперед, чтобы присоединиться к Призракам, обороняющим переднюю часть караулки. Варл держался рядом с фегатом.

«Нам бы не помешал еще один стрелок, знаешь ли?» сказал Варл Маббону.

«Я не хочу оружие,» ответил Маббон.

«Не тебе решать,» сказал Роун, перестреливаясь через оконную щель.

«Странно, но, это так,» сказал Маббон. «Я был заключенным слишком долго. Полковник, сколько лет уже прошло? И каждый день, вы и ваши Призраки активно мешали мне иметь что-либо, вообще, что могло бы хоть отдаленно быть использованным в качестве оружия?»

«Я оставил тебе твой рот, разве нет?» фыркнул Роун.

Рядовой Каэллин издал хрип, когда точный лазерный заряд нашел его лоб и отбросил его от окна. Он был мертв до того, как упал на пол.

Роун выругался. Архивраг был невероятно эффективным, а его отряд был зажат в целевом здании, которое разрушалось вокруг них по одному лазерному заряду за раз. Короли-Самоубийцы, его отличное первое отделение, уменьшилось до восьмерых: него, Ойстин, Варла, Беллевила, Бростина, Кардасса, Лайдли и ЛаХарфа.

Конец целой эпохи. Конец печально известных Королей. Будь он проклят, если это так, как он собирается уйти.

С другой стороны, подумал он, я, вероятно, давным-давно уже и так проклят.

«Я говорил это Сержанту Варлу, и я говорю это вам, полковник,» сказал Маббон. «Им нужен я. Им плевать на вас, если только не убить вас, чтобы добраться до меня. Позвольте им добраться до меня и--»

«Нет.»

«Роун--»

«Нет, Маббон,» сказал Роун. «У меня есть приказы. Долг. И у долга только два конца. Выполнение или--»

«Я знаю другой,» сказал Маббон.

Роун присел рядом с Лайдли, который сжигал свои боеприпасы у другой оконной щели.

«Кардасс говорит четверо,» сказал Роун.

«Я тоже насчитал столько, сэр,» сказал Лайдли. «Один на крыше того бункера там. Двое в блокаузе рядом с ним, один у ворот--»

Лазерный залп прошелся по щели. Лайдли прекратил указывать, и он с Роуном пригнулись. Куски рокрита и металлические фрагменты посыпались на них.

«Вам придется поверить мне на слово насчет последнего,» сказал Лайдли.

«Чем тебе представляется тот бункер?» спросил Роун.

Лайдли пожал плечами. «Силосная башня, может быть?»

«Так я и думал,» ответил он. Зенос было тюрьмой, не крепостью. Оно не было спроектировано, чтобы сдерживать атакующих, оно было спроектировано, чтобы держать людей внутри. Жизненноважные элементы, такие, как караульное помещение и любые территории гарнизона или арсенал должны были быть на безопасном удалении от блока камер.

«Беллевил!» крикнул Роун.

Рядовой Беллевил удерживал еще одну оконную щель в нескольких метрах слева от Роуна.

«Сэр?» крикнул в ответ Белладонец.

«Думаешь, сможешь забросить одну на тот бункер?»

Беллевил скривился, оценивая свой очень ограниченный угол стрельбы.

«Не знаю, сэр,» сказал он.

«Дай мне перефразировать,» сказал Роун. «Закинь одну на бункер, Беллевил.»

Беллевил кивнул. Первое отделение, Рота Б – Короли-Самоубийцы – были личным отрядом Роуна. Каждый Призрак в нем был вручную отобран им. В ранние дни, они все были Танитцами, потому что Роун питал антипатию к любым вливаниям с Вергхаста или Белладона. Но он смягчился с годами. Навыки и талант значили для него больше, чем какое-то представление о лояльности миру, которого больше не существовало. Это, и тот факт, что так много из первоначальных Танитцев в первом отделении растворились в дыму за годы, означало, что он нуждался в замене.

Как и личный состав разведчиков Первого, первое отделение Роты Б следовало своим собственным правилам. Это было частью привилегий членства. Роун позволял огромную свободу в выборе оружия. Ему нравилась отличительная применимость многообразия. Короли-Самоубийцы отправлялись на дело, упакованные большим диапазоном огневой мощи, обычно свойственной элитным штурмовым взводам. Окел, Трон упокой его, нес автоган большого калибра, который был заряжен бронебойными пулями. Конглан, теперь уже мертвый где-то во дворе, предпочитал

хелган. Ойстин, вместе с передатчиком вокса, таскала оружие для подавления беспорядков и сумку с пробивными патронами. У Кардасса был стаббер, калибра .20 с патронным ящиком и укороченный дробовик, прикрученный под основным стволом.

У ЛаХарфа и Беллевила были стандартные лазерные винтовки, как у Варла, но обе были утяжелены на треть дополнением из подствольных гранатометов.

Беллевил вставил толстую крак-гранату и прицелился в щель, стремясь подобрать лучший угол. Мощный вражеский огонь продолжал облизывать его позицию, заставляя его приседать.

«Не торопись,» сказал Варл. «Никакой фесовой спешки.»

Потолок обрушился.

Кимурах упал на них в ливне досок и обломков каменной кладки. Он приземлился на ЛаХарфа, сломав человеку обе ноги. Ла Харф все еще кричал, когда Кимурах ударил его кулаком, полным когтей. Удар оторвал ЛаХарфа от земли, закрутив его в воздухе, кровь била струей во всех направлениях из его разорванного горла. Он тяжело приземлился.

Кимурах дотянулся до оружия ЛаХарфа.

Игнорируя ограниченное пространство, Кардасс открыл огонь в комнате из .20. Оглушительный залп из тяжелых пуль вырвал куски из груди и плеча Кимураха, и отбросил его на стену караулки. Несмотря на серьезные раны, которые бы мгновенно убили обычного человека, Кимурах прыгнул вперед с ревом, неоновая кровь хлестала из его ран, и открыл огонь из оружия ЛаХарфа. Беллевил был убит у оконной щели. Ойстин взлетела. Кардасс был ранен в левое бедро, и потерял баланс.

Бростин ударил Кимураха сбоку головы. Он использовал одну из емкостей своего огнемета в качестве дубины. Два удара сбили тварь с ног, и Бростин продолжил бить, врезая тяжелый металлический цилиндр в ее череп снова и снова.

«Вот,» сказал он в конце концов, отбросив емкость в сторону. Она была скользкой от неоновой крови. У Кимураха ничего не осталось выше шеи, кроме осколков кости и

желтой пасты. «Я знал, что есть больше, чем один способ, убить этих ублюдков с помощью огнемета.»

Ойстин уже поднялась, кровь сочилась из ее плеча. Она с Роуном подбежали к Кардассу.

«Я в порядке,» сказал Кардасс. Он не был. Его бедро было разорвано в лохмотья. Ойстин потянулась за полевыми повязками, но Кардасс сказал ей, куда она может их засунуть. Он тяжело поднялся обратно к оконной щели, и начал снова стрелять из своего стаббера.

Варл рванул к позиции Беллевила.

«Прости,» сказал он трупу Беллевила. Варл почувствовал себя неуютно насчет этого. Ни один человек не заслуживал, чтобы над ним подшучивали сразу после смерти. Варл поставил свою винтовку, и поднял винтовку Беллевила. Он проверил, что граната все еще была в трубе.

«Вижу! Бункер?» спросил он, пристально смотря в щель.

«Сможешь?» крикнул в ответ Роун. Продолжившиеся очереди били по фасаду караулки.

Варл навел оружие и выстрелил из подствольника. Он запустил гранату со звуком, похожим на плевок огрина в оловянную плевательницу. Граната полетела вверх, описала арку над двором, и приземлилась на крышу бункера.

Она взорвалась в яростном пламени, которое было полностью поглощено секундой позже взрывом самого бункера.

Роун был прав. Лагерь Зенос держал свой запас боеприпасов подальше от главного здания.

Взрыв был значительным. Он потрепал территорию ворот, поглотил их транспорт в расширяющемся пламени, и разнес блокгауз рядом с бункером. Конус огня поднялся от бункера, расцветая в ночном небе, как шляпка гриба. Дождем посыпались обломки. Они могли слышать вторичные хлопки и взрывы, когда хранящиеся на складе боеприпасы и силовые ячейки занимались и поджаривались.

Что-то приземлилось во двор вместе с обломками блокауза. Кимурах, один из стрелков, использовавший блокауз в качестве укрытия, был разорван надвое. Он обгорел и из него вытекала желтая жидкость. Его голова свесилась, и он начал тащить свою верхнюю половину по двору к направлению караулки спазмирующими руками.

«Убей это!» сказал Роун Кардассу.

«Он был разорван надвое--»

«Он выглядит мертвым?» спросил Роун. «Мне он не кажется мертвым.»

Кардасс направил свой .20 и поливал ползущую массу из своего стаббера до тех пор, пока она не перестала двигаться.

«Идем!» крикнул Роун. «Мы уходим сейчас же!» Взрыв, определенно, убил одного. Может быть, больше. Какими бы ни были их потери, отряд Кимурахов был ослеплен и контужен. Для них наступил благоприятный случай.

Варл схватил Маббона. «Грузовик?» сказал он.

«Его нет,» ответил Роун. «Направляемся к сетке и наружу.»

Варл пропихнул Маббона в дверь. За ними последовал Лайдли, затем Ойстин. Бростин схватил большой автоган Окела и выбежал за ними.

Роун посмотрел на Кардасса.

«Жадд! Уходим!» рявкнул он.

Кардасс улыбнулся.

«Вам понадобится огонь прикрытия, сэр,» сказал он. Он встретился глазами с полковником. Роун понимал, что он, на самом деле, имеет в виду *Я не могу идти. Бедро нет. Я истекаю кровью и вас недостаточно, чтобы нести меня и оставаться функциональными. Это то место, где вы меня оставите.*

«Кардасс--»

Кардасс проигнорировал его, выравнивая свой .20.

«Огонь прикрытия через три,» сказал он. «Два...»

Короли-Самоубийцы, подумал Роун. Как старая карточная игра. Когда-то это казалось умным названием.

Он побежал по двору за остальными, низко пригнув голову. Повсюду были горящие обломки. Мощный огонь Кардасса вырывался из оконной щели караулки и повреждал ворота и переднюю часть объятых пламенем блокауза.

Варл добрался до забора. Высокая сетка и ров отделяли передний двор тюрьмы от периметра соседствующего парового завода. Завод неясно вырисовывался, бледный в ночи, выпускающий огромные, ползущие перья белого пара из своих труб.

Ночь была холодной. У них был жар от пожаров позади и ночной бриз, дующий в их лица. Взрыв бункера снес несколько секций защитного ограждения. Варл шел впереди, пробираясь через опрокинутую сетку.

Роун был последним, кто добрался. Лазерные заряды хлестали вокруг него, пока он бежал. Он упал.

Он попытался встать. Позади него, Кимурах медленно вышел из ада блокауза. Его покрытая пузырями фигура все еще была объята огнем, обломок перекладины крыши пронзил ему грудь. Он стрелял из лазерной винтовки от бедра, как будто это было самое высокое положение, на которое он мог поднять ее.

Роун услышал грохот стаббера Кардасса. Продолжительный залп отбросил Кимураха назад в огонь.

Бростин схватил руку Роуна и поставил его на ноги.

«Идем, шеф,» крикнул он.

«Хорошо,» сказал Роун.

«Ты уверен?» спросил Бростин.

«Да,» сказал Роун. Он решил не упоминать, что лазерный заряд прошел сквозь его живот. Он мог ощущать, как кровь бежит по его бедру и стекает в пах.

Они направились к сетке.

Позади них, оружие Кардасса затихло. Оружейный огонь от оставшихся воинов Кимурахов преследовал их в ночи.

«Это не спасение,» сказал Мколл, когда третья стазисная емкость закончила опустошаться.

Майло кивнул.

«Я понимаю,» сказал он.

«Тогда, что это?» спросил Мажо.

«Благоприятное стечение обстоятельств,» сказал Мколл.

Полковник Мажо был первым заключенным, на освобождении которого настоял Майло. Он был коренастым офицером среднего возраста из Четвертого Урдешского Легкого «Испепеляющий Шторм», который был прикреплен к Святой в качестве военного посредника высшим командованием после ее прибытия на мир-кузницу. С тех пор он служил с ней, что сделало из него энкил вахакан. Его и Майло захватили вместе.

«Как это произошло?» ранее спросил Мколл.

«Уреппан,» сказал Майло. «Святая достигла чуда в Гереппане. Архивраг отступал. Она стала убеждена, что Сек был где-то поблизости. Уреппан. Место под названием Остроконечный Пик. Так что мы быстро отправились туда, чтобы не потерять момент. Это была ловушка.»

«Ловушка?» спросил Мколл.

«Для нее. Вихрь варпа. Его, на самом деле, там не было, понимаешь? Он проецировал себя, используя псайкеров. Тем не менее, ловушка провалилась. Она выжила. Вихрь дестабилизировался. Отдача ранила Сека, я думаю. Сильно его ранила. А мы были слишком близко. Нас притянуло на его сторону. В мгновение ока мы оказались на корабле.»

Последнее из питательной суспензии хлынуло из третьей емкости. Мажо сидел на ржавой палубе, пытаясь стряхнуть боль от стазисного шока. Он пристально осматривался, полуслепой и потрясенный. В конце концов, он залез в карман

мундира и вытащил очки без оправы. Одна линза треснула. Он лишился почти всего, кроме своей оборванной Урдешской формы, но, каким-то образом, его очки уцелели.

Он поднялся, чтобы помочь им, когда Мколл открыл люк третьей емкости. Понадобились усилия всех троих, чтобы вытащить тело. Оно было массивным тяжелым мертвым грузом. Они положили тело на палубу, и Майло выдернул вокс-штекеры из его висков.

«Болевые стрекала,» сказал Мколл. «Они не собирались рисковать.»

Они посмотрели вниз, на тело. Катер Холофернэс, из Железных Змей Адептус Астартес, был избавлен от своей пластинчатой брони и был оставлен в изорванном комбинезоне из плотной сетки. Броня не была удалена эффективно, и многие из подкожных разъемов и точек присоединения были повреждены. Тело Змея усеивали стальные шипы, каждый был воткнут в главную мускульную группу или сустав. Шипы были болевыми стрекалами, разработанными, чтобы парализовать и выводить из строя. На каждом была маленькая руна, светящаяся на основании.

Холофернэс двинул головой и испустил тихий стон. Жидкость бежала из его рта, а его глаза с морганием открылись, остекленевшие.

«Он обездвижен,» сказал Мколл. Он вытащил свой скзеррет.

«Ты собираешься прекратить его боль?» спросил Мажо.

«Конечно нет,» сказал Майло.

Держа зазубренный край клинка горизонтально, Мколл начал вытаскивать стрекала из плоти Холофернэса. Как только каждое выходило, дрожь от боли пробежала сквозь Космического Десантника. Кровь и другие биожидкости сочились из каждой раны. Они напомнили Мколл о стигматах, которые, как он слышал, показывали некоторые святые существа.

Это собиралось занять время. Требовались усилия, чтобы высвободить и убрать каждое стрекало. Мколл достал лазерный пистолет из-за пояса и отдал его Майло.

«Присматривай за люком,» сказал он.

«Сколько у нас времени?» спросил Мажо.

Мколл не ответил. Мажо, хромая, обошел комнату и пристально посмотрел во все емкости. Двое из остальных заключенных были товарищами из Уреппана, оба из соединения Мажо. Она не пережили вихрь неповрежденными. Было невозможно освободить их из суспензии. Мажо отвернулся и закрыл глаза.

«Кто ты?» спросил Мажо.

«Это Мколл,» прошептал Майло от двери.

«Призрак?» Мажо казался заинтригованным. «Брин рассказывал истории о тебе.»

«Они все были правдой,» прошептал Майло.

«Итак, сколько еще вас на борту?» спросил Мажо.

«Я вам сказал, что это не спасение,» сказал Мколл, вытаскивая еще одно стрекало.

«Сколько?»

Мколл посмотрел на него. Что-то в его глазах заставило Полковника Мажо слегка отшатнуться.

«Только я.»

«Как ты забрался сюда?» спросил Мажо.

«Чистое слепое везение и своевольная природа,» сказал Мколл.

«Ставлю на это,» прошептал Майло.

«Они знают, что ты здесь?» спросил Мажо. «Они тебя ищут?»

«Хватит задавать вопросы,» прорычал Холофернэс. Он открыл глаза и посмотрел вверх.

«Мколл,» сказал он тихим голосом.

«Боевой брат,» ответил Мколл, кивая.

«Пришел убить меня?» спросил Холофернэс.

«Ты был бы мертв,» сказал Мколл, выдергивая последнее стрекало из тела Космического Десантника.

Холофернэс засмеялся, но смех превратился во вздрагивание.

«Болевые стрекала,» сказал Мколл, перемещаясь к его ногам. «Я вытащу оставшиеся за несколько минут. Затем должно вернуться некоторое ощущение.»

«Я не уверен, что хочу этого,» сказал Железный Змей. Он сел.

«Уже?» сказал Мажо, пораженный.

«Боль фокусирует разум,» сказал Холофернэс, разминая руки.

«Правда, что ли?» ответил Мколл.

Холофернэс протянул огромную руку Мколлу.

«Дай мне это,» сказал он. «Я закончу.»

Мколл отдал ему кинжал. Холофернэс наклонился вперед с хрипом, и начал вытаскивать стрекала из своих парализованных ног.

Мколл встал.

«Что ты имел в виду, когда сказал благоприятное стечение обстоятельств?» спросил Мажо, тоже вставая.

«Я здесь из-за слепой удачи. Вы здесь из-за плохой удачи. Одна удача привела меня к вам,» ответил Мколл.

«Не уверен, что это была удача,» прошептал Майло. «Влияние Беати течет--»

«Не здесь,» сказал Мколл.

Майло посмотрел на него.

«Этот корабль находится в сердце главной крепости Архиврага на Урдеше,» сказал Мколл. «Враг здесь силой в бригаду, повсюду вокруг нас. Ближайшие Имперские силы в девяноста плюс километрах отсюда, и никто из наших не знает об этом месте.»

«Значит, мы в тылу врага, отрезанные, и без поддержки?» спросил Холофернэс, выдергивая стрекало из колена. «В центре гнезда дьяволов?»

«Шансы не в нашу пользу,» сказал Мколл.

«Отсюда есть выход?» спросил Мажо.

«Нет,» просто ответил Мколл.

«Значит, все, что важно – это то, что мы сделаем, пока мы здесь?» спросил Майло. «Чего мы достигнем до того, как они обнаружат нас и убьют?»

«Да,» сказал Мколл.

«Я так полагаю, ты уже решил, что это будет?» сказал Холофернэс.

«Да,» сказал Мколл.

Железный Змей вытащил последнее стрекало, и попытался встать на ноги. Он гримасничал, пока заблокированные мышцы расслаблялись и сгибались. Он встал прямо, затем, тотчас, осел, тяжело прислонившись к люку своей емкости. Мколл метнулся, чтобы поддержать его и не дать упасть.

«Спасибо тебе, брат,» сказал Холофернэс, его голос был пронизан болью. «Через мгновение я буду снова собой, я обещаю.»

«Обопрись на что-нибудь,» проворчал Мколл сквозь сжатые зубы. «Ты слишком фесово тяжелый, чтобы держать тебя прямо.»

Холофернэс тихо засмеялся, и сместил свой вес, получше ухватившись за край тяжелого люка. Мколл выпрямился.

«Ну так расскажи мне,» сказал Холофернэс.

Мколл задумчиво нахмурился.

«У нас три варианта,» сказал он. «Первый – попытаться уничтожить эту крепость изнутри. Я думаю, что найти средства для этого будет почти невозможно. Второй более жизнеспособный. Мы попытаемся захватить коммуникационную станцию или что-то такое. Отправим сообщение. Предупредим командование крестового похода

об этом месте в надежде, что удары с воздуха или орбитальная бомбардировка смогут сравнять его с землей.»

«Это сработает,» сказал Холофернэс. «Код Астартес сможет подтвердить нас и усилить значимость нашего сигнала. Если высшее командование не спит у руля, единицы флота смогут триангулировать это место и определить его за семь или восемь минут.»

«Потеря этой крепости сможет нанести ущерб усилиям Сека на Урдеше,» согласился Мколл. «Так что в этой стратегии есть много чего.»

«А какова третья идея?» спросил Мажо.

«Сек,» сказал Мколл. «Он – ключ. Какой бы урон не нанес крестовый поход его армиям, они будут продолжать быть угрозой все время, пока он жив. И он здесь. На этом корабле.»

«Но удар флота--» начал Мажо.

«Всегда есть шанс, что он сможет сбежать,» сказал Холофернэс.

«Он не сможет сбежать, если будет мертв,» сказал Майло.

«Так что, если мы можем попробовать только одно, и если мы хотим добиться максимального эффекта...» сказал Мколл. Он позволил остальному повиснуть невысказанным.

Никто какое-то время не говорил.

«Что бы мы не выбрали,» сказал Мажо, «нам конец.»

Мколл посмотрел на него.

«Вам нужно понять, сэр,» сказал он, «что нам уже конец.»

ШЕСТНАДЦАТЬ: ТЕСНЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ

Мколл снова застегнул шлем сирдара. Он бросил взгляд на остальных троих, показал Танитский жест рукой *тихо*, и пошел по карцеру.

Допрос, который он видел на своем пути сюда, был закончен, и дверь была закрыта. Он задумался, жив ли все еще Урдешский полковник.

Он надеялся, ради Трона, что нет.

Двое сынов все еще были на своем месте на посту безопасности. Один открыл внутреннюю клетку, чтобы пропустить его. Второй стоял, облокотившись на приклад сторожевого пулемета.

Сын с ключом отметил, что сирдар долго был там.

Мколл ответил, что самая лучшая работа часто занимает много времени.

«Харнез ден вой?» спросил сын. *Значит, вы получили, что хотели?*

«Ден харнек текст,» ответил Мколл. *Все, что было возможно получить.*

С ударом открытой ладонью, он вонзил болевое стрекало в солнечное сплетение держателя ключа. Весь организм человека отключился. Его рот открылся, чтобы озвучить невообразимую агонию, которая кричала в его нервной системе, но его голосовые связки и легкие больше не работали.

Он согнулся и упал на палубу. Другой охранник отвернулся с удивлением от сторожевого пулемета, когда его товарищ рухнул. Мколл уже был рядом с ним. Скеррет прошел между ребер.

Два убийства, три секунды. Никакого звука.

Мколл воспользовался ключом охранника, чтобы снова открыть внутреннюю клетку и затащил тела сквозь нее. Он встал в прямой видимости с конца карцера и сделал жест рукой *чисто*.

Майло и Мажо поспешили к нему. За ними последовал Холофернэс, хромая.

«Униформы,» сказал Мколл.

Майло и полковник избавили сынов от снаряжения и надели его. Подгонка была плохой, но это нужно было сделать. Мколл вернулся на пост охраны, и обыскал территорию. Оба сына были вооружены старыми Флотскими лазерными карабинами, которые лежали на крючках на настенной стойке. Мколл снял их и проверил. Приличное оружие, короткоствольное для использования в окружающей обстановке корабля. Сыны держали их в чистоте и порядке. Более дисциплинированный образ жизни, в стиле Астра Милитарум, наблюдаемый как у подразделений Сека, так и у Кровавого Пакта, имел некоторые преимущества. У Майло и Мажо должны были быть запасные обоймы в снаряжении униформ, которыми они завладели, так же, как и ритуальные кинжалы. Когда они вошли в клетку в униформах, Мколл кинул по карабину каждому.

«Несите их вниз, на сгибе руки,» сказал он. «Сыны не носят оружие на плече.»

Майло кивнул.

Появился Холофернэс.

«Не маскируйте меня,» сказал он.

Мколл знал, что не будет. Большинство из того, что последует, собиралось стать импровизацией, хотя Мколл рассказал им несколько базовых сценариев.

Холофернэс взял большой Урдешский сторожевой пулемет с трипода. В его лапищах он выглядел обычным автоганом. Он взял ящик с патронами и убедился, что лента между ящиком и оружием достаточно свободна, чтобы не заклинить от любого внезапного движения.

Мколл открыл внешнюю клетку.

«Кто-нибудь скоро заметит, что в караульной карцера никого нет,» сказал Мажо. У него была проблема комфортно расположить свои очки под украденным шлемом и его жутким подбородочным ремнем.

«План не идеален,» ответил Мколл. «Раньше или позже, кто-нибудь заметит, что не все на борту так, как надо.»

Они пошли сквозь корабль, поднявшись на седьмую палубу, а затем на шестую. Мколл шел впереди, и каждый раз, как он слышал движение или замечал приближение личного состава, он подавал знак людям позади себя, и Холофернэс забивался в укрытие: за переборку, в межпалубный колодец, или в сервисный отсек. Как только контакт проходил, Мколл вел их дальше.

На пересечении на шестой палубе им пришлось прождать почти пятнадцать минут, пока рабочие команды и группы сервиторов не провезут машинные части на грузовиках. Как только стало чисто, они поспешили дальше, через воздушный шлюз отсека, и последовали по затемненному коридору, который пролегал вдоль стороны большого технологического отсека. В резко освещенном пространстве под собой, они увидели сервиторов, обслуживающих орудия, загружающих огромные снаряды в металлические захваты конвейеров. Высокие фигуры в пятнистых золотых мантиях надзирали за работой, выкрикивая инструкции в ручные горны. Как только каждый полутонный снаряд загружался, автоматическое устройство с грохотом продвигалось и опускало их в палубные шахты, где они опускались на гидравлических поворотных устройствах в автоматические зарядные магазины на орудийной палубе.

Мколл и остальные мгновение смотрели на это из тени за перилами. У вражеского корабля все еще был задор.

Мажо посмотрел на Мколл с поднятой бровью. Мколл помотал головой. Из-за своего огромного размера и мощи, корабельные боеприпасы были удивительно стабильными и инертными, пока их не выберут для использования. Они могли потратить впустую часы, пытаясь силой заставить снаряд сдетонировать, и даже в этом случае, не было никаких гарантий, что в магазинах пойдет цепная реакция.

И у них не было часов.

На пятой палубе, они ждали, пока экскувитор не пройдет быстро мимо с двумя псайкерами, хромающими за ним, а затем почти столкнулись с дамогором и его отрядом из шести сынов. У Мколла даже не было времени подать сигнал, но он понял, что Холофернэс, должно быть, скользнул из зоны видимости, потому что дамогор начал задавать вопросы Мколлу и его двум сынам насчет местонахождения этогоора, зовущегося Карэйном.

«Я его не видел, дамогор,» ответил Мколл. «Возможно, он на мостике с Тем, чей голос повелевает звездами.»

Дамогор посмотрел на него, раздраженный.

«Святой Магистр не на мостике, кусок говна,» фыркнул он. «Когда в последний раз Святой Магистр был на мостике?»

«Мои извинения, дамогор, конечно, нет,» быстро сказал Мколл. «Я оговорился. Я имел в виду--»

«Нет, я тоже там посмотрел,» ответил дамогор. «Сейчас Ораторий закрыт для всех. Значит, Карэйн должен быть на берегу.»

Он выругался.

«Как тебя зовут, сирдар?» спросил он.

«Элоз, мой магир.»

«Если увидишь Магира Карэйна, Сирдар Элоз, скажи ему, что капитану корабля нужны декларации к рассвету. К рассвету, ты понял?»

«Да, мой магир.»

Дамогор щелкнул пальцами, и его отряд последовал за ним по коридору.

«Что это было?» прошептал Мажо.

«Наша цель больше не на мостике,» ответил Мколл.

«А где?» спросил Майло.

«Ораторий.»

«И где это?» спросил Мажо.

«Ни фесовой идеи,» ответил Мколл.

Они добрались до третьей палубы, и почти тотчас вошли в большую секцию, в которой проводился большой ремонт. Рабочие команды из промышленных сервиторов устанавливали новую броню вдоль секции корпуса, которая тянулась

почти на шестьдесят метров. Сварочные лучи яростно сыпали искрами. Толпы рабов выкатывали вагонетки, нагруженные расплавленными кусками металла и кусками шлака, которые были сорваны с разрушенной обшивки.

Мколл завел свой маленький отряд во временное укрытие, а затем пошел в одиночку через зону ремонта. Он заметил открытый отсек, где два офицера снабжения в грязных золотых робах спорили насчет уплотнительного материала. Отсек использовался в качестве наблюдательного пункта за работами. Он был забит инструментами и дыхательным снаряжением. Там был маленький рабочий стол, заваленный хламом и заявочными документами.

Он быстро пошел к офицерам снабжения, и, когда он это сделал, осознал, что они не были сынами из войска Сека. Они были В'хедуак, спутниками из другой племенной группы, которая служила в качестве эквивалента персонала Имперского Флота во Флоте Архоната. Они были высокими людьми, крупнее, чем Мколл осознал, когда только приблизился, их тела с большими костями и мощными мускулами говорили о многих семейных поколениях, выполнявших работу при высокой гравитации. Он раньше сталкивался с жестокими ударными частями техно-каннибалов В'хедуака, но не с правящим классом. Их головы были обриты, за исключением длинных, квадратных бород, и у них были помятые противовзрывные визоры, опущенные на грудь. Их лица были фетишистски покрыты пирсингом, его было настолько много в ушах, что плоть была растянута. Их черепа были покрыты сложными татуировками. Звездные карты, предположил Мколл. Области и миры, между которыми они перемещались.

Они повернулись, чтобы посмотреть на него аугментическими глазами.

«Чего ты хочешь, солдат?» выплюнул один, используя формальную конструкцию, которая усиливала презрение.

«Чтобы его голос никогда не исчез, прошу прощения, мои магиры,» ответил он, отдавая салют войска Сека.

Они ответили тем же, неохотно, пристально смотря вниз на него.

«Мои магиры, Этогор Карэйн выражает свое почтение,» сказал Мколл, стараясь использовать неуклюжую конструкцию формальной защиты. Он начал потеть. Это

было плохой идеей. Его управление языком воинов Сека было далеко не достаточно беглым, чтобы справиться со странным акцентом и странным порядком слов субдиалекта В'хедуака. «Этого Карэйн желает выразить свою обеспокоенность, что активная работа здесь может потревожить Ораторий.»

«Как?» спросил один.

«Мы бы не рискнули потревожить Магира-Который-Говорит!» воскликнул другой.

«Я только выражаю беспокойство, мои магиры,» сказал Мколл. «Шум и суета--»

Один из В'хедуака презрительно усмехнулся ему.

«Ораторий в двух палубах отсюда, солдат,» сказал он. «Это было бы невозможно для нас, чтобы помешать смягчению страданий Магира-Который-Говорит.»

Две палубы в каком направлении, задумался Мколл.

«Убирайся,» сказал один из В'хедуака. «И скажи своему этогору, что он плачущая язва.»

«Уже уйду, мои магиры,» сказал Мколл, пятясь.

Он пошел назад по рабочей зоне. В'хедуак мало дали ему, но риск того стоил. Он заметил кое-что за их плечами, пока они оскорбляли его.

Он прошел мимо ряда мусорных ящиков, которые были набиты металлоломом и изоляционными материалами. Не прекращая идти, он уронил одну из гранат, которые были на поясе для оружия сирдара, в ящик. Красная точка. Он надеялся, что это означало дым.

Так и было.

Через секунды, густой красный сигнальный дым повалил из ящика.

Он поспешил назад к В'хедуакам.

«Что еще, язва?» проревел один.

«Мои магиры!» произнес Мколл, указывая. «Огонь! В мусорных ящиках! Что-то загорелось!»

Фыркая от злости и удивления, В'хедуаки протолкнулись мимо него. Дым уже покрывал заднюю часть рабочего пространства. Он услышал, как они кричат принести огнетушители, и начинают отчитывать сервиторов за использование сварки слишком близко от изоляционных материалов.

У них за спинами, Мколл вошел в наблюдательный пункт, схватил сложенный лист со схемами, который он увидел на столе, и полностью исчез в тенях.

«Что ты достал?» спросил Майло.

Мколл вытащил толстую сложенную бумагу, и они развернули ее.

«Планы палуб,» сказал он. Они были нарисованы вручную, вид сверху и профиль сбоку, и эта работа была сделана с большим мастерством. Призрачные тонкие пунктиры даже показывали замысловатые линии главных силовых связей и систем охлаждения.

«Они использовали это, чтобы надзирать за ремонтными работами,» сказал он.

«Никаких когитаторов? Никаких планшетов?» спросил Мажо.

«Они не доверяют цифровым записям,» ответил Мколл.

«Я думаю, что мы можем найти этому лучшее применение,» сказал Майло, и начал тщательно изучать бумагу.

«Сначала у меня есть вопрос,» сказал Мколл. «Где, фес его, Холофернэс?»

Жаркие, темные границы канала выходили в длинную рокритовую галерею. Она была ста шестидесяти метров длиной и тридцати шириной, искусственная лощина, освещенная блестящим светом густых биолюминисцентных водорослей. Рокритовые стены с крутым уклоном раструбом отходили от центрального канала, формируя высокие и узкие выступы, которые можно было использовать в качестве инспекционных дорожек. В фосфоресцентном свете, Обел заметил большую и разъединенную теплом трафаретную надпись ГАЛЕРЕЯ 7816 на одной из рокритовых облицовочных плит. Русло канала, проходящее между высокими наклонными берегами, представляло собой путаницу из расплавленной магматической породы, сквозь которую бежала струя грязных, сжиженных отходов. Воздух смердел.

«Это лучшее место для засады,» заметила Жукова.

Обел кивнул. Встреча с Архиврагом в геотермальном канале стала бы бойней. Канал был достаточно широк только для двух людей, плечом к плечу. Им нужно было пространство, чтобы развернуться, чтобы они смогли выставить большую часть своих сил против физически превосходящего врага.

Крийд быстро оценила помещение. Оно, явно, когда-то служило в качестве галереи для избыточного давления, чтобы регулировать геотермальный поток во времена пиковой мощности. Остатки от массивных керамитовых врат находились на середине галереи. Они давным-давно оплавились до неподвижности, но их предназначением было уменьшить или даже перекрыть поток магмы и геотермальное давление. Геотермальной системе Урдеша были тысячи лет. Давным-давно, это была тонкая система, искусно управляемая и поддерживаемая династическими техниками, которые могли точно измерять, управлять и направлять природную силу.

Те утонченные археотехнические механизмы давным-давно вышли из употребления. Сейчас энергетическая сеть Урдеша была открытой сетью туннелей, которая либо работала, либо нет. Энергетические модуляции использовались индивидуальными местами – кузнями и заводами, такими, как ЭМ 14 – которые присоединялись к ней.

Но у этой, сейчас уже нефункционирующей галереи, были преимущества. Больше пространства, больше расстояния. В их конце было укрытие, и дальнейшее укрытие и стрелковые позиции предоставлялись открытыми вратами и высокими рокритовыми выступами. Крийд могла видеть открытый вход канала в противоположном конце. Оттуда они будут выходить. Это был единственный вентиляционный канал, выходящий из вентиляционной сети, обслуживающей территорию Репозитория Гносис.

Она надеялась, что это так. Если адепты солгали Паше, если Жукова неправильно прочла план, если был другой, резервный и вышедший из употребления проход, о котором они не знали...

«Они должны быть близко,» сказала она Обелу. «Давайте сделаем это здесь. Это самый лучший вариант, который мы видели.»

«Единственный вариант,» сказал Ларкин.

Обел отдал несколько знаков руками – *защитные позиции, здесь*. Отряды Призраков позади них начали расходиться веером по галерее, занимая огневые позиции вокруг входа в канал, используя края рокритовых ограждений в качестве укрытия. Мкхет и Боаз установили .20. Перетаскивание орудия поддержки и ее стойки весь путь от Турбинного Зала почти валило их с ног от теплового истощения. Другие члены отряда несли ящики с боеприпасами. Фалкерин и Клеб приготовили две сумки с трубчатыми зарядами, и Ифван отдал им заранее вынутые детонаторы. В тесных границах зала, взрывчатка будет последним средством, и Крийд убедилась, что все это поняли.

Лубба проверил свой огнемет.

«Будь осторожен,» посоветовал Обел. «Обратный поток может поджарить наших собственных людей, особенно если они на возвышении.»

Лубба кивнул. У него отсутствовала ликующая любовь к огню Аонгуса Бростина, но он понимал огонь и огнеметы. Он был огнеметчиком с самого вступления в полк, и Ларкин однажды описал его, как «Бростин без, ну знаете, чокнутых пиро-аспектов.»

Жед Лубба был большим человеком. Большинство огнеметчиков были такими. Требовалась масса и внутренняя сила, чтобы таскать полноразмерный огнемет весь день. Он обильно потел, его куртка была снята, его майка была темной от пота.

«Красиво и аккуратно, сэр,» пообещал он.

Ларкин и Окейн забрались по приваренным лестницам в конце облицовки, чтобы забраться на инспекционные дорожки, по одной с каждой стороны.

«Фес, тут высоко,» пожаловался Ларкин, как только забрался наверх.

«Тихо,» сказала Крийд.

«И узко,» добавил Ларкин. Он осторожно прошел вперед, осторожно неся свой драгоценный лонг-лаз, и занял позицию наверху ворот по левую руку, среди ржавых шестерней, которые когда-то закрывали и открывали их. Окейн уже расположился наверху ворот по правую руку. Другие Призраки забрались за ними, занимая опасные огневые позиции вдоль выступов, некоторые ложились на животы. Обел хотел максимизировать число пушек, которые они могут принести. Маггс и Жукова

пробирались по каналу, направляясь дальше, чтобы разведать оставшуюся часть галереи и прислушаться к каналу в дальнем конце.

«Это возвращение?» тихо сказал Обел Крийд.

«Это их тормозит,» ответила она.

«Но они переносят вещи,» сказал Обел. «Гаунту нужны те штуки, так ведь?»

Она кивнула. «Но он не хочет, чтобы ими владели ублюдки. Так что, если дойдет до выбора, лучше, чтобы никто не добрался до них так, как они.»

Ланни Обел не выглядел уверенным.

«Паша не уточнила,» сказал он.

«Я не думаю, что она тоже знает,» сказала Крийд. «Нашими приказами было обезопасить и вернуть. Эта идея отгородилась стеной. Так что, теперь это возвращение или уничтожение. Слушай--»

Она понизила голос и отвела его в сторону.

«Клянусь Троном, я не оцениваю наши шансы здесь. Только тридцать один, без поддержки? Эти враги прорезались сквозь скитариев пятнадцать минут назад. Нам повезет, если сдержим их. Если нам, на самом деле, повезет, мы превратим их в дым. Просто зальем их огнем. Если после этого останется, что возвращать, тогда ура нам. С другой стороны, они не пройдут мимо нас со штуками, пока мы все не будем мертвы.»

«Те вещи важны, так ведь?» сказал Обел. «Те орлиные камни?»

«Фес знает, почему,» ответила она. «Но, да. Несомненно. Они послали элиту, чтобы добраться до них. Так что, если нам придется уничтожить их, чтобы они им не достались, да будет так.»

Обел покачал головой.

«Эй,» произнесла она, толкая его локтем. «Ну же. Ланни? Они послали элиту, Гаунт послал нас. Лорд Исполнитель, не меньше. Так чем это нас делает?»

«Элитой?» спросил Обел с усталой ухмылкой.

«Нет,» сказала она. «Это делает нас сосунками и приманкой для лазеров. Но, по крайней мере, я заставила тебя улыбнуться.»

«Пошла нафес, Тона,» тихо засмеялся он.

«Сэр!» прошипел Сержант Ифван.

Окейн подавал сигналы рукой со своей позиции.

Маггс и Жукова возвращались по каналу. Они быстро передвигались, петляя и перебегая по грязному, неровному основанию.

Первая инструкция, подал знак Обел.

Коррод поднял руку и Кимурахи остановились. Он пристально посмотрел на бледный диск, который показывал то место, где канал выходил в более огромный зал.

Он посмотрел на детальные планы, которые ему дал Ординат Ян Жерик.

Хэклоу бросил на него взгляд.

«Дамогор?»

«Мы приближаемся к галерее,» сказал он. Хэклоу кивнул. Он помнил ее с момента входа.

«Если они умные и настойчивые, именно здесь они будут пытаться остановить нас.»

«Да?»

«Это точка, которую бы выбрал я,» сказал Коррод. Он снова посмотрел на планы.

«Достаточно широко, чтобы развернуться, достаточно узко, чтобы защищать.»

«Я сомневаюсь, что у нашего Имперского врага достаточно ума или способности, чтобы достаточно быстро привести сюда вниз силы,» сказал Хэклоу.

«И именно поэтому мы будем воевать с ними вечно,» сказал Коррод. «Из-за такого типа мышления. Наш враг *умный и настойчивый*. Они послали солдат, чтобы вернуть

камни. Они бы не послали кого ни попадя. Специальные войска. Заслуживающая доверия элита.»

Хэклоу кивнул, отчитанный.

Коррод снова посмотрел на вход в канал. Он сощурился, его яркие неоновые глаза исследовали. Вентиляционные каналы очень сильно притупляли его переделанные чувства. Смола, выделяющаяся из его слизистых, чтобы защитить его легкие от жара, мешала его обычно гипер-острому дару запаха и вкуса, а общее повышение температуры делало сложным для его глаз засекать тепловые следы человека.

Но он мог слышать. Мягкие, но настойчивые удары человеческих сердец, ускоренных напряжением. Движение потревоженных камней. Металлические щелчки, когда обоймы осторожно вставлялись в приемники.

«Они там,» сказал он.

«Мы не можем вернуться назад,» сказал Улроу. «Они уже должны были обезопасить другой конец.»

«Я ничего не сказал о возвращении,» ответил Коррод. «Мы –Кимурах, братья. Мы всегда идем вперед. Мы следуем песне его голоса.»

«Мы нападём на них?» спросил Хэклоу.

«Да,» сказал Коррод. «Мы некоторых потеряем. Это цена. Но они не будут готовы к нашей скорости или нашей стойкости. Помнишь, почему наш магир сотворил нас такими?»

Хэклоу кивнул. Имперское предпочтение энергетического оружия, особенно видов лазерного, повлияло на ритуальную эволюцию Кимурахов. Изобретатели Коллегии Наследования давали ранним поколениям их вида способность выращивать твердые пластины, чтобы впитывать твердые кинетические боеприпасы. Это было давно, в смутные времена Первых Человеческих Войн. Сейчас Кимурахи были созданы, чтобы выделять смолистую оболочку, которая отторгала энергетический огонь. Изобретатели развили идею на основе изучения биомеханики локсатлей.

Лазерное оружие было великолепным инструментом против человеческой плоти. Но Кимурахи, хотя и не неуязвимые, были намного выше этого.

«Вы помните план зала?» спросил он.

Кимурахи кивнули.

«Хэклоу, бери своих воинов и зачисти левую сторону. Гехрент, твои справа. Эхир, атакуй галерею.»

Все Кимурахи прошипели согласие. Они ждали какое-то время, неоновый свет стал резче в их глазах, пока то, что было их потовыми железами выпускало еще больше слизи, чтобы утолщить блестящее покрытие на их плоти. Хэклоу, Гехрент и воины, которые будут сопровождать их, сняли свои ботинки. Они фокусировались с гримасничающей концентрацией, игнорируя боль, над тем, как переделывались, чтобы удлинить когти на пальцах рук и ног. Хитин вытягивался, треща и разрастаясь, становясь уродливыми серыми крюками.

Коррод поправил старый Гвардейский вещевой мешок на плече. В нем лежали четыре камня. У Улроу были оставшиеся четыре в ранце.

«Они должны пережить это,» сказал Коррод. «Это все, что важно. Если я паду, если Улроу падет, кто-нибудь возьмите это бремя.»

«Да, магир,» прошептали они.

«Теперь, давайте покажем этим человеческим отбросам, как сражается Кимурах,» сказал Коррод. «За Анарха, кто есть Сек, чей голос заглушает все остальные.»

Все было спокойно и тихо несколько минут. Ожидание нервировало Ларкина. Он держал глаза на входе в канал, но направил свой лонг-лаз на камень в основании канала, примерно в тридцати метрах. Это была точка, которую никто не пересечет не получив выстрел в голову. Его ранец был открыт у бедра, запасы сверхзаряженных ячеек были готовы к хватанию.

Ну же, давайте займемся вами...

Крийд бросила взгляд на Обела. Пот бежал по ее щекам и шее, и это не было только от немилосердной жары вентиляционной системы.

«Движение!» прошипела Жукова.

Тихо, без боевого клича или воя, Кимурахи вырвались из канала и направились к ним. Первый взгляд на своего врага заставил Призраков вздрогнуть. Они не были людьми. Высокие, как огрины, тощие, как трупы, бегущие из канала с ошеломительной длиной шага, почти скачущие, как двуногая дичь.

Их скорость была вторым шоком. Как что-нибудь может двигаться настолько быстро?

Крийд почувствовала, как ее наполняет страх. Враг рванул вперед, чтобы атаковать. Они знали, что это была засада, подготовленная позиция. И все равно, они атаковали.

Кимурахи неслись вперед, как волна, как атака кавалерии, заполняя канал, стреляя из своего лазерного оружия от плеч.

Первые выстрелы, трески отдавали эхом в замкнутом пространстве, врезались и откалывали куски от выступов рокритовой облицовки. Затем упали первые два Призрака, сбитые с ног невероятно точными выстрелами.

«Огонь!» крикнул Обел.

Танитское оружие начало сверкать. Шторм лазерного огня хлынул в рокритовую ложину, пересекаясь с огнем с возвышающихся выступов. Боаз открыл огонь из .20, выбрасывая потоки пуль по каналу. Шум был болезненным.

Лидирующий Кимурах согнулся и упал. Те, которые были позади, перепрыгнули упавшего, стреляя. Некоторые из тварей, сбитые с ног, вставали и снова начинали бежать.

«Фес это,» прошептал Ларкин. Они оставили позади его заранее подготовленную точку выстрела до того, как он даже выстрелил.

Чем, фес их, они были?

Он выстрелил, и лонг-лаз рявкнул. Кимурах повалился, когда его череп взорвался. Набранный им импульс пронес его кувыркающийся труп на несколько метров.

Ларкин не остановился, чтобы насладиться своим убийством. Он воткнул следующую ячейку и послал второй горячий выстрел в лицо еще одного демона с неоновыми глазами. Окейн тоже открыл огонь. Двое снайперов уронили пять тварей до того, как фронт атаки достиг ржавых врат. У сверхзаряженных горячих выстрелов была неподдельная останавливающая сила. Даже био-защита Кимурахов не могла заблокировать или впитать такую энергетическую силу.

.20 так же давала о себе знать. Потоки тяжелых пуль уничтожали конечности и разрывали тела на части.

Они не смогут прорваться через это, думал Обел. Не важно, что они такое, не важно, насколько они быстры, они не смогут сбежать из этой убийственной коробки. Никто из них не доберется до нас живым.

Но основной массой Танитской огневой мощи было не обслуживаемое расчетом оружие поддержки или два лонг-лаза. Это были стандартные лазерные винтовки. Попадания из них заставляли Кимурахов спотыкаться. Некоторые падали, у остальных были видимые повреждения.

Но они продолжали продвигаться. Они впитывали это. Обел подивился, сколько раз ему нужно было попасть в одну и ту же самую точку на цели до того, как он причинит какое-нибудь смертельное повреждение.

Кимурахи приблизились. Их оружие было простым, но их гибкие, сильные тела позволяли им стрелять в движении с большой точностью.

И лазерное оружие было великолепным инструментом против человеческой плоти.

Четыре Призрака были убиты. Пять. Шесть. Боазу попали в горло и руку, и его отбросило от .20, который со стуком затих. Ифван рванул к нему, но .20 заклинило, когда Боаз отлетел от трипода. Он боролся, чтобы разблокировать приемник.

«Разблокируй его! Разблокируй его!» кричал Обел.

Ларкин услышал крик Окейна. Еще две группы врагов хлынули вверх по облицовке на выступ. Им не нужно было балансировать. Кривые когти на их ногах и руках вгрызались в потрескавшийся рокрит, как скальные крюки. Некоторые уже бежали вдоль стены на всех четырех конечностях, как человеческие пауки.

Ларкин и Окейн сменили прицел. У них больше не было времени стрелять в наступающую волну внизу. Они начали целиться поверх механизмов врат, чтобы отогнать ужасы, которые неслись вдоль стен на их уровне.

Окейн попал в одного, и убийственный выстрел сбросил мчащееся пугало с края, вращающееся и молотящее. Ларкин разнес голову первого, приближающегося к нему, затем перезарядился, чтобы поприветствовать второго.

На другой стороне, Окейн промахнулся третьим выстрелом. Хэклоу перепрыгнул через ржавые шестерни врат, и обезглавил Окейна резким ударом своих когтей.

Внизу, Маггс увидел смерть Окейна.

«На стенах! Они на стенах!» закричал он. Несколько Призраков у входа в канал пытались навестись наверх и открыть огонь по Кимурахам, продвигающимся по краям. Это еще уменьшило огневую мощь, направленную на главную атаку.

Хэклоу и двое остальных проскользнули мимо позиции Окейна, послав его труп кувыркаться вниз по облицовке, и напали на Призраков, занимающих позиции на выступе. Призраки пытались отбиться, стреляя в упор в неожиданную атаку, или пытались отогнать Кимурахов прикладами винтовок или клинками. Кимурахи убили нескольких своими когтями, напоминающими крюки для мяса, или просто сбросили солдат с выступа в канал внизу, падение, которое либо убьет, либо покалечит их, когда они ударятся о рокритовое дно канала.

Ифван разблокировал .20, но передняя часть атаки уже была перед ними.

Кимурахи оставили многих из своего рода мертвыми и покалеченными в рокритовом канале позади себя. Но с незамутненной яростью и недрогнувшей скоростью, остатки переделанных воинов накинулись на хрупкую линию Призраков.

СЕМНАДЦАТЬ: ПЛОТЬ СЛАБА

Не было пощады, места для движения, времени для раздумий. Сумеречная галерея содрогалась от выстрелов, случайные лазерные заряды пролетали сквозь собравшийся дым. Передовые Кимурахи врезались в линию, получая выстрелы в упор, разваливаясь и умирая, и впитывали урон ради воинов позади себя. Призраки прикрепили серебряные клинки, и прибегли к колющим ударам, когда Кимурахи напали на них. Большинство были просто отброшены назад превосходящей силой и мощью созданий Архиврага. Даже со штыками, глубоко загнанными в пузырячатую неоновую плоть, их переносили вперед или тащили назад.

Некоторые были затоптаны, другие пали от режущих когтей или потоков выстрелов. Коррод был в самом центре этого, прорезая себе путь вперед. Он знал с самого начала, что многие из его сородичей не вернуться с миссии. Никто не попадал в глубокий тыл врага и ожидал пережить это невредимым. Священная работа была всем, что имело значение. Приказы голоса. Кимурахи могут быть переделаны. Новые и достойные сыны могут быть благословлены и переделаны, чтобы заменить павших. Они будут разделять одну и ту же, вечную цель: одержать победу, даже если останется только один из них.

И они победят. Они смогут сломать всё сопротивление и принести ключи победы ему, и положить их у его ног. Даже если их число уменьшится до горстки. До, всего лишь, одного.

Никогда так много Кимурахов не разворачивали вместе, и никогда так много из них не погибало в одном бою. Это был знак чести. Знак доверия. Сами их потери, невообразимые по своим масштабам, доказывали значимость их задания. Победа, ни больше, ни меньше. Полная победа в Войне Саббат. Несколько метров грязной земли в рокритовом канале. Несколько слабых вражеских солдат на их пути.

Это было все, что стояло на пути Анарха.

Несколько метров. Несколько мешков человеческого мяса. Кимурахи могут побороть это. Имперцы хорошо сражались. Там, где у них отсутствовала сила, они компенсировали это умом и усердием. Они показали эффективность. Они показали отвагу и решимость, и тактический навык.

И теперь они умрут, потому что их необработанные тела были слишком хрупкими, чтобы поддерживать усилия, их оружие было слишком слабым. В самый последний момент, который всегда был единственным моментом, который по-настоящему имел значение, их сила не сможет совпасть с их решимостью.

Он мог видеть очертания входа в канал позади них.

«Огнемет!» крикнул Обел в резне. .20 был обойден. Все было просто дымом и кровью и резкими столкновениями и ломающимися телами.

Лубба занял позицию, и послал копьё сосущего, ревущего белого жара в первого из Кимурахов, изжарив плоть на костях. Сверхнагретый поток полностью уничтожил одного, разбросав оплавленные и горящие фрагменты костей. Еще одному удалось, шатаясь, пройти несколько метров, без кожи и объятому огнем до падения.

Крийд и Обел отбросили винтовки в сторону и вытащили посохи адептов-смотрителей из заплечных ранцев. Они заняли позиции и выстрелили.

Воздух исказился, когда гравитационные импульсы вылетели с концов посохов. Следующие два Кимураха упали, их черепа раздробились, как яйца. Крийд с Обелом попытались снова выстрелить, но оружию Механикус требовалось какое-то время, чтобы перезарядиться.

А времени больше не было.

«Ланни!» крикнула Крийд.

«Взрывчатка, сейчас!» проревел Обел.

На выступе, Ларкин услышал отдаленный приказ Обела, пока он пробирался назад от врат. Кимурах перепрыгнул их, падая на него. На секунду, он встретился глазами с неоновым взглядом твари. Затем он встретил ее своим серебряным клинком.

Кимурах приземлился и насадил себя на Танитский клинок, прикрепленный к концу лонг-лаза Ларкина.

Тварь скорчилась, дергая длинное оружие, угрожая вырвать его из рук старого снайпера или скатить их обоих с выступа.

Ларкин нажал на спусковой крючок. Горячий выстрел разорвал Кимураха надвое и сбросил разделенную тварь с его клинка. Другой Кимурах перепрыгнул через шестерни врат позади первого. Ларкин потянулся к своему ранцу для перезарядки, но насколько бы быстр он не был, времени на это бы не хватило.

Сзади его схватили руки и опрокинули на лицо. Вес Маггс стоял коленом на его спине, поливая огнем приближающегося Кимураха. Рядовой Галашия была позади него, стреляя в Кимураха над головой Маггса. Объединенный огонь сбил Кимураха с выступа. Он полетел в канал внизу прямо в то время, когда взрывчатка Призраков начала взрываться.

Трубчатые заряды и гранаты были единственными вещами, которые у них остались. Сокращенная линия Призраков была отогнана назад ко входу в галерею. По приказу Обела, они начали яростно бросать свои трубчатые заряды и какие бы то ни было гранаты, которые были у них.

Последовательные взрывы осветили конец зала со стороны Призраков, наполняя искусственную лощину внезапным лесом из взрывов. Это был отчаянный выбор. Последний выбор. Многие Кимурахи были мгновенно разорваны на части, но давление от взрывов было поймано в ловушку и направлено. Рокритовая лощина собрала и сфокусировала ударную нагрузку и прогнала ее вверх и наружу.

Призраки, защищающие вход в канал были сбиты с ног ударной волной, падая и катясь, оглушенные и ослепленные.

Дым и огонь кипели в галерее, плотные и ядовитые. Крийд попыталась подняться. Она увидела, что Кимурах почти рядом с ней, и выстрелила из своего посоха. Гравитационный заряд отбросил его назад на облицовку стены и разорвал его торс, как спелый плод. У Кимураха был гвардейский ранец на плече. Он упал вместе с телом в грязь дна канала.

Коррод увидел, что Улроу умер.

«Заберите это! Заберите это!» закричал он.

Он увидел, как из кружащегося, наполненного искрами дыма, вышел Дрехек, отбрасывая в сторону Имперца, которому он только что выпустил кишки своими

когтями. Дрехек увидел упавшее сокровище, и побежал к нему. Он снял его с трупа Улроу и повернулся. Копье раскаленного добела огня врезалось в него и подожгло. Кимурах и ранец рухнули во всепоглощающем огненном шаре.

Коррод взвыл. Возвращаться времени не было. Не было времени вернуть то, что было потеряно. У него все еще были четыре камня.

Он бросился вперед, к каналу впереди.

Имперец блокировал ему путь. Он отбросил человека в сторону, сломав ему шею и удалив половину его лица.

Жукова, оглушенная взрывами, увидела, как монстр убил Гански. Она выстрелила на полном автомате, сбив Коррода с ног лазерным потоком. Коррод поднялся, его кожа была пузырячатой и тлела. Она попала в него еще одним залпом. Он упал, затем пошел на нее.

Она снова выстрелила в него, и увидела, как неоновая кровь бьет струей.

Он был в сантиметрах от нее, когда его голова дернулась в сторону. Боковая сторона его черепа прогнулась внутрь и взорвалась.

Коррод упал.

Ланни Обел опустил посох.

«Эти фесы просто не знают, когда умереть, так ведь?» спросил он.

Сгорбленная, ковыляющая фигура врезалась в Обела сзади и отбросила его в сторону. Хэклоу, раненый и изуродованный, и, вероятно, последний оставшийся в живых Кимурах, все еще продолжал дело. Его когти сорвали вещевой мешок с трупа дамогора.

Прижимая его к груди, он прыгнул в канал.

Чирия как бы случайно предложила детонатор Колосиму, как солдат может предложить товарищу пачку с сигаретами с лхо.

«Ты это подключила,» ответил Ферди Колосим. «Окажи честь.»

Чирия пожала плечами. Шрамы на ее лице изогнулись в ухмылке от предвкушения.

«Призраки, Призраки,» сказала она в свою бусину. «Приготовьтесь к подрыву. Закрепитесь и расслабьтесь.»

Только что снова пошел дождь. Пелена мелкого дождика омывала подъездную дорогу к ЭМ 14. Призраки, собравшиеся в темноте, укрепились, и открыли рты, чтобы предотвратить разрыв ушных перепонки.

Чирия откинула защиту переключателя, и нажала на кнопку детонатора.

Последовала вспышка света, а затем ударная волна, которую все почувствовали легкими и костями.

Затем взрыв разорвал ночь напополам.

Пелена пламени прошла по передней части крепости Механоядра. Огромные куски рокрита и оуслита полетели, вращаясь и раскалываясь, подобно оползню, по подъездной площадке. Ударная волна сровняла с землей защитные ограждения, разрывая на части цепи, и бросила их на заднюю часть заставы.

Когда ударная волна стихла, щебень, гравий и куски камней начали падать вместе с дождем.

«Внутрь!» приказал Колосим. Выбранные тактические отряды поспешили из укрытия с оружием наготове. Обломки все еще падали. Дым покрыл территорию, и горели многочисленные пожары. Главные ворота Механоядра были массой раздробленного шлака и погнутой арматуры.

Массивные противовзрывные двери все еще были полностью целыми. Они просто лежали на земле.

«Хорошая работа,» прокомментировал Колосим, пока перебирался через щебень вслед за передовым отрядом. Чирия следовала за ним, таща свою короткоствольную установку и бункер с боеприпасами.

«Я знала, что грузовик, загруженный взрывчаткой пригодится, сэр,» ответила она.

Нужда заставила, подумал Колосим. Брэй и Армин потратили почти двадцать минут, пытаясь прорезать вход в главных дверях. Култ Механикус создавал вещи навсегда, и вдобавок к этому, системы ЭМ 14 испытали катастрофический коллапс, так что и от попыток переподключить схемы не было никакой радости.

Колосим упорно обдумывал другие потенциальные точки входа, когда Чирия похлопала его по плечу и просто показала на грузовик с бомбой, который Сековцы пытались привезти к их линиям.

Он сказал, «Ох, какого феса. Сломайте это.»

Передовые отряды плавно скользили и карабкались через щебень, двигаясь сквозь густой дым и пыль с поднятым оружием и водя им. Основное освещение и оборудование были отключены, но автономные вспомогательные световые блоки включились, освещая внутреннюю стену мягким, синим светом.

У Брэя было тактическое лидерство. Он подал жесты рукой, распределяя его передовую команду широко. Они покинули край щебня и зону взрыва, и пересекли мраморный пол, покрытый заброшенными внутрь взрывом гравием и большими кусками рокрита. Призраки передвигались от колонны к колонне, осуществляя прикрытие. Отряд Вадима шел у них по пятам, затем Колосим с тяжелым оружием. Колосим подал сигнал своему отряду разойтись, затем пошел вперед, чтобы присоединиться к Брэю и Каоберу.

Зал впереди был большим и тихим, длинный зал, как неф храма. Нагнанный дым от взрыва снаружи собирался в пространстве высокого потолка. Колосим огляделся.

Бой прошел через это место за последний час или около того. Стены и пол были усеяны следами от пуль и лазерных зарядов. Он увидел несколько орудийных сервиторов Механикус, мертвых и разорванных, плюс тела полудюжины Танитских солдат.

Это, должно быть, был ад, быть пойманным в ловушку здесь, когда машины повернулись.

Каобер указал. Несколько автоматов были расстреляны и уничтожены, но несколько других казались неповрежденными. Они просто отключились и умерли.

Колосим подошел поближе к одному и изучил его. Черная липкая жидкость, похожая на патоку, сочилась из его оболочки. Он выгорел изнутри, его когитатор и биомеханические процессоры превратились в кашу.

«Как у твари снаружи,» заметил Брэй.

«Здесь то же самое,» позвал Вадим. Он изучал системы, встроенные в стену – канал для данных и ряд мониторов. Смолистая черная слизь сочилась из всех них.

«Колосим Аркуде,» сказал Колосим в свою микробусину. «Вход выполнен.»

«Принято,» ответил голос Аркуды. «Я подумал, что услышал, как вы постучали.»

Аркуда принял командование ротами внутри Механоядра. Паша и Элам уже спустились в каналы и, как и охотничьи отряды Обела и Крийд, были вне досягаемости связи. Говорили, что Тейсс был мертв, и что он погиб в первые несколько минут. Колосим предупредил Аркуду, как только это стало ясно, что он собирается войти силой с помощью не слишком утонченных средств. Аркуда вывел всех Призраков из входного зала.

«Продвигаемся внутрь поотрядно,» сказал Колосим. «У вас все еще есть активные враги?»

«Все намного успокоилось,» сказал Аркуда. «Несколько перестрелок, так что будьте осторожны. Но безумие закончилось. Я думаю, что они все мертвы, или умирают.»

«Это правда, насчет Тейсса?»

«Ага. Нас потрепали. Большой кошелек.»

Колосим поморщился. *Большой кошелек (Big purse)*. Острый эвфемизм. Милитарум искажил это из жаргона Муниторума, термин оценки, используемый в отчетах о боях и логистических сводках. *Большим кошельком* был, на самом деле, «большой проц» (big perc), аббревиатура на титульном листе, обозначающая «большой процент несчастных случаев», указывающая на потери в сорок пять процентов или выше. Для Колосима это всегда звучало так, как будто какой-то вороватый ублюдок сбежал после зверского ограбления.

«Нам скоро понадобятся медики и эвакуация раненых,» доложил Аркуда.

«Работаем над этим,» ответил Колосим. «Связи с высшим командованием и Оперативным Управлением Элтата все еще нет.»

«Еще один большой удар?» спросил Аркуда.

«Не могу сказать. Надеюсь, что это просто технический фес. Но дерьмо пинается по всему городу.»

«Не может быть, чтобы дворец пострадал,» сказал Аркуда.

«Надо думать,» согласился Колосим.

Команды снова пошли вперед. Колосим оставался рядом с Вадимом и Каобером.

«Какой план?» спросил Колосим в бусину. «Начнем вывод?»

«Эвакуацию раненых, да, так скоро, как сможете,» ответил Аркуда. «Но, так же, мы должны обезопасить нафес это место. Операция все еще продолжается внизу, в каналах. Сигнала еще нет, но нам нужно быть готовыми оказать поддержку. Или заблокировать все, что угодно, что попытается выбраться отсюда.»

«Принято. Введи меня в курс дела.»

«Мы перекрыли все вероятные выходы из каналов,» ответил Аркуда, «но мы еще не добрались до Турбинного Зала Один. Это то место, где Крийд и Ланни вошли внутрь. Это ближе к вам.»

«Понял,» сказал Колосим. «Мы заблокируем это.»

Он последовал за продвижением внутрь. Еще больше останков автоматов. Мертвые техножрецы и адепты, некоторые из них были разорваны выстрелами на части или лежали с оторванными конечностями. Механикус обратились против себя так же, как и против своих гостей. Черная слизь брызгами покрывала пол и была разбрызгана по некоторым стенам. Большая ее часть вытекала из мертвых машин, но некоторая ее часть сочилась и капала из самого здания.

Здесь было, так же, больше мертвых Призраков. Мужчины и женщины, которых Колосим хорошо знал, лежали там, где пали, изогнутые и скрученные. Некоторые

умерли мгновенно от массивных ран. Другие умерли медленно, одинокие и с болью, застигнутые на открытом месте. Кровавые следы демонстрировали это.

«Фес это,» пробормотал Вадим.

«Откуда мы знаем, что они мертвы?» спросил Брэй.

«Трон, посмотри на них!» ответил Колосим.

«Не наши, сэр,» сказал Брэй. «Култ Мех.»

Колосим замешкался. Самое нафес время *подумать* об этом. Они выглядели мертвыми. Сервиторы и жрецы, холодные и тихие, истекающие дерьмом на пол.

Они были чем-то инфицированы.

Но, в первую очередь, они никогда не были живыми в том смысле, в каком это понимали Колосим и его Призраки. Култ Механикус был весьма холодным и спокойным и в лучшие времена. Откуда он мог знать? Расстрелянные, естественно, но остальные? Они знали, что над ними взяло верх безумие, убийственная жажда крови. Было ли это смертью? Или это было, всего лишь, другой фазой? Инертностью? Спящим состоянием, пока инфекция прогрессировала до следующей стадии?

Колосим огляделся и нервно сглотнул. Здесь были сотни мертвых работников Культа Механикус и сервиторов, усеивающих залы и галереи. Он только сорок мог видеть с того места, где стоял.

Что, если они почти готовы вернуться? Снова нафес включиться? Проснуться и возобновить свое убийственное безумие?

Он только что провел среди них две полные роты.

«Фес,» выдохнул он.

«Что?» спросил Каобер.

Колосим нащупал свою бусину.

«Колосим всем отрядам. Я хочу подтверждающий стук по каждому телу Меха, который вы видите. Повторяю. Подтверждение убийства каждого потенциального врага. Без исключений.»

Командиры его отрядов воксировали подтверждение. Начались выстрелы. Люди вокруг него разошлись, целясь в головы или центральные процессоры каждого мертвого адепта, жреца и сервитора, и стреляя в упор, чтобы уничтожить их.

Это была мрачная работа. Это была жизненно важная работа. Механикус держали свои тайны и секреты при себе. Если был даже хоть слабый шанс на то, что любой из них может ожить, это надо было предотвратить.

Обел с трудом поднялся на ноги и захромал к каналу. Крийд и Жукова уже убежали в вентиляционный канал, преследуя убегающего Кимураха.

«Тона!» крикнул он.

Ответа не было. Он чувствовал головокружение, его легкие были сжаты от жара. Тварь сильно ударила его, и он был совершенно уверен, что у него сломаны ребра или еще хуже. Но наплыв адреналина от дикого боя все еще пульсировал в нем.

Он бросил взгляд назад на разрушения позади себя. Дым практически заполнил рокритовую лощину галереи, и огонь все еще горел там, где тела и химический осадок в канале загорелись. Мертвые враги заполнили дно, и Танитские мертвые и раненые были повсюду вокруг них.

«Сержант!» крикнул он.

Ифван прохромал к нему, с глубокими ранами на лице. «Сэр?»

«Проверь мертвых. Мертвых врагов. Ни один из этих ублюдков не может быть жив, ты понял?»

«Да, сэр.»

«Потом присмотри за нашими ранеными. Иди, Ифван! Собери всех, кто остался!»

Ифван кивнул.

«Где – где будете вы, сэр?» спросил он.

Обел уже спешил в направлении вентиляционного канала.

Тона Крийд была сильной бегуньей, но Жукова оставалась с ней. Жар в ограниченном пространстве вентиляционного канала был сильным. Крийд не была уверена, сколько еще любая из них продержатся до того, как обезвоживание или спертый воздух победят их.

Она не собиралась позволить ублюдку уйти.

И здесь было весьма мало мест, куда он *мог бы* уйти. Это было главное вентиляционное ответвление, путь, по которому они пришли внутрь. Оно тянулось за границы ЭМ 14, и, в конечном счете, соединялось с главным геотермальным стволом. Никаких ответвлений, никаких суб-туннелей. По крайней мере, казалось, что так показывала карта. Два километра до главного магматического ствола.

Жара была достаточно плохой. Ядовитые вулканические газы обжигали ей глотку и сковывали ей грудь, как будто ее дыхательная система ржавела. Канал был трубой, и основание было усеяно магматическим осадком и жидкими отходами, делая их предательскими под ногами. Она дважды подвернула лодыжку, а затем споткнулась так сильно, что упала и больно врезалась в изогнутую стену канала.

Жукова поставила ее на ноги.

«Мы не можем--» начала Жукова.

«Мы можем,» настаивала Крийд.

Было легче попасть внутрь, несмотря на вес имущества. Они продвигались монотонно, выбирая себе путь. Ничего похожего на этот безрассудный бег вслепую. Погоня по трубе в ад за одним из его демонов.

Они снова начали бежать. Жукова повесила свою винтовку на спину. Винтовка Крийд осталась в галерее, но у нее все еще был посох Механикус.

«Он был ранен--» сказала Жукова, кашляя.

«Как и мы.»

«Нет, он был ранен. Мне плевать, насколько он не человек, но он был поврежден!»

Крийд поняла, что она была права. Она видела Кимураха, пробежавшего мимо нее, его торс и рука были изорваны и покрыты пузырями от энергетического огня. Она видела брызги желтой жидкости на стене канала, когда они рванули в него. Может быть, это было их единственное преимущество. Может быть, они смогут догнать его, несмотря на его скорость, потому что он начнет слабеть, когда его раны замедлят его.

Она увидела вертикальный луч бледного света впереди. Это был спускной канал, который вел обратно в Турбинный Зал Один, тот, по которому они спустили орудия поддержки и боеприпасы вниз, ступенька за ступенькой.

Она пробежала прямо под ним и продолжила бежать.

«Тона!» позвала Жукова.

Крийд обернулась. «Не туда!»

«Он мог бы--»

«Нет! Он ушел туда же, откуда пришел! К главной тепловой линии, Жукова! Это просто ведет обратно в Механоядро!»

«Но--»

«Идем!» Крийд повернулась и снова начала бежать.

«Капитан Крийд!» крикнула Жукова.

Крийд выругалась и резко развернулась.

«Что?»

Жукова стояла под каналом и смотрела вверх.

«Что, Жукова?»

«Он бы поднялся,» сказала Жукова, «если бы это был легкий путь.»

Крийд, спотыкаясь, вернулась к ней, тяжело дыша.

«Что?» спросила она.

«Если он был ранен,» сказала Жукова. «В отчаянии. Знал, что не сможет добраться до главной линии. Решил спрятаться.»

Крийд посмотрела на нее. «Это предположение? Ты предполагаешь?»

«Я пытаюсь думать, как бы он мог думать,» ответила Жукова. «Я не думаю, что смогла бы пробежать еще. Не весь путь. А потом, сколько еще километров, чтобы выбраться из города, через зоны конклавов, назад к вражеским линиям? Если бы я была ранена, я бы спряталась. И это единственное место, где можно спрятаться. Единственное.»

Крийд сердито посмотрела на нее.

Жукова потянулась и схватилась за нижнюю перекладину сервисной лестницы. Она немного поднялась по основанию ствола канала.

Она замерла, и провела рукой по следующей перекладине, затем посмотрела вниз на Крийд и показала ей ладонь.

Она была испачкана желтой жидкостью.

«Ублюдок ушел наверх,» сказала она.

«Фес,» прорычала Крийд. «Спрыгивай! Спрыгивай нафес, Орнелла!»

Жукова приземлилась рядом с ней. Крийд подняла посох, навела его в ствол канала, и выпустила импульс пульсирующей гравитационной силы.

Они услышали, как он попал во что-то в темноте далеко наверху. Глухой металлический удар. Пыль, щебень и хлопья ржавого металла посыпались на них.

Крийд затолкала посох в ранец и схватилась за нижнюю перекладину, подтягивая себя вверх.

Подбежал Обел, задыхающийся и кашляющий, из канала позади них.

«Крийд? Куда ты, фес тебя?» выдохнул он.

«Наверх!» крикнула Крийд, исчезая из вида.

Жукова посмотрела на Обела.

«Потому что он ушел туда,» сказала она.

«Оно мертво?» спросил он.

Беати Саббат вздохнула. Гаунт никогда не видел ее настолько истощенной. Даже мягкий, внутренний свет, который, казалось, она генерирует, приглушился.

«Да,» сказала она.

Жилой зал сводчатого подвала был просто жилым залом. Все искажения реальности исчезли, как сны. Сточная вода поспешно утекла, оставляя только грязные лужи и мусор на каменных плитках. Люди Баскевиля зажигали лампы, так что здесь, по крайней мере, было немного света.

Гаунт медленно огляделся. Теперь просто подвал: холодный, сырой, поврежденный, старый. Просто место, твердая обычная реальность, набор глубоких камер, о которых никто не заботился. Злоба, которая пропитывала камни, исчезла со смертью машины скорби. Сводчатый подвал приспособился к реальности и вернулся к тому, чем всегда был.

Гаунт остановил себя. Нет, место изменилось навсегда. Теперь сюда никто не пойдет. Место должно быть запечатано, не потому что здесь был какой-то, не полностью исчезнувший след нематериального зла, но из-за того, чем это место было. Могилой. Местом убийства. Местом, настолько перегруженным горем и потерей, что здесь даже было тяжело стоять.

Мертвые усеивали пол между лужами грязной воды и сломанными койками. Люди Санкто. Оскет передвигался от тела к телу, проверяя на наличие жизни, хотя это было просто формальностью. Они были нарезаны на ленты. Сариадзи был уничтожен настолько полно, что от него не осталось и следа.

Гаунт задумался, сколько еще погибли здесь. Призраки, мужчины и женщины из свиты, настолько поглощенные темнотой, что не осталось ничего, чтобы показать, что они вообще когда-либо существовали.

Даур сидел в углу, спиной к стене. Эта потеря, эта резня, ужаснула их всех. Гаунт сомневался, что он когда-либо снова увидит, как Бан Даур вспыхивает своей энергичной улыбкой.

И еще здесь был Гол.

Колеа сидел на полу, пристально смотря на точку, где была Йонси. Остались только несколько расплавленных черных шипов, как разбросанные мертвые листья. На его лице не было выражения. Гаунт не мог даже начать понимать, что чувствует Гол Колеа.

За исключением того, что часть него боялась, что он мог. Мерити была здесь, внизу. Она попала в это. Гаунт едва знал ее, и то немного, что он знал, было ложью. По правде, он свою дочь знал не лучше, чем Гол знал свою. Но главным был ущерб. Он бросал вызов рациональному. Ребенок был ребенком, не важно, насколько отдаленным, не важно, насколько фальшивым.

Далин Крийд стоял отдельно от остальных, прислонившись к стене, пристально смотря на побеленные камни. Его рыдания прекратились, и его страдальческое отрицание превратилось в тишину. Гаунт знал, что Далин переживает это более мучительно, чем кто-либо еще. Даже больше, чем Гол, потому что он был близок с девочкой. Конфликт сломал его. Горе от потери сестры, ярость от глубины предательства.

Йонси никогда не была Йонси, но это не останавливало их от веры, что она была настоящей. Годами, она была их частью, частью Танитского подразделения, выжившей, радостной, странной девочкой, которая часто была радушно принимаемым антидотом от рутины войны. Забота о ней, смех вместе с ней, ее защита, развлечение ее... это было частью их жизней, простые человеческие взаимодействия, которые позволяли им забывать, время от времени, борьбу, которой они были преданы.

За исключением того, что она была войной все время. Войной, нашедшей пристанище среди них, в их рядах, внутри их доверия, в их мыслях и сердцах, ожидая, чтобы открыть свою истинную натуру.

Это была величайшая рана, которую Призраки испытывали когда-либо. Это вырезало их сердце, из самого нутра, нанеся удар из единственного места, которое казалось безопасным. Гаунт никогда не сомневался в преданности своему долгу. Он никогда не ставил под сомнение свою веру в то, что человек должен сражаться против

Губительных Сил каждым фибром своей души. Вчера, он хотел, чтобы Анарх был побежден и мертв, прямо так же, как и неделей ранее, и годом ранее.

Но это? Сек должен умереть, не потому что это было долгом Гаунта, не потому что это было правильной вещью, не потому что это была воля Императора, и не потому что его смерть сможешь защитить человечество.

Сек должен умереть из-за этого.

Фонарики запрыгали в арочном проходе позади него. Появился Полковник Грае, ведя отряд Урдешских солдат и дворцовый персонал.

«Мой лорд?»

«Присмотрите за выжившими,» сказал Гаунт. «Заберите их отсюда.»

Грае кивнул, и его люди пошли вперед, поднимая Санкто, который истекал кровью и больше не мог ни говорить ни стоять, и помогли Харку, который все еще поддерживал раненую Лакшиму.

Лакшима посмотрела на Гаунта.

«Эта территория должна быть зачищена и опечатана, сэр,» сказала она хрупким голосом. «Весь уровень.»

«Так и будет.»

«Я назначу персонал ордоса, чтобы провести ритуалы очищения.»

Гаунт кивнул. Лакшима повернулась и позволила Харку помочь ей ухромать прочь.

«Какова ситуация?» спросил Гаунт Грае.

«Вся энергия и системы во дворце отключены, мой лорд,» ответил Грае. «Защита отключена, и вся связь не функционирует.»

«Значит, от Роуна ничего?»

«Нет, сэр. Докладывают об атаках по всему Элтату. Враг сделал игру.»

«Я сразу поднимусь вверх. Вон Войтц командует?»

«Командует, сэр,» сказал Грае. «Он начал эвакуацию, но затем энергия отключилась. Я полагаю, что он работает, чтобы привести дворец и военную комнату в боевое состояние так быстро, как возможно.»

«Нам это нужно.»

Грае кивнул. Он отдал честь, и повернулся, чтобы уйти, затем снова посмотрел на Гаунта.

«Мой лорд,» сказал он, «ваша дочь в безопасности. Я отвел ее в медицинский пункт всего лишь двадцать минут назад.»

Гаунт обнаружил, что он не может ответить.

«Ее трясло, сэр, но она, по существу, невредима. Я запрошу дальнейшие отчеты. Я бы сказал, что она хорошо себя зарекомендовала. Выдержала испытание с большим хладнокровием.»

«Спасибо, полковник,» сказал Гаунт. Гаунт сотворил символ аквилы, и поспешил прочь, чтобы следить за восстановительными работами.

Гаунт никогда, за всю свою жизнь, не чувствовал себя так, как будто сейчас заплачет. Он посмотрел на Гола, сидящего, тихого, пристально смотрящего, и почувствовал укол вины за собственное, эгоистичное облегчение.

«Ты в порядке?» спросила Керт.

«Да,» сказал он.

«Ибрам,» сказала она тихим голосом. «Это нечто... это... Трон, я не знаю. Никто из нас просто не уйдет от этого. Это просто так не залечится, как боевая рана. И даже когда залечится, это не будет шрамом, который любой из нас будет носить с гордостью. И Гол, и Бан, и бедный Далин--»

«Я знаю,» сказал он. К ее удивлению, он быстро обнял ее, затем отпустил. «Я подумал,» сказал он. «Ана, я размышлял... Я могу быть вынужден уйти.»

«С поста Лорда Исполнителя?» спросила она.

Он кивнул.

«Никто не будет сомневаться в этом,» сказала она. «Эта травма, она может сломать лю--»

«Нет,» сказал он. «Я думаю, что могу быть вынужден уйти, потому что Макарот никогда не разрешит своему Лорду Исполнителю возглавить удар возмездия лично.»

«Против Сека?»

«Где бы он не был. Да. Он умрет за это. За это, что за гранью любой части его отвратительного каталога преступлений.»

«Не будь опрометчивым,» сказала она. «Брам? Брам, послушай. Ты сможешь сделать против него больше в качестве Лорда Исполнителя, чем в качестве мстителя. Это то, что он хочет. Это злоба, которую он использует, чтобы сломать нас. Он ослабляет нас, ударяя в наши души. Он хочет сломать тебя, и если ты отступишь, он преуспеет.»

Она схватила его за руку и пристально посмотрела ему в глаза. Только она, казалось, не боялась смотреть в его глаза.

«Сек не чувствует,» сказала она. «У него нет человечности. Вот почему он может делать это с нами. Не позволяй ему повернуть твою человечность против тебя. Почувствуй это, и используй это, чтобы это помогло тебе привести эту войну к победе. Не расточай это на какой-то обреченный жест. Ты – Лорд Исполнитель. От тебя зависят миры. И Сек должен фесово бояться.»

«Бояться?»

«Он сделал смертного врага даже сильнее.»

Раздался грохот. Меч Беати, опаленный и погнутый, выскользнул из ее руки. Аурбен рванула, чтобы поддержать ее.

«Она потеряла сознание,» закричала Аурбен обожженным голосом, даже больше напоминавшим хрип, чем обычно. «Помогите мне!»

Керт с Гаунтом рванули к Святой.

«Просто истощение,» сказала Керт, осматривая ее.

Гаунт кивнул. Святая прибыла прямо из дней битвы в Гереппане и Уреппане. Ее божественная сила уже была истощена до того, как они даже начали. Эти нечеловеческие усилия в подвале вытянули все резервы, которые у нее оставались.

«Я не вижу значительных ран,» сказала Керт. «С другой стороны, я даже не начала понимать, как варп мог ранить ее в той битве.»

«Она такая бледная,» сказала Аурбен. «Ее свет пропал--»

«Доставьте ее наверх!» крикнула Керт. «Помогите мне! Оскет!»

Призрак из команды Баскевиля рванул к ней, и они подняли безвольную Беати.

«В ней нет веса!» воскликнул Оскет.

«Туда!» подгоняла их Керт, ведя людей к выходу.

Призраки, в черном, со своей хрупкой бледной ношей, напомнили Гаунту носильщиков гроба.

«Ана?» позвал он.

Керт обернулась к нему, и просто кивнула. Взгляд в ее глазах сказал ему все, что ему нужно было знать. Это была все так же бескомпромиссная решимость, которую он видел каждый раз, когда Медикае Керт сражалась, чтобы спасти раненую душу на полях войны, которые они прошли вместе.

Теперь в сводчатом подвале их осталось всего несколько. Даур, Колеа и Далин, потерянные в своей собственной боли, Бленнер, притаившийся у двери, беспокойный, как будто он ждал чего-то. Гаунт был немного воодушевлен, видя, как Бленнер показывает в кой-то веки простую, человеческую реакцию сочувствия.

Баскевиль бросил взгляд на Гаунта. На его лице тоже был запечатлен шок.

«Нам попробовать увести их?» спросил он Гаунта.

Гаунт кивнул. «Осторожно,» сказал он. «Они могут скорбеть так долго, как им понадобится, но это место--»

«Я знаю, сэр,» ответил Баскевиль. Гаунт сделал шаг к Колеа, но Баскевиль остановил его. Баск и Гол были лучшими друзьями. Баск был бы более желанным утешением.

Вместо этого, Гаунт подошел к Дауру.

«Пошли наверх, Бан,» сказал он.

Даур посмотрел вверх на него. Он поднялся и отряхнул свой мундир.

«Нет,» сказал он.

«Нет?»

«Нет, сэр.»

«Бан--»

«Я еще ее не нашел,» сказал он. «Я не уйду, пока не найду.»

«Бан, мы можем привести сюда команды, должный осмотр всего--»

«Нет,» яростно произнес Даур. «Я поищу. Я.»

Он прошел мимо Гаунта, и исчез в соседней комнате. Гаунт слышал, как Даур выкрикивает ее имя.

Халлер выпустил длинную очередь из короткоствола на упряжи вокруг своего тела. Патронная лента из бункера у его ног стучала, когда подавала патроны. Зазубренные цветки вспышек из дула мерцали вокруг широкого ствола пулемета, и израсходованные гильзы взлетали в воздух.

Автоматона, хромающего и истекающего черной слизью, пробило в пятидесяти местах. Его оболочка распалась, содранная потоком пуль, и он упал, загоревшись в центре, черная жидкость полилась из его разорванных внутренностей.

«Один или два из них все еще активны,» заметил Халлер.

«Будь настороже,» сказал Колосим. Он посмотрел на Брэя. Сержант пытался силой открыть люк в Турбинный Зал Лдин. Каобер работал с ним.

«Есть успехи?» крикнул Колосим.

«Ждите,» сказал Брэй.

«Нам нужно больше дерьма из того грузовика?» спросил Колосим.

«Нет, я понял,» сказал Брэй, сосредоточенно работая. «Он просто закрыт изнутри.»

Крийд и Жукова вылезли из открытого канала с оружием наготове. Обел хромал позади них. Турбинный Зал Один был таким же, каким они его оставили. Огромные паровые двигатели замедлились до слабого свиста. Тела мертвых – как Призраков, так и Механикус – лежали там, где упали.

«Ты ошиблась,» сказала Крийд.

«Нет,» ответила Жукова, твердо помотав головой.

«Тогда, где он?»

Крийд направилась по производственной площадке, перешагивая через тела, высматривая любые признаки движения. Здесь было множество мест, где спрятаться. Так много трубопроводов, массивных машин, консолей. Противник мог спрятаться. Крийд не была уверена, было ли у него оружие, но если было, то, возможно, он готовился к выстрелу.

Она подошла к люку. Он все еще был наглухо закрыт, внутренней настройкой, точно так же, как Жукова запечатала его перед тем, как они вошли в каналы. Никто не мог выйти и запереть его изнутри.

«Мы пошли не тем путем,» сказала она. Она испытывала головокружение от испарений в канале, смертельно устала от бега и карабканья вверх. «Он пошел не сюда.»

«Пошел,» сказала Жукова.

«Тогда, где он?» спросила Крийд. «Где нафес?»

«Где-то,» сказала Жукова. Она бродила по залу. «Он здесь.»

«Я тебе скажу, где он,» резко бросила Крийд. «Он в двух километрах отсюда, направляется в главную термальную трубу. Он вырвался. Мы пошли не тем фесовым путем.»

«Это был просто зов, Тона,» сказал Обел, садясь и пытаясь собрать свое дыхание. Он сильно хрипел. «Мы ответили на зов. Просто он был неправильным.»

«Нет, не был,» сказала Жукова.

«Тогда, где он?» проворчала Крийд.

«Прячется,» сказала Жукова. Она начала резко открывать шкафчики вдоль западной стены, нацеливая оружие в каждый, когда открывала дверцы. Только машинные запчасти. Мотки кабелей. Трубы.

«Они победили,» сказала Крийд. «Они нафес победили. Они получили камни.»

Главный люк издал грохот автоматических затворов, а затем скользя открылся с медленным пневматическим шипением. Крийд, Обел и Жукова повернулись с нацеленным оружием.

«Не стрелять! Не стрелять!» закричал Брэй, когда увидел их. Призраки вокруг него опустили оружие, и разошлись веером по залу.

«Что произошло?» спросил Колосим.

Крийд просто помотала головой, измотанная.

«Мы встретили их на выходе,» сказал Обел. «Удержали их. Фесова перестрелка. Нереальная. Они не были людьми, и они продолжали наступать. Просто дикари. Большой кошелек. Но один прошел мимо нас.»

«Всего лишь, один,» сказала Жукова.

«У фесового ублюдка была сумка. Были камни,» сказал Обел. «Мы пошли за ним, но он выбрался через геотермальную систему.»

«Ох, фес,» произнес Колосим.

«Он пошел не туда,» настаивала Жукова. Она вернулась к своим поискам. «Он пошел этим путем.»

«Тогда, где?» спросил Крийд.

«Я тебе сказала,» сказала Жукова. «Он прячется. Где-то здесь. Больше нигде. Это первый раз, когда люк открылся. Он в этом зале прямо сейчас.»

«Обыскать! Сверху донизу!» крикнул Колосим. Отряды Призраков разошлись веером, осматривая каждую нишу, проверяя сервисные проходы за каждой машиной. Некоторые забрались наверх на инспекционные площадки. Остальные стояли толпой у люка, угрюмо уставившись на мертвых.

«Ничего!» крикнул Брэй. Другие Призраки озвучили отсутствие результата.

«Видишь?» сказала Крийд.

«Попробую достучаться до Паши,» сказал Колосим. «Рассказать ей.»

Жукова все еще искала. Она присела, чтобы посмотреть за пультами управления зала. Труп рядового Этцена лежал под консолью.

Его свалил один из гравитационных импульсов адепта-смотрителя. Энергия сокрушила и искалечила его.

Жукова нахмурилась. Гравитационная сила была мощной, но она не могла удалить куртку и плащ Этцена.

Она поднялась.

«Дерьмо,» сказала она.

«Что?» спросил Обел.

«Этцен. Плаща нет. Нет--»

Крийд и Жукова повернулись. Тела четырех Призраков раньше лежали на полу между консолями и люком. Теперь их было только три.

Крийд и Жукова рванули вперед. Обел захромал за ними.

«Какого феса, Тона?» воскликнул Колосим, когда Крийд протолкнулась мимо него.

«Он просто уходит!» крикнула она. Она понятия не имела, как тощий, как рельса, двухметровый призрак мог просто выйти, но она знала, что это так. Она с Жуковой протолкнулись сквозь сбитых с толку Призраков, стоящих в дверном проеме.

«В сторону!» кричала на них Крийд. «В сторону!»

Один Призрак отделился от задней части группы. Закутанный в камуфляжный плащ, он хромал по широкой галерее, направляясь к главному выходу. Он просто проходил мимо отрядов Призраков, занявших позиции в галерее.

Это была не ее цель. Этот человек был низким, маленьким. Он выглядел старым и хрупким, плащ был туго обернут вокруг него.

Но Крийд знала, что это не был ни один из Призраков, которых она знала.

«Ты!» крикнула она. «Ты! Стой!»

Призрак продолжал идти.

«Последнее предупреждение!» крикнула Крийд.

Человек остановился. Он прекратил хромать, и бросил на нее взгляд через плечо.

Он был стариком, тощим и потрепанным погодой. Он выглядел, как один из костлявых жрецов аятани, которые раньше хлынули в город.

Секунду он смотрел прямо на нее, затем отвернулся и снова пошел, хромая в направлении двери.

В эту одну секунду, Крийд увидела неоновую вспышку в его зрачках.

Она выстрелила из посоха. Гравитационный импульс вырвался из излучателя. Призраки разбежались и отскакивали, когда бурлящая масса искаженного воздуха пузырем проносилась по галерее.

Она ударила человека в спину, сокрушив его позвоночник и ребра, и превратив в кашу его внутренние органы.

Хэклоу упал. Он умер так же, как и вошел в мир, его благословенная переделка была скрыта от глаз.

Крийд и Жукова подошли к труп. Крийд осторожно перевернула его носком ноги. Просто мертвый старик, закутанный в Танитский боевой плащ.

Жукова встала на колени, и выдернула грязный вещевой мешок и его мертвых рук.

Она открыла его, и осторожно вытащила один из четырех орлиных камней.

«Беру свои слова обратно,» сказала Крийд. «Ты была права. Фес пошел этим путем.»

Они забежали под дождем на серую рокритовую территорию парового завода рядом с Лагерем Зенос. Резкие выстрелы лазеров были позади них.

«Не задерживаемся,» сказал Роун.

«Здесь нет никакого фесового укрытия, сэр,» сказал Лайдли, бросая взгляды по сторонам. Рядовой был прав, и Роун знал это. Паровой завод Плэйд Пэриш был большим объектом, генерирующим энергию для целого района города. Открытые дворы и сервисные дорожки бежали между рядов пустых мастерских и цехов. Главные дымовые трубы и главный зал завода были впереди.

Это было автоматизированное сооружение. Вокруг никого не было, и каждая дверь или люк, которые они пытались открыть, были запечатаны. Военное время. Протоколы светомаскировки. Завод был закрыт.

Над головой, массы белого пара тянулись из массивных труб и плыли, как ледник в черном ночном небе. Полная темнота. Дождь гнало с пустошей за периметром завода. Он пах фуцелином, поднятым в воздух взрывом склада боеприпасов.

«Просто идите,» сказал Маббон. «Оставьте меня. Я встречу с ними. Тогда, все это закончится.»

Роун захотел отвесить ему пощечину, но боль в его животе становилась хуже. Он сжал зубы, чтобы не издать ни звука.

«Заткнись нафес,» сказал Варл Маббону. «Просто заткнись. Мы потеряли хороших людей, вытаскивая тебя--»

«Я никогда не просил об этом--» ответил Маббон.

«Я не позволю, чтобы они погибли ни за что,» сказал Варл. Он принялся, быстро вдыхая. «Просто не позволю. Просто нафес не позволю. Так что молчи о том, чтобы оставить тебя. Молчи.»

Маббон отвернулся.

«Сколько еще осталось?» спросила Ойстин.

«Трое,» сказал Лайдли. «Трое, я думаю.»

«Что у нас есть, что свалит их?» спросил Роун, наконец-то умудрившись сказать, не закричав.

«Гранатомет, гранаты,» сказал Варл, помахав оружием Беллевиля.

«Может быть, это?» сказал Бростин, показывая большой автоган, который он забрал у Окела. «Бронебойные пули. Хотя, боеприпасов немного.»

«Пули лучше, чем энергетическое оружие,» сказал Маббон.

«В настоящее время, я возьму все, что угодно,» сказал Роун.

Два лазерных заряда провизжали возле блокгауза поблизости.

Роун подтолкнул их вперед. Варл бежал с Маббоном, направляя его, остальные следовали за ними, прикрывая шестого члена группы с поднятым оружием.

«Что мы можем сделать такого, чего они не ожидают?» спросил Варл.

«Повернуться,» сказал Бростин. «Повернуться к ним. Встретить их.»

«Нафес,» сказала Ойстин.

«Нет, он прав,» сказал Лайдли. Они добрались до стены сарая, и он указал на мастерские и сервисные здания вокруг них. «Кто-нибудь там, у лестницы. Еще один там. Видите, за теми цистернами? Там можно забраться под трубы. Они пройдут здесь, по двору, это будет зона поражения. Обстреляем их.»

«Нет,» сказал Роун. «Самоубийство.»

«Короли-Самоубийцы, сэр,» сказал Лайдли.

Роун сердито посмотрел на него.

Ойстин схватила Роуна за руку. «Сэр!»

Давление на его руке заставило Роуна хрюкнуть от боли.

Она посмотрела на него.

«Вы в порядке?»

«Да, Ойстин.»

«Сэр, вы ранены?»

«Нет. Что тебе надо?»

Она изучала его лицо секунду, вопросительно, затем повернулась и указала. Примерно в полукилометре, на другой стороне территории завода, был маленький свет. Ойстин дала Роуну прицел, и он посмотрел.

«Пост ночного сторожа,» сказал он. Это имело смысл. Завод оставил бы смотрителя на территории ночью, даже в условиях нападения.

«В случае, если что-то пойдет не так?» сказала Ойстин. «Неполадки на заводе? Тогда, что бы он сделал?»

Роун бросил на нее взгляд.

«Сообщил бы об этом,» сказал он. «Вызвал бы сервисную поддержку.»

Она кивнула. «У него будет вокс,» сказала она.

«Нам... нам бы понадобились коды каналов Милитарума,» сказал Роун.

«Я знаю их наизусть, сэр,» сказала Ойстин. «Заучивала их каждое утро.»

Роун взял ее лицо обеими руками и смачно поцеловал в лоб.

«Иди,» сказал он. «Беги так быстро, как фес. Думаешь, сможешь сделать это?»

«Абсолютно.»

«Вызови фесову кавалерию, Ойстин,» сказал он. «Мы окопаемся и остановим этих ублюдков.»

Она кивнула, затем удивила его, отдав честь.

«Это была честь, сэр,» сказала она.

«Будет снова, глупая дура. Беги!»

Она убежала в темноту.

«Ладно,» сказал Роун. «Давайте остановим этих ублюдков.» Он повернулся и посмотрел на двор.

«Хорошо,» сказал он. У него были проблемы с дыханием.

«Ты в порядке? Эли?» спросил Варл.

«Превосходно нафес,» ответил Роун. «Варл? Продолжай идти. Уводи Маббона в ту сторону. Просто оставайся с ним. Не дай ему умереть.»

Он посмотрел на Лайдли и Бростина.

«Давайте сделаем это нафес,» сказал Роун. «Прямо так, как сказал Лайдли.»

«Только две приличных огневых позиции,» сказал Бростин.

«Я могу забраться туда,» сказал Роун, указывая. «Залягу за той вентиляцией.»

«Это дерьмовое укрытие, сэр,» сказал Бростин. «Идите с Варлом. Двое вас лучше, чем один. Не дайте этому фесу погибнуть, хорошо?»

«Я думаю, что я здесь за главного,» сказал Роун.

«Я думаю, что мы должны использовать свои сильные стороны,» сказал Лайдли.

«Короли-Самоубийцы. Старшие карты важны, и вы придерживаете своих королей на случай, если они понадобятся вам позже в игре.»

«Я никогда не должен был учить тебя играть,» сказал Роун.

«Я никогда не должен был вступать в Имперскую Гвардию,» ответил Лайдли.

«У нас есть выбор?» спросил Бростин.

Роун посмотрел на них обоих.

«Живите вечно,» сказал он.

Они кивнули. Бростин зашагал к лестнице сервисной мастерской. Лайдли побежал, низко пригнувшись, к массивным цистернам. Они растворились в глубоких тенях, просто призраки, а затем исчезли.

Роун мгновение стоял, затем повернулся и поспешил за Варлом и Маббоном. Он хромал. Каждый шаг вызывал укол боли.

Хадрел понюхал воздух. Он посмотрел на остальных. Секран. Жахар. Их только трое. Более, чем достаточно.

«Они близко,» сказал он. Они содрали смолу со своих рыл, чтобы их острые чувства были настолько острыми, насколько возможно.

Жахар кивнул. «Я чую кровь, сирдар.»

«По меньшей мере, один ранен,» согласился Секран.

Хадрел осмотрел их. Бой был яростным. Он и Секран были невредимы, за исключением нескольких лазерных ожогов. Жахар был ранен взрывом. Вздутая корка слизи покрывала часть его лица, горло и плечо.

«У нас мало боеприпасов,» сказал Хадрел. «Они устроили нас настоящую игру. Так что берегите. Фегат – единственный, кто считается. Перегрызайте ему глотку, если потребуется.»

«Кха, магир,» ответили они.

«Он умрет,» сказал Хадрел.

«Он умрет,» эхом вторили они.

Хадрел сделал жест, и они пошли вперед.

«Он будет сожалеть о том дне, когда он покинул нас,» сказал он.

Нэйд Ойстин бежала сквозь темноту, держась теней, метаясь между пустыми безымянными мастерскими и тихими служебными бараками.

Территория завода была больше, чем казалась. Пост ночного дозора все еще казался на расстоянии миллиона километров, и каждая тень заставляла ее вздрагивать. Она

продолжала ожидать, что одна из тех тварей, тех Кимурахов, покажется, выпрыгнет из темноты.

У нее наготове было оружие, ее короткоствольная пушка для подавления беспорядков и сумка с пробивными патронами. Поглядим, как им это понравится, думала она. Поглядим, как им понравится получить рану во все лицо титановой дробью.

Ойстин притронулась к своему лицу там, где Роун схватил ее обеими руками, чтобы поцеловать. На ее пальцах была кровь.

Она знала. Из-за того, как он двигался, как держался. Всегда лживый ублюдок. Этот взгляд, который он метнул на нее.

Ничего не говори.

Она повернулась к отдаленному свету и начала бежать так быстро, как могла.

Не было никакого звука, кроме шипения и всплесков дождя. Лайдли держал оружие поднятым, покрывая центр двора. Они должны были пройти здесь. Он переключился на полный автоматический огонь, последняя ячейка была в приемнике.

Он не мог видеть Бростина, но он мог видеть лестницу сервисной мастерской. Хороший кусок тени. Отличный угол для того большого автогана. Эта вещь, на коротком расстоянии, с этими бронебойными пулями, которые высоко ценил Окел, смогут проделать дыру в чем угодно.

Теперь игра в ожидание. Терпение. Ожидание дела. Ожидание того, чтобы карты упали. Те твари двигались так же тихо, как и любой из Призраков, но здесь их ожидала открытая убийственная коробка.

Лайдли прицелился, аккуратно и спокойно, готовый к выстрелу.

Когти Секрана сомкнулись вокруг его горла. Кимурах оторвал его от земли. Лайдли пытался закричать, но хватка, как тиски, сокрушила его горло. Секран продолжал сдавливать, пока не скрутил и не сломал шею человека. Когда он умер, Лайдли нажал на спусковой крючок. Полный автоматический огонь, нацеленный ни во что,

выпустил поток выстрелов из болтающегося оружия, врезавшийся в рокритовое покрытие двора, пронзая цистерны, прошивая стену.

Бростин увидел дикую очередь, увидел две фигуры в стробирующем свете от дульных вспышек. Одна подняла другую за горло.

Он выкрикнул имя Лайдли, затем открыл огонь. Большие пули автогана врезались в цистерны. Кимурах отбросил тело Лайдли в сторону и побежал к Бростину, поднимая свою лазерную винтовку для стрельбы.

«Ага, фес, иди ко мне,» прорычал Бростин.

Первая бронебойная пуля прошла сквозь лицо Секрана, вторая и третья сквозь его торс. К тому времени, мало чего осталось от него выше живота и между плечами. Кимурах сложился и рухнул в центре открытого двора.

Бростин развернулся, высматривая остальных. Он увидел движение и сделал еще два выстрела.

На крыше мастерской, на противоположной стороне, Хадрел заметил вспышки из дула. Он вытащил гранату из кармана куртки и взвесил ее в руке. Ранее они осмотрели тела мертвых Имперцев и нашли несколько полезных вещей.

Он бросил ее.

Бростин услышал, как она ударилась о водосточный желоб над ним. Он знал звук противопехотной гранаты, ударяющей по металлу. Он бросился вперед.

Граната раздробила переднюю часть сервисной мастерской и уничтожила лестницу. Взрыв тяжело прокатил Бростина по рокриту, и шрапнель впилась в его плоть.

Мгновение он лежал, оглушенный. Затем он попытался встать.

Теперь моя очередь, фесы—

Передняя стена разрушенной сервисной мастерской рухнула, а за ней и вся крыша. Лавина из плит и рокритовой черепицы похоронила Аонгуса Бростина.

Пыль поднималась от кучи камней. Она была навалена, как камни на племенной могиле на каком-нибудь одиноком склоне. Торчала только одна руку, покрытая грязью.

Хадрел прыгнул с крыши и приземлился на ноги. Жахар вышел из укрытия и пошел к нему.

Они сжали свои винтовки и приблизились бок о бок.

«Теперь остался только последний из них,» сказал Хадрел.

«Гол? Нам нужно идти наверх,» мягко сказал Баскевиль. «Мы не можем оставаться здесь, внизу, всю ночь.»

Колеа не ответил. Он пристально смотрел на обгоревшие шипы.

«Гол?»

«Я дал обещание,» наконец сказал Колеа. «Поклялся, Баск.»

«Это было обещание, которого ты не мог сдержать,» сказал Баскевиль. «Это не считается.»

«Я должен был знать.»

«Никто из нас не знал, Гол.»

Колеа посмотрел на него.

«Хотя, я знал,» сказал он. «Я думал об этом. Я рассматривал это. Я даже... я даже рассказал об этом Гаунту. Я рассказал ему о том, чего я боюсь.»

«Я уверен, что он--» начал Баскевиль.

«Он заверил меня,» сказал Колеа. «Он уговорил меня, сказал, что это было ошибкой.»

«Никто не мог знать правду,» сказал Баскевиль. Он бросил взгляд через плечо. Гаунт и Бленнер стояли в нескольких ярдах от них, наблюдая за ними. Он мог видеть выражение лица Гаунта. Вина. Вина за то, что отмел страхи Колеа в сторону.

Они все чувствовали вину. Баскевиль определенно. Странные ноющие сомнения, которые он отбрасывал в сторону, как глупые. Затем вещи, которые ему рассказала Элоди—

Он крепко зажмурил глаза. Она знала, но так же, как Гаунт поступил с Колеа, Баскевиль развеял ее страхи. Потому что это просто *не могло* быть правдой.

Теперь она была мертва. Теперь так многие были мертвы. Никто не слушал. Жена Даура была мертва, потому что Баскевиль не воспринял ее всерьез.

Внезапно, Колеа поднялся.

«Гол?» Баскевиль встал и положил руку на руку Колеа.

«У меня, все еще, есть сын,» сказал Колеа, и отбил руку в сторону. Он пошел к Далину, который сидел спиной к стене.

Баскевиль присоединился к Гаунту и Бленнеру. Они смотрели, как Колеа подходит к парню.

«Ему просто нужно время,» тихо сказал Баскевиль. Гаунт кивнул.

«Что он сказал?» спросил Бленнер.

«А ты что думаешь?» ответил Баскевиль.

«Я не знаю. Я просто размышлял.»

«Он не может поверить в это, даже сейчас, когда это произошло,» сказал Баскевиль. «Он винит себя. Он винит всех. Эта часть пройдет. Но, он никогда не прекратит винить себя. Если честно, он не совсем осознает все это.»

«Ну, лучше так,» кивнул Бленнер. «Я имею в виду, такой шок, как этот. Трагедия. Это потрясло бы человека до глубины души. Это потрясло всех нас. Я сомневаюсь, что из него выйдет хоть капля здравого смысла. Только... только много старой бессмыслицы.»

«Что?» спросил Баскевиль.

«Я только имел в виду,» неуклюже сказал Бленнер, «мы не можем ожидать от него смысла. Не в такое время, как это. Он, вероятно, будет говорить множество всяких вещей, злобно и возбужденно, знаете ли, до тех пор, пока эта боль не утихнет. Такая травма, как эта, на это могут потребоваться годы.»

Баскевиль пристально посмотрел на него.

«Ты пытаешься что-то сказать?» спросил он.

«Н-нет,» произнес Бленнер.

Пока они наблюдали, Колеа встал на колени перед Далином. Он потянулся и положил свои трясущиеся руки на плечи молодого человека.

«Дал.»

«Оставь меня одного,» сказал Далин.

«Я не знаю, что сказать, Дал,» сказал Колеа. «Я не думаю, что есть что-нибудь, что кто-нибудь может сказать--»

«Она много чего говорила,» тихо сказал Далин. «Все эти жуткие вещи. Она всегда была такой странной. Но она была моей сестрой.»

Он сделал паузу.

«Я думал, что она была,» добавил он.

«Далин, идем наверх. Уберемся отсюда, а?» сказал Колеа.

«Она всегда была такой странной,» сказал Далин, пристально смотря на Гола. «В детстве, все ее игры. Все ее истории. Я любил их. Сейчас я вспомнил каждую из них, и я вижу, насколько страшными они были.»

«Идем, сейчас.»

«Потом вещи, которые она сказала сегодня ночью. Когда я нашел ее. Вещи, которые она сказала. Они были бессмысленными. Но ее истории о плохой тени тоже не имели смысла, а они были правдой. Она сказала мне, что здесь была машина скорби. Это было правдой. Что, если все вещи, которые она говорила, были правдой?»

«Например?» спросил Колеа.

Далин покачал головой.

«Слушай, сын, никто из нас не мог знать--» сказал Колеа.

«Я не твой сын.»

«Дал, послушай. Никто из нас не мог знать. Ни я, ни ты, ни--»

Он остановился. Внутри него все еще была горящая ярость. Он ненавидел себя за это, но ярость была направлена на Ибрама Гаунта. Колеа выложил все, открыл все, что беспокоило его, а Гаунт просто отговорил его от этого. Он отмел все страхи прочь, нашел способы объяснить каждую странную деталь, и смел все это с глаз долой.

Если бы он *прислушался*—

Но нет. У него на все был ответ. Твой разум *сбит с толку*, Гол. Губительные Силы играют в игры. Даже Архивраг не стал бы составлять *такой* продуманный план. Они не могут видеть будущее и быть *настолько* много шагов впереди.

Брат знал бы свою сестру.

Колеа посмотрел на Далина.

Это был решающий аргумент. Тот, который, на самом деле, изменил разум Гола.

Брат знал бы свою сестру.

«Что она тебе сказала, Дал?» спросил он.

Далин снова покачал головой, сжав губы, борясь со слезами и не осмеливаясь говорить.

«Дал? Далин? Что она сказала тебе?»

«Это все было правдой, так ведь?» всхлипнул Далин. «Это все было правдой, а я не знал.»

Колеа подвинул его ближе и обхватил руками. Далин зарыдал у него на груди.

«Спокойно, Дал, спокойно,» прошептал он. «Что она тебе сказала?»

Далин прохныкал ответ, который Колеа не мог услышать, потому что лицо парня было прижато к его груди. Он отпустил Далина, вытер слезы у него с щек, и посмотрел ему в глаза.

«Я здесь,» сказал он. «Ты можешь мне рассказать. Я защищу тебя.»

«Ты не сможешь,» прошептал Далин.

«Конечно, смогу. Я поклялся, помнишь? Клятва Колеа? Пойти в ад, чтобы защитить тебя.»

«Ты не смог защитить Йонси.»

«Ну, не смог. Потому что она была не моя, так ведь? Но ты. Ты. Ты мой сын.»

«Не совсем. На самом деле, нет.»

«Эх, значит, наш жизненный путь был странным. Ну и что? Все в порядке. Кровь есть кровь. Так что, давай, скажи, что она сказала, что тебя так сильно расстроило?»

Далин пристально посмотрел на него.

«Она сказала, что их было две, папа,» сказал Далин.

ВОСЕМНАДЦАТЬ: В МЕДЛЕННЫЕ ЧАСЫ

Будучи молодым человеком, простым полковником в Калахадской Бригаде, Бартол Вон Войтц приобрел подозрение к ночи, которое его никогда не покидало. Он не боялся темноты, и, как любой хороший солдат, он знал, что темнота может быть союзником и оружием. И тогда, на это была конкретная причина. Во время ужасной кампании в Фенлокском Лесу, ночь была наиболее опасным временем. Мясники Друкхари всегда наносили удар между закатом и рассветом. Девяносто процентов Калахадских потерь произошли после темноты.

Но это была ночь сама по себе. Ее часть, особенно. После середины ночи, всегда был период особенной черноты, когда рассвет был лишь надеждой. Это было самое худшее время. Он называл это медленными часами. Это было время, когда человек мог себя чувствовать наиболее потерянным, а его смертность была наиболее уязвимой. Человек, скажем молодой полковник, мог растратить те тянущиеся часы, ожидая почти неминуемую атаку, зная, что его люди были в своих самых холодных и медленных состояниях упадка, жаждущие рассвета. Человек мог пребывать во тьме, зная, что она обещает только зло. У человека могло быть слишком много времени, чтобы размышлять о своей собственной маленькой душе, своих человеческих слабостях, и бессмысленной оценке своей маленькой жизни.

Стоя в военной комнате Урдешского Дворца, тот молодой полковник, который теперь был просто старым пиктом в полковом архиве, Вон Войтц знал, что медленные часы снова настали для него. Энергии не было больше часа. Страх прилип к каждой поверхности. Дворец, вероятно самая неприступная крепость на Урдеше, был открыт настежь. Элтат был атакован, и здесь была какая-то неизвестная опасность, даже здесь, внутри крепости.

И никаких твердых данных. Они были слепыми, глухими и немými. Щиты упали. Серьезный момент для любого командира, но судьба распорядилась, что это должно произойти сейчас. После середины ночи, когда рассвет все еще очень далеко: эта особенно тяжелая, медленная и тихая часть ночи, которая длилась слишком долго и не была другом человека.

Он никогда не проверял – он был уверен, что какой-нибудь рубрикатор или архивист сможет собрать данные, если он попросит – но Вон Войтц был уверен, что Астра

Милитарум проиграли больше битв за медленные часы, чем в любой другой момент суточного цикла.

Лампы были зажжены в пятиэтажном зале, свечи в жестяных коробочках. Несмотря на всю свою изощренность, они превратились в свечи в коробочках. Личный состав ходил с фонариками, переговариваясь тихими голосами, работая над ремонтами. Огромные окна зала были просто бледными блоками темноты.

«Есть что-нибудь?» сказал он Казадеру.

«Снизу ничего, мой лорд,» ответил Казадер. «Последнее, что я слышал, Лорд Исполнитель, через Полковника Грае, запросил полную поддержку пехоты в сводчатый подвал.»

«Которую я одобрил,» сказал Вон Вотйц.

«В самом деле, мой лорд,» сказал Казадер, «но в этом конфликт. Чтобы поддерживать эффективную охрану дворца и близлежащей территории, мы не можем себе позволить снимать роты со стен или--»

«Черт возьми, мужик. Что насчет эвакуации?»

«Она продолжается так хорошо, насколько мы можем. Опять же, она медленная, конечно же, в этих условиях.»

«Магистр войны?»

«Я не получил ни слова, мой лорд.»

«Уриенц вывел его отсюда или нет?» спросил Вон Войтц.

«Я отправлю гонца, чтобы выяснить.»

«Сделай это. Казадер?»

«Сэр?»

«Какая-нибудь поддержка была направлена Лорду Исполнителю?»

«Приказ был размещен, мой лорд. С уважением, я еще раз подчеркиваю, что при данных обстоятельствах потребуется время для переброски людей, и поддержание достаточного прикрытия на стенах бастиона--»

«Сколько было послано?»

«Я полагаю, что с Полковником Грае три взвода Урдешцев, сэр.»

«И все? Я отдал чертов приказ почти час назад, Казадер.»

«Мой лорд, как я объяснил--»

«В жопу твои извинения,» прорычал Вон Войтц. «Я – лорд милитант генерал, Казадер. У меня здесь есть власть! Я отдал приказ, и я ожидаю--»

Он замолчал. Он мог видеть выражение лица Казадера в свете свечей. Оно было раскаивающимся, внимательным. Но оно говорило *Посмотри вокруг, старый дурак, у тебя власть над дерьмом.*

«Мой лорд?» позвал адепт.

«Да?»

«Мы готовы снова провести тест.»

«Делайте.»

Вон Войтц услышал передающиеся приказы, и стук главных коннекторов, встающих за место. Последовала пауза, затем глубокий, басовый глухой удар включающейся энергии.

Стеклянные столы станций стратегиума замерцали. Свет запульсировал, так же неустойчиво, как и огни свечей, затем станции зажглись, за ними главные мониторы, дополнительные экраны и суб-консоли. Лампы в военной комнате загорелись на аварийном уровне. Когитаторы начали щебетать, пока операционные системы обновлялись и перезапускались, и архивные данные начали заполнять строчками экраны с тревожной скоростью, как будто была прорвана какая-то информационная дамба.

Последовало усталое ликование и несколько тихих аплодисментов от персонала военной комнаты.

«Соблюдайте правила поведения! По своим станциям!» прокричал Вон Войтц. «Отчеты из города мне через две минуты! Я хочу действующие показания о безопасности в Элтате, и тактические оценки через пять. Вокс?»

«Системы включены, но ограничены, мой лорд.»

«Свяжитесь со всеми штабами рот и дивизий в Элтате так быстро, как возможно,» потребовал Вон Войтц. «Так же, мне нужен Заракпан, в порядке срочности, и соедините меня с флотом!»

Координаторы станций вокса поспешили выполнять.

«Обзор Элтата на первый стратегиум, пожалуйста!» приказал Вон Войтц.

«Сейчас собираем данные, сэр.»

«Статус щита?»

«У нас есть энергия для военной комнаты и защитных батарей, мой лорд,» ответил адепт. «Энергообеспечение остального дворца будет восстановлено через двадцать минут, если больше не будет помех. Предположительное включение пустотных щитов через сорок семь минут.»

«Сделайте через тридцать,» резко бросил Вон Войтц. Он хрустнул костяшками. Теперь они снова были в игре.

«Распространите официальный приказ об эвакуации,» сказал он. «Со всех постов.» Отключение питания заблокировало цифровую передачу приказа. До сих пор, он мог только заставить его распространяться устно и на бумаге. «Я хочу доклад о прогрессе через три минуты.»

Он сделал паузу, и почесал щеку, думая.

«Требую, чтобы вы подтвердили это,» сказала Маршал Тзара. «Вы хотите, чтобы эвакуация продолжалась?»

«Да,» сказал Вон Войтц.

«Значит, вы все еще полагаете, что ситуация в подвале--»

«Энергия отключилась по какой-то причине, Маршал,» ответил он. «Это не была случайная чертова ошибка.»

«Мы ничего не знаем,» спокойно сказала она.

«Точно,» ответил он. «За исключением того, что знаем, потому что Гаунт сказал нам, что происходило дерьмо.»

Он бросил взгляд на Казадера, а затем снова посмотрел на Кейзонского Маршала.

«Маршал Тзара?»

«Мой лорд генерал?»

«Я передаю вам контроль над театром военных действий прямо сейчас. У вас есть мои приказы и мои цели. Следуйте им.»

«Со свободой действий?» спросила Тзара.

«С самоотдачей проклятой Троном ищейки,» ответил он. Затем он кивнул. «У вас есть свобода действий, конечно же, Тзара,» сказал он, «но используйте ее скупое. Мы друг друга поняли?»

«Совершенно, лорд генерал.»

Он официально выпрямился, и сотворил символ аквилы.

«В настоящий момент я передаю вам командование театром военных действий,» сказал он. «Пусть это будет зарегистрировано.»

Она отдала честь.

«Я соглашюсь и принимаю эту обязанность,» ответила она. «Пусть это будет зарегистрировано.»

Вон Войтц повернулся к Казадеру.

«Приведите своих штурмовиков, полковник,» сказал он. «Вы идете со мной. И найдите мне чертову пушку.»

«Это свет?» спросил Харк.

Помещение для офицеров, в которое их отвели, освещалось маленькими лампами и свечами, и его большие окна выходили на Шестиугольный Двор и главную крепость.

Инквизитор Лакшима стояла у окна, пристально смотря наружу. Она была высоким, худым фантомом в сумеречном свете.

«Полагаю, что так,» ответила она. «Выглядит так, как будто они восстановили подачу энергии в главную крепость.»

«Значит, это уже что-то,» ответил он. «Такое ощущение, что мы сидели здесь со спущенными штанами.»

«И как часто вы это делаете, Комиссар Харк?» спросила она.

«Я солдат, мэм,» ответил он. «Мы готовы ко всему.»

Харк лежал на койке. Кейзонский санитар только что закончил смазывать и зашивать резанные раны на его горле и лице, и теперь повернулся к обрубку его аугментики, и изолировал разорванные провода плавильной палочкой.

Лакшима отказалась от какого-либо ухода. Ее мантия была порвана, и полированная, богато украшенная аугментика ее лица и тела была поцарапана и потерта. Когда санитары подошли к ней, она сказала им, что у нее нигде не болит и что они должны уделить внимание тем, кто ранен.

Харк раздумывал, были ли у нее какие-нибудь значимые органические части, что-нибудь, что может чувствовать боль. Чувствовать что-нибудь.

Она мерила шагами пол перед окнами. Цифровое оружие, встроенное в золотой манжет ее левого запястья, было уничтожено в тяжелом испытании. Она продолжала подстраивать все еще функционирующее, встроенное в манжет ее правого запястья, похожий на искусно сделанный золотой браслет.

Она подошла к двери в примыкающую комнату и посмотрела, как Урдешские хирурги работают при свете свечей над ужасными ранами, которые получил Санкто. Сцион давным-давно потерял сознание. Его положили на обеденный стол, и пол

вокруг него был усеян частями его нательной брони и пропитанными кровью хирургическими полотенцами.

Она невозмутимо наблюдала какое-то время, затем пошла назад через офицерскую комнату и вышла в коридор.

Харк бросил взгляд на санитару.

«Достаточно,» сказал он.

«Сэр?»

«Ты собираешься приделать мне руку сегодня ночью?»

«Сэр, я просто--»

«Так и думал,» сказал Харк. Он встал с койки, и отбросил в сторону хирургический халат, в который был закутан. «Спасибо тебе за твой долг,» сказал он санитару.

Он вышел в коридор. У него все чертовски болело. Каждый сустав. Он не мог бы быть более тщательно помят, даже если бы Бростин напал на него с молотком. По руке он не горевал. Аугментицисты приделают ему новую. Хотя, его плазменный пистолет. Он был красивым. Он будет скучать по нему.

Он вздохнул. Здесь было намного больше важных вещей, по которым стоило скучать и горевать.

Коридор был величественным и отделан деревянными панелями. Старые картины висели в позолоченных рамах, хотя было невозможно увидеть, что на них было запечатлено. Слои потемневшего от времени лака и слабый свет от ламп в коридоре сговорились, чтобы сделать их малопонятными. В коридоре, с его темным деревом и тусклым желтым светом, было почти тепло. Когда-то Урдешский Дворец был прекрасным, величественным местом. Он чувствовал, что не будет вспоминать его с любовью.

Несколько дверей вдоль стены были входами в молитвенную часовню, где оказывали помощь большинству Танитских выживших. Он мог слышать Цвейла, проводящего для них благословение избавления.

Не совсем чашка кофеина для Харка.

У двери в часовню, в тених, он увидел оранжевый уголек сигареты с лхю. Харк прищурился. Это был Мерин, прислонившийся к стене, курящий. Благословения старого аятани так же, явно, не были для него чашкой кофеина.

Харк начал идти в направлении Мерина. Он сам курил сигары, и совместно покурить с Гвардейцем было связующей вещью, которая часто помогала после неприятных мероприятий.

Но он остановился. Флин Мерин не был хорошей компанией и в лучшие времена. Вместо этого, Харк пошел в другую сторону.

Что-то пошевелилось в тених над ним и издало неприятный звук. Он бросил взгляд вверх, и увидел полковой талисман, уставившийся на него. Тот сидел на охотничьем трофее, прикрепленном черепе существа, которое обладало самыми широкими и самыми большими рогами, которые он когда-либо видел.

«Тяжелая ночь, птица,» сказал он полускрытому орлу. Орел злобно щелкнул клювом. «Я тебя понял,» ответил он, и побрел дальше. Он согнул свою руку. Свою оставшуюся руку. Птица заставила его вздрогнуть. Он инстинктивно потянулся к своему оружию, но рука, которой он потянулся, была всего лишь фантомом, и кобура была пуста. Здоровой рукой, он нащупал под своим плащом пояс сзади, и нашел свое запасное оружие, короткоствольный лазерный пистолет в кожаной сумке с пряжкой. По крайней мере, он все еще был здесь.

Лакшима стояла в дверном проеме впереди и смотрела внутрь. Он присоединился к ней.

Через открытую дверь он увидел Керт и несколько медиков помощников, заботящихся о Беати. Она лежала на кровати, прямо и тихо, как тело, готовое к осмотру.

Капитан Аурбен наблюдала за работой Керт. Она заметила Харка и инквизитора в дверях и вышла к ним.

«Она не пришла в сознание,» сказала она. Ее голос был просто хрипом. Харку говорили, что Аурбен была ранена пирохимическим взрывом во время последней

Морлондской кампании. Это шрамировало ей лицо и сожгло ей глотку. Аурбен сделала паузу, вытащила ингалятор из кармана, и затянулась из него, чтобы смочить глотку.

«Извините,» сказала она.

Харк пожал плечами. «Ана Керт знает, что делает,» сказал он.

«Я уверена, что это так,» сказала Аурбен. «Нет никаких существенных ран. Это экстремальная усталость. Истощение ее воли. Я говорила ей, что она слишком сильно напрягается.»

Аурбен еще раз вдохнула из ингалятора.

«Но машина скорби,» сказала она. «Она была средоточием губительной силы. Она высосала из нее силы, и питалась ее светом. Я боюсь, что понадобится много времени, чтобы она восстановила свою силу.»

«Мы починим. Мы перезарядим,» сказала Лакшима.

«Она имеет в виду, мы вылечим,» сказал Харк с улыбкой. «Император защищает. Его благодать со временем вольется назад в Беати. Она будет восстановлена такой, какой была когда-то.»

Аурбен кивнула. Она вернулась назад в комнату и возобновила свое дежурство у кровати.

«Машина была мрачным устройством,» сказала Лакшима. «Я даже пришла в ужас от безграничного изобретательства Архиврага.»

Харк с согласием кивнул. «Это, должно быть, была самая худшая вещь, с которой я когда-либо сталкивался,» сказал он. «А вы?»

«Я сталкивалась с демонами, комиссар,» ответила она.

«Ой, мы все сталкивались с демонами, инквизитор,» ответил он.

Она вопросительно посмотрела на него.

Харк ухмыльнулся. «Я не знаю,» сказал он. «Я встречал более могущественных тварей, более опасных тварей, хотя Трон знает, что это был ад. Без Святой, мы все были бы мертвы. И дворец тоже.»

«В самом деле,» сказала Лакшима. «Машина была молодой. Не до конца выросла. Но уже угроза, с которой мы едва могли сражаться. Без нее, этого было бы достаточно. Дворец потерял, Элтат, сам Урдеш. Анарх одерживает здесь победу, за мгновение. Полную победу. Если бы машина скорби не была бы уничтожена, крестовому походу был бы нанесен ущерб за гранью восстановления. Миры Саббат пали бы, и все наши годы побед были бы потеряны. Анакванар Сек почти выиграл сегодня ночью. Не просто в битве, в войне.»

«Это была не просто ее сила или ее ярость,» сказал Харк. «Это было само ощущение нее. В машине была тень варпа, такая же сильная, как и в любом отродье варпа. Она излучала страх, эта тварь. Она не просто внушала страх, из-за того, чем она была. Она генерировала его. Она усиливала его в нас.»

«Часть ее арсенала,» сказала Лакшима. «Машины скорби, по существу, механические инструменты, но изобретатели Херитора нашли способы присоединить другие элементы. Варп. Человеческую душу. Асфодель был гением, знаете ли? Взять машину для убийства и сконструировать ее с такой тщательностью, чтобы она помещалась в человеческой оболочке. Они называют это переделкой.»

«Кто?» спросил Харк.

«Хериторы Архоната. Сплавляют человека, варп и машину в один материал. Соединяя их, и давая им способность перемещения.»

«Как корабль?» спросил он.

«Нет, как оборотень, Харк. Изменение очертаний, трансмутация формы. Обман, хитрость и маскировка, это оружие войны, которые мы используем. И такие вещи – вторая натура для варпа. Но переделка дошла до неприличного уровня. Конечно, изменение – это первичный аспект Четырех, фундаментальное свойство Изменяющего Пути, темного не-бога ведовского перехода.»

«Вы очень хорошо осведомлены,» заметил он.

«Годы изучения,» ответила она.

«И сколько лет?»

Лакшима наградила его своей холодной улыбкой.

«Невежливо спрашивать у леди ее возраст,» сказала она.

«Вы не леди,» сказал он.

«Тоже невежливо.»

«Я имею в виду, вы за гранью человеческого, инквизитор. Переделаны – это слово? – по-своему. Как и я. Хотя, я грубо выкован по сравнению с вами. Насколько вы себя чувствуете?»

«Виктор,» ответила она. «Я вообще почти не чувствую, и не чувствовала очень долгое время.»

Он уже собирался ответить, когда по коридору подул ветер, заставив трепетать все свечи и лампы.

Они повернулись.

«Что это было?» спросил он. Она не ответила. Секундой позже они услышали пронзительный крик. Он шел издалека, из глубины центра дворца, но он был таким громким и пронзительным, что заставил стены дрожать.

Это был нечеловеческий крик.

Харк обнаружил, что его запасное оружие уже в его руке. Страх вернулся. Страх, который заливал его в сводчатом подвале, снова пропитал его за удар сердца.

«Фес,» произнес он. «Что это было?»

Лакшима посмотрела на него.

«Вы это чувствуете?» спросила она.

Он кивнул. «Прямо у себя в сердце,» сказал он. «Просто--»

«Ужас,» сказала она. «Есть еще одна. Здесь есть еще одна машина скорби.»

Свет задрожал. Тени скрутились. Гол Колеа с удивлением смотрел на своего сына. Этот пронзительный крик, который он издал...

Далин Крийд смотрел на него, быстро моргая.

«Далин?» сказал Гол.

«Нет. Нет. Нет, нет, нет--» застонал Далин.

«Далин!»

«Как я мог не знать этого?» спросил Далин. «Никогда. Никогда не знал.»

Гол отпустил плечи Далина. «О, нет,» прошептал он. «О, нет.»

«Она *была* моей сестрой,» сказал Далин.

Далин Крийд раскрылся. Его плоть очищалась и складывалась, как кожура фрукта, его кости скручивались, как сорная трава. Подпространственная решетка изогнулась, втягивая органику в имматериум и вытягивая разумную неорганику в реальное пространство на ее место. Он разделился по центральной линии от макушки головы и вывернулся наизнанку с щелчком, как у переключателя.

Он стал облаком чередующихся ножей, каждый из которых вибрировал и резал, когда двигался. Клинки, все из черного металла, двигались в безупречном порядке, вращаясь и перемещаясь по сложным, синхронизированным узорам, сначала по волнистой восьмерке, затем по более сложным гиперболическим образованиям, до неприличия чуждым Евклидовой геометрии. Гудящие лезвия сверкали на абстрактных конических орбитах вокруг центра из ослепительного желтого неоновом света, похожего на миниатюрную звезду.

Гаунт уставился в неверии. Он потянулся к своему болт-пистолету трясущимися руками.

Вэйном Бленнер, шатаясь, попятился с глазами, похожими на блюдца, и тяжело упал.

«Ох, Трон,» выдохнул Баскевиль. «Гол! Гол!»

Все еще стоя на коленях, Гол Колеа посмотрел вверх на гудящее облако клинков. Его руки инстинктивно приблизились к его лицу, чтобы защитить его, затем он опустил их. Он уставился прямо в неоновый свет.

«Далин,» произнес он, как будто зовя ребенка домой после темноты. «Я не позволю тебе уйти. Я пойду в ад--»

Кружащиеся лезвия замедлились, как будто сбитые с толку. Они остановились, замерев на секунду, затем медленно начали крутиться в противоположном направлении. Их узор изменился, вернувшись к простой, лемнискатной орбите.

Затем восьмерка устремилась вперед, и Гола Колеа не стало.

Баскевиль прокричал имя своего друга, но не осталось ничего, что могло ему ответить, за исключением большого кровавого тумана.

Болт-пистолет Гаунта гроыхнул. Взрывные заряды врезались в сияющее облако клинков. Клинки разлетались вдребезги, как стекло, когда заряды детонировали, как солнечные вспышки, вокруг маленького горящего неоновом солнца. Свежие лезвия выскальзывали из подпространства, чтобы заменить сломанные, присоединяясь к великолепной, стремительно движущейся синхронности повторяющегося узора.

Машина скорби поднялась, и повернулась к ним. Ее неоновое солнце-сердце пульсировало ненавистью. Ее звуками были свист ударов меча, разрез ножниц, вой стали по камню точильного круга. Ужас излучался от нее, как тепло.

Бленнер трясся и крутился в припадке страха, визжа и обхватив голову.

«Назад, Баск,» предупредил Гаунт.

Машина скорби поплыла к ним. Она удлинилась вертикально, ее стремительно движущаяся восьмерка удлинилась и стала тоньше, ее внутреннее солнце растянулось в овал.

Гаунт смотрел на нее, заставляя накрыть крышкой свой страх. Он не мог сражаться с этим. Бежать было некуда. Ветер, хлещущий из машины, дергал его плащ. Ветер пах горячим металлом и горелой кровью.

Слова Гола, последние слова Гола, заставили машину замешкаться. Что-то человеческое все еще было в ней. Что-то, что было непреднамеренно человеческим слишком долго, что машина не могла отбросить так же легко, как она отбросила маскировку.

«Рядовой Далин!» закричал Гаунт. «Рядовой Далин, вольно!»

Скорость вращения замедлилась и стала неравномерной. Узор деформировался, некоторые лезвия снесло с линии. Свет неоновой лампы слегка потускнел, колеблясь в интенсивности.

«Это приказ, Рядовой Далин!» рявкнул Гаунт.

Восьмерка нарушилась. Все клинки сформировали простой узор, единственный круг, движущийся по орбите вокруг солнца-сердца. Гаунт мог чувствовать, как машина борется. Волны страха накладывались на волны замешательства и паники. Машина боролась сама с собой. Сама изобретательность ее конструкции, человек, сплавленный с машиной варпа, боролась сама с собой.

«Рядовой Далин!» снова выкрикнул Гаунт.

Круг из вращающихся клинков изменил положение, вращаясь в плоскости вокруг маленького солнца до тех пор, пока все кончики не стали указывать в сторону от трех людей и прямо в потолок. Клинки располагались, как шипастая корона, вокруг их неоновой лампы.

Затем скорость их вращения значительно увеличилась. Машина скорби поднялась и вонзилась в потолок, прорезаясь сквозь древний камень так, как будто это был мягкий жир. Воющая машина скорби пробила потолок и исчезла из вида.

Вытесненные блоки посыпались на пол зала. Потолок сводчатого подвала начал раскалываться и рушиться, целостность его древнего погреба нарушилась.

«Уходим! Уходим!» прокричал Гаунт Баскевилю. Путь к выходу и лестница больше не были заблокированы. Они подхватили орущего Бленнера и, спотыкаясь, направились к двери, пока потолок рушился позади них.

Дворец сотрясся. Повсюду, мужчины и женщины кричали от тревоги и паники. Пламя свечей дергалось и трепетало. Что-то взорвалось клубами серого дыма. Лампы дребезжали на своих крючках. Старые картины дрожали в своих рамах. Псайбер-орел пронзительно крикнул, когда пыль посыпалась с дрожащих рогов, на которых он сидел.

Объекты на столах дрожали и смещались. Стаканы разбивались. Медицинские подносы подпрыгивали, перемещались и падали на пол, рассыпая содержимое. Трещины появились на древних напольных плитах.

Харк и Лакшима рванули назад в офицерскую комнату, где их лечили. Кейзонский санитар пялился в высокое окно с удивлением. Они присоединились к нему, пристально смотря вниз на широкий двор Шестиугольного Двора. Территория была освещена – фитили горели на железных подставках. Рота Хеликсидцев загружала ранцы в две Валькирии, которые приземлились в качестве части усилий по эвакуации.

Харк и Лакшима могли слышать крики людей, оглядывающихся вокруг в попытке осмыслить источник тряски.

«Это... это землетрясение?» спросил санитар. «Это вулкан?»

«Нет,» сказал Харк. Он мог слышать вой. Высокотональный металлический вой становился громче с каждой секундой.

Машина скорби достигла уровня земли. Ее гудящие лезвия прорезались сквозь каменные плиты Шестиугольного Двора, разбрасывая куски камней во все стороны. Несколько Хеликсидских солдат умерли мгновенно, срезанные проносящимися со свистом обломками.

Другие были пойманы в облако клинков, пока оно поднималось из разломанного каменного пола и расширилось, клинки опустились в горизонтальное положение вокруг горящего сердца. Люди исчезали в кровавых облаках, или падали, как части нарушенного пазла, разрезанные на части.

Высокий хвост одной из Валькирий был чисто срезан, остались обрубки голого металла и искрящие кабели. Отделенные хвостовые стабилизаторы полетели, как

сильно брошенная игрушка, по двору, и врезались в стену и окна зала на уровне земли. Другой транспортник, его рампа все еще была опущена, попытался увеличить обороты и подняться. Клинки чисто срезали одну его сторону, оставив Валькирию разрезанной в поперечном сечении. Ее напряженные двигатели загорелись, и она взорвалась в яростном огненном шаре.

Харк сбил Лакшиму в сторону от окон, когда ударная волна вбила их внутрь. Ураган из разбитого стекла пронесся по комнате. Санитар стоял еще почти десять секунд, ослепленный, ободранный до костей вверх от бедер. Он упал на бок, как отброшенный вещевой мешок.

Внизу, машина скорби сформировала новую форму – военную форму, скорбную форму, восьмигранник четырех метров в поперечнике, сделанный из скользящих, движущихся клинков, неоновый свет сиял внутри решетчатой оболочки. Несколько Хеликсидских солдат, которые не погибли и не сбежали, открыли огонь. Машина скорби рванула к ним, лазерные заряды отскакивали от ее клинков, один конец расширился, формируя вращающуюся, всасывающую пасть.

Харк поднялся, разбитое стекло сыпалось с него, и рванул к двери. Позади него, Лакшима пыталась подняться на ноги.

«Уходите!» заорал Харк в коридор. «Уходите, сейчас же! Машина скорби!»

Испуганный персонал начал выбираться из комнат по всему коридору. Сам воздух вибрировал. Древние картины один-Трон-знает-чего падали со стен с треском, когда древние веревки рвались. Золоченые рамы разбивались.

Появилась Аурбен, люди проталкивались мимо нее. Она посмотрела на Харка.

«Мы не можем переместить ее,» сказала она. «Мы не можем.»

У двери часовни, Мерин прижался к старым деревянным панелям, как будто он желал, чтобы стена дворца поглотила его.

Он мог слышать убийства, пронзительные крики. Он мог чують кровь.

Собиралась начаться еще одна бойня. И она собиралась сделать первую незначительной в сравнении.

Он начал смеяться, неспособный остановить себя, потому что в мире не осталось ничего смешного.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ: ЧЕЙ ГОЛОС ЗАГЛУШАЕТ ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ

Магир В'хедуака в капюшоне быстро шел по лестнице прямо к ним.

«Дерьмо,» прошептал Мколл Брину и Мажо. «Позвольте мне поговорить.»

Он повернулся, чтобы встретить мага, пытаясь построить официальную конструкцию касты Кровавых пассажиров.

В'хедуак ухмыльнулся ему.

«Ты ублюдок,» прошептал Мколл.

«Я достал маскировку,» сказал Катер Холофернэс.

«Умно,» сказал Мколл.

«Я замедлял вас,» сказал Змей. «Теперь мы можем идти свободно.»

«Где ты--?» начал Мажо.

Холофернэс помотал головой. «Один из них был достаточно глуп, чтобы ходить одному. Они не найдут его труп.» Он слегка разделил края робы, и позволил им увидеть .20 с патронной лентой.

«Мы знаем, куда идти,» сказал Майло. У него были сложенные планы палуб.

Холофернэс кивнул. «Там показаны какие-нибудь оружейные шкафчики?» спросил он.

«Да,» сказал Мколл. «Но они под охраной и мы--»

Холофернэс вытащил кольцо со связкой зазубренных металлических планок.

«У Кровавого пассажира были ключи,» сказал он с улыбкой.

Трое сынов охраняли сейфовую комнату. Они отдали честь, приложив руки ко ртам, когда Д'хедуак быстро прошел мимо них. Он вставил свои ключи в замок тяжелой двери без комментариев.

Сыны мгновение наблюдали за ним.

«Магир,» осторожно сказал один. «Приказы были оставить все оружейные комнаты закрытыми и под охраной, пока--»

Мколл сердито посмотрел на него.

«Ты сомневаешься во власти мага, червяк?» спросил он.

«Нет, сирдар. Нет. Прошу прощения.»

Холофернэс рывком открыл тяжелую дверь, и они вошли внутрь, закрыв ее наглухо за собой. Комната была маленькой, на стенах были полки. Маленький металлический стол стоял в середине комнаты. Планы показывали, что такие комнаты, как эта, были почти на каждой палубе, с запасами для быстрого распространения оружия среди команды корабля в случае abordaжа.

«Немного,» пробормотал Холофернэс, осматриваясь вокруг. «Грубые штуки. Я надеялся на что-нибудь более эффективное. Плазменное или роторное.»

«Это просто стрелковое оружие для команды,» сказал Мажо. Он пристально смотрел на стойку с abordажными топорами.

«Будьте избирательны,» сказал Майло. «По крайней мере, здесь есть запасные боеприпасы. Набейте карманы ячейками.»

«Думайте о мелком и полезном,» сказал Мколл. «Что можно спрятать.»

«Если мы собираемся убить дьявола в его собственном логове,» сказал Холофернэс, «нам нужна мощь.» Он посмотрел на них. «Он – магистр. Он уже не может быть человеком, даже если и был когда-то.»

«Мы не знаем, что он такое,» сказал Мколл.

«Я видел его лицо,» тихо сказал Майло. «В вихре. Я видел его лицо.»

Мажо вздрогнул. Он тоже мельком видел его.

«Он, определенно, не человек,» сказал Майло.

«Значит, он не захочет умирать, как человек, такая у меня точка зрения,» сказал Холофернэс. «Карабины? Клинки? Даже это?»

Он положил тяжелый пулемет на стол.

«У меня есть гранаты,» сказал Мколл.

«Сколько?» спросил Железный Змей.

«Две,» сказал Мколл. «Одна дымовая, одна противопехотная.»

«Две,» вздохнул Мажо.

Холофернэс посмотрел на Мколла. «Ох, брат мой,» сказал он с улыбкой. «Разведчик и охотник. Лучший из обоих. Ты двигаешься легко, но мыслишь мелко. Ты сможешь выследить эту добычу, я в это не сомневаюсь, но сможешь ли ты убить его, когда столкнешься с ним? Серебряного клинка здесь будет недостаточно.»

«Это может помочь,» сказал Майло. Он заметил потрепанный ящик на нижней полке, и вытащил его. Он был тяжелым, но он легко поднял его на стол. Мколл наблюдал за ним. Майло больше не был мальчиком-волыньщиком. Он был сильным, и он был высоким. Он обращался с оружием с полной фамильярностью. Он стал закаленным воином за годы после Призраков. И это было больше лет, чем Мколл мог принять. Благодаря варп-инциденту, который нарушил обратное путешествие *Армадюка* к Урдешу, Майло был на десять лет старше, относительно. Это означало, что ему больше тридцати стандартных. Мколл понимал, что ему надо прекращать думать о Майло, как о каком-то мальчике, каком-то энергичном, но безобидном молодом гвардейце, как Далин Крийд, или Белладонский оркестрант Аррадин. Он размышлял, было ли это, отчасти, почему полк приветствовал Далина, когда он стал достаточно взрослым, чтобы вступить в их ряды. Немного Мальчика Майло в нем. Возвращение к ранним дням.

Он размышлял, где сейчас они были, как они поживали. Удержали ли они батареи той ночью? Была ли свита в безопасности в новом размещении? Он надеялся, что Далин был в безопасности. Он привязался к нему. Храбрый парень. Такой же, каким был Майло.

Все эти годы, он часто думал о Майло, и молился о том, чтобы он был в безопасности рядом со Святой. Он никогда не представлял его себе, как взрослого человека.

Майло открыл ящик.

Якорные мины, завернутые в вощеную бумагу, упакованные в пластековую упаковку. Имперские изделия, забранные Сынами из какого-то захваченного склада. Каждая была размером с банку с рационами. Они были набиты смесью фуцелина/D60, которая могла проделать дыру в керамитовой переборке.

Майло вытащил их, обращаясь с ними опытно и осторожно.

«Механический таймер,» сказал он. «Контактная якорная площадка на плоской стороне.»

«Я знаю бомбы, парень,» резко бросил Мажо, взяв одну.

«Хорошо,» сказал Майло. «Значит, вы знаете, что с ними нужно обращаться осторожно. Не встряхивать их. Они взрывоопасны.»

«Я это знаю,» сказал Мажо. Он снова осторожно положил мину.

«Две каждому,» сказал Мколл.

«Три, если понесем меньше ячеек,» сказал Майло.

«Тяжелые карманы,» сказал Мколл.

«Более сильный удар,» сказал Холофернэс.

«Потому что серебряного клинка будет недостаточно,» кивнул Мколл, уступая.

Холофернэс нашел вещевой мешок и выложил патроны, которые были в нем. «Я могу взять четыре. Может быть, пять.»

«Загружаемся,» сказал Мколл.

Они вышли из комнаты, и В'хедуак закрыл дверь своими ключами.

«Все на месте,» сказал сынам Мколл. «К счастью для вас.»

Они пошли по главному центральному проходу к Ораторию. Брин, Мколл и Мажо сформировали почетный эскорт позади Железного Змея, скрытого капюшоном. Шепчущий гул голосов становился громче. Он вибрировал в их ушах и заставлял их кожу покрываться мурашками.

Коридоры в этой части корабля были более оживленными. Казалось, что собираются толпы: сыны, офицеры войска Сека, даже другие магиры В'хедуака.

«Что это?» прошептал Мажо.

Мколл прислушался, улавливая обрывки разговоров от членов команды, мимо которых они проходили.

«Призыв,» сказал он им. «Анарх призывает их. Он собирается говорить.»

«Он говорит постоянно,» прошептал Мажо.

«Нет, это официальное объявление,» сказал Мколл.

«Чего?» спросил Майло.

Мколл продолжал слушать.

«Победы,» сказал он.

Ораторий был сферическим залом, который занимал пространство трех уровней палуб. Внешняя часть была снабжена ребрами жесткости из железных бронепластин, и украшена бледным коричневым полированным металлом.

Когда они подошли ближе, Мколл осознал, что это была человеческая кость. Тысячи тысяч блестящих макушек черепов, соединенные вместе. Входом был огромный дверной проем, с доступом со средней палубы. Два ряда омерзительных экскуваторов с силовыми копьями стояли на страже снаружи, формируя авеню, которое направляло собирающихся офицеров внутрь. Низкий шепот собрания заглушался скрежещущим шепотом в воздухе.

«Как только мы войдем туда, назад дороги не будет,» прошептал Холофернэс, пока они наблюдали с расстояния.

«Согласен,» сказал Мколл. «Но мы это знали.»

«Да,» произнес Мажо, прочищая глотку. Мколл мог видеть, что полковник потеет за кожаной защитой для рта. Мажо был храбрым человеком, который служил в Четвертом Легком «Испепеляющий Шторм» с отличием. Но это не было поле боя. Это требовало другой тип отваги.

«Мы сможем сделать это,» сказал Майло полковнику. «Ради вашего мира. Именно за это вы всегда сражались.»

Мажо кивнул. «Я знаю,» сказал он. «Я не боюсь. Не смерти. Просто концентрирую свой разум.»

«Вы делаете это ради Урдеша,» сказал Холофернэс.

«Я делаю это ради всех миров, сэр,» ответил Мажо. «Четвертый Легкий. Испепеляющий Шторм. Разгорается на ветру, затем сжигает все вокруг себя.»

«Испепеляющий Шторм,» кивнул Холофернэс.

Майло снова посмотрел на сферу Оратория.

«Жаль, что мы не можем--» начал он.

«Я обдумывал это,» сказал Мколл. «У нас должно быть время. Им потребуется некоторое время, чтобы заполнить внутреннее пространство.»

Он посмотрел на Холофернэса.

«Дай мне мешок,» сказал он.

Холофернэс отдал его.

«Оставайтесь здесь,» сказал Майло. «Вы и Мажо. Оставайтесь прямо здесь.»

«Мы могли бы все--» начал Холофернэс.

«Нет, оставьте это нам,» сказал Майло. «Мы – Призраки.»

Они спустились вниз на другую палубу, держась теней, и обошли по краю огромное основание костяной сферы. Брин Майло не позабыл старое Танитское ремесло. Он был тих, тень в тенях.

Они замерли под опорной аркой, и подождали, пока мим не прошел взвод воинов Сека. Мколл открыл мешок. Холофернэс положил внутрь шесть мин.

«Все?» спросил Майло.

Мколл кивнул. «И одну из твоих карманов. Оставь две. Посмотрим, сможем ли мы пронести их внутрь, вместе с теми, которые у Мажо.»

«Длинный таймер?»

«Сколько это нам даст?»

«Тридцать минут. Плюс-минус. Они не точны, или надежны.»

«Тогда, на самое долгое. Давай.»

Они метнулись, низко пригнувшись, между луж из теней, передвигаясь бок о бок, и скользнули под изгиб сферы. Ораторий сидел на массивных противоударных подвесках, и толстые пучки кабелей и энергетических систем уходили от ее южного полюса в палубу.

Майло разместил первый заряд, используя плавкий якорь, чтобы прикрепить его к кости. Он убрал стальную чеку, и включил активатор. Они пробежали еще несколько метров, затем прикрепили второй заряд, стараясь расположить мины достаточно равномерно на линии широты возле основания сферы. Пятая не хотела прикрепляться, ее якорная пластина была слишком старой и ржавой. Мколл заменил ее на одну из мин из своего кармана.

«Поспеши,» прошептал Майло.

«Я спешу спокойно,» ответил Мколл.

«Почему так долго?» прошептал Мажо. Вереница из старших офицеров Сека почти закончила заполнять Ораторий, и экскувиторы готовились отцепить двери и закрыть их наглухо.

«Они придут,» заверил его Холофернэс.

«Что, если их поймали?» спросил Мажо.

Холофернэс мрачно посмотрел. «Тогда, это ложится на нас,» сказал он. Он поманил кивком Мажо, и они вышли из теней и присоединились к последним офицерам, собирающимся перед дверями.

Они встали в медленно продвигающуюся очередь. Мажо продолжал оглядываться. Он не видел никого позади, кроме вражеских офицеров и магиров В'хедуака.

«Прекратите делать это,» прошептал Холофернэс ему. «Если они не придут, они не придут.»

Шепот становился громче, жужжа из входа, как жужжание кучи летающих мух.

Они вошли в дверной проем.

Восемь Сынов Сека вели толпу рабов по коридору, затем загнали их в люк в главном проходе.

Мколл с Майло ждали, пока они не исчезнут из вида, затем вышли из укрытия и приступили к работе по прикреплению последней мины.

«Мы потратили слишком много времени,» сказал Майло.

Мколл не ответил. Механизм таймера отказывался устанавливаться.

«Мне нужно быть там,» сказал Майло.

Мколл бросил на него взгляд.

«Ты знаешь долг, Оан,» сказал Майло. «Лучше, чем многие. Этот мой.»

«Твой?»

«Сек,» сказал Майло.

«Это благоприятный случай, вот и все.»

Майло покачал головой. «Я видел вещи,» сказал он. «Я шел рядом с ней и видел галактику так, как видит ее она. Немногому научился, по крайней мере. Там хаос, но есть и порядок. Порядок, движимый волей. Благодать, которая сдерживает хаос.»

«Мы все в это верим,» сказал Мколл. Он вернул таймер в исходное положение и попытался снова установить его.

«Нет,» сказал Майло. «Мы верим в это. Но я это видел. Я сначала думал, что это были совпадения. Просто случайности. Шансы. Но теперь я вижу узор. Она показала мне

это. Научила меня замечать это. Гармоничное сочетание. Твердую силу, намного превосходимую имматериумом, но сдерживающую его. Переигрывающую его, шаг за шагом, как в игре в регицид. Она не всегда побеждает, но она перемещает фигуры, которые у нее есть, и помещает их туда, где они могут быть наиболее эффективны.»

«Я предпочитаю карты,» сказал Мколл. Он снял мину и подул на ее ржавый таймер. «Короли-Самоубийцы...»

«Я серьезно.»

«Я знаю. Ты говоришь о судьбе.»

«Это одно из слов. Называй это, как хочешь. Я думаю, что именно поэтому я покинул Танит вместе с Первым, что поэтому мы нашли Санию, что поэтому... поэтому она выбрала меня. Она знала... она поняла, что однажды я буду здесь.»

Мколл улыбнулся. «Чтобы убить Сека?»

«Ты смеешься надо мной?»

«Нет, Брин. Если ты веришь, что именно поэтому ты здесь, в качестве избранного инструмента, оружия выбранного и размещенного... я не знаю... судьбой, тогда, благослови тебя Трон. Это сила, которая ведет тебя. Используй ее.»

Он посмотрел на Майло. Он мог поверить в это. В глазах Майло была ясность цели. Не слепой фанатизм фанатика или пилигрима-радикала, как и не кричащая абсолютная верность испорченного варпом Архиврага. Истинная вера, уверенность. Он мог видеть, что долгие годы в компании создания, настолько поучительного, как Беати, могли сделать это с человеком. Это могло усилить его цель, дать ему ощущение призвания, которое могло провести его через самые темные и самые адские события. Мальчик-волеыщик действительно давно исчез. Майло стал воином Трона, таким же уверенным и преданным своей функции, как любой Астартес.

«Ты не чувствуешь этого?» спросил Майло. «Разве ты не такой же? Ты, и Призраки? Я был там в ранние годы. Я видел, что было достигнуто. И с тех пор я читал доклады. Действия, достижения. Гаунта, полка, твои. Это не просто происходило. Это не было просто удачей. Я думаю, что нас всех направляла эта благодать, все время, нравится

нам это или нет. *Понимали ли* мы это или нет. Она вела нас в те места, где нам нужно было быть, чтобы мы могли делать вещи, которые она хотела, чтобы мы делали. Ты тоже должен чувствовать это.»

Мколл пожал плечами.

«Я об этом не думал, Брин,» сказал он. «Полагаю, что я всегда обдумывал происходящее здесь и сейчас. Тени вокруг меня, враг впереди. У меня никогда не было благоприятной возможности увидеть вещи так, как у тебя, рядом с ней. Ты – оружие. Я в этом не сомневаюсь, на самом деле. Мы все – оружие. Я верю в дальновидность Золотого Трона, но у меня нет проницательности, чтобы увидеть какой-нибудь великий план в работе. Я просто Гвардеец, Брин. Просто Гвардеец. Я иду туда, куда иду, и я стараюсь изо всех сил, когда мне говорят маршировать или сражаться. Хотя, вот, что я тебе скажу... я обнаружил, что мне трудно проглотить тот факт, что судьба вынашивала какой-то великий план годами. Для нашей стороны *или* их. Считывание переменных с тысяч миров? Планирование движения на декады вперед? Рисование будущего и размещение игроков на свои позиции для выполнения какого-то изобретательного гамбита спустя годы? Я не думаю, что так это работает, ни для нас, ни для Архиврага. Я думаю, что это все перебранка. Бой без правил. Просто резня, и ты уклоняешься, когда можешь. Инстинкт. Реакция. Благоприятный случай. Как там это называет Харк? Время боя? Дерьмо просто случается, для тебя наступает момент, и ты просто делаешь. Затем ты смотришь, кто уходит прочь. Вот и все. Никакого сверхъестественного плана. Только моменты, один за другим, кровавые и бесчувственные. Ты делаешь то, что делаешь. Долг помогает тебе пройти через это, или ты мертв.»

Он прикрепил последнюю мину на место и заставил ее работать.

«Полагаю, мы увидим, кто из нас прав, а?»

Мажо вошел в Ораторий, толкаемый толпой тел, заходящих в дверь. Страх почти одолел его. Он мог чувствовать, как его быстрое дыхание всасывает руку-ремешок на его рту. Он посмотрел вверх.

Ораторий был огромным, даже больше, чем предполагала внешняя оболочка. Это был обширный, круговой театр. Кольца ярусов, каждый уровень был окаймлен

перилами, спускались вниз с середины сферы к огромному помосту в центре. Они заходили через главные двери на экваторе сферы, вокруг которого пролегла широкая, окаймленная перилами дорожка. Крутые лестницы уходили вниз между рядов ярусов к помосту внизу. Место было битком набито. Офицеры войска Сека, магиры корабля, племенные сановники и проводники варп-веры заполняли ярусы, находили места, чтобы встать, разговаривали и приветствовали и обменивались салютами рука-ко-рту. Их были сотни. Их были чертовы сотни. Вес мин, лежащих в его карманах, ощущался так, как будто они выдавали его. Его разум метался. Он был, всего лишь, Сыном. Все вокруг него были старшими офицерами войска Анарха. Они поймут, что он был слишком низкого положения, чтобы присутствовать. Они *поймут*.

Давка из тел несла его вперед. Его заставили пойти по лестнице, спускаясь с экваториального кольца к рядам ярусов. Вокруг него повсюду были голоса. Шепотки в его ушах. Он потерял из виду Холофернэса. Течение толпы разделило их. Он бросал тревожные взгляды, пытаясь не выглядеть нервным, осматривая ярусы вокруг себя, пока они заполнялись. Где был Космический Десантник? Он увидел гигантов В'хедуака в робах. Каждый был закрыт капюшоном. Был ли Змей там? Был ли это вон тот?

Воздух вонял сухой пылью. Пот струился по его спине. Вся аудитория была сделана из человеческих костей: пол, лестницы, платформы ярусов. Перила, разделяющие каждое кольцо ярусов, были сплавлены из длинных полированных человеческих костей, сделанные не грубо, но с точным мастерством. Он бросил взгляд наверх. Купол, нечеткий из-за золотого света свечей, был мозаикой из черепов. Их были тысячи, прикрепленные друг к другу на концентрических полках, слепо уставившиеся, как в каком-то огромном оссуарии, костяном помещении в катакомбах, где выставляются останки мертвых. Так много пристально уставившихся глазниц. Так много разинутых челюстей. Весь потолок, весь купол, был сплошным от пожелтевших черепов.

Его снова заставили пройти на одну из дорожек яруса, находящегося на полпути к огороженной перилами чаше. Сековцы вокруг него говорили друг с другом, с нетерпением толкая его, чтобы он подвинулся и освободил место. У него кончилось пространство, он был заперт между дамогорами и гигантами В'хедуака. Он занял

место у перил, схватился за них, чтобы удержаться, затем убрал руки. Кость. Он не хотел держаться за кость.

Под ним, помост был платформой, поднятой на подмостках из костей, отделанных, подогнанных и соединенных, как работа лучшего краснодеревщика: соединенные бедра, некоторые расслоенные, чтобы сформировать толстые вертикальные подпорки, перекрестные связи из лопаток и крестцов, вставки из резных костей пальцев. Перила вокруг края помоста были сплетены из ребер, поддерживающих верх перил, сделанный из костей позвоночника, тщательно отобранных по размеру, и подогнанных вместе, чтобы сформировать один длинный позвоночник. Стыковка была сделана с впечатляющей точностью. Все было полированным, и со вкусом вырезанным и облицованным, как изысканная скульптура из слоновой кости. Все светилося теплым светом.

Это была самая отвратительная вещь, которую Мажо когда-либо видел.

Помост был образен к главным дверям. Позади него, нижние ярусы были зарезервированным клиросом, изогнутые скамьи были забиты лектами, жуткой кастой псайкеро́в Сека. Они стучали зубами и тараторили, их рты были покрыты клеймами в виде руки. Многие были в вуалях. Мажо мог чувствовать обжигающую пульсацию их разумов, усиливающих шепоты, которые жужжали и трещали в его ушах.

Он попытался взять под контроль свое безумное дыхание. Железные прутья ужаса крепко сковали его.

Громкий грохот стал причиной временной тишины. Возвышающиеся экскувиторы закрыли двери. Они заняли свои места среди толп на экваториальной дорожке, пристально смотря вниз и держа вертикально свои силовые копыя.

Теперь он был внутри. Единственный выход был отрезан. Он стал мечтой, которая ему не принадлежала.

На помост вышла фигура. Мажо понятия не имел, откуда она появилась. Она просто вышла из толпы, заполнившей аудиторию.

Это был Анарх. Это был Сек.

Холофернэс нашел место у костяных перил на экваториальной дорожке. Он потерял Мажо. Из-под своего капюшона он обозревал ярусы внизу, его острые, пост-человеческие глаза выискивали детали. Где он был? Где—

Там. Справа и внизу, в самой гуще. Крошечная фигура, зажата на переполненном ярусе. Бедный чертов ублюдок.

Экскувиторы готовились закрыть двери. Что же с Мколлом и человеком Святой? Вернулись ли они вовремя? Он снова изучил толпу. Дамогоры, этогоры, трибуны сынов с племенными штандартами, хор кудахчущих лектов, экскувиторы, шаманы культа, офицеры Кровавых пассажиров и рулевые. Толпа все еще занимала свои места, толкаясь на лестницах, перемещаясь на ярусы, топчась вокруг основания помоста.

«Д'хар вой вехен кха,» сказал В'хедуак рядом с ним, и засмеялся.

Холофернэс кивнул. Он не знал ни слова. Он произвел смеющийся звук и понадеялся, что этого будет достаточно.

Там. Там был Майло. Он шел вниз по одной из лестниц, скользя сквозь толпу. Холофернэс наблюдал. Незамеченный теми, кто был вокруг него, Майло остановился, чтобы завязать шнурки своего ботинка. Просто уловка. Холофернэс увидел, как он быстро, тайно засунул маленький объект под край яруса. Мина. Майло снова встал. Он возобновил свой путь вниз по лестнице.

Хороший мальчик.

Змей осмотрел толпу. Там. Там был Мколл. Внизу, рядом с помостом,двигающийся сквозь толпу, останавливающийся, смотрящий на Ораторий, пока протягивал руку за спиной и прикреплял мину к подпорке помоста. Прямо на виду, но никто не увидел. Мколл двигался с уверенностью, как будто он должен был быть здесь.

Мколл посмотрел вверх. Он заметил Холофернэса в битком набитом зале. Острые глаза охотника. Никакого шанса, чтобы подать знак или сигнал. Только кивок.

«Вой вехтах сахк!» воскликнул В'хедуак рядом с ним, толкая его локтем.

«Кха,» произнес Холофернэс.

Он потерял Мколл из вида. Хотя, опять появился Майло. В трех четвертях пути вниз по лестнице. Еще одна случайная остановка, чтобы поправить свой ботинок. Быстрое движение, ловкость руки. Еще одна мину установлена, скрытая в тени подъема ступени. Майло снова поднялся. Холофернэс следил за ним, пока он направлялся на нижний ярус. Там, так же, был Мколл. Они проталкивались сквозь толпу, пока не оказались рядом.

Главные двери закрылись. Охранники экскувиторы встали у перил. Один протолкнулся и встал всего лишь в метрах от Холофернэса, ужасный упырь с короткими рогами, выше, чем любой Адептус Астартес, он держал свое богато украшенное копье гордо и вертикально.

Внезапно, на помосте появилась фигура. Жужжащие шепоты стали громче.

Сек был здесь.

Шум стих. Они смотрели, как он занимает свое место.

«Ох, Трон,» прошептал Майло.

Мколл ничего не сказал.

В пятнадцати метрах от них, и выше, Мажо уставился в тихом ужасе. Это не была тварь, которую он мельком заметил сквозь безумие вихря в Уреппане. Это было хуже.

Скелетообразный гигант, с мумифицированной отслаивающейся коричневой кожей, туго натянутой на его костях и тонкой, как бумага. Рваная роба, сгнившая от веков в гробнице. Корона из железных шипов. Нижней челюсти нет, только зияющая пустота.

Мажо нырнул глубже в оцепенелые глубины ужаса. Он пытался пробормотать покаянную молитву, но не мог вспомнить ни слова.

Холофернэс тоже смотрел. С высокого яруса, он видел своего врага лично впервые. Он рассматривал громаду Анарха, безбожную массу, неуклюжего демона, который тащил себя на место. Он был женского пола в аспекте, горло, плечи и сгорбленную спину покрывало переливчатое оперение. Клюв птицы-падальщика, большой, как силовой коготь, щелкал и разевался, чтобы обнажить голубой, шершавый кинжал его

языка. Шипастая серебряная корона формировала бандаж над дюжинами блестящих глаз. Неоново-желтые зрачки вспыхивали и светились. Демон распростер свои руки, свои демонические крылья. Он обладал ужасной красотой, которая поразила сердце Холофернэса, как холодный клинок.

Он не мог отвести взгляд.

Брина Майло трясло, пока он смотрел, как магистр занимает свое место. Сек был таким же, каким он его уже видел, ослепительным демиургом, который посещал его сны после вихря. Высокий, сильный, с силой и сложением воина Астартес, одетый в черные и желтые шелка. Его голова была лысой массой рубцовой ткани. Черные рога росли из шишковатой плоти его черепа, окружая макушку его головы, как шипастая корона. Трубки аугментических систем поддержки торчали пучками из задней части его головы и шеи, как вены. Его лицо было стальной маской, пришитой на место, с жесткими углами и резкими линиями. Нечистый свет сиял из глазных щелей и разевающегося, перевернутого рта. Хромированный микрофон вокса, усиливающий динамик от какой-то боевой машины, был прикреплен к его нагрудной пластине и расположен так, что сетчатый диск был расположен перед его ртом.

Сек собирался заговорить.

Мколл пристально смотрел, сузив глаза. Наконец-то, это был враг, едва ли в шести метрах от него. Вся эта мощь, вся эта власть, воплотились в такой жалкой твари. Это было небольшим сюрпризом. Мколл подумал о Макароте. Несмотря на то, что великий Макарот был магистром войны, командующим войсками крестового похода, говорили, что он, так же, был просто человеком, обычным человеком из плоти и крови, со слабостями и пороками, просто еще один смертный, которому довелось обладать величайшей властью в секторе.

Анакванар Сек был, всего лишь, человеком. Стариком, растолстевшим, среднего роста и телосложения. Его одежда была грязной и покрытой жиром. Его руки были заключены в блестящие серебряные латные рукавицы, когтистые и сегментированные шедевры античной брони, которые он украл у какого-то трупа, и он носил их, чтобы похвастаться, что он был фигурой большой важности. Он выглядел, как мерзавец из какой-то помойной банды, который предпочел носить плохо сидящие, начищенные, королевские сапоги, которые он снял с тела

высокородного из верхнего улья. Его тело дергалось от паралича. Его кожа была покрыта струпьями и болезненной. Мколл не мог видеть его лица, потому что Сек, одной, хвастливо выставленной напоказ рукой в перчатке, держал треснувшую фарфоровую маску на тонкой палке. Верхнюю часть палки украшала золотая рука, которая закрывала рот маски. Какая-то дергающаяся темнота пряталась позади невозмутимой маски.

Просто человек. Просто мерзкий старик. Мколл сможет это убить.

Беспрерывная болтовня хора лектов увеличилась. Сила псайкеров потянулась по Ораторию. Все вздрогнули, все Сековские старшие офицеры и четверо Имперских нарушителей, прячущихся среди них.

«Пусть мой голос заглушит все остальные,» прошипели лекты в унисон. Теперь постоянные, скрежещающие шепоты соединились вместе в один набор слов.

«Анарх я. Анарх всего,» пропели лекты.

Толпа взревела, трясая кулаками, отдавая честь пальцами к губам.

«Все, чтобы было помещено на места, пришло к своему завершению,» прошипел хор, когда рев затих. «Эта ночь и следующий день. Мои часы. Мои долгожданные моменты, давно предвиденные. Те, кто держит ключ победы, передадут мне то, что всегда было моим.»

«Он говорит,» прошептал Мколл, «... он говорит энкил вахакан, 'те, кто держит ключ победы' ...»

«Я понимаю,» прошептал в ответ Майло, не в состоянии отвести взгляд от помоста. «Я понимаю, что он говорит.»

«Но он говорит на Сековском языке...» прошипел Мколл.

«Нет, не говорит,» ответил Майло. «Я понимаю каждое слово. Он объявляет победу.»

Нечистые голоса лектов возвысились в ликовании.

«Я послал благословенных переделанных,» провозгласили они.

Толпа снова взревела. «Кимурах! Кимурах! Кимурах!»

«Благословенные переделанные, восемь раз по восемь, проскользнули, как лезвие скзеррета, в сердце врага,» хором произнесли лекты. «К рассвету, они вернутся к звуку моего голоса. Они принесут Энкил Вехк, ключ, который бесстыдно был украден у меня. Это будет победа, которую я преследовал. Ключ откроет путь. Ключ разделит звезды. Никто, ни труп-император, ни воин Трона, ни фальшивый ангел, ни... даже никакой отважный магир или гордящийся собой Гор... не выстоит перед яростью моего гнева. Архонат будет господствовать, переделанный во славе. Анарх я.»

Толпа снова взревела. «Сек! Сек! Сек! Сек!»

Мажо увидел, как мумифицированный гигант поднял изорванную руку, призывая к тишине. Холофернэс увидел, как божественное крыло призвало к порядку. Майло вздрогнул, когда демиург поднял свой кулак, принуждая к вниманию. Мколл увидел жест серебряной перчатки, предлагающей им побаловать его еще несколько мгновений.

«Этой ночью обезглавлена чума Терры,» провозгласили лекты. «Пока благословенные переделанные осуществляли свою святую обязанность, я выпустил скорбь на место под названием Элтан. Херит вер Тенебал Мор. Плохая тень Херитора опустилась на землю. Энкил вахакан погибнут, все. Все их вожди. Все их полководцы. Крестоносцы трупа-пророка, так долго чума нашего королевства, будут кастрированы. Их порядок потерян. Их власть уничтожена. К рассвету, это все будет закончено. Чума Терры будет уничтожена, как уничтожается лихорадка, потерянные и без лидеров, и с завтрашнего дня они рассыпятся, без надежды и в страхе, по самым далеким звездам, и мы будем гнать их перед собой, разбитых, униженных и обращенных в бегство.»

Толпа взвыла. Сыны Сека стучали по перилам. Они с восхищением поворачивались друг другу, пожимая руки и обнимаясь.

Мажо открыл рот от удивления, когда дамогор рядом с ним повернулся, крича, и обнял его.

«Дахак энкил вой сахх, магир!» прокричал офицер ему в ухо. Мажо мог чувствовать его пот, вонь его дыхания.

«Дахак энкил?» спросил человек, убирая объятия и смотря на Мажо, озадаченный. «Дахак энкил вой?» Мажо едва мог слышать его сквозь ликование. В любом случае, он не понял слов. Он повернулся в сторону, притворяясь, что он жаждет поздравить человека слева от него.

Дамогор схватил его за плечо и повернул назад. Он схватил Мажо за подбородочный ремень и наклонил его голову, пристально смотря под край шлема в глаза Мажо.

«Оч-ки?» произнес он, не понимая.

Наверху, Холофернэс пытался держать Полковника Мажо в поле зрения в лесу вздымающихся кулаков и раскачивающихся знамен. Он мельком заметил, как Мажо поворачивается, как дамогор хватается его за лицо.

Настало время. Он откинул назад складки своей позаимствованной робы.

«Оч-ки?» прошипел дамогор в лицо Мажо. Яростное понимание вспыхнуло на его лице.

«Фегат!» прорычал он.

«Четвертый Легкий Испепеляющий Шторм!» ответил Мажо, и вонзил свой скзеррет дамогору в грудь. Мгновение, никто вокруг него не осознал, что что-то было не так. Ликование было слишком интенсивным. Дамогор осел, поддерживаемый вертикально давкой тел.

Затем оружейный огонь захлестал с экваториальной дорожки.

Холофернэс вытащил наружу тяжелый сторожевой пулемет и открыл огонь, держа патронную ленту левой рукой. Горячие гильзы отскакивали от испуганных Сековцев у перил рядом с ним. Выстрелы прочесали группу отвесных ярусов Оратория вниз, первая очередь убила ликующих Сынов в первых двух рядах. .20 не было утонченным оружием и, несмотря на его силу, Холофернэсу не помогали автоматические балансировочные, поправочные и прицельные системы его брони Астартес.

Он поправлял на глаз. Его вторая и третья очередь пронесли по помосту.

Он увидел, как крылатый демон зашатался, его золотая броня пробилась. Пучки белых перьев полетели в воздух. Части перил и платформы помоста разлетались дождем костяных осколков.

Массовое ликование увеличилось и изменилось, как один шум, став паникой и воплями изумленного ужаса.

Майло увидел, как возвышающийся демиург вздрагивал и крутился, кровь хлестала из его черных и желтых одеяний. Он поднял свой карабин, и выстрелил в упор в Сековцев справа от себя, зверски очистив место на ярусе, затем повернулся и выпустил очередь на полном автомате в помост.

Мколл перепрыгнул перила, с автоматическим пистолетом с длинным стволом сирдара в руке, и приземлился на костяную лестницу. Люди уже убегали с ярусов повсюду вокруг него в слепой панике. Он отбросил ногой Сына с пути, послав Сековца кувыркаться по лестнице, и пристрелил еще двоих, которые стали хватать его. Затем он побежал вниз по лестнице к нижнему уровню Оратория, стреляя по дороге, посылая пули над пригибающимися телами на ярусах. Он увидел, как пули попали. Он увидел, как старик дернулся, когда пули врезались в его засаленную одежду. Он увидел кровь. Фарфоровая маска скользнула вниз. Мколл мельком увидел какую-то огромную и извивающуюся глотку там, где должно было быть лицо старика. Она разевалась от боли и шока.

Мажо пытался поднять свой карабин. Все вокруг кричали и визжали. Хор лектов визжал в агонии.

«За Урдеш!» закричал он. «За Урдеш! Испепеляющий Шторм!»

Он попытался прицелиться. Сековцы на ярусе накинулись на него со всех сторон. Мажо упал под их весом. Буйствующий В'хедуак вырвал оружие из его рук. Сын ударил его по лицу так сильно, что сломал ему скулу и сбил наискось шлем. Он потерял свои очки. Мир стал размытым пятном из падающих дождем кулаков и кричащих лиц.

Он исчез под обезумевшей толпой. Его кости трещали и ломались, когда они пинали его, и прыгали на его беспомощном теле.

Злобное, убийственное битье сотрясло одну из старых якорных мин. Она взорвалась, мгновенно заставив сдетонировать остальные две.

Объединенный взрыв разнес средние секции ярусов, расширяясь в яростном, обжигающем огненном шторме. Те, кто был рядом с Мажо, включая его взбешенных мучителей, мгновенно испарились. Другие были подброшены в воздух, кувыркаясь и падая на ряды внизу. Куски разломанной кости разлетелись, как хворост.

Ударная волна сотрясла весь Ораторий. Она отбросила Холофернэса назад. Он почти истратил все свои боеприпасы на помост. Покрытая перьями околдовывающая тварь упала на колени, извиваясь, пропитанная кровью. Некоторые их хора были тоже мертвы, скошенные на своих местах промахами.

Толпа вокруг него схватила его, разрывая его робу. Он стряхнул их. Он замахнулся кулаком, который сломал шею Сына. Он схватил цепляющегося вождя В'хедуака за горло и сбросил его за перила.

«Итака!» взревел он, используя название своего родного мира в качестве проклятия неповиновения. Экскувитор прыгнул на него, замахнувшись своим силовым копьём. Холофернэс отпрянул, и длинное лезвие копья разнесло костяные перила. Он выпустил остатки своих боеприпасов в лицо экскувитора, разнеся на куски череп демона.

Патронная лента закончилась. Он размахивал сторожевым пулеметом, как дубиной, ломая черепа и сбивая Сековцев на нижние ярусы. Несколько лазерных зарядов ударили ему в нижнюю часть спины, толкнув его вперед.

Первая мина Майло взорвалась, уничтожая секцию лестницы в буре огня и костяной шрапнели. Вторая мина взорвалась мгновением позже, уничтожив еще одну секцию лестницы далее внизу, и распространяя огонь на две группы ярусов. Сековцы шатались, спотыкались, ослепленные, их одежда была объята огнем.

Мина, которую Мколл прикрепил к помосту, сработала, уничтожив половину позвоночных перил и став причиной того, что вся платформа упала на бок. Пламя пронеслось по крутящейся фигуре Анарха.

Мколл был рядом с низом лестницы. Он хотел обрушить еще больше огня на Анарха, но Сековцы неслись к нему со всех сторон. Он яростно переключался от цели к цели, сбивая каждого, пока они бежали к нему. Пепел и горящая зола плавали вокруг него, как снег.

Наружные мины взорвались быстрой, последовательной, неровной серией приглушенных ревов. Ораторий задрожал в своем гнезде. Людей сбивало с ног. Смещенные черепа посыпались дождем с купола, разрушаясь, как глиняные изделия на полу и ярусах. Пожары разгорались в дюжине мест вокруг помоста и нижних ярусов.

Держась за перила, Анарх подтянул себя и выпрямился, упираясь в перекошенный склон поврежденного помоста. Его пасть испустила рев ярости, и оставшиеся лекты повторили его пронзительным эхом.

Он был предан. Обманут. Ранен в своем собственном святилище. Его победа будет иметь значение, только если он выживет, чтобы увидеть ее.

Сек снова взвыл. Станный звук его голоса заглушил все вокруг него. Некоторые Сековцы просто упали замертво, с ушами и мозгами, превращенными в кашу от величины его ярости.

Он сорвал свои серебряные латные перчатки и обнажил руки. Он сфокусировал свои магистерские силы, призывая темные сущности далекого варпа, которым он служил. Хор вторил его мольбе, произнося слова и заклинания, которые предшествовали человечеству. Святая ранила его в Уреппане, и истощила его псайкомантическую силу. Он направил все, что у него осталось, чтобы спастись.

Имматериум изогнулся, разделяя воздух вокруг него. Нечистые ветра всасывали и визжали. Усики желтой молнии мерцали вокруг его жестикулирующих рук.

Он открывал врата, чтобы сбежать. Он отодвигал завесу варпа в сторону одной только силой воли, пробивался сквозь подпространственные мембраны, и настезь открывал дверь, чтобы шагнуть сквозь нее в безопасное место.

Майло видел, как реальность искривляется вокруг демиурга. Еще один вихрь. Меньше, чем в Уреппане, который Сек открыл, чтобы уничтожить Беати, менее контролируемый, менее стабильный. Но все равно дверь. Выход.

Майло закричал, побежав вперед, руки хватали его со всех сторон и тянули вниз.

Мколл бежал к горящему помосту, опустошая последнюю обойму своего автопистолета в спину Анарха. Им нужно было остановить его. Это была точка всего. Им нужно было убить его здесь, сейчас, до того, как он ускользнет прочь и станет невидимым и неотслеживаемым на еще десятилетие или больше.

Холофернэс отбил кулаком беснующегося этогора в сторону и схватил упавшее силовое копье мертвого экскувитора. Другие экскувиторы неслись к нему, подняв копья для удара.

Копье было длинным и тяжелым, больше алебарда, чем копье. Кончик лезвия был широк, как у ножа мясника, и оно было длинным, как тактический гладиус. Вес и баланс копья были плохими.

Но оно не слишком отличалось от вирмовых копий, с которыми он учился обращаться давным-давно на Итаке.

Он отвел его назад, согнув правую руку, левую вытянув перед собой, расположив копье горизонтально рядом со своим лицом. Он видел Мколла, далеко внизу, с скзерретом в руке, забирающимся на помост, чтобы схватить убегающего магистра.

Танитский охотник был прав. В конце концов, все дошло до серебряного клинка.

До обнаженных лезвий.

Холофернэс метнул. Бросок был хорошим. Копье летело так же верно, как морское копье. Он увидел, как оно попало, войдя в спину Анарха, глубоко закопавшись, прорезавшись насквозь, пригвоздив оперенный торс демона.

Он увидел, как демон пошатнулся вперед. Он увидел, как подпространственные врата задрожали, развернулись, а затем схлопнулись в потоке грязного света.

Экскувиторы набросились на него, сбивая его с ног рубящими, мясницкими ударами. Он боролся с ними, цепляясь и ударяя кулаками. Их руки были на нем, нечеловечески сильные, прижимающие его, держащие его. Он не мог вырваться.

Холофернэс посмотрел вверх, кровь струилась по его лицу, и увидел глаза экскувитора, который прикончит его.

«Вахуз вой сех!» проорал экскувитор, когда направил копье вниз.

«Итака!» ответил Холофернэс с последним вдохом, который он когда-либо сделает.

ДВАДЦАТЬ: КРОВЬ ЗА КРОВЬ

Гаунт с Баскевилем поднялись по лестнице сводчатого подвала с Бленнером, тащащимся за ними.

«Грае!» крикнул Гаунт.

Полковник Грае и его личный состав из Урдешских пехотинцев топтались в освещенном лампами проходе, сжимая свое оружие и посматривая вверх с испугом при звуках разрушения, грохочущих во дворце над ними.

«Что это, мой лорд?» спросил Грае.

«Еще одна,» сказал Гаунт. «Еще одна машина скорби. Сильнее, чем первая. Дворец эвакуирован?»

Грае помотал головой.

«Мы едва начали,» сказал он. «Энергия только что появ--»

Гаунт протолкнулся мимо него. «Где магистр войны?»

«Я не знаю,» откликнулся Грае, спеша за ним. «Я думаю, что все еще здесь.»

«Черт возьми, Бартол,» пробормотал Гаунт. Он посмотрел на Грае. «А Беати?»

«Забрали наверх,» сказал Грае. «Медики забрали ее--»

«Это во дворце,» сказал Гаунт. «Там, наверху. Охотится на любую цель, которую может найти. Оно будет искать Макарота, Святую... это ее цель...»

«Как нам остановить это, мой лорд?» спросил Грае.

Гаунт уже бежал вверх по лестнице в главный зал крыла.

«Я не знаю, сможем ли мы,» сказал он. «Я видел это.»

«Это мерзость,» сказал Баскевиль Грае. Он пожал плечами офицеру разведки. «Я думаю, что эта ночь уже была достаточно долгой.»

«Не поднимайтесь туда!» взвыл Бленнер позади них. «Прячьтесь нафес!»

«Лучшее, на что мы можем надеяться – это замедлить это,» сказал Гаунт Грае.
«Выиграть какое-нибудь время, чтобы вытащить отсюда Макакота и Беати.»

«И вас, сэр, конечно же?» сказал Грае.

«Где моя дочь?» спросил Гаунт.

«Размещена со Святой,» сказал Грае. «Часовня. Туда ее отвели. Все выжившие--»

Гаунт посмотрел вниз по лестнице на Урдешских солдат.

«Все вы, за мной,» сказал он.

«Вы слышали Лорда Исполнителя!» прокричал Баскевиль.

Они ворвались в главный коридор, Баскевиль сформировал Урдешцев в огневые линии позади Гаунта. Грае и Бленнер бежали за ними. Разбитое стекло усеивало пол. Гаунт мог чутя горение. Он мог слышать отрывистый оружейный огонь, а затем ответный вой клинка по точильному кругу.

Персонал дворца, спотыкаясь, шел в противоположном направлении, спасаясь бегством, паникуя. Некоторые были ранены и истекали кровью.

«Не ходите туда!» крикнул один человек.

«Наружу! Выбирайся!» сказал ему Гаунт, пока пробежал мимо. Гаунт не останавливался. С мечом в одной руке, с болт-пистолетом в другой, он рвался по длинному коридору к источнику шума.

Он замедлился, когда почувствовал, что земля начала трястись.

Стена впереди разрушилась в ливне из камня и пыли. Появилась машина скорби, плывущий октаэдр из режущих, скользящих клинков, окружающих внутренний свет.

Она медленно приближалась к ним, производя пронзительный визг металла о металл.

Трое Урдешцев бросили свое оружие и побежали.

«В линию! В линию!» прокричал Гаунт.

«Держать линию!» заорал Баскевиль на Урдешцев. Солдаты построились, со стуком приставляя оружие к плечам, нацеливаясь.

«Приготовить гранаты!» крикнул Гаунт.

Он услышал, как солдаты вставили гранаты в свои подствольные гранатометы.

«Ждать!» приказал Гаунт.

Машина скорби с урчанием приблизилась ближе. Клинки на краю ее формы начали вращаться и раскрываться, расцветая, как шипастый цветок, желтый свет светил из нее.

«Далин!» крикнул Гаунт. Он надеялся, что будет отклик, какой-то остаточный проблеск узнавания, который был раньше.

Но он в этом сомневался.

И никакого отклика не было. Нота воя просто стала повышаться до скрипа мокрых пальцев по стеклу.

«Открыть огонь!» приказал Гаунт. Сузив глаза, он начал стрелять в облако кружащихся клинков из своего болт-пистолета. По обе стороны от него, Урдешцы открыли огонь, быстрый точный огонь из своих лазерных винтовок. Баскевиль стрелял очередями на полном автомате из своей винтовки, а Грае палил из своего служебного пистолета. Бленнер, в нескольких шагах позади него, стоял с пустыми руками, пялясь на приближающийся ужас.

Непрерывный огонь мерцал и танцевал на машине скорби: пламенные залпы тяжелых выстрелов Гаунта, вспышки и искры заградительного огня из штурмового оружия. Те вращающиеся лезвия, которые разбивались, мгновенно заменялись.

Машина скорби начала выплевывать клинки. Бритвенные дротики выскальзывали из ее вращающейся массы почти бесшумно. Урдешец заорал и упал, клинок пронзил его бедро. Еще один упал с клинком, вонзившимся ему в голову. Грае захрипел и врезался в стену, черный металлический лист вонзился ему в плечо. Гаунт почувствовал, как одно прошло сквозь мясо его предплечья, когда проносилось мимо. Он выпустил еще три болта в кружащуюся утробу твари.

«Отступаем, медленно!» приказал Гаунт. «Уводим этим путем! Поддерживать огонь!»

Они сделали шаг назад, затем второй, стреляя. Машина скорби передвинулась вперед. В унисон, все клинки на передней половине ее формы указали на них. Она собиралась массово выпустить в них град ножей, которые могли бы убить целый отряд.

Гаунт увидел фигуры, движущиеся позади машины скорби в дальнем конце коридора. Он услышал твердый, чистый голос, призывающий к дисциплине.

Вон Войтц. Казадер. Чертова группа Урдешской Тяжелой Пехоты. Штурмовики. Печально известный 17-ый.

Микробусина Гаунта протрещала.

«Уберите свои задницы с линии огня, будьте любезны, Лорд Исполнитель,» сказал Вон Войтц.

«В укрытие, сейчас же!» прокричал Гаунт. Его люди рассыпались, направляясь к дверным проемам и боковым комнатам. Двое из них тащили солдата с прорезанной насквозь ногой. Баскевилю пришлось схватить Бленнера и почти отнести его на себе с пути.

Штурмовики начали свое стремительное наступление. Их методы не были утонченными. Огонь хелганов. Роторные пушки. Лазерные орудия поддержки на переносимой человеком оснастке. Тяжело бронированные штурмовики наступали по длинному проходу, уничтожая пол, потолок, штукатурку, панели, скрывая машину скорби в смертельной буре разрушения, сфокусированном обстреле, который видели тогда, когда 17-ый прорывался сквозь линии Архиврага, укрепленные позиции, и даже легкую бронетехнику.

Перемешивающиеся черные клинки ломались и разбивались вдребезги. Свет внутри машины скорби мерцал, деформируясь. Она отпрянула, сильно ужаленная, и с одним стремительным лязгом, звуком тысячи мечей, вытащенных одновременно, она повернула все свои лезвия к неуклонно наступающим Урдещцам.

«Слышал, что вам нужна кое-какая поддержка,» услышал Гаунт тихое посмеивание Вон Войтца по связи.

«Признателен, лорд генерал,» ответил он.

«Первый взнос по моему долгу, Брам,» сказал Вон Войтц. «За Яго--»

«Просто убей это, Бартол,» сказал Гаунт.

Машина скорби начала двигаться вперед, чтобы встретить приближающихся штурмовиков. Урдешцы не дрогнули. Один шаг за другим, они маршировали к машине, сжигая свои боеприпасы, чтобы разорвать ее на куски.

«Гранаты!» крикнул Гаунт. «Гранаты в нее, пока она не сфокусировалась!»

Урдешские Легкие Пехотинцы Грае высунулись из своих скудных укрытий. Их подствольные гранатометы зашлепали с глухими звуками. Крэк-гранаты, направленные по дугам с опытным мастерством, падали на и вокруг оружия Херитора.

Быстро зазвучали взрывы, перекрывающие звуки тяжелых ударов. Солдаты по обе стороны длинного коридора падали, когда ударные волны сбивали их с ног. Гроздь огненных шаров пронзила пространство, занятое машиной скорби, забивая коридор накатывающим пламенем.

Машина скорби завизжала. Ее геометрические вращения разрушились, потеряв единство. Клинки выпадали из линий, пересекаясь, сталкиваясь, щелкая друг о друга.

Узор нарушился. Черные металлические фрагменты летели из огня, как лопасти разрушающейся турбины. Случайные клинки вонзались в стены, пол и вертикально в потолок. Большинство быстро летящих зарывались, как стрелы в камень.

Машина скорби раскрутилась, разорванная на части своим собственным вращательным движением.

«Снова!» крикнул Гаунт. Урдешцы вокруг него перезарядились. Они подняли свое оружие, чтобы выстрелить и доставить уничтожение.

Но машина скорби не была мертва. Ее вращающиеся ленты клинков, некоторые сломанные и сколотые, выросли из огня в виде удлинённой восьмерки широкой петлей, как брошенное лассо.

Она была в ярости. Она была ранена. Она хотела сбежать.

Она выбрала самую короткую дорогу.

Она прошла сквозь штурмовиков.

Баскевиль с ужасом смотрел, как бронированные люди начали падать. Как деревянные кегли, сбитые одним ударом, они падали, каждый из них был прорезан насквозь дюжину раз. Кровь брызгала из глубоких, чистых, как после скальпеля, ран, или хлестала между сочленениями их баллистических пластин.

Визжа, с широко расположенными и перенапряженными вращающимися клинками, машина скорби прорезала дыру в конце длинного коридора и исчезла.

Гаунт, Баскевиль и несколько Урдешцев Грае поспешили через длинный участок выжженного и горящего уничтожения, чтобы добраться до 17-ого в середине коридора.

Штурмовики лежали ковром из тел на широком полу. Несколько из них были невредимы. Гаунт перешагивал через отрезанные конечности и тяжелое оружие, чисто разрезанное напополам. Под ногами была кровь, широкая лужа из крови, и капли крови покрывали оштукатуренные стены по обе стороны.

Казадер был мертв, его левая рука была разрезана в бицепсе и запястье. Половина его лица просто отсутствовала.

Вон Войтц был все еще жив, когда Гаунт добрался до него.

Он лежал на спине, пристально смотря в потолок. Гаунт мог видеть, что его раны были смертельными. Вон Войтц выдыхал кровь, яркие красные капли, которые покрывали его щеки и подбородок, как веснушчатые родинки.

Гаунт встал на колени.

«Бартол--»

Вон Войтц заморгал, не в состоянии сфокусироваться. Он застонал, кровь забулькала в его горле, как мокрота.

«Я мертв, Брам?» прошептал он.

«Да, мой лорд.»

«Вот... дерьмо,» произнес Вон Войтц дрожащим и булькающим голосом. «Значит, это полная оплата. А? Кровь за кровь.»

«Лежи спокойно, Бартол. Мы приведем священника. Аятани или--»

«Мне ну нужно отпущение грехов, Гаунт,» пробулькал Вон Войтц. Он все еще слепо пялился в потолок. «Я давно смирился. Просто доказательство верности, если не поздно.»

«Вам нечего доказывать, лорд генерал.»

«Хнх. Поздно. Всегда так темно в этот час. Я знал, что когда дойдет до меня, это произойдет в медленные часы--»

Вялость смягчила его лицо и тело, жестокость боли избавило забвение.

Он умер.

Ночь была ужасно темной.

В маленькой комнате парового завода Плэйд Пэриш, ночной сторож дремал на своей консоли, шевелясь каждый раз, чтобы вытереть слюни, сочащиеся изо рта. Горела единственная лампа, его единственное удобство. Дождь стучал по широким окнам комнаты, размытое пятно струящейся воды.

Нэйд Ойстин появилась у окна, промокшая насквозь и запыхавшаяся. Она закричала ему. Он не пошевелился. Сторожка была запечатанной и звуконепроницаемой от грохота завода, когда его турбины включались каждые два часа.

Она яростно застучала ладонями по стеклу, крича. Ее рот двигался неслышимо. Толстое стекло просто слегка изгибалось в своей раме.

Ночной сторож продолжал спать.

Ойстин попыталась открыть дверь, дергая ее, крича тихие ругательства. Она была закрыта.

Они отступила, сдавшись, и на мгновение уставилась в окно на дремлющего человека. Дождь смыл кровь Роуна с ее лица.

Она подняла свое оружие для подавления беспорядков, залезла в сумку с патронами, и зарядила пробивной заряд. Она отошла назад, почти исчезнув из вида.

Большая вспышка была тихой.

Ущерб – нет. Окно в двери разлетелось с грохотом, похожим на то, как дюжина хрустальных графинов разбиваются о каменный пол. Металлическая дверь треснула в раме и погнулась, ее ручку и замок вырвало одним куском, который пролетел по комнате.

Сторож проснулся от грохота, визжа, моргая и сбитый с толку.

Ойстин пинком открыла разрушенную дверь и вошла внутрь.

Она сердито посмотрела на него.

«Что-- что--» заикаясь произнес он.

«У тебя здесь где-то есть фесов вокс, фесов бездельник,» сказала она. «Где он нафес?»

Солнце встало тридцать минут назад, хотя в половине мира отсюда, в Элтате, все еще был час до рассвета.

Остров Орхидель, плоская скала из продуваемой ветром соли и песчаных пляжей, находился у южного конца Фароппанского архипелага. Немногие приходили сюда. Он было очень далеко от вулканических систем, которые питали драгоценные кузни Урдеша.

Время от времени, сельскохозяйственные лодки проходили мимо, направляясь к богатым, находящимся вне берега цветникам в южном океане во время позднего летнего сезона морских водорослей.

Сейчас не было позднее лето. Ни одна лодка не прошла мимо за последние шесть месяцев.

Небо было чистым, мягкого серо-зеленого цвета. Ни одного облака. Видимость была на десять километров вдоль волнолома. Волны накатывались на широкий, покрытый галькой пляж, затихая на камнях, как и было всегда с самого рождения мира.

В десяти метрах от берега, воздух пузырился со звуком шипящего жира. На несколько секунд, реальность вывернулась наизнанку, и обломки упали на мелководье. С ними поплыл дым. Запах горячей кости, который ветер быстро унес прочь. Мгновение, пляж звенел от эха далекого, визжащего хора.

Затем пространство снова закрылось с грохотом кувалды, взрыв давления был настолько сильным, что море поблизости кратко отпрянуло, обнажая дно с илом и покрытыми водорослями камнями.

Затем море снова рвануло назад, и все стало так, как было раньше.

Оборванная фигура пошевелилась, наполовину затопленная набегающими волнами. Он полз и карабкался по пляжу, волны разбивались вокруг него пересекающимися султанами пены.

Сек остановился, тяжело дыша, на четвереньках, с ногами в воде, кровь текла из его хрипящего рта на гальку. Он был промокшим насквозь, поглощенным болью от своих ран, и ослабленным жесткостью перехода. Его сила уменьшилась до тлеющей золы. Понадобилось все, чтобы вырваться и сбжать в эту отдаленную и неухоженную точку.

Он продолжил ползти дальше, галька хрустела и рассыпалась под его руками. Отползая от воды, он встал на колени, потянулся к спине, и медленно вытащил силовое копье, которое пронзило его торс. Он ахнул от усилий, и уронил оружие на пляж рядом с собой.

На волнах, в метрах от пляжа, плавал Мколл, раскачиваемый набегающими волнами. Он смотрел вверх, в небо. Дневной свет. Рассвет. Он понимал, что должен двигаться. Что ему *нужно* двигаться. Он знал, что пришел сюда, чтобы что-то закончить.

Но его память была пуста. Он не мог ничего вспомнить. Он понятия не имел, почему он плавает на спине в холодном море, или как он появился здесь. Его тело было окоченелым от дикой травмы подпространственного перемещения, процесса, который немногие смертные когда-либо выбрали бы вытерпеть, даже будучи закованными в броню или покрытыми защитными заклинаниями.

Он позволил морю поднимать и опускать себя, снова и снова, успокаивающим движением волн.

Кто-то прошел мимо него, спотыкаясь и плескаясь. Тень заслонила небо.

Майло потянулся вниз и схватился за мундир Мколла, обыскивая его карманы. Он нашел две гранаты. Одна дымовая, которую он отбросил в сторону.

Одна противопехотная.

Он сжал ее, и побрел на берег, сжав зубы, оглушенный и спотыкающийся. Анарх был прямо перед ним, ползущий на четвереньках. Теперь уже не демиург, не возвышающийся бог. Старик в изорванной одежде, раненый в дюжине мест, оставляющий кровавую дорожку на серой и зеленой гальке.

Тяжело дыша, стоя не твердо, Майло добрался до него.

Он схватил Сека за плечо и кинул его на спину. Анарх взвыл и задрожал от боли.

Он посмотрел вверх на Брина Майло.

Майло пристально смотрел вниз.

У старика не было лица. Маленькие глазницы смотрели вверх на Танитского солдата. Под ними, остальная часть его лица была зияющей дырой. Она была окаймлена змеевидными, сочлененными когтями, похожими на крошечные человеческие пальцы. Они дергались, удерживая разевающийся рот широко. Внутри утробы была бесконечная чернота, которую не мог осветить утренний свет. В черноте не было ничего, кроме голоса.

Энкил вахакан, произнес он.

Слова прожужжали в ушах Майло, заставляя его вздрогнуть.

«Ты сказал достаточно,» прошептал Майло. «Ты сказал все, что должен был сказать. Настало время тишины.»

Он упал, широко раздвинув ноги, на грудь старика, прижимая его к гальке. Сек попытался отбиться от него, ударяя его голыми руками.

Майло отводил удары в сторону. Он сжал в кулаке гранату, выдернул чеку, и засунул свою руку в раззявленную пасть.

Сек затрясся, задыхаясь. Волна неоновых света осветила его пустые глазницы. Он сбросил Майло с себя.

Майло тяжело упал, катясь, разбрасывая гальку. Граната выскользнула из его руки, и заскакала по гальке. Он попытался отползти из зоны поражения.

Граната взорвалась. Она выбросила конус огня и дождем разбросала гальку во всех направлениях. Майло наполовину задело взрывом и отбросило, полубессознательного.

Он попытался встать, в его ушах звенело, его голова кружилась. Он рухнул на бок.

Анакванар Сек медленно поднялся на ноги. Потребовались усилия, чтобы встать. Он зажимал свои раны, кровь струилась из ран, которые причинил его враг.

Его пальцы-в-пасти дергались и ерзали.

Он поднял силовое копье. На мгновение, он оперся на него, используя его, как посох, чтобы поддержать свою уставшую массу. Он уставился на павшего воина, который почти убил его. Майло не двигался.

Сек выпрямился. Он поднял копье, и медленно провертел его обеими руками в искусной фигуре вокруг своего тела, что выдавало навыки обращения с оружием, полученные им в ранние годы в качестве дамогора в воинстве Архонта, четыре столетия назад.

Он поднял копье к плечу, древком вверх и за голову, лезвием, направленным вниз, держа руки на нем для опытного удара вниз.

Этот человек умрет первым. Он будет первым знаком возмездия Сека. Последуют другие, один за другим, затем единицы, затем сотни, затем тысячи, затем миллионы.

Он заставит их заплатить за свое поражение. Он заставит приспешников трупа-пророка платить, до тех пор, пока они желают, чтобы те страдания, которые он причинил на Урдеше, увеличивались тысячекратно на их непокорный вид.

Он нанес колющий удар.

Ботинок врезался в его ребра, отбросив его в сторону и заставив задохнуться от боли.

Пришел еще один человек.

Значит, первыми умрут двое.

Сек выпрямился и замахнулся копьем.

Мколл отпрянул назад. Галька ерзала под его ботинками. Копье пронзило воздух. Сек повернулся и перенаправил, расставив ноги, закрутив копье для удара.

Мколл ушел от удара. Он уклонился от следующего замаха. Он низко пригнулся, в боевой стойке, с скзерретом в руке. Не серебряный клинок, но сгодится.

Сек шагнул вперед, нанеся косой удар клинком. Для раненого старика у него была скорость и изящество. У него была сила.

Мколл скользнул в сторону. Когда Сек промахнулся мимо него, он нанес режущий удар своим ножом, и оставил глубокую резаную рану на предплечье Сека.

Сек зарычал. Мколл почувствовал жужжащий рой в своих ушах. Анарх потерял хватку одной рукой, кровь текла по его руке, но он крепко стоял на ногах, и вертел копье с пугающим мастерством, вращая его в правой руке.

Он сделал выпад, затем снова сделал выпад, заставляя Мколла отходить по пляжу от лежащей фигуры Майло. Он возобновил двойную хватку, окровавленные руки скользили по древку копья. Он устремил копье к Мколлу.

Мколл сделал обманный выпад вправо, избегая смертельного удара. Он нанес низкий удар кулаком, ломая ребра, и, пока Сек, согнулся, правой рукой нанес удар и вонзил кинжал в грудь Анарха.

Сек отпрянул назад. Он уронил копье. Воздух запульсировал гудящим шепотом его криков. Мколл продолжил наступать, неумолимо нанеся удары еще два раза зазубренным клинком. Кровь хлестала на его лицо, когда он выдергивал клинок после каждого удара, готовый повторить.

Сек упал на спину.

Шатаясь, Мколл встал на колени, чтобы закончить.

Он подвинул лезвие туда, где должно было быть сердце. Сек дрожал и бился в конвульсиях.

Его правая рука рванула вверх, разбрасывая гальку, и сжалась на горле Мколла. Мколл задохнулся, доступ воздуха был перекрыт. Анарх сжал. Хрупкий неоновый свет загорелся в его темных глазницах.

Сек не собирался умирать. *Он не собирался умирать.*

Катер Холофернэс с самого начала был прав.

Клинок никогда не было бы достаточно. Анарх Сек был магистром. Такой человек, как Оан Мколл, просто смертный человек, никогда бы не нанес такой удар, чтобы прикончить такого монстра, как Анарх.

Зрение Мколл потускнело. Кровь пульсировала в его голове. Удушающая хватка на его горле усилилась. Его мокрая одежда прилипла к нему. Он почувствовал мертвый груз в кармане своей мундира.

Не в состоянии вырваться из хватки, которая убивала его, Мколл отпустил нож и вытащил мину из своего мундира.

Она была последней оставшейся, та, которую они не использовали, потому что ее якорная пластина была сломана и отказывалась присоединяться.

Мколл видел, что пытался сделать Майло. Он воткнул якорную мину в разевающуюся пасть Сека.

Сек задохнулся. Он отпустил. Мколл пополз назад, пиная камни, рыгая и ловя ртом воздух.

Сек скорчился, задыхаясь, пытаясь изрыгнуть мину из своего рта. Он сел, и перекатился на колени, хватаясь за свой рот.

Мина взорвалась.

Грязная ткань и жидкость разлетелись во всех направлениях.

Мколл сел, смаргивая кровь с глаз. Кровь покрыла его и гальку в радиусе двух метров от тела Анарха.

Сек все еще стоял на коленях. Его руки упали ему на колени. От него ничего не осталось выше плеч, дым поднимался от массивной почерневшей раны и обуглившегося обрубка выдающегося позвоночника.

Мколл поднял свои пальцы к губам и послал прощальный поцелуй в насмешку над отдаванием чести Сековцев.

Шепот прекратился.

ДВАДЦАТЬ ОДИН: МНОГИЕ, МНОГИЕ МЕРТВЫ

Люди спасались бегством из дверей часовни в ужасе. Звуки боя и разрушения с этажей внизу были похожи на приближающийся кошмар.

Харк заглянул внутрь, пока люди спешили мимо него.

«Уходим!» крикнул он. «Быстрее! Оно идет сюда! Направляйтесь к западному выходу. На западной площадке боевые кони! Это всеобщая эвакуация! Если не можете добраться до транспортников, выбирайтесь из здания и прячьтесь!»

«Вы его слышали!» прокричал Белтайн. «Не мешкайте!»

Большая часть свиты и другие выжившие, которые набились в часовню, уже сбежали. Оставшиеся были слишком тяжело ранены, или слишком глубоко шокированы, чтобы понять, что происходит.

«Вам нужно уходить!» закричал Белтайн. «Эта тварь убивает, пока продвигается! Оно просто... просто из клинков! Многие, многие мертвы!»

Некоторые из них попытались подняться на ноги и тупо пойти к двери. Они уже безмерно пострадали этой ночью. Им было тяжело осознать, что что-нибудь может быть хуже.

Белтайн направлял их наружу.

«Идите! Идите!» кричал он.

«Забери ее! Бел, забери ее!» закричала Мерити, указывая на старую женщину из свиты, которая тупо смотрела в никуда.

Белтайн подбежал к женщине, и поднял ее на ноги, осторожно направляя ее плечом и рукой.

«Вы тоже, Мэм Часс,» произнес он.

«Мы идем,» отозвалась Мерити. Оставались двое на носилках, без сознания, и слишком раненые, чтобы идти, даже если бы они были в сознании.

Мерити и Фейзкиель направились к ним, пока Белтайн выводил старую женщину наружу.

«Мы не сможем нести обоих,» сказала Мерити.

«Тогда, этого первым,» сказала Фейзкиель. «Мы вернемся за другим.»

Мерити кивнула. «Вернемся? Шанс есть. Ладно, бери этот конец.»

«Я могу помочь,» сказал Мерин.

Они посмотрели на него. Он появился из ниоткуда. Его лицо было желтым от страха.

«Тогда, приведите еще кого-нибудь, капитан,» сказала Фейзкиель. «Еще носильщика, кого-нибудь, и мы сможем унести их обоих.»

«Нет,» сказал Мерин. «Вы берете этого. Я понесу на плече другого. Нечего терять время.»

«Хорошо,» сказала Фейзкиель повернувшись, чтобы взяться за ручки носилок. «Я ценю вашу помощь.»

Мерин кивнул. «Помощь,» пробормотал он. «Точно. В такую ночь, как эта, время помочь себе.»

«Что?» резко бросила Фейзкиель.

Мерин вогнал свой серебряный клинок в спину Фейзкиель. Она ахнула от удивления, и упала вперед, когда лезвие вышло наружу.

Мерити уставилась на Мерина.

«Ох, фес,» произнесла она.

Белтайн осторожно вел старую женщину по отделанному панелями коридору, минуя офицерскую комнату, а затем комнату, где стояли Харк с Лакшимой и Аурбен.

«Выведи ее, Бел,» сказал Харк.

«Выведу, сэр.»

«Все ушли?»

«Почти!»

«Тогда, сам уходи. Мы сделаем остальное.»

Белтайн кивнул, и поспешил дальше. Харк повернулся к своим компаньонам.

«Как мы сделаем все остальное, ваши предложения?» спросила Аурбен.

Харк заворчал. Он протолкнулся мимо них, и вошел в комнату. Медицинскому персоналу было приказано уйти, но Керт все еще ухаживала за Святой. Цвейл сидел поблизости, соединив руки, бормоча молитву.

Орел примостился на спинке кресла.

«Какого феса он делает здесь?» спросил Харк.

«Он не в моем списке приоритетов,» ответила Керт, не отрываясь от своей работы.

«Сюда идет нечто, Ана,» сказал он. «Идет прямо к нам. Мы должны переместить ее.»

«Ну, мы не можем,» сказала Керт. «Она едва держится. Я полагаю, что она лечит свои психические раны, или что-то типа того, но это медленно и неясно. Если мы переместим ее, она умрет.»

«Тогда... тогда мы должны оставить ее,» сказал Харк.

Цвейл бросил на него ядовитый взгляд.

«Абсолютно, нет,» сказала Керт. «Я останусь с ней.»

«Я тоже,» сказал старый священник.

Харк вздохнул. «Я чертовски знал, что вы это скажете,» сказал он.

«Ты тоже не уйдешь, так ведь?» спросил Цвейл.

«Нет,» признался Харк.

Он повернулся назад к дверному проему.

«Мы останемся здесь,» сказал он.

«Я уже запланировала это,» прохрипела Аурбен. В ее руках была ее лазерная винтовка.

Харк кивнул. Он вытащил свое запасное оружие.

«Мы останемся здесь с этим?» спросила Лакшима, с сомнением смотря на малокалиберное оружие.

«Дело не в размере,» сказал Харк. «Нет, я вру. Прямо сейчас, танк был бы хорош. Я чувствую, что у вас есть нечто эффективное в вашем рукаве, инквизитор. И я не имею в виду это метафорически.»

Лакшима подняла свое правое запястье. Свет ламп сверкал на ее богато украшенном браслете.

«Анти-разрушитель,» сказала она. «Ксеносное оружие. Очень маленькое, но размер это не все, как вы сказали. Раньше я думала, что это может остановить все, что угодно. Но я сожгла первое на первую машину,»

«Лучше, чем ничего,» сказал Харк.

Они заняли позиции в дверном проеме. Воющее шуршание клинков приближалось.

Мерити очень медленно пятилась от Мерина. Свечи в часовне дрожали.

«Что ты ей рассказала, а?» прошипел он. Он бросил взгляд вниз на Фейзкиель. «Не беспокойся, я знаю. Я Призрак. Я читаю по губам, чтобы выжить.»

«Какого черта вы делаете?» спросила Мерити.

«Пользуюсь шансом,» ответил Мерин. «Ты слышала Бела. Многие, многие мертвы, как в старой песне. Все нарезаны на ленты. Смерть везде. Кто знает, каким будет последний подсчет тел? Кто знает, как маленькие грязные секреты умрут с мертвыми сегодня ночью?»

«Мерин... Флин...»

«Не Флинкой мне тут,» сказал он. «Ты неплохо меня достала. Но некоторые секреты должны оставаться секретами, понимаешь.»

«Я думаю, что вы, должно быть, сошли нафес с ума, капитан,» сказала Мерити.

«Я думаю, что я в совершенно здоровом уме,» ответил он. «Я рискну. Я быстро бегаю. Маленький серебряный клинок, и мой секрет в безопасности. Я сбегу отсюда, на боевой конь, и уберусь подальше. Что такое еще два трупа в такой кровавой бане, как эта?»

Он сделал шаг ближе. Она попятилась. Он улыбнулся. Ее глаза метались вокруг. Карабин Релф лежал на койке поблизости.

Он увидел, куда она посмотрела.

«Даже *не думай*,» сказал он.

Мерити сделал обманное движение вправо, а затем метнулась влево к койке. Мерин прыгнул к ней, промахнувшись на волосок.

Мерити перекатилась по койке, прямо так, как ее научили в безжалостных базовых тренировках на борту *Армадюка*, когда она была новобранцем по имени Феликс Часс.

Она поднялась, сжимая карабин. Она навела его на него с ухмылкой. Затем ее лицо упало.

Мерин целился в нее. Он схватил пистолет Фейзкиель с медицинской тележки.

«Бросай карабин,» сказал он. «Я бы предпочел сделать это тихо. Люди могут задать вопросы насчет огнестрельных ран.»

«Пусть спрашивают,» сказала Мерити. «Ублюдок.»

Мерин выстрелил. Оружие щелкнуло, пустое. *Я не думаю, что смогу защитить вас снова.* Он вспомнил, как Фейзкиель произнесла это в подвале.

Тупая сука имела в виду, что она использовала все свои боеприпасы.

Он бросился на Мерити, нанося режущий удар боевым ножом.

Карабин взбрыкнул в ее руках. Дульная вспышка была чрезвычайно яркой в сумрачной часовне.

Быстрые выстрелы врезались в Мерина, пронзив его тело шесть раз и оторвав ему руку в локте.

Последние два попали ему в лицо, уничтожая его взгляд возмущенного удивления.

«Оружейный огонь,» прошептал Харк.

«Лазерное,» согласилась Аурбен.

«Это было близко,» сказал Харк. «Звучало близко. Трон, оно должно быть уже поблизости.»

Он бросил взгляд назад на Керт и Цвейла, бодрствующие рядом со Святой. Он почуял, очень слабо, запах ислумбина. Он отнес это на свое отчаянное воображение. Но сама мысль подбодрила его.

«Я могу слышать ее вой,» сказала Лакшима.

«Я сказал вам, что это было близко,» сказал Харк.

«Очень близко,» ответила инквизитор. «Так почему мы не можем видеть это?»

«Что вы мне показываете?» спросила Маршал Тзара сквозь шум военной комнаты, бурлящей активностью, пока комната пыталась перестроить свой стратегический обзор зоны Элтата.

«Захват изображения,» ответил Байота. «Оно только что пришло. Служба вокса получила его две минуты назад, так что я сразу направил его вам.»

«Что это?» спросила она. Она уставилась на изображение на экране. Изображение выглядело, как смазанная карта острова. Графические улучшения компенсировали ночное изображение.

«Ну, это может быть прорыв,» сказал Байота.

«Это остров, сэр,» резко бросила Тзара. «Остров в море. Моя цель – театр военных действий в Элтате. Дайте мне данные на *это!*»

«Пожалуйста, взгляните,» сказал Байота. «Эти изображения были захвачены линкором *Найяд Антитор* во время обычной орбитальной разведки десять минут

назад. Это Остров Колтрайс, конический атолл к западу от Полуострова Элтат, в южном конце архипелага Садимэй. Это мертвый вулкан, пустой внутри. Использовался за прошедшие века в качестве сельскохозяйственного города и безопасной гавани, поэтому его иногда называют Оплот--»

«Ваша настойчивость к деталям наскучила мне вчера, и это надоедает мне сегодня, тактик,» предупредила Тзара. Она продолжала бросать взгляды на начальников станций, которые держали оповещения в воздухе. «Я иду!» крикнула она.

«Посмотрите сюда,» сказал Байота, увеличивая изображение пальцами и улучшая тепловой контраст. «При последней обычной разведке, двадцать часов назад, остров был холодным. Никаких считывание тепла. Никакой человеческой активности. Теперь посмотрите на него, Маршал. Мы думаем, что он был скрыт какой-то формой маскирующего поля или маскировочным устройством, которое недавно отказало.»

«Это тепло?» спросила Тзара, уставившись.

«Точно, шлейф вентиляции.»

«Вулканический?»

«Конус потухший.»

«Так что это?»

«Мы думаем, что это огонь на корабле, мэм,» сказал Байота. «Огонь от двигателя или значительное внутреннее тепловое повреждение.»

«Корабль...» произнесла Тзара. Она нахмурилась и снова уставилась.

«Тихо!» крикнула она через плечо на суету в военной комнате. Шум стих. «Корабль, тактик?» спросила она.

«Да,» сказал Байота. «Если я увеличу снова... вот так... вы здесь увидите тень. Я улучшу контраст. Тень, под выступом края конуса. Это варп-корабль значительного тоннажа. Быстрый крейсер.»

«Он один из наших?» спросила она.

«Мы ждем подтверждения,» ответил он. «Поврежденный корабль мог сбежать, чтобы укрыться там, и был не в состоянии подать сигнал о своей позиции. Но...»

«Но?»

Рука потянулась мимо них, и увеличила спектрограмму на боковой полосе прокрутки главного изображения.

«В этом шлейфе высокие уровни иридиевого матроксона,» сказал Макарот.

«Мой лорд,» сказала Тзара, резко выпрямившись.

«Вы совершенно правы, мой лорд,» сказал Байота.

«Это горит топливо,» сказал Макарот. «Наши корабли сжигают стандартную смесь антиума-беронела. Это вражеский корабль, и он прячется так близко к Элтату, как может.»

«Это он?» спросила Тзара.

«Мы искали ублюдка везде,» сказал Макарот, «а он прячется у самого нашего порога, Маршал?»

«Мой великий лорд?»

«Соедините меня с флотом,» сказал Макарот. «Я хочу вызвать удар уничтожения в следующие тридцать минут и стереть этот остров с лица Урдеша.»

Мерити подняла Фейзкиель, и вытерла кровь с ее лица и рта.

«Луна? Луна?»

Фейзкиель слабо заморгала.

«Это действительно больно,» прошептала она.

Они слышали вой клинков поблизости. Это было очень близко.

«Ой, дерьмо,» прошептала Мерити. «Оно услышало нас. Оно услышало выстрелы. Оно идет.»

«Оставь меня,» сказала Фейзкиель.

«Еще чего!» ответила Мерити. Она попыталась поднять Фейзкиель, но женщина отключилась и стала мертвым грузом.

«Иди *сюда* нафес!» прорычала Мерити.

«Я искал тебя,» произнес голос позади нее.

Мерити с удивлением повернулась.

Это был Далин.

«Ох, спасибо Трону,» сказала она. «Пожалуйста, помоги мне, быстро. У нас мало времени.»

«Папа мертв,» сказал Далин.

Мерити осторожно положила Фейзкиель и встала напротив Далина. Его лицо было бледным от шока. Казалось, что он ранен. Она не могла сказать, где он был ранен, но с его рук капала кровь. Капли капали на пол вокруг его ног.

«Ох, Дал,» произнесла она. «Гол? Он мертв?»

«Папы нет,» сказал он.

«Нам нужно идти, Далин,» сказала она, делая шаг к нему.

«Здесь некуда идти,» сказал он. «Я не понимаю. Я ничего из этого не понимаю. В моей голове просто хаос.»

«Я думаю, что у тебя шок, Далин,» сказала она. «Ты прошел через слишком многое. Если Гол... и Йонси...»

«Она была моей сестрой,» сказал Далин.

«Я знаю. Ты верил в это слишком долго. Мы все--»

«Она *была* моей сестрой,» повторил он.

«Идем, хорошо? Далин? Идем. Ты не в себе.»

«Я не я,» сказал он.

«Конечно, ты не--»

«Я пришел, чтобы найти тебя,» сказал он, «потому что я ничего не понимаю. Больше не понимаю. За исключением того, что я знаю, что я доверяю тебе. Ты мне нравишься.»

«Ты мне тоже нравишься,» сказала Мерити.

«Я думаю, что, должно быть, влюбился в тебя.»

«Ой,» произнесла она. Она улыбнулась. «*Должно быть?*»

Он пожал плечами, без выражения.

«Я хочу понять,» сказал он. «И *ты* знаешь.»

«Знаю что?»

«Ты знаешь, на что это похоже,» сказал он. «Скрывать себя. Скрывать *настоящую* себя. Скрывать это внутри и выглядеть, как кто-то другой.»

«Это?» сказала она. «Ой, это была просто игра. Это было несерьезно, и я сожалею об этом.»

Мерити повернулась к Фейзкиель. Далин схватил ее за руку. Его хватка была странно сильной.

«Ой,» произнесла она от удивления. «Отпусти меня, Далин.»

Он не отпустил.

«Больно. Пожалуйста, отпусти меня.»

Он убрал хватку.

«Я не хотел причинить тебе боль,» сказал он. «Я не хочу никому причинять боль. Но Папа мертв, и я потерял его голос. Он говорил мне, что делать. Он все мне объяснил.»

«Некоторые вещи... они не могут быть объяснены,» сказала Мерити. «Жизнь жестока и тяжела. Она несправедлива. Ты просто делаешь то, что можешь.»

Он на мгновение задумался.

«Различие,» сказал он. «Различие между мной и тобой. Ты знала, что ты скрывала. Ты делала это с целью. Я никогда не знал. Я совсем никогда не знал. Я никогда не знал, что скрываю.»

«Я не понимаю, Далин,» сказала она.

«Папа мертв,» сказал он. «Он не сможет объяснить это. Я подумал, что ты сможешь. Но ты тоже не можешь.»

Он поднял свою левую руку. Она была пропитана кровью.

Меч пронзил его сзади. Далин пошатнулся вперед, почти разрезанный пополам. Его лицо осталось невыразительным. Гаунт снова рубанул, прорезая внешнюю оболочку тела Далина мечом Иеронимо Сондара. Он ударял методично и без жалости, пока искалеченный Призрак не упал на пол.

Мерити завизжала. «Трон! Прекрати! *Прекрати!* Какого феса ты делаешь? *Какого феса ты делаешь?*»

«Отойди,» сказал Гаунт. «Отойди подальше. Он уязвим на минуту. Он хотел поговорить, так что его защита спала.»

«Ты *убил* его!» закричала она. «Ты нафес нарезал его на *ленты*--»

«Смотри!» прошипел Гаунт.

Она посмотрела.

Крови не было, за исключением крови, которая пятнала руки Далина. Глубокие порезы на его теле не показывали ничего, кроме странных, темных полос, похожих на темные металлические листы, соединенные вместе. Кончики его пальцев на обеих руках были разделены, как будто они разорвались изнутри. Блестящие точки, как кончики лезвий ножниц, выдавались из расползшейся кожи.

Его глаза все еще были открыты. Глухой желтый свет, похожий на неоновую пульсацию, мерцал внутри его разрубленного торса.

«Ох, Трон,» прошептала Мерити.

«Инквизитор?» позвал Гаунт. Лакшима вошла в часовню с Харком и Баскевилем позади. Баскевиль осторожно отвел Мерити в сторону. Она пристально смотрела на Далина в полном недоумении.

«Это был риск, мой лорд,» сказала Лакшима.

«Шанс,» ответил Гаунт. «Его защита была опущена. Пожалуйста, пока он все еще бездействует. Самовосстановление быстрое и тревожащее.»

Лакшима кивнула. Она вытянула свою правую руку.

«Отвернитесь,» сказала она.

Разрушитель произвел высокотоновый вой. Постоянный, толщиной с карандаш, луч слепящей розовато-лиловой энергии вырвался копьем из ее запястья и вонзился в тело Далина Крийда.

Она держала его включенным почти минуту, пока не осталось ничего, кроме золы и хлопьев пепла, похожих на сажу в пустом камине.

ДВАДЦАТЬ ДВА: ПОБЕДА

«Куда вас ранили?» спросил Маббон.

«Не важно,» сказал Роун.

«Ты *ранен?*» спросил Варл.

«Я сказал, что это неважно,» сказал Роун.

Они пробирались сквозь дождь, мимо тихих рокритовых блоков завода.

«Важно,» сказал Маббон. «Вы едва можете идти. Дайте мне посмотреть.»

«Отвали от меня,» сказал Роун.

«Ох, фес, Эли,» сказал Варл. «Посмотри на себя. Я не понимаю, как ты все еще стоишь. Почему ты не сказал?»

«Потому что это то, что случилось, и мы ничего не сможем с этим поделать,» сказал Роун.

Он посмотрел на них. Его лицо было бледным. Ему пришлось прислониться к стене, просто чтобы стоять прямо.

«Ты даже не можешь поднять эту пушку,» тихо сказал Варл.

«Я смогу, если придется.»

«Вы знаете, что они могут чувствовать кровь,» сказал Маббон.

«*Теперь* уже знаю,» сказал Роун.

«Не важно,» сказал Маббон. «У них все равно уже есть наш запах. Пот, феромоны, страх. Но кровь всегда самая сильная.»

«Нам нужно просто продолжать двигаться и прятаться,» сказал Роун. «Вот и все. Ойстин доберется. Я знаю, что она сможет.» Он попытался выпрямиться, но не смог.

«А если нам придется сражаться?» спросил Варл.

Роун протянул свою лазерную винтовку Маббону.

«Бери это,» сказал он.

«Нет,» сказал Маббон.

«Ради феса!» прорычал Роун.

«Я больше не хочу сражаться, Роун,» сказал Маббон. «Я сражался за слишком много сторон. За слишком много причин. Ни одна из них не имела смысла для меня. Так что, вместо того, чтобы давать клятву другим, я дал одну себе. Я больше не буду сражаться. Я думаю, что это единственное обещание, которое я могу сдержать.»

«Извини меня, фегат,» сказал Роун. «Ты едва ли тот, чтобы давать лекцию о принципах. Ты фесов предатель.»

Маббон посмотрел в сторону.

«Но ты сражался за нас,» сказал Варл. «В конце, ты пришел к нам. Пересек линию.»

«Не для сражения,» сказал Маббон. «Даже если бы вы позволил мне.»

«Ты пришел помочь нам победить,» сказал Варл. «Помочь нам прекратить войну. Это то же самое!»

«Нет, это совершенно другое,» сказал Маббон.

«Ладно, я повидал некоторые вещи,» сказал Роун, гримасничая. «Теперь я встретил единственного фесового возражающего пацифиста во всей этой фесовой галактике.»

Внезапно, Варл подал сигнал. *Движение.*

Они поспешили к краю рабочего ангара.

«Что-то,» прошептал Варл.

Объект ударил по стене позади них и отскочил на землю. Граната раскачивалась, как яйцо, пока катилась.

Варл бросился на Маббона, отбросив его в сторону. Роун попытался отпрыгнуть в другую сторону.

Взрыв произвел глухой и пустой звук в дожде.

Роун обнаружил, что лежит на боку, щекой к мокрой земле. Он не мог двинуться. Прошел почти час с тех пор, как его ранили во дворе Лагеря Зенос. С тех пор он истекал кровью, и он понимал, что потеря была серьезной. Он был слишком слаб. Слишком слаб для всего. Его воля была сильной, но его тело сдавалось.

Он чувствовал, как соскальзывает в темное место, чтобы избежать которого он сражался всю жизнь.

Маббон пошевелился, и поднялся на ноги. Маленькие кусочки шрапнели порезали его лицо.

Роун лежал, скрючившись, слева от Маббона. Варл лежал справа от него. Сержант закрыл Маббона своим собственным телом. Маббон увидел кровавые раны от шрапнели и опаленную одежду на спине и ногах Варла. Он лежал лицом вниз, и все еще дышал, но взрыв бросил его на стену и он потерял сознание.

Маббон увидел две фигуры, приближающиеся в дожде. Они шли бок о бок, без спешки. У одного была лазерная винтовка, у второго в руках ничего не было.

Маббон вздохнул. Он потянулся вниз и поднял оружие Варла, затем вышел вперед, чтобы встретит их.

Роун видел три фигуры. Он не мог говорить. Он видел их боком, мир повернулся на ребро. Он попытался двинуться. Ни одна часть его тела не ответила.

Но он мог слышать их разговор. Как и Оан Мколл, он бы не выжил год на Гереоне не научившись вражескому языку.

Маббон стоял лицом к лицу с двумя Кимурахами, дождь струился по его лицу. Он держал оружие низко, к своего бедра, наведя на них.

«Хадрел. Жахар.»

«Фегат,» сказал Хадрел.

«Гранат больше нет?» спросил Маббон.

Хадрел пожал плечами, его руки были пусты.

«Ресурсы ограничены,» сказал он. Его глаза мерцали желтым и его когти трещали, пока удлиннялись в крюки. «Но нам не нужны боеприпасы.»

«Теперь будешь сражаться с нами?» спросил Жахар, с поднятой винтовкой.

«Я бы предпочел не делать этого,» сказал Маббон. «С меня достаточно. Если бы все зависело от меня, я бы подчинился вам с самого начала. Но вы угрожали этим людям, и я не позволю вам убить их.»

«Что они для тебя значат?» усмехнулся Жахар.

«Ничего,» сказал Маббон. «Даже не друзья. Но они защищали меня своими жизнями. Я им задолжал столько же. Позвольте им жить, и я пойду с вами.»

«Хорошо,» сказал Хадрел.

«Ты так легко лжешь, Хадрел,» сказал Маббон.

«Я знаю,» ответил Хадрел. «Но ты знаешь ложь намного лучше, чем я.»

Он сделал шаг вперед.

Маббон поднял винтовку Варла в быстром, предупредительном жесте, подстраивая подствольную трубку.

«Ближе не подходи,» сказал он. «У вас есть винтовка, и у вас есть когти. У меня есть гранатомет. Переделанные благословлены и сильны, но это сделает месиво из вас обоих на близком расстоянии.»

«В самом деле,» оскалился Жахар. «Если бы он работал.» Он посмотрел на оружие Маббона. «Я отсюда могу видеть, что механизм заклинило.»

Маббон был прекрасно осведомлен об этом. Труба гранатомета погнулась, когда взрыв ударил его о стену. Он заметил это в тот момент, когда поднял.

«Ладно,» сказал он. «Блеф мог сработать.» Он отбросил винтовку в сторону.

«Я хотел знать, почему,» сказал Хадрел.

«Все из нас хотели,» сказал Жахар.

«Почему ты сменил сторону, Маббон?» спросил Хадрел.

Маббон рассмеялся. «Я устал объяснять. Я не должен вам никакого ответа, ни вам, ни кому бы то еще. Я закончил с войной.»

«Но ты встал на *их* сторону,» сказал Хадрел.

«Ради камней, больше ничего,» сказал Маббон.

«Но они – всё,» сказал Хадрел. «Анарх сказал нам это. Энкил Вехк. Уверенная победа, а ты принес их к ним.»

«Ключ орлиных камней – это мерзость,» сказал Маббон. «Вы знаете, что он делает. Я закончил с войной, а это величайшее уродство, которое построила война. Я не могу остановить этот крестовый поход, эту бесконечную кровавую резню, но я думал, что, возможно, смогу остановить это.»

«Отдав это им?» спросил Жахар. «Вождам трупа-пророка? Как вот это не принимать чью-то сторону?»

«Анарх знает, что делает ключ,» сказал Маббон. «Он знает, куда забрать его и как он работает. Но люди Трона, они ничего не знают. За исключением того, что ключ ценный, и должен находиться подальше от вас. Если они завладели им, они будут охранять его. Удалят его из Миров Саббат. Будут держать подальше от вас, так что он не будет никогда использован.»

«Они изучат его секреты,» сказал Хадрел.

«Я в этом сомневаюсь. Такая старая вещь, такой вергохт? Они никогда не разгадают это.» Он посмотрел на них. «Они не узнают, как воспользоваться им, но они будут держать его в безопасности, так что Сек никогда не сможет использовать его.»

«Великий магир получит ключ к рассвету,» сказал Жахар.

«Когда его голос снова заговорит, это будет для того, чтобы сказать нам, что ключ возвращен,» сказал Хадрел. «Коррод был послан.»

Маббон осел. «Значит, все было напрасно,» пробормотал он.

Дождь стучал вокруг них.

«Это все было ради победы,» сказал Хадрел. «Это было то, чему ты когда-то радовался. Почему это изменилось?»

«Это изменилось, потому что я был хорош в этом,» сказал Маббон. «Как сирдар, как дамогор, как этогор. Я возвышался и завоевывал. Я сжигал миры. Я был чемпионом войска Сека, внушенным истинами Анарха.»

Он посмотрел вниз на землю и смотрел, как капли дождя танцуют вокруг его ног.

«Он был доволен моей службой. Так приятно перевести человека на свою сторону и сделать из него решительного врага для другой. Поэтому он наградил меня. Он одарил меня высшей наградой за мою службу.»

«Благословением,» сказал Жахар.

«Проклятием,» сказал Маббон. «Это позволило мне увидеть истину. Безумный ад имматериума и тех богов, которые обитают в нем. Я видел их всех. Я видел лично. Я увидел, как он изменил меня. Я увидел, что он из меня сделал. Этого было достаточно. Я отвернулся от войны навсегда.»

Он спокойно посмотрел на них.

«Уходите,» сказал он. «Этого не должно произойти.»

«Мы не уйдем,» сказал Хадрел. «Ты – фегат, и ты умрешь. Ты и те, кто защищал тебя.»

Маббон выдохнул, долгий медленный выдох.

«Я не позволю вам навредить им, даже если это означает, что я нарушу свою клятву. Я нарушил множество, так что я полагаю, что в конце это не важно. Последний шанс, сирдар магир. Уходите, и я позволю вам жить.»

Жахар выстрелил. Лазерные заряды врезались в бок Маббона и отбросили его назад. Он все равно рванул вперед, бросившись в поток выстрелов, вздрагивая от каждого попадания.

Он вырвал винтовку из рук Жахара, и отправил Кимураха в воздух ударом кулака. Когда Хадрел приблизился к нему, Маббон развернулся и врезал винтовкой по лицу Хадрела.

Жахар прыгнул к нему. Маббон отбросил сломанную винтовку в сторону и встретил атаку Жахара ударом кулака, который сломал зубы. Жахар отшатнулся.

Маббон прыгнул к нему. Одежда фегата была изорвана лазерным огнем. Плоть на его груди пузырилась и истекала желтой кровью.

Неоновое тепло закипело в его усталых, пустых глазах. Его пальцы изогнулись. Кости затрещали. Плоть разорвалась и из нее выросли когти.

Он нанес удар Жахару, который резко развернул в сторону голову Кимураха и послал желтую кровь в воздух. Хадрел врезался в него, глубоко вонзая когти глубоко в грудь и спину Маббона. Желтая плазма хлынула из ран.

Маббон сцепился с Хадрелом, сила к силе, конечности сомкнуты. Он заставил сирдара отступить, их руки были переплетены. Жахар врезался в них, вонзая когти и зубы в бок Маббона.

Маббон резко повернулся, отбросив Хадрела. Он отбросил Жахара ударом левой руки, затем разорвал своими когтями горло Кимураха. Жахар упал на колени, сжимая вскрытую шею, из которой хлестала пенящаяся желтая жидкость.

Маббон схватил его голову обеими руками, повернул, и оторвал ее.

Труп Жахара упал вперед.

Маббон шатался, побитый и истекающий кровью. Хадрел снова был на ногах.

«Ты всегда был лучшим из нас, Маббон,» прошипел он. «Настолько благословенный.»

«Я никогда не просил об этом,» сказал Маббон. Он сплюнул желтую кровь, его неоновые глаза горели. «Я никогда не хотел этого. Но он *все равно* благословил меня.»

Они столкнулись, как атакующие быки, раздирая когтями, и отрывая друг у друга плоть с яростью демонов.

Его зрение опять посерело. Роун смотрел, как они оба упали в дожде, спутанные и разорванные на части, соединенные вместе в последнем объятии.

Никто из них снова не поднялся.

Его зрение отказало.

Когда оно вернулось, на краткий момент, холод вечности был в его костях. Он мельком увидел свет, ослепляюще яркий в дожде, пульсирующий зеленым и красным. Он слышал пронзительный двигатель лифтера. Он слышал голос Ойстин, кричащий его имя.

Зовущий его вернуться.

И на этом все.

ЭПИЛОГ: НЕДЕЛЕЙ ПОЗЖЕ

Холодный дневной свет струился в окна храма. Харк вошел в комнату, пустой рукав его кожаного мундира был аккуратно приколот. Онабель придержала дверь открытой для него. Он кивнул ей с благодарностью, и она повернулась и захромала прочь очень медленно с помощью трости. Ее раны не были физическими, но для их лечения потребуется много времени.

«Комиссар,» сказала Лакшима. Она ждала. Ее мантия была свежей и чистой, но он отметил, что она не починила свою золотую аугментику. Полированные поверхности ее лица и тела были покрыты трещинами и поцарапаны. Возможно, у нее не было времени, подумал он, или, возможно, она выбрала оставить шрамы так, как есть.

Так много раз можно было починить себя.

«Как вы?» спросил он.

«Достаточно хорошо,» сказала она. «А вы?»

Харк кивнул. Последовала тишина.

«Никто из нас не хорош в светских беседах,» заметил он. Она наклонила голову, соглашаясь.

«Вы пришли, чтобы получить мой доклад,» сказала она.

«Лорд Исполнитель ожидает его с интересом.»

Она подняла жезл актуатора, и экран загорелся. На нем показались детализированные изображения четырех орлиных камней, лежащих рядом друг с другом.

«Ваш Майор--» Лакшима сделала паузу и сверилась со своим планшетом.

«Петрушкевская--»

«Паша,» сказал он.

«Она доставила возвращенные камни во дворец под охраной,» сказала Лакшима.

«Ордос получил их. Четыре были возвращены неповрежденными.»

Она переключилась на другое изображение. Это показывало четыре остальных формы, разбитых на фрагменты, обожженных и потрескавшихся, их древние узоры были едва видимы.

«Остальные четыре камня были возвращены Сержантом... Ифваном. Они были подвержены интенсивному горению. Огнемёт, я так понимаю. Они были значительно повреждены и не полностью собраны, и многие детали потерялись. Их, так же, доставили, и ученые уже сейчас работают над восстановлением и реконструкцией.»

«Это будет возможно?» спросил Харк.

«Трудно сказать,» ответила она. «Трудно реконструировать что-то, когда ты не знаешь, что это такое. К тому же, все сканированные детали и аналитические данные, сделанные после первого возвращения, были потеряны, когда Механоядро Четырнадцать было разрушено до основания. В ЭМ Четырнадцать были единственные копии данных, потому что они считались слишком деликатными. Машинная чума – *Берсерк* – уничтожила их все.»

«Значит... еще не все кончено?» сказал Харк. «Я думал, что такое может быть. Лорд Исполнитель будет особенно заинтересован в том, чтобы камни были в безопасности.»

«Они в центральном хранилище корабля *Потоп*,» ответила она, «и эта информация, кстати, несет вермильоновую классификацию. Согласно указаниям Лорда Исполнителя, безопасность и изучение Глифотека в руках ордоса. Культ Механикус не будет вовлечен.»

«Как я понимаю, это едва ли их ошибка,» сказал Харк.

«Адепты потерпели неудачу,» резко сказала Лакшима. «Их безопасность была недостаточной. Мы получили несколько официальных петиций от Механикус, требующих, чтобы мы передали объекты им, или, по меньшей мере, позволили им полное участие в их анализе. Они желают, я полагаю, узнать, что может быть настолько ценным, что стоило им целого Механоядра. Эти петиции были отклонены. Это может быть пересмотрено. Это не мой выбор.»

Харк откинулся на стуле и уставился на изображения.

«Мы знали, что они были важны,» сказала Лакшима. «Что представляют большую ценность для Архиврага, по меньшей мере. Я бы предпочла объяснение, что они имели ритуальное или культовое значение, но Сек направил все, что у него было, на их возвращение. Как мне кажется, это предполагает, что у камней больше стратегическая функция.»

Харк кивнул. «У нас есть слухи, подтверждающие это,» сказал он. «Доклад с поля той ночью. Воины Архиврага обсуждали предназначение камней. Этого мало, но, кажется, что они оружие, или ключ к оружию. Устройство ксеносов. Нечто, настолько чудовищное, что даже они трепетали перед этим. Но что-то, что может использовать *любая* сторона.»

«Ксеносное?»

«Так мы понимаем. Используемое слово было 'вергохт'». Простите мое произношение. Мне сказали, что это означает *чужое, запрещенное, или против естественного порядка*.

«Это все?» спросила она.

«Да,» сказал он. «Это начало. По крайней мере, это указывает нам направление.»

«Но эти полевые данные, они надежны?» спросила Лакшима.

«Источник безукоризненный,» ответил Харк.

Лакшима выключила дисплей. Оба встали.

«Я передам ваш доклад Лорду Исполнителю,» сказал он.

«Если потребуется что-нибудь еще, я для него всегда на связи,» ответила она, «и свяжусь с его офисом сразу же, если всплывет что-нибудь новое.»

Она проводила его до двери.

«Передайте ему мои наилучшие пожелания,» сказала она. «Я, так же, хочу передать свои соболезнования по поводу потерь вашего полка.»

«Да?» спросил он.

«Конечно.»

«Просто абстрактная банальность, я уверен,» сказал он. «Вы говорили мне, что не чувствуете, и я верю в это.»

«Я не полностью бесчувственная, Виктор,» сказала она. «Пока еще нет, по крайней мере.»

«Тогда, я передам их ему,» ответил он. «У меня есть ощущение, что, с данного момента, мы будем тесно работать какое-то время.»

«С нетерпением жду этого,» сказала она. «Несмотря на все, что произошло, мне понравились наши отношения.»

«Наши рабочие отношения?» спросил он.

«А есть другие?» ответила она.

«Я не в курсе,» сказал Харк. Он улыбнулся. «Хорошего вам дня, инквизитор.»

Бан Даур подвигал лампой. На этот раз ошибки не было. Он мог слышать всхлипы. Плакала женщина.

Он встал, оставив свою бутылку с водой и паек на полу, и пошел по коридору, держа лампу высоко. Сводчатый подвал был пуст и тих.

Он не осмелился выкрикнуть ее имя.

Он снова слышал рыдания. Его сердце начало биться быстрее. За стеной? Стены уже раньше двигались, хотя теперь они казались мертвыми, твердыми и инертными.

Он шел на звук.

Он нашел ее в зале, который служил центральным размещением. Она сидела на куче каменных блоков и камней там, где сводчатый потолок провалился внутрь. Узкий луч дневного света светил на нее, пробиваясь сквозь дыру на Шестиугольном Дворе наверху.

Его сердце упало.

Он забрался наверх и сел рядом с ней, расположив лампу у своих ног.

Она бросила взгляд на него. Он был грязным. Он не мылся несколько дней. Он не выходил из подвала, несмотря на прямые приказы. Он ел только потому, что Халлер и Баскевиль приносили ему пайки.

Парадная униформа Тоны Крийд была безупречно чистой.

«Я не хотела потревожить тебя,» сказала Крийд, вытирая глаза. «Это просто первый шанс, который у меня появился, чтобы спуститься сюда. Чтобы увидеть.»

Даур кивнул.

«В этой комнате, так ведь?» спросила она.

«Да,» сказал он.

Люди умирали в каждой комнате старого сводчатого подвала. В каждой. Они, так же, погибали толпами в Урдешском Дворце наверху. Но здесь, в этой комнате, погиб Гол Колеа, и погибла Йонси, и Далин—

--перестал был Далином.

«Мне просто нужно было увидеть это,» сказала она.

«Я понимаю.»

«Я в недоумении,» сказала Крийд. «Они были моими так долго. Я вытащила их из верной смерти. Я никогда... я никогда, даже на мгновение, не представляла, что--»

«Конечно, ты не представляла,» сказал Даур. «Он был умным, и он делал умные вещи. Изобретательные трюки, которые обманывали всех. Мы поняли это в Улье Вербун. Просто никто из нас не мог предположить, насколько продуманными они могут быть.»

«Они не были трюками для меня,» сказала она. Она медленно, успокаивающе вдохнула. «Я не знаю, что буду делать без--»

Она остановила себя и метнула на него взгляд, пристыженная.

«Прости,» сказала она. «Фес, прости, Бан. Это было глупо говорить.»

Он покачал головой.

«Это было честно,» ответил Даур. «Мне жаль, что это случилось с тобой.»

«Ты...» спросила она. «Ты совсем не нашел никаких следов?»

«Нет,» сказал он. «Ничего. Я думал, что смогу найти что-нибудь, что сможет... сможет остановить меня от поисков. Но здесь ничего нет. Я просто не могу избавиться от мысли, что она все еще здесь. Где-то за стеной. Просто закрыта складкой реальности. В ловушке на другой стороне, но жива и цела и ждет. И все, что мне нужно делать, это искать достаточно хорошо.»

Он затих.

«Я обманываю себя, я знаю,» тихо сказал он. «Это просто что-то, за что можно зацепиться.»

Он посмотрел на нее.

«Почему ты так одета?» спросил он.

Тона бросила взгляд на свою официальную тесьму и подтянутые линии.

«Там парад,» сказала она.

«Фес.»

«Я знаю. Фесов парад. Очевидно, это правильная вещь, которую нужно сделать. Выказать уважение и благодарности. Как мертвым, так и живым. Я должна быть там. И я собираюсь опоздать.»

«И тебе плевать?»

«Фес, нет.»

Она оглядела темные стены. Тени были просто тенями.

«Это мой парад,» сказала она.

Она посмотрела на него.

«Ты когда-нибудь выйдешь отсюда?» спросила она.

«Наверное, им придется вытащить меня отсюда,» сказал Даур. «Я не думаю, что когда-нибудь смогу уйти.»

«Бан, я думаю, что теперь здесь только призраки,» сказала она. «Ты не сможешь прожить свою жизнь в компании только призраков.»

Он посмотрел на нее и почти улыбнулся.

«Да, я только что услышала себя,» сказала Крийд. «Фес, сегодня я могу говорить только глупые вещи, да?»

Он взял ее за руку и крепко держал.

Они ждали его снаружи его жилища в своих черных одеждах, но он прошел прямо мимо них, когда вышел. Его охранники Сционы, все недавно назначенные, непривыкшие к его привычкам, бросились за ним.

«Мой лорд?» позвал Баскевиль. Он с Пашей подхватили свои парадные мечи и побежали, чтобы догнать его. «Мой лорд, скоро начнется,» крикнул Баскевиль.

«Я знаю,» сказал Гаунт, все еще быстро шагая. Его собственная униформа, хотя и очень простая, была совершенно впечатляющей. «Мне сначала нужно нанести визит.»

Внезапно, он остановился, и повернулся к ним. Сционы затормозили.

«Они ожидают, что я напишу речь,» сказал он двум ротным офицерам. «Обращение. Какого феса вы бы сказали? После всего?»

Баскевиль пожал плечами.

«Нечего сказать,» согласилась Паша.

«Я знаю,» сказал Гаунт. «Мы победили. Мы выжили. Слишком многие нет. Спасибо вам, что пришли. На террасе есть напитки.»

«Это должно помочь,» сказал Баскевиль.

«Вон Войтц был хорош в этом,» сказал Гаунт. «Он мог раскрутить зажигательное обращение. Как ублюдок.» Он затих и уставился в пол.

«Сэр--» начал Баскевиль.

Гаунт поднял взгляд.

«Да, вы пришли найти меня,» сказал он. «Чего вы хотите?»

«Мы пришли *пригласить* вас,» сказал Баскевиль.

«Большое у-ху начинается,» сказала Паша. «Может быть, вы, мmmm, *опаздываете?*»

«Считайте, что я приглашен,» сказал Гаунт. «Скажите им, что я иду.»

Они отдали честь.

Он повернулся, затем снова повернулся к ним.

«Нахер парад,» сказал он. «Это все ради шоу, и мертвые не смогут услышать ничего из этого. Я хочу похвалить вас обоих, здесь и сейчас. Лицом к лицу, не на параде. Танитский Первый отличился. Вы оба не дрогнули перед лицом... лицом... *феса!* Мои благодарности. Я хочу, чтобы вы передали мои признательность и восхищение всем в полку. Сделайте это лично. Выразите мое высочайшее уважение.»

«Да, мой лорд,» кивнул Баскевиль.

«Процесс очень медленный,» добавил Гаунт, «из-за всей этой красной ленты и бумажной работы, но последуют награждения. Упоминания за славу и героизм. Удивительное число. Вы знаете, кто. Возможно, я смогу ускорить этот процесс. Должно быть легче опубликовать благодарности теперь, когда Танитский Первый является официальной бригадой сопровождения Лорда Исполнителя.»

«Да?» спросил Баскевиль.

«Макарот согласился на это этим утром,» сказал Гаунт. «Вы будете ядром, на котором я построю свою армейскую группу, Баск. Ваши обязанности изменятся. Отныне они могут стать очень церемониальными.»

«Церемониал – это хорошо. Очень успокаивающе,» сказала Паша.

«Здесь будет новый знак отличия,» сказал Гаунт, указывая на свой воротничок. «Я не знаю, что еще. Мы разработаем детали. Теперь позвольте мне выполнить это поручение, и я присоединюсь к вам в поле.»

Он сотворил символ аквилы и быстро ушел.

Лазарет, его стены и пол были выкрашены в бледный глянцевый зеленый, занимал целое крыло территории дворца. Гаунт быстро вошел со Сционами позади, и умышленно замедлил свой шаг, чтобы соответствовать тихому спокойствию окружающей его обстановки.

«Останьтесь здесь,» сказал он своим телохранителям. Они повиновались. Сцион Клив еще не находил храбрости, чтобы спорить с ним так, как это делал Санкто. Гаунт задумался, восстановится ли Санкто когда-нибудь настолько, чтобы вернуться к своим обязанностям.

Он задумался, захочет ли он этого когда-нибудь.

Он шел мимо комнат, где медицинский персонал ухаживал за ранеными из свиты, Танитцами, и за всеми из других полков и дивизий поддержки, раненых в стремительной атаке. Так много людей, хотя и мелочь по сравнению с количеством убитых. В морге было занято больше лотков, чем было заполнено кроватей в лазарете.

Он дошел до двери охраняемой комнаты. Солдаты из Йованского Авангарда, одетые в полированную хромированную броню, резко встали по стойке смирно.

В комнате было тихо. Здесь был запах антисептика и воска для пола, и очень легкий след ислумбина.

Ана Керт увидела его, и пересекла комнату, чтобы встретить его.

«Есть новости?» спросил он.

«Она все еще спит,» сказал Керт.

Они посмотрели на кровать, где лежала Беати, накрытая газовой материей.

«Это нормально?» спросил он.

«В ней нет ничего нормального,» ответила Керт. «Ее жизненные показатели улучшаются. На ее щеках появился цвет, устойчивые ритмы. Возможно, еще несколько дней.»

Он кивнул.

«Она была истощена до того, как прибыла,» сказала Керт. «После Уреппана. Более истощена, чем она хотела признать. А затем, я думаю, она использовала каждую икру силы, которая у нее осталась, чтобы убить первую машину скорби. Не думала о себе. Нам повезло, что она все еще с нами.»

«Ладно, держи меня в курсе,» сказал Гаунт. «Макарот выразил свою обеспокоенность.»

«Конечно,» сказала Керт. «Разве тебе не нужно присутствовать на смехотворном параде или что-то такое?»

«Да,» сказал Гаунт. «Но я услышал, что он, наконец-то, очнулся.»

«Ранее, этим утром,» сказала она.

«Сначала я хочу увидеть его.»

«Комната в дальнем конце,» сказала она.

Он посмотрел на нее. «Хорошо,» сказал он.

«Ты спас мне жизнь, знаешь ли,» сказала Керт. «В подвале. И не в первый раз.»

«Ты спасала мою, и не раз.»

«Это не соревнование,» сказала она. «Хотя, если бы было, я бы выигрывала.»

«Твой продолжительный долг никогда не будет достаточно возмещен,» ответил Гаунт.

«Это строчка из твоей речи?»

«Да,» признался он.

«Слегка абсурдно,» сказала она.

«Чувствую, что так,» сказал он.

Керт улыбнулась. «Я делаю то, что делаю, потому что это должно быть сделано,» сказала она.

«Люди *продолжают* говорить это,» сказал Гаунт.

«Разве? Кто?»

«Только самые важные люди,» ответил он.

«Ясно,» сказала она. «Я думала, что нужна тебе только из-за моих обязанностей.»

Они затихли. Он неловко огляделся.

«Ну,» произнес он.

«Точно,» ответила она.

«Я пойду и--»

«Ты должен,» сказала она.

Он снял свою фуражку, сделал шаг вперед, и поцеловал ее в щеку. Она стояла очень спокойно.

Он отступил, и надел фуражку.

«Я пошел,» сказал он.

«Я вижу.»

Он повернулся.

Она слегка улыбнулась, пока он уходил.

Цвейл бродил кругами в ближайшей палате, когда Гаунт быстро прошел мимо.

«Он выглядит занятым,» заметил старый священник Бленеру, который согласился составить компанию Цвейлу в посещении лазарета.

«Да,» сказал Бленнер. «Старый добрый Лорд Ибрам.»

«Ну, кажется, что здесь все справляются,» сказал Цвейл. «Идем в следующую палату?»»

Бленнер сопровождал его в коридор, двигаясь медленно, так что он не оставлял шаркающего старика позади.

«Они не позволяют мне принести птицу,» сказал Цвейл.

«Так вы говорили, отец.»

«Я думал, что она сможет поднять настроение людям. Но, о, нет, они говорят, что это антисанитарно. Просто потому, что она срет на пол. Я назвал ее Квил, знаешь ли?»

«Так же информация, которой я обладаю, отец,» сказал Бленнер.

Он остановился и повернулся к Цвейлу. Они были одни в бледном зеленом коридоре.

«Могу я у вас кое-что спросить, отец?» сказал Бленнер.

«Зависит от темы,» ответил Цвейл, нахмурившись. «Я хорош в некоторых вопросах. Как, например, лодки. А, так же, плетение, что я когда-то любил делать. По другим темам, это больше попадания и промахи, если честно.»

«Вина?»

«Ох, да, моё, моё. Это работа священника. Выкладывай.»

«Это--» Бленнер прочистил глотку. «Чисто гипотетически, конечно же. У меня были этические дебаты.»

«С?» спросил Цвейл.

«Простите?»

«С кем были этические дебаты?»

«А, эмм... с другом.»

«Ах, да,» произнес Цвейл, глубокомысленно кивая и стуча по носу костлявым пальцем. «Хорошо его знаю.»

«Итак,» сказал Бленнер, «скажем, что человек сделал... сомнительную вещь. Плохую вещь. Он признался, в поисках отпущения грехов.»

«Так и должно быть,» сказал Цвейл, снова кивая.

«Но его исповедник умер,» сказал Бленнер. «Вскоре после этого. Остается ли... остается ли отпущение грехов? Человек все еще прощен, или бремя остается на нем?»

«Хмम्म,» произнес Цвейл, обдумывая. «Это сложно. Это немного темная область, с философской точки зрения. Вот, что я бы сказал твоему другу, Вэйном. Он, *вероятно*, в порядке. Чист. Его совесть сияющая и чистая. Потому что он признался в своих грехах, понимаешь? Но, просто чтобы быть на безопасной стороне, ну, понимаешь, он должен пытаться быть лучшей фесовой персоной, которой может, до конца своих смертных дней. Понимаешь? Просто, чтобы подстраховаться? На случай, если отпущение грехов не было принято.»

«Понимаю,» сказал Бленнер.

«Он сможет сделать это, как думаешь? Этот друг?»

«Я думаю, он может попытаться,» сказал Бленнер.

«Хорошо,» сказал Цвейл, и снова начал шаркать дальше. «Потому что, скажи ему от меня, что вина – это мелкое дерьмо, которое укусит за фесову жопу и убьет насмерть. Не сомневаюсь в этом.»

Бленнер кивнул. Он вытер рот тыльной стороной дрожащей руки.

«Ты идешь, Бленнер?» позвал Цвейл. «Они должны были разрешить мне принести птицу, вместо тебя, знаешь ли? Птица радуется людям. Я учу ее трюкам. А ты, ты такой же веселый, как пердежь в дредноуте.»

Мерити Часс тоже видела, как Гаунт быстро проходит мимо. Она сидела у кровати Фейзкиель.

«Ты не хочешь пойти и поговорить с ним?» спросила Фейзкиель.

«Он занят,» сказала Мерити. «Позже будет время.»

Луна Фейзкиель кивнула. «Ладно, я ценю визит,» сказала она, «но я не компания. Я очень устала. По крайней мере, здесь чисто. Очень чисто. Очень уютно.»

Она видела, что Мерити все еще пристально смотрит на дверь.

«Ты уверена, что не хочешь пойти и поговорить с ним?» спросила Фейзкиель. «Он – твой отец.»

«Эта работа в процессе,» сказала Мерити.

«Значит, ты очнулся?» сказал Гаунт. Он снял фуражку и сел рядом с кроватью.

«Ага, это было ошибкой,» сказал Роун. «Не болело, пока я был без сознания.»

«Я хотел заглянуть,» сказал Гаунт.

«Я польщен,» сказал Роун. Он был перевязан от горла до паха, и капельницы торчали в его руках. Он выглядел малокровным, с темными кругами вокруг глаз. «Я полагаю, что ты хочешь, чтобы я вкратце пересказал доклад, который дал Харку этим утром?»

«Я прочел его,» сказал Гаунт. «Есть несколько интересных деталей. Я полагаю, что ты уверен насчет использовавшегося языка?»

«Да.»

«И это не были галлюцинации?»

«Хотел бы я так сказать,» сказал Роун.

«Это дает преимущество,» сказал Гаунт, «и ставит некоторые интересные вопросы. Относительно камней, я имею в виду. Что касается Маббона, мы знаем о нем больше сейчас, когда он мертв, чем мы знали, когда он был жив.»

«Он сражался ради меня, это все, что я знаю,» сказал Роун. «Ради меня и Варла. Бесчестно. Как демон.»

«Так я понял,» сказал Гаунт.

«Нет, буквально, как демон.»

Роун откинулся.

«Я слышал, что было интересно,» сказал он. «Харк ввел меня в курс дела. Близко к концу здесь, и насчет группы Паши, тоже.»

«Настолько близко, как и у тебя,» сказал Гаунт.

«Харк говорит, что флот уничтожил какой-то остров. Уничтожил флагман Сека. Теперь фес мертв?»

«Это предположение,» ответил Гаунт. «Его гамбиты провалились. За исключением Маббона. Войско Сековцев почти развалилось за ночь. Те, кто выжил, убегают из системы. Урдеш выигран. Это победа.»

«Значит, *так* это ощущается,» сказал Роун.

Он посмотрел на Гаунта.

«Это правда, то, что я слышал? Колеа?»

Гаунт кивнул.

«И парень Далин, и--»

«Мы многих потеряли. Это тяжело принять.»

«Как всегда,» сказал Роун.

Белтайн появился в дверном проеме.

«Мой лорд,» сказал он.

«Знаю, знаю,» сказал Гаунт, вставая. «Я опоздал.»

«Нет, сэр, вам нужно прочитать это.» Белтайн протянул бумагу с сообщением. «Это было получено только что. Я сразу же принес это вам.»

Гаунт взял лист и прочитал. Затем он поднял его, чтобы Роун тоже смог прочесть.

«Ну,» сказал Роун. «Вот и твое подтверждение. Определенная победа. А что означает эта часть, здесь, внизу? «Казнь исполнена неидентифицированным личным составом Астра Милитарум»?»

Помощник Муниторума направил его к новому Танитскому размещению, как только он вышел с территории посадочной площадки,.

Это была прекрасная группа залов, прямо рядом с Круглым Двором дворца. Солнечный свет в окнах, ряды чистых коек, отдраенный пол.

Место было пустым. Он шел, в чистой, но одолженной одежде, по первому залу, между рядов коек, каждая была с постиранным бельем и заправлена с точностью.

Человек, единственная персона в округе, сидел на койке в конце длинной линии, застегивая на пуговицы свой черный мундир.

Он поднял взгляд.

Он едва отреагировал. Просто вспышка удивления. Мах Бонин поднялся на ноги, разглаживая переднюю часть своей парадной униформы.

«Вот и ты,» сказал он, как будто Мколл только недавно вышел наружу, чтобы покурить. «Парад вот-вот начнется. Я опоздал, как есть.»

Он потянулся вниз и вытащил старый вещевого мешок из-под своей койки. Он бросил его на следующую койку.

«Я придержал это для тебя,» сказал Бонин, как бы между прочим. «Эта койка свободна, так что можешь забрать ее.»

Мколл кивнул. «Нам понадобится еще койка,» сказал он.

«Да ну?» спросил Бонин.

Мколл указал дальше по залу. Брин Майло стоял в дверном проеме. Он выглядел стесняющимся, чтобы войти.

«Где ты его нашел?» спросил Бонин.

«Долгая история,» сказал Мколл.

Сильный ветер дул на Высоком Плацу позади дворца. Суровое солнце горело высоко в небе. Бледные небеса Элтата были чисты от дыма впервые за несколько месяцев.

За годы, вероятно.

Ибрам Гаунт, Лорд Исполнитель, вышел на поле, его камуфляжный плащ развевался позади него. Офицеры рявкнули, и собравшиеся роты резко встали по стойке смирно. Бригады Йованцев, Хеликсидцев, Нарменианцев, Витрианцев, Кейзонцев и толпа блестящих Урдешских полков. С одной стороны, маленькое формирование Танитцев, в идеальном построении. Ряд полевых орудий стоял наготове, чтобы произвести салют.

Гаунт взошел на подиум. Имперский флаг украшал кафедру. Над головой, огромные штандарты раскачивались и хлопали на ветру.

Он кивнул своему почетному караулу, когда шел мимо них, и присутствующим старшим офицерам высшего командования: Уриенцу, Блэквуду, Сайбону, Тзаре и Гризмунду, каждый из которых был в своих официальных униформах.

Гаунт подошел к кафедре. Он вытащил пачку бумаг. Он посмотрел на собравшиеся полки, затем на свои записки. Он сделал паузу, и сделал жест Ладду, который возглавлял почетный караул. Ладд поспешил вперед.

«Мой лорд?» прошептал Ладд.

«Забери это, Ладд,» сказал Гаунт. «Они мне не нужны.»

Ладд взял пачку бумаг, осторожно, чтобы ни одна из них не улетела на ветру.

«Разве это не ваша речь, сэр?» нервно спросил он.

«Это чья-то речь,» сказал Гаунт. «Не моя.»

Ладд пошел назад в шеренгу, запихивая бумаги в карман. Лорды милитанты и старшие офицеры смотрели друг на друга, озадаченные.

«Астра Милитарум,» сказал Гаунт, говоря в микрофон вокса. Его слова прогремели по полю. «Гвардейцы. Меня попросили обратиться к вам сегодня. Чтобы донести благодарности за усилия, которые мы все вытерпели вместе на Мире-Кузнице Урдеш, и чтобы отпраздновать наши успехи здесь. Смерть – это часть этой борьбы, и поэтому трудно праздновать, даже во время триумфа. Я написал речь. Она была дерьмовой, так что опустим над этим занавес.»

Шепот пронесся по полю.

«Это были просто слова,» продолжил Гаунт. «Они звучали фальшиво для меня, так что с уверенностью знаю, что они прозвучали бы фальшиво и для вас тоже. Я слышал достаточно генералов в свое время. Это обычно означало ничего, кроме того, что им нравится звук своих собственных голосов. Вы все знаете, что вы сделали.»

Он сделал паузу. Он залез в свой карман и вытащил бумагу с сообщением, которую ему дал Белтайн. Он начал разворачивать ее.

«Несколько минут назад,» сказал Гаунт в вокс, «мне передали сообщение. Информация была только что получена. Я хочу поделиться содержимым этого сообщения с вами, потому что это будет значит для вас больше, чем любые пылкие слова, которые я могу произнести.»

Он прочистил глотку, читая с тонкой бумаги, которая трепыхалась и хлопала в его руках в перчатках.

«Незадолго до полудня сегодня, Служба Разведки Астра Милитарум подтвердила доклад, полученный вчера от патруля Аэронавтики Импералис в Южной Океанической Зоне. В докладе, который был подтвержден, объявляется, что семь дней назад, на острове, под названием Орхидель, в Фароппанском архипелаге, Анарх Архиврага, известный, как Сек, был задержан и уничтожен отрядом Астра Милитарум.»

Он поднял взгляд. Ветер дул на поле. Знамена хлопали и хлестали.

«Я повторяю,» сказал он, «личность проверена и уничтожение подтверждено. Анарх мертв. Сегодня, мы достигли победы, аналога которой не было со времен Балгаута. Возможно, *победы* в этом крестовом походе. Я чувствую, что это единственная вещь, которую вам нужно услышать от меня сегодня.»

Он отошел от кафедры. Несмотря на ветер, он мог слышать аплодисменты и ликование, которые уже начали распространяться по шеренгам.

Он повернулся, и поманил кивком Рядового Пердэй из почетного караула. Она выглядела настолько нервной и обеспокоенной, что он подумал, что она может упасть в обморок. В своих руках она сжимала старую потрепанную Танитскую волынку, которую он дал ей три дня назад, и с которой она практиковалась с тех пор,

чтобы овладеть начальным уровнем. Мальчик никогда не возвращался, но Гаунт чувствовал, что изначальные Танитские традиции должны быть уважены.

«Рядовой Пердэй?»

«Да, мой лорд,» ответила Ри Пердэй, тяжело сглатывая.

«Теперь ты можешь что-нибудь сыграть,» сказал он.